

Конгресс в Сеуле
Юбилейное
Зодчество
Тойо Ито
Фрэнк Ллойд Райт в
СССР

2017 / 54

востокозапад / eastwest

проект
байкал /
project
baikal

12+

**ФАСАДНЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ**

White Hills

ПРОЕКТИРОВАНИЕ И МОНТАЖ ФАСАДОВ

ДЕКОРАТИВНЫЙ ОБЛИЦОВОЧНЫЙ КАМЕНЬ

**Комплексное решение
для вашего дома!**

Продукт White Hills
Представлен в Восточно-Сибирском
регионе и Забайкальском крае
компанией «Фасадные технологии»

Иркутск, ул. Энгельса, 8, оф. 302
Тел. (3952) 484-184
whitehills.ru
<http://prostore.guru/katalog/whitehills/>

*Я в географии слаб,
но, как на заповедь,
ориентируюсь на знак –
востокозапад.*

Андрей Вознесенский, «Морская песенка»

Поэт и архитектор Андрей Вознесенский не придумал слово «востокозапад», но извлек его из полузабвения. Популярный термин эпохи споров западников со славянофилами обсуждается в трудах С. Булгакова, Е. Трубецкого, Н. Бердяева.

Правда, в те времена, около столет назад, под «востоком» понимался в основном мусульманский мир. Знаменитая поэма В. Хлебникова «Дети Выдры», скажем, вся построена на обращениях к стихам Низами. Еще более знаменитая баллада Киплинга (а особенно ее первая строка – в буквальном переводе «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им никогда не сойтись») в обязательном порядке вспоминается, как только заходит речь об отношении восточных и западных культур. Однако и у Киплинга речь идет о столкновении гордых воинов – англичанина и афганца.

Сто лет назад никто и подумать не мог, что самыми динамичными культурами рубежа тысячелетий станут Япония, Корея и Китай.

Большее десяти лет прошло с тех пор, как ПБ обращался к теме СОСЕДИ и рассказывал об азиатских международных связях России в области архитектуры. С тех пор многое произошло. Китай (вторая после США экономика в мире по номинальному ВВП) гигантскими шагами продвигается к цели – стать сверхдержавой к 2050 году; и через три года наверняка достигнет «первой столетней цели», поставленной еще Дэн Сяопином – построит общество «малого благоденствия».

Корея, конечно, как и все в регионе, озабочена ядерными угрозами северной половины полуострова, однако в сентябре успешно провела Конгресс Международного союза архитекторов (110), блеснув звездными именами лекторов и звездными объектами в столице (113–117), а теперь уже считает дни до открытия зимней Олимпиады (9 февраля 2018).

Япония уже давно является великой экономической державой, занимает третье место в мире по номинальному ВВП, а средняя продолжительность жизни японцев рекордная – 84,6 лет и продолжает увеличиваться. Соответственно и японские архитекторы занимают верхние строчки мирового рейтинга и Золотая медаль МСА, полученная Тойо Ито (124) на Конгрессе в Сеуле, – еще одно тому подтверждение.

Архитектура как область творческая плодотворно реагирует на сопрякосновение культур. Запад ищет и находит общий язык с мусульманским миром – Ближним Востоком. Приходит очередь договариваться с Востоком Дальним, буддийским, синтоистским, конфуцианским. Ну что же, будем знакомиться, будем узнавать друг друга в сближающемся мире. И дочитаем Киплинга.

*Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?**

* Джозеф Редьярд Киплинг БАЛЛАДА О ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ (пер. Е. Полонской)

Елена Григорьева

*My geography skills are far from the best,
But wherever I go
I always follow the sign "eastwest" –
The sacred sign I know.*

Андрей Вознесенский, "A Song of the Sea"
The word 'eastwest' was not invented by the poet and the architect Andrei Voznesensky, but was saved by him from forgetfulness. This term was popular in the times of the disputes between Westernists and Slavophiles and was discussed in the works of S. Bulgakov, E. Trubetsky, N. Berdyayev etc.

In those times (about one hundred years ago), however, 'East' mostly meant the Muslim world. For example, the famous poem by V. Khlebnikov "Children of the Otter" has plenty of references to Nizami's poems. When speaking about relations between Eastern and Western cultures, we usually cite an even more famous ballad by Kipling: "Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet". Although Kipling describes a fight between two proud soldiers – an Englishman and an Afghan man.

One hundred years ago it was very unlikely that, at the edge of the millennium, Japan, Korea and China would become the most dynamic cultures.

Ten years ago one of the issues of Project Baikal was devoted to the topic of NEIGHBOURS and concerned international relations in the field of architecture between Asia and Russia. A lot of things have happened since then. China (the world's second largest economy after the USA by nominal GDP) is making rapid progress towards its goal – to become a superpower by 2050. In three years it is likely to reach its 'first centennial goal' set by Deng Xiaoping – it will have built a 'moderately prosperous society'.

Korea, like the whole region, is very much worried about the nuclear threat coming from the northern half of the peninsula. However, it successfully hosted the Congress of the International Union of Architects last September (p.110), with the brightest names of the speakers and the brightest constructions built in the capital (pp.113-117). Now it is counting the days till the Winter Olympics (February 8, 2018).

Japan has been a great economic power for a long time. It is the world's third largest economy by nominal GDP. The average life expectancy of the Japanese population has reached record 84.6 years and is still growing. Hence Japanese architects are at the top of the world ranking. The Gold Medal awarded to Toyo Ito at the Seoul Congress is an illustrative example of that (p. 124).

Architecture as a creative field actively responds to the cultural contacts. West is searching for a common language with the Muslim world, the Near East and finds it. It is time to come to an understanding with the Far East, the Buddhist, Shinto and Confucian worlds.

So let's get acquainted with each other in this world that brings us closer together. And let's read Kipling to the end:

*But there is neither East nor West, Border, nor Breed, nor Birth,
When two strong men stand face to face, though they come
from the ends of the earth!**

* Joseph Rudyard Kipling, The Ballade of East and West

Елена Григорьева

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала издателю Барту Голдхоорну, издательству **А-Фонд**, а также Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.11.2007

учредитель, главный редактор
Е. И. Григорьева
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а

**корректор,
литературный редактор**
Марина Ткачева

верстка
Татьяна Анненкова

перевод
Анна Григорьева,
Анастасия Жмыхова

адрес издателя, редакции
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3952 33-28-39
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

обложка
Гонконг. Фото Сергея Муллаярова

адрес типографии
000 «Типография Принт Лайн»
Иркутск, ул. Сергеева, 3/4
Тираж 300 экз. Заказ
Подписано в печать 11.12.17

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
Периодичность 4 раза в год
Цена свободная
12+

Золотая медаль Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания» / Golden medal of the International Academy of Architecture “Interarch-2009” in “Periodicals” category

54
востокозапад /
eastwest

проект байкал/
project baikal
ISSN 2309-3072
(электронное издание)
ISSN 2307-4485
(печатное издание)

Журнал зарегистрирован в следующих международных системах:

- директория электронных журналов со свободным доступом – **DOAJ** (Directory of Open Access Journals)
- индекс Эйвери для архитектурных изданий – **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- индекс Академии **Google (Google Scholar)**
- **Ulrichsweb** – база данных Ulrich’s Periodicals Directory

- **Open Archives** – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
- Интернет-ресурс **JournalTOCs**
- проект **SHERPA/RoMEO**
- база данных **PKP index**
- с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (**РИНЦ**)

новости	Анна Григорьева	Международные новости архитектуры.....	5
	Елена Григорьева	Юбилейное «Зодчество».....	8
	Эдуард Товмасьян	Дети первого фестиваля «Зодчество» выросли. Идет смена	12
	Елена Булгакова	Конкурсы МИТУ–МАСИ. Опыт конкурсной деятельности в контексте непрерывного творческого образования архитектора	16
	Артём Руденко	Акваларк в Красноярске. Конкурс концепций	20
	Владислав Урванцев	Возрождение достопримечательности Иркутска. Сегодня и завтра Иерусалимской лестницы.....	22
	Константин Лидин	Архитектура в ритме «рок»	24
коротко		XII Всероссийский архитектурный фестиваль «АрхБухта. Интеграция».....	28
		Малые города	28
		ЗВС–18 в Барнауле	29
		АРХИГЕШ–2018.....	29
		Борьба за Дворец (Иркутск)	29
новости		Плитка по ГОСТу.....	30
	Марина Чуфарина	Деревянный Нижний: у точки невозврата	32
востокозапад		33
	Константин Лидин	Сплошные вопросы. К проблеме межцивилизационного взаимодействия Востока и Запада.....	34
		Разговор Елены Григорьевой с Андреем Боковым на тему номера и не только.....	41
	Александр Раппапорт	Запад и Восток.....	44
	Марина Ткачева	Круглый стол «ВОСТОКОЗАПАД»	46
	Ольга Железняк	Дихотомия Восток–Запад: разрывы, взаимодействия, пересечения	54
	Петр Капустин	Запад – Восток: воображение линии.....	66

Special thanks to Bart Goldhoorn and to A-Fond publishing house for their help and support in creating the journal; and to Frank van der Hoeven for his support and website development

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief
E.I. Grigoryeva
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a, Irkutsk, Russia
proofreader,
literary editor
Marina Tkacheva
upmaking
Tatyana Annenkova
translation
Anna Grigorieva
Anastasia Zhmykhova
address of the publisher
and the editorial board
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839,

email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

Cover:
Hong Kong. Photo by Sergey Mullayarov
printed by
000 "Типография Print Line"
Sergeeva Street 3/4 Irkutsk
print run 300
passed for printing: 11.12.17

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial staff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors
quarterly publication
free price

The journal is registered in the following international databases:

- Directory of Open Access Journals (**DOAJ**)
- **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- **Google Scholar**
- **Ulrichsweb** (Ulrich's Periodicals Directory)
- The Open Archives Initiative (**OAI**)
- **JournalTOCs**
- **SHERPA/RoMEO**
- **PKP index**
- Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (**RSCI**) database

12+

Журнал является медиа-партнером международных конкурсов: the American Architecture Prize, Inspireli Awards и Kaira Looor, архитектурного фестиваля «Зодчество» и ряда российских конкурсов. /

The journal is a media partner of the international competitions: the American Architecture Prize, Inspireli Awards and Kaira Looor, Architectural Festival "Zodchestvo" and a number of Russian competitions.

спонсор номера

Китай	Елена Григорьева Константин Лидин	67
	Елена Багина	Острова в океане.....	72
	Елена Дятлова	Китайский общепит в Иркутске	82
	Екатерина Антипина-Тернер	Ходьба по канату: азиатское сообщество в Лондоне.....	86
	Ирина Головицкая Анна Домрачева	Туризм с восточным лицом	90
	Марк Меерович	Китай изнутри: фрагменты дневника.....	94
	Наталья Коваль	Город Шэньчжэнь, Китай	105
	Наталья Коваль	Музей трех предков	108
Корея	Константин Лидин	109
	Елена Григорьева	XXVI Конгресс и Генеральная ассамблея МСА в Сеуле	110
		Женский университет Ихва.....	114
		Комплекс Dongdaemun Design Park and Plaza.....	116
Япония	Константин Лидин	119
	Ольга Смирнова	О японских садах вдали от Японии со сравнениями и случайными совпадениями.....	120
	Герги Станишев	Границы, в которых происходят события.....	124
квартирный вопрос	Кристиан Хорн	Жилой комплекс «Карм Политехник» в сердце Парижа. Энергомодернизация социального жилья в Париже.....	134
наследие	Сергей Зыков	Русское Притомье. Концепция историко-этнографического экспозиционного комплекса	140
	Марк Меерович	Деревянное наследие Томска.....	143
	Брайан А. Спенсер	Фрэнк Ллойд Райт в Советском Союзе.....	144
авторы		161

news	Anna Grigorieva	International Architecture News	5
	Elena Grigoryeva	Anniversary Zodchestvo.....	8
	Eduard Tovmasyan	The Children of the First Zodchestvo Festival Have Grown Up. Their Successors Are Coming	12
	Elena Bulgakova	MITU-MACI Competitions. Participation in competitions in the context of continuous creative training of architects.....	16
	Artem Rudenko	Water Park in Krasnoyarsk. Concept Competition.....	20
	Vladislav Urvantsev	Revitalization of Irkutsk’s Landmark. The today and tomorrow of the Jerusalem Staircase.....	22
	Konstantin Lidin	Architecture to the Style of Rock.....	24
in brief		The XIIth All-Russian Festival “Archbukhta. Integration”	28
		Small Towns	28
		Zodchestvo-18 in Barnaul	29
		ARCHIGESH 2018	29
		Struggling for the Palace (Irkutsk)	29
new		Russian Standard Paving Flagstone.....	30
	Marina Chufarina	The Wooden Nizhny: at the Point of No Return	32
eastwest		33
	Konstantin Lidin	A Pack of Questions. On the problem of intercivilisational relations between East and West.....	34
		A Conversation Between Elena Grigoryeva with Andrei Bokov on the Topic of the Issue and Some Other Topics.....	41
	Alexander Rappaport	West and East.....	44
	Marina Tkacheva	Round Table Discussion on EastWest.....	46
	Olga Zheleznyak	East-West Dichotomy: gaps, interaction, intercrossing	54
	Petr Kapustin	West East: Imagining the Line	66
China	Elena Grigoryeva	67
	Konstantin Lidin	
	Elena Bagina	Islands in the Ocean	72
	Elena Dyatlova	Chinese Catering in Irkutsk	82
	Ekaterina Antipina-Turner	Walking on the rope: Asian Community in London	86
	Irina Golovitskaya	Tourism with the Eastern Face	90
	Anna Domracheva	
	Mark Meerovich	Inside China: fragments of the diary	94
	Natalia Koval	Shenzhen, China	105
	Natalia Koval	The Three Ancestors Cultural Museum	108
Korea	Konstantin Lidin	109
	Elena Grigoryeva	XXVI UIA Congress and General Assembly in Seoul	110
		Ewha Woman’s University by Dominique Perrault.....	114
		Dongdaemun Design Park and Plaza by Zaha Hadid	116
Japan	Konstantin Lidin	119
	Olga Smirnova	On Japanese Gardens Located far away from Japan with Comparisons and Random Coincidences	120
	Georgi Stanishev	The Boundaries Where Things Happen.....	124
housing question	Christian Horn	Carmes Polytechnique, Housing in the Heart of Paris. Energy renovation of a social housing estate in Paris	134
heritage	Sergey Zykov	Russian Pritomye. The Concept for the Historical and Ethnographical Exposition Complex	140
	Mark Meerovich	The Wooden Heritage of Tomsk	143
	Brian A. Spencer	Frank Lloyd Wright in the Soviet Union.....	144
authors		161

Winners of the 2017 American Architecture Prize Announced

The American Architecture Prize (AAP), one of the most comprehensive architecture prizes in the world, has announced this year's winners: the most innovative, creative and inspiring architectural projects from all over the globe. Winners were selected from over a thousand entries from 68 countries in the 41 categories across the disciplines of architecture, interior design, and landscape architecture.

The AAP jury has selected the following three projects as the winners of The American Architecture Prize 2017, and to be awarded the AAP Trophy at the

Winner's Event taking place at the Sky Room at New Museum in New York City on October 27, 2017:

– Architectural Design Of The Year: Hengqin International Financial Center by Aedas

– Interior Design Of The Year: The Attic–Flamingo Shanghai Office by Neri&hu Design and Research Office

– Landscape Design of The Year: Barangaroo Reserve by PWP Landscape Architecture

The winners were selected by a panel of esteemed experts including Peggy Deamer, Professor of Architecture at Yale University; Troy C. Therrien, Curator of Architecture and Digital Initiatives at

the Guggenheim Foundation and Museum; Ben Van Berkel, Principal of UNStudio and Professor at Harvard University Graduate School of Design; Philip Stevens from Designboom, Joshua Jih Pan, FAIA from J.J. Pan and Partners, Leone Lorrimer from dwp | design worldwide partnership, Elisa Burnazzi from Burnazzi Feltrin Architects, Jennifer Siegal from Office of Mobile Design (OMD) and many more. Elena Grigoryeva, vice president of the Union of Architects of Russia, represented Russia in the AAP Jury.

Winners will enjoy extensive publicity showcasing their designs to a worldwide audience throughout the next year, and their designs will be featured in the

AAP Book of Architecture distributed globally.

For more information:
architectureprize.com/

The 4th Edition of the Prix Versailles

The fourth edition of the Prix Versailles has been launched. The Prize recognizes exceptional architecture for commercial edifices and 2018 marks the third international edition of the prize, which has been endorsed by the International Union of Architects and UNESCO.

Submissions to the pre-selection process may be submitted in French or English to the prize secretariat on the site www.prix-versailles.com between now and 11: 59 pm CET on 31 January 2018.

Международные новости архитектуры / International Architecture News

Объявлены лауреаты Американской архитектурной премии-2017

Жюри Американской архитектурной премии (ААП), одной из крупнейших архитектурных премий мира, объявило победителей этого года – наиболее оригинальные, творческие и интересные архитектурные проекты со всего мира. Проекты победителей были отобраны более чем из тысячи заявок на участие из 68 стран по 41 направлению архитектуры, дизайна интерьеров и ландшафтной архитектуры.

Жюри ААП выбрало следующие три проекта для вручения премии на церемонии награждения, которая состоялась 27 октября 2017 в Панорамном зале Нового музея в Нью-Йорке.

– Номинация «Архитектурный проект года»: проект Международного финансового центра на острове Хенкин, Китай – бюро Aedas.

– Номинация «Дизайн интерьера года»: дизайн-проект мансардного офиса фирмы Flamingo в Шанхае – бюро Neri&hu Design and Research Office.

– Номинация «Ландшафтный дизайн года»: заповедник Барангару – бюро PWP Landscape Architecture.

Победители были отобраны группой уважаемых экспертов, в состав которой вошли: Пегги Димер, профессор архитектуры Йельского университета; Трой С. Терриен, куратор архитектурных и цифровых проектов Фонда и Музея Гуггенхайма; Бен ван Беркел, руководитель

^ Номинация «Дизайн интерьера года» ААП 2017: дизайн-проект мансардного офиса фирмы Flamingo в Шанхае – бюро Neri&hu Design and Research Office / ААП 2017 Interior Design Of The Year: The Attic–Flamingo Shanghai Office by Neri&hu Design and Research Office

< Номинация «Архитектурный проект года» ААП 2017: проект Международного финансового центра на острове Хенкин, Китай – бюро Aedas / ААП 2017 Architectural Design Of The Year: Hengqin International Financial Center by Aedas

Candidates in the pre-selection phase will enter into the following six regions: Africa and West Asia; Central America, South America and the Caribbean; North America; Central Asia and the Northeast; South Asia and the Pacific; Europe. Six different juries will attribute prizes in four categories: Shops and Stores, Shopping Malls, Hotels and Restaurants.

The entries must include works completed between 1 February 2017 and 31 January 2018 with a minimum surface area of 100 m².

Each continental jury member will pay special attention to exterior or interior structures, paying special attention to projects whose architects

have undertaken a sustainable approach to commercial architecture, or which exhibit exemplary and inspirational architectural value. Continental and special prizes for interiors and exteriors will also be awarded.

The World Judges Panel of nine jury members is chaired by François de Mazières, Mayor of Versailles, France. The Judges Panel will select the final prize as well as Interior and Exterior prizes in each category. The UIA representative and the list of jury members for the World Judges Panel will be announced shortly.

The Prix represents a unique effort to recognize the contribution of commercial architecture to society. The World prizes and the special prizes will be awarded to the winners in a ceremony held at UNESCO headquarters in Paris, France on 15 May 2018.

For more information about the Prix Versailles, please visit:
<http://www.prix-versailles.com>

Kaira Looro Competition for Cultural Center

A tribute to the Africa's culture in a remote place of the earth.

"Kaira Looro Competition - Sacred Architecture" is an international architectural

competition which has as project theme the architectural celebration of the cultural philosophy in a remote place on earth, where the shortage of materials and high-performing technology pushes the architecture to the branch of sustainability and integration with landscape and culture. Kaira Looro, that in Mandingo language means "Architecture for Peace", is not just architecture, but it also represents the link to a culture, a spirituality and research of interiority.

The competition is organized by the Nonprofit Organization "Balouo Salo" with the collaboration of the University of Tokyo, Kengo Kuma & Associates, Sedhiou Government and others, the

UNStudio и профессор Высшей школы дизайна Гарвардского университета; Филип Стивенс, представитель журнала Designboom; Джошуа Джи Пан, член Американского института архитекторов, бюро J.J. Pan and Partners; Леон Лорример из фирмы dwp | design worldwide partnership; Элиза Бурназзи из компании Burnazzi Feltrin Architects; Дженнифер Сигал из Office of Mobile Design (OMD) и многие другие. Россия в жюри ААП представляла Елена Григорьева, вице-президент Союза архитекторов России.

Работы победителей конкурса будут представлены мировой публике в течение всего следующего года. В частности, их проекты будут

размещены в каталоге AAP Book of Architecture, который распространяется по всему миру.

Дополнительная информация:
architectureprize.com/

4-я Версальская премия

Начался прием заявок на 4-й международный архитектурный конкурс Prix Versailles (Версальская Премия). Награда присуждается за выдающиеся проекты коммерческих зданий, а в 2018 году этот конкурс, одобренный Международным союзом архитекторов и ЮНЕСКО, будет проходить на международном уровне уже в третий раз.

Материалы для этапа предварительного отбора на французском

или английском языках могут быть представлены организаторам конкурса на сайте www.prix-versailles.com до 23: 59 (ЦЕВ) 31 января 2018 года. Участники предварительного отбора войдут в следующие шесть групп по регионам: Африка и Западная Азия; Центральная Америка, Южная Америка и страны Карибского бассейна; Северная Америка; Центральная Азия и Северо-Восток; Южная Азия и Тихий океан; Европа. Шесть членов жюри будут присуждать премии в четырех номинациях: магазины, торговые центры, отели и рестораны.

К участию допускаются работы с минимальной площадью 100 кв. м, выполненные в период с 1 февраля 2017 года по 31 января 2018 года.

Каждый член жюри, представляя один из континентов, уделит особое внимание экстерьерному и интерьерному решению зданий, выделяя объекты коммерческой архитектуры, при создании которых архитекторы используют принцип устойчивости или которые представляют особую архитектурную ценность. Также будут присуждены континентальные и специальные награды за наиболее удачные интерьерные и экстерьерные работы.

Международное жюри в составе девяти человек возглавляет Франсуа де Мазьер, мэр Версаля (Франция). Лауреаты главного приза и призов за интерьерные и экстерьерные работы будут выбраны в каждой категории. В ближайшее время будет объявлен представитель от Международного союза архитекторов (МСА) и список членов международного жюри.

Эта премия представляет собой уникальную возможность признать вклад коммерческой архитектуры в жизнь общества. Международные награды и специальные призы будут вручены победителям на церемонии, которая состоится 15 мая 2018 года в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже, Франция.

Для получения более подробной информации о Версальской премии: www.prix-versailles.com

Архитектурный конкурс Kaira Looro на проект культурного центра, посвященный развитию африканской культуры в отдаленных уголках планеты

Международный конкурс са-кральской архитектуры Kaira Looro направлен на выражение философии культа и обряда в архитектуре отдаленных уголков планеты, где нехватка материалов и высокоэффективных технологий создает необходимость устойчивой архитектуры и ее интеграции с ландшафтом и культурой. Kaira Looro, что на языке мандинго означает «архитектура для мира», представляет собой не только архитектуру, но и связь с культурой, духовностью и внутренним мировосприятием.

Организатором конкурса является некоммерческая организация Balouo Salo совместно с Университетом Токио, компанией Kengo

v Номинация «Ландшафтный дизайн года» ААП 2017: заповедник Барангару – бюро PWP Landscape Architecture / AAP 2017 Landscape Design of The Year: Barangaroo Reserve by PWP Landscape Architecture

sponsors will provide cash prizes for the winning projects.

There will be project awarded for the 1st, 2nd and 3rd place, 2 honorable mentions and also 5 mentions and 15 finalists. The winning project will receive a cash prize and an internship in the Kengo Kuma architectural studio in Tokyo, as well as publications, exhibitions and articles.

The competition is open to architects, designers, engineers and students. It's possible to participate as a team or individually.

The planning of a Cultural Center for the city of Sedhiou aims to renovate the identity of the area, trying to reach the

goal of creating a location where local cultures may have the chance to be told, passed on and preserved. This challenge sees the planning of an architectural structure as witness of the peaceful relation occurring among local ethnic groups and promoting, at the same time, preservation of local habits. The competitor will show his theme through a surprising and integrated design at once, developing a structure destined to be an Icon for the entire country, without weighing on the surrounding environment.

The purpose of the contest consists in creating an iconic architectural structure in order to preserve local cultures coming from the region of Sedhiou, voted to

respect towards environment and local cultural balance existing in the area, improving uncertainty conditions of communities and aimed to preserve customs. The winning project must be intended as a donation to the International Non Profit Organization (INPO) Balouo Salo, in order to be shared with communities and institutions of Sedhiou, who will have the chance to realize it cooperating with other Organizations (ONG, Institutions) or to proceeding on their own. The proceeds of the competition will be donated to the non-profit organization Balouo Salo.

The contest will officially open in January 2018 and will follow this schedule:

Early registration - from 15 January to 13 February 2018

Normal registration from 14 February to 10 March 2018

Late registration - 11 March to 4 April, 2018

Competitions deadline - April 25, 2018

Winners announced - 20 May 2018

To enter the contest, participants have just to fill out the registration form in the official website:

www.kairalooro.com/competition.html

Kuma & Associates и администрацией области Седиу. Денежные призы для победителей конкурса будут предоставлены спонсорами.

Проекты победителей будут отмечены дипломами за 1-е, 2-е и 3-е места. Кроме того, будут присуждены две поощрительные премии, пять благодарностей и пятнадцать сертификатов для участников финального этапа конкурса. Победитель получит денежный приз и возможность пройти стажировку в архитектурной мастерской Кенго Кумы в Токио, а также удостоится упоминания в публикациях, выставках и статьях.

В конкурсе могут принимать участие архитекторы, дизайнеры, инженеры и студенты. Можно участвовать как в команде, так и индивидуально.

Проектирование культурного центра города Седиу (Сенегал) направлено на выявление уникальных особенностей территории, создание единого пространства, где будет сохраняться и передаваться из поколения в поколение местный культурный колорит. Задача состоит в том, чтобы создать архитектурный объект как символ мирных отношений между местными этническими группами, который, в то же время, будет способствовать сохранению местных традиций и обычаев.

Конкурсант должен раскрыть тему через оригинальный комплексный проект, который станет символом для всей страны и будет гармонично вписан в окружающую среду.

Цель конкурса состоит в создании знакового архитектурного со-

оружия для сохранения местной культуры региона Седиу. Проект должен быть направлен на уважительное отношение к существующему балансу природного окружения и местной культуры, улучшение условий жизни общин и сохранение их традиций. Проект победителя будет передан Международной некоммерческой организации Balouo Salo для его последующей реализации совместно с общинами и учреждениями области Седиу. Вырученные от конкурса денежные средства будут переданы некоммерческой организации Balouo Salo.

Конкурс будет официально открыт в январе 2018 года и будет проходить по следующему графику:
Предварительная регистрация – с 15 января по 13 февраля 2018 года

Обычная регистрация – с 14 февраля по 10 марта 2018 года

Поздняя регистрация – с 11 марта по 4 апреля 2018 года

Конечный срок подачи проектов – 25 апреля 2018 года

Объявление победителей – 20 мая 2018 года

Для участия в конкурсе участники должны заполнить регистрационную форму на официальном сайте:

www.kairalooro.com/competition.html

Юбилейное «Зодчество» / Anniversary Zodchestvo

Открытие

XXV международный фестиваль «Зодчество–2017» прошел с 5 по 7 октября 2017 года в московском выставочном комплексе «Гостиный двор». Торжественную церемонию открытия вел президент Союза архитекторов России и Союза московских архитекторов Николай Шумаков. Он поздравил всех гостей и участников с юбилейным фестивалем и отметил, что это не единственный юбилей 2017 года: «Мы празднуем также 150-летие Московского архитектурного общества и 85 лет Центральному Дому архитектора».

Один из юбиляров 2017 архитектор Феликс Новиков (в августе ему исполнилось 90), четверть века назад инициировавший проведение ежегодного фестиваля «Зодчество», вышел на связь он–лайн и из Нью–Йорка приветствовал участников с большого экрана. Приводим его речь полностью.

Обращение Феликса Новикова к участникам фестиваля «Зодчество–2017»

Уважаемые коллеги!

Я приветствую XXV международный фестиваль «Зодчество–2017»! Скажу честно, когда в 92 году, четверть века тому назад, возникла идея проведения фестиваля, я не предвидел столь долгую его жизнь. Мало того, своего присутствия в данном моменте я тоже никак не планировал.

Думаю, что главный итог прошедшего времени состоит в том, что архитектура России встала в фарватер мирового архитектурного процесса. Российские мастера выигрывают международные конкурсы, их реализации получают почетные призы. И, как нынче говорят, «вишенкой на торте» явилась новость о предстоящем строительстве в Нью–Йорке 300-метровой башни по проекту бюро «Меганом». Но, вместе с тем, города и села страны зримо накапливают социальные проблемы, все острее становятся контрасты столицы и провинции. «Реновация» их, несомненно, усугубит.

Для следующей четверти века нужна мечта о грядущем времени, в котором усилиями архитекторов, власти, всего общества будет создана гармоничная среда обитания по всему пространству страны, во всех поселениях. Этого не случилось за 73 года моей причастности к профессии.

Я хочу утвердить одну бесспорную для меня истину. Все ступени социального прогресса лежат на пути от культа личности к культуре каждой личности. Только то общество, которое отречется от

первого и обратится ко второму, способно создать комфортные условия жизни для каждого своего социального слоя. Образно говоря, подмести, привести в порядок всю страну я бы считал достойной национальной идеей. И пусть случится такое будущее!

Юбилейный фестиваль «Зодчество» с актуальной главной темой «Качество сейчас» приветствовали официальные лица: главный архитектор Москвы Сергей Кузнецов, замминистра строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ Хамит Мавляров, главный архитектор Московской области Михаил Хайкин, президент НОПРИЗ Михаил Посохин, почетный президент СА России Юрий Гнедовский и президент МААМ Андрей Боков.

Куратор фестиваля Андрей Асадов отметил, что тема «Зодчества–2017» – «Качество сейчас» – выбрана не случайно. Все заинтересованы в качестве, но каждый понимает его по-своему. Чиновника, в первую очередь, интересуют сроки сдачи объекта, строителя – рентабельность. И только архитектор может объективно взглянуть на то, насколько качественно воплощен проект в целом».

В завершение церемонии открытия Н. Шумаков зачитал приветственное слово Президента Российской Федерации Владимира Путина: «За прошедшие годы ваш форум состоялся как востребованная, авторитетная площадка для встреч представителей проектных институтов, строительных бюро, учащихся

профильных вузов из многих регионов страны. Конкурсные работы фестиваля неизменно отличаются новаторством и свежестью идей, предлагают конструктивные подходы к проблемам пространственного развития, благоустройства территорий и повышения качества жизни людей».

Владимир Путин выразил уверенность, что в ходе творческих дискуссий участникам удастся обозначить лучшие примеры как в градостроительной политике, так и в вопросах реставрации и реконструкции исторических памятников, которые обязательно найдут воплощение в практической деятельности и будут содействовать сохранению замечательных традиций отечественной архитектуры.

Открытый диалог «100 вопросов архитектуре»

Это традиционное для фестиваля мероприятие проводится с целью обмена опытом признанных мастеров архитектуры с молодыми специалистами. 6 октября на Форуме, главной площадке Гостиного двора, участникам открытого диалога представился уникальный шанс: спросить о наиболее интересном у четырех архитекторов, представителей разных регионов России – Дальнего Востока, Сибири, Поволжья и Санкт-Петербурга.

На вопросы отвечали: Юрий Земцов, Заслуженный архитектор России, генеральный директор архитектурного бюро «Земцов, Кондияин и партнеры»; Олег Рыбин, Заслуженный архитектор России,

^ v Открытый диалог «100 вопросов архитектуре»

v Модератор Лариса Маливанова

вице-президент Союза архитекторов России; Елена Григорьева, Заслуженный архитектор России, вице-президент Союза архитекторов России, руководитель Сибирского межрегионального объединения; Александр Селеменов, Почетный архитектор России, главный архитектор Хабаровского края, заместитель министра строительства края. Модератором мероприятия выступила Лариса Маливанова, руководитель Издательского Дома «Строительный Эксперт».

Оказалось, что больше всего молодых архитекторов волнует работа: как совмещать ее с учебной, как найти свое место, как проявить себя. Мастера в ответ рассказали о своем опыте и дали несколько советов. Они рекомендовали начинать свой путь в хорошей мастерской, не спешить открывать свое дело: сначала набраться опыта у мастеров;

работать, но не забывать об учебе; участвовать в конкурсах, чтобы показать себя.

Архитекторы обсуждали, как интегрировать современные постройки в исторические районы. Мэтры призвали не бояться «вмешиваться» в историю – ведь именно в многослойности городского облика и скрывается его историческая ценность.

За обсуждениями незаметно прошло два часа – если бы не расписание фестиваля, уверенны, что архитекторы и студенты проговорили бы еще столько же! На прощание мастера пожелали слушателям «не халтурить» и создавать такие проекты, которые станут историей для следующих поколений.

Дискуссии, встречи, выставки
Тема фестиваля «Качество сейчас» продемонстрировала, как уровень жизни зависит от качества окру-

^ Премию «Владимир Татлин» получила проектная группа «РИЕДЕР»

v Обладателем высшей награды Фестиваля «Хрустальный Делал» стало архитектурно-строительное бюро «ИНГМАР»

жающей среды, от объединенных усилий властей, застройщиков, архитекторов, градостроителей и общества, как качественная среда повышает конкурентоспособность и становится инструментом умножения человеческого капитала.

На стенде Москомархитектуры были представлены пять примеров максимально публичных проектов: «Зарядье», «Лужники», ЗИЛ, Триумфальная площадь и домостроительные комбинаты. Можно было проследить их эволюцию и процесс реализации, то, как каждый из них освещался, обсуждался, преподносился руководству и обществу.

Насыщенная деловая программа включала несколько дискуссий: «Что могут привнести в город небоскребы?»; «Как оживить его с помощью различных городских практик?»; «Какими качествами

обладает идеальный город?»; «Оказалось ли безупречным воплощение парка Зарядье?»; «Какой новый качественный скачок даст архитектуре программа реновации?».

Во время работы фестиваля сибирские лидеры из Иркутска, Братска, Читы, Красноярска, Кемерово, Новокузнецка, Томска и Барнаула провели ряд встреч с обсуждением предстоящих сибирских форумов – АРХИГЕШ 18–23 марта и фестиваля ЗВС, который пройдет в конце июля, на этот раз в Барнауле.

Итоги

Обладателем высшей награды Фестиваля «Хрустальный Делал» стало архитектурно-строительное бюро «ИНГМАР» в составе авторского коллектива: И. Ю. Витвицкий, М. К. Яковенко, И. В. Демидова, А. В. Костюк, И. А. Сергеев, Т. М. Александрова, Г. А. Соколов,

А. Н. Сафиуллина. Награда была вручена за постройку «Спортивно-развлекательный комплекс и яхт-клуб», город Санкт-Петербург.

Премию «Владимир Татлин» получила проектная группа «РИЕДЕР» за проект сохранения и приспособления для современного использования объекта культурного наследия федерального значения «Форт «Батарея Северная №7», город Кронштадт. Авторский коллектив: главный консультант Олег Романов, ГАП Елена Прокопенка, архитекторы Денис Ридер, Майя Ридер, Дмитрий Потаралов, Арина Жильцова; конструкторы Владимир Хвалюк, Василий Хвалюк.

Сибирские архитекторы тоже не остались без наград. Диплом Союза архитекторов в разделе ПРОЕКТЫ номинации РЕСТАВРАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ получил проект реставрации объекта культурного наследия федерального значения «УСАДЬБА: ДОМ ЖИЛОЙ», 1880-е гг., Иркутск; авторы: ГАП А. В. Поликарпочкин; архитекторы Л. А. Захарова, Л. Г. Басина, Е. А. Кузнецова, М. П. Кобылина; конструкторы А. П. Ксенофонтов, А. М. Кибальник; 3D-визуализация – К. В. Захаров. Золотой знак в конкурсе регионов России получили сразу 10 регионов, в том числе и сибиряки – Томская региональная организация Союза архитекторов России (за лучшие программы возрождения деревянного зодчества). Главное управление строительства Тюменской области в содружестве с ЗАО «ИнститутТюменьгражданпроект» получили сразу две награды

– Серебряный знак за лучшие практики по формированию политики территориального планирования и Диплом СА за реставрацию кремля и менового двора в г. Тобольске. В разделе «Творчество студентов архитектурных вузов и колледжей» Дипломы Союза архитекторов получили Иркутский национальный исследовательский технический университет (за работу Реабилитация прибрежной зоны р. Ушаковки на примере территорий в районе ипподрома; автор А. Воронина, руководитель М. Г. Меерович) и Институт архитекторов и дизайна Сибирского федерального университета (за работу Комплексный проект регенерации исторического центра Енисейска: исследования, воссоздание и реставрация, градостроительство, новое строительство, средовой дизайн; кураторы О. М. Успенская, С. Ф. Ямалетдинов).

Елена Григорьева
Фото Полина Варпулева /
Elena Grigoryeva
Photo Polina Varpuleva

Материал и фотографии по диалогу «100 вопросов архитекторам» предоставлены Издательским домом «Строительный Эксперт».

Анализируются результаты смотра-конкурса детского архитектурно-художественного конкурса, состоявшегося в рамках юбилейного, XXV международного фестиваля «Зодчество–2017». Освещаются задачи, сформулированные в программе Фестиваля, девиз которого – «Качество сейчас». Охарактеризована деятельность художественных школ, лицеев и студий творчества. Представлены результаты детского смотра-конкурса и победители – школы и образовательные учреждения, охарактеризованы особенности их учебных и творческих программ. Ключевые слова: Зодчество–2017; смотр-конкурс; детское архитектурно-художественное творчество; программы обучения; развитие художественно-архитектурного образования /

The article analyzes the results of the review competition of children's architectural and art works held at the 15th anniversary International Festival "Zodchestvo 2017" under the slogan "Quality Now". The tasks formulated in the Festival program are presented. The activities of art schools, lyceums and creative studios are featured. The article presents the results of the children's competition and its winners (schools and educational institutions), as well as their educational and creative programs.

Keywords: Zodchestvo 2017; review competition; children's architectural and art creativity; educational programs; development of art and architectural education.

Дети первого фестиваля «Зодчество» выросли. Идет смена / The Children of the First Zodchestvo Festival Have Grown Up. Their Successors Are Coming

Девиз двадцать пятого юбилейного фестиваля «Зодчество–2017» «Качество сейчас» также является девизом педагогов, беззаветно преданных воспитанию творческого начала в наших детях. В год Фестиваля Положением о смотре-конкурсе детского архитектурно-художественного творчества, утвержденном Президентом Союза архитекторов России Николаем Ивановичем Шумаковым, были предусмотрены следующие цели и задачи:

- популяризация архитектуры и профессии архитектора;
- выявление и поощрение лучших детских архитектурных образовательных учреждений России;
- воспитание нового поколения будущих создателей, способных компетентно и художественно преобразовать окружающую среду, сохранив архитектурное наследие и природную среду;
- выявление передовых и современных методов работы с детьми;
- обучение новым образовательным технологиям;
- обмен опытом между участниками смотра-конкурса.

На юбилейном фестивале было представлено 28 архитектурных образовательных учреждений и студий, около трети из всех активно функционирующих в стране. Очень жаль, что по неизвестным пока причинам не смогли принять участие в смотре-конкурсе:

- стабильно ежегодно представляющие свои достижения пензенцы (Лицей архитектуры и дизайна № 3);

- активно и, главное, результативно выступающие в последние годы иркутяне (Учебно-методический центр творчества архитектуры и дизайна «Пирамида» Иркутского национального исследовательского технического университета);

- интересно работающая детская студия архитектуры и дизайна Центра молодежного творчества «АрхиМодус» в Тольятти;

- неповторимая авторская дизайн-студия Игоря Ключкина «ЯБЛОКО+» при Ленинградском государственном университете;

- постоянно пекущаяся о памятниках истории и культуры своего края Детская школа искусств № 7 из Перми;

- традиционно и успешно участвующие на фестивалях «Зодчество» в смотрах-конкурсах детского архитектурно-художественного творчества тобольчане (Детская школа искусств «Арт-перспектива» и профильный архитектурный класс «Колорит» средней общеобразовательной школы №12);

- санкт-петербуржцы, которые после большого перерыва, наконец, в прошлом году приняли участие в Фестивале, а в этом году вновь где-то (или как-то) «застряли».

Несмотря на это, накал борьбы за один Золотой и два Серебряных знака между участниками смотра-конкурса был достаточно высоким, так что членам жюри пришлось напряженно потрудиться. Авторитетное жюри возглавлял Вице-президент Международной академии архитектуры в Москве (МААМ) Андрей Александрович Черников.

В связи с тем, что в отличие от ряда предыдущих лет, в этом году премировались не лучшие работы, а лучшие студии, школы, гимназии и другие учреждения детского архитектурно-художественного творчества, жюри предстояло обратить большее внимание на процесс обучения и его результаты. Тем не менее, круг претендентов на награды Золотым и Серебряными знаками был определен единодушно. Это две московские школы (Детская школа искусств «СТАРТ» архитектурно-художественного профиля и Студия архитектуры и дизайна «Фа-САД»), а также юная, образовавшаяся только в сентябре 2016 г. хабаровская Детская архитектурная мастерская (ДАМ) «МасШтаб». Однако для определения лауреата Золотого знака жюри пришлось голосовать.

Золотого знака было удостоено Государственное бюджетное учреждение дополнительного образования города Москвы «Детская школа искусств "СТАРТ" архитектурно-художественного профиля». Была высоко оценены представленные на смотре-конкурсе инновационная программа и методика преподавания и многолетнее лидерство в программах детского архитектурно-художественного творчества как на российском, так и на международном уровнях по предметам:

- «Мировая художественная культура»;
- «Объемно-пространственная композиция»;
- «Рисунок, композиция, черчение»;

- «Развитие проектного мышления»;
- «Творческая мастерская для дошкольников»;
- «Реализация детских идей»;
- «Дизайн-театр»;
- «Друзья СТАРТа».

Серебряными знаками были отмечены москвичи («Фа-САД») и хабаровчане (ДАМ «МасШтаб»).

Студия архитектуры и дизайна «Фа-САД» показала на смотре-конкурсе результаты своей творческой деятельности в процессах обучения, реализации детского дизайна, а также творческой и организационной деятельности.

Процесс обучения:

- школа архитектуры и дизайна – средняя школа;
- профессиональные классы на базе общеобразовательной школы № 1298;
- взаимодействие с вузом – кафедрой архитектуры и градостроительства МГУС.

Реализация детского дизайна:

- книги;
- открытки, постеры, календари;
- интерьеры, экстерьеры;
- сувенирная продукция: кружки, майки, сумки;
- разработка фирменного стиля, творческие фестивали.

Творческая и организационная деятельность:

- участие и победы в профессиональных конкурсах, фестивалях, олимпиадах;
- организация и проведение творческих конкурсов и фестивалей;
- организация зрительской активности в Олимпийском парке на Паралимпиаде 2014 в Сочи;

– оформление выставочных площадок, проведение мастер-классов;
– арт-объекты, малые архитектурные формы, инсталляции, флеш-мобы.

Детская архитектурная мастерская «МасШтаб» открылась в Хабаровске 10 сентября 2016 г. при поддержке Дальневосточной архитектурной компании. В мастерской работают два педагога с архитектурным образованием и опытом работы с детьми от 2,5 до 17 лет. Мастерская ищет новые формы работы для развития детьми и подростками творческих способностей, умения создавать собственные макеты зданий и сооружений, готовности поступать в профессиональные высшие учебные заведения. Работа в творческой мастерской не ограничивается занятиями. Ребята принимают участие в разнообразных смотрах, конкурсах и выставках.

Нельзя не отметить, что очень близко к этой тройке лидеров подошло Муниципальное автономное учреждение дополнительного образования города Набережные Челны (Республика Татарстан) «Детская школа искусств № 6 «ДА-ДА» (архитектурно-дизайнерского профиля)», стабильно выступающее на фестивалях «Зодчество».

Международный архитектурный благотворительный Фонд им. Якова Чернихова традиционно участвует в поощрении работ, соответствующих его творческим концептуальным позициям. На юбилейном фестивале «Зодчество» Фонд премировал Студию детского проектного творчества Новосибирского государственного

университета архитектуры, дизайна и искусств.

Четырнадцать участников смотра-конкурса были удостоены следующей по значению после серебряной медали наградой – дипломом лауреата Фестиваля:

1. Детская архитектурно-дизайнерская школа «ДАШКА» при Казанском государственном архитектурно-строительном университете (Казань, Республика Татарстан).

2. Детская школа искусств № 6 «ДА-ДА!» (архитектурно-дизайнерского профиля) (Набережные Челны, Республика Татарстан).

3. Детская архитектурно-художественная школа Регионального центра архитектурно-художественной довузовской подготовки Академии архитектуры и искусств Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

4. Центр архитектурной подготовки и переподготовки кадров в области архитектуры и градостроительства Института архитектуры и дизайна Тюменского государственного университета (Тюмень).

5. Детская художественная школа «Архимед» (Мытищи Московской области).

6. Детская архитектурная студия MINIARCHITECTS (Ярославль).

7. Архитектурно-художественное отделение Детской школы искусств города Серова (Нижегородская область).

8. Детская художественная школа (Железнодорожск Красноярского края).

9. Студия «Ю-ЛА*U-LA» кафедры ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства Москов-

ского государственного технического университета им. Баумана (Москва).

10. Студия архитектуры и дизайна Эллы Махович «АРХИТЕРИК» (Троицк, «Новая Москва»).

11. Детская архитектурно-дизайнерская студия «АРХИДЕТКИ» (Троицк, «Новая Москва»).

12. Детская школа-студия архитектуры и дизайна при Союзе архитекторов Якутии (Якутск).

13. Образовательная студия «ТВОРЧЕСТВО» Красноярской организации Союза архитекторов.

14. Студия «Улица Детства» (Чукотский район Чукотского автономного округа).

Среди награжденных Дипломом лауреата Фестиваля – большая группа участников, постоянно и успешно выступающих на смотрах-конкурсах детского архитектурно-художественного творчества фестивалей зодчества. Казанская Детская архитектурно-дизайнерская школа «ДАШКА» – в прошлом обладатель Золотого диплома (медали были введены позже) за реализацию в натуре предложенных авторами интересных творческих архитектурно-дизайнерских идей. Неоценим вклад директора школы кандидата архитектуры Марины Юрьевны Забрусковой, доцента кафедры теории и практики архитектуры.

Стабильно выступающая набережно-челнинская Детская школа искусств № 6 «ДА-ДА!» – обладатель в прошлом Серебряного диплома за предложения архитектурно-дизайнерского профиля. Остро

выраженный художественно-проектный вектор – главное отличие школы. Школа была создана и выпестована Татьяной Александровной Хайман, председателем регионального отделения Союза дизайнеров России «Кама-Дизайн», членом Совета председателей Союза дизайнеров России. Почти четверть века она руководила этой школой. В преддверии 25-летия школы в 2015 г. она вынуждена была оставить школу: власти просто заранее поставили ее в известность, что с ней больше не будут заключать контракт (дескать, не положено по возрасту). Бывают случаи, что для некоторых выдающихся руководителей делают исключения из общего правила по возрастному цензу. Татьяна Александровна именно такой человек, внесший существенный вклад в становление и развитие культуры не только города Набережные Челны, но и Республики Татарстан. Но власти не нашли возможности учесть эти обстоятельства, а ведь должны были осуществить ротацию с уважением и почетом для такого знакомого человека, а не бросать ее просто «за борт». Стыдно, властные господа руководители! Тяжесть предстоящей ноши и необходимость соответствовать заложенным Т. А. Хайман требованиям легла на плечи Елены Петровны Гасперт – специалиста высшей квалификации. Обучение в школе традиционно ведется по 12 авторским и 5 экспериментальным программам. Педагогами школы разработана структура образо-

v Зрители

v Открытие

v Защита диплома

вательного процесса и учебные планы, которые обеспечивают преемственность в образовании по общехудожественным, специальным и культурологическим дисциплинам на всех трех ступенях обучения (Ступени, Школа, Архитектура и дизайн).

Кстати, аналогичная хаймановской участь постигла выдающегося директора пензенского Лицея архитектуры и дизайна № 3 Татьяну Викторовну Вукович. Пензенским властям тоже должно быть очень стыдно!

Ростовская Детская архитектурно-художественная школа для детей от 5 до 15 лет входит в структуру Регионального центра архитектурно-художественной довузовской подготовки Академии архитектуры и искусств Южного федерального университета. Руководитель Центра – Наталья Александровна Терещенко, кандидат педагогических наук, доцент. В структуру Центра также входят:

- Подготовительные курсы для слушателей 10-11 классов,
- Профильные архитектурно-художественные классы в 9 базовых школах,
- Научно-методический центр Южно-Российской межрегиональной олимпиады «Архитектура и искусство».

Профессионально-ориентационная работа с учащимися, с акцентом на межрегиональные аспекты и проведением соответствующих мероприятий, является одним из основных направлений деятельности Центра.

Интересна история формирования Центра архитектурной подготовки и переподготовки кадров в области архитектуры и градостроительства Института архитектуры и дизайна Тюменского государственного университета. Начиналась она со студийной работы в Союзе архитекторов, организованной архитектором Светланой Борисовной Капелевой. Было немало удачных выступлений на смотрах-конкурсах детского архитектурно-художественного творчества фестивалей зодчества. Но Светлана Борисовна решила расширить сферу своей активности, подготовила и утвердила в соответствующих инстанциях комплекс программ подготовки и переподготовки кадров в области архитектуры и градостроительства. Ныне она – доцент, кандидат педагогических наук, почетный архитектор России, директор Института архитектуры и дизайна Тюменского государственного архитектурно-строительного университета. Не зря коллеги, поздравляя С. Б. Капелеву с юбилеем, отмечали, что тюменская архитектурная школа формировалась и продолжает формироваться при ее непосредственном участии.

Привлекли к себе внимание интересные поиски и находки лауреатов Фестиваля – коллектива ярославских педагогов, руководителей которого приехали на Фестиваль со всем семейством (Детская архитектурная студия MINIARCHITECTS; в Троицке – «Новая Москва» (Студия архитектуры и дизайна Эллы Махович «АРХИТЕ-

РИК») и на Чукотке (Студия «Улица Детства»).

Одиннадцать участников смотра-конкурса были отмечены дипломами Союза архитекторов России.

В первой половине 2017 г. российские дети представляли свои работы на Международный конкурс «Золотые кубы». Определение победителей национального уровня осуществляло авторитетное жюри под председательством нынешнего Президента Московского отделения Международной академии архитектуры, Народного архитектора СССР Андрея Владимировича Бокова. Победить на международном уровне, к сожалению, не удалось, но награды национального уровня были торжественно вручены на «Зодчестве–2017».

– В номинации «Учреждение» – работа Archilog: серия плакатов (таблиц) с текстом Елены Овсянниковой (МАРХИ), Николая Васильева, под ред. Е. Б. Овсянниковой и издателей; издательство «Татлин», Москва – Екатеринбург.

– В номинации «Общественно-образовательная школа» – работа «Архитектурно-пространственное проектирование»: Московский академический художественный лицей при Российской академии художеств, архитектурное отделение (МАХЛ РАХ); Москва.

– В номинации «Текстовые средства массовой информации» – серия книг «Введение в архитектуру – Introduction to the

architecture: Vitruvius», Бюро «Архидо»; Санкт-Петербург.

– В номинации «Аудиовизуальные средства массовой информации (Audio Visual media)» – фильм «Музейное пространство» о выставке в музее Анатолия Зверева «АЗ», посвященной творчеству Г.- Х. Андерсена; Москва.

Вместе с другими награжденными автору статьи было очень приятно получить из рук Президента Союза архитекторов России Диплом «За беззаветное служение на благо развития детского архитектурно-художественного творчества, 25-летию кураторскую работу по организации и сопровождению смотра-конкурса «Детское архитектурно-художественное творчество» на Международных фестивалях «Зодчество». Настало время передать это кураторство в сравнительно более молодые руки. Теперь в Правлении Союза архитекторов России заботиться о дальнейшем развитии детского архитектурно-художественного творчества будет Вице-президент Правления Георгий Дмитриевич Солопов. Нельзя не вспомнить, что вместе с его папой, Дмитрием Сергеевичем Солоповым, автор статьи был в молодые годы членом молодежной комиссии Союза архитекторов.

Площадка «Зодчества» для участников смотра-конкурса детского архитектурно-художественного творчества является благодатным полем, где встретившиеся педагоги (о детях, к сожалению, уже речь не идет – стало слишком дорого их привозить, особенно из

дальних краев России) обмениваются мнениями, делятся опытом, налаживают между собой контакты. Этому способствовала хорошо организованно подготовленная ДШИ «СТАРТ» и интересно проведенная очередная ежегодная межрегиональная научно-практическая Конференция для руководителей и представителей детских образовательных учреждений архитектурно-художественного направления города Москвы и регионов России «Среда моей школы, гимназии, студии».

С приветственными словами и профессиональными соображениями к участникам конференции обратился возглавлявший жюри детского смотра-конкурса вице-президент Международной академии архитектуры в Москве (МААМ) Андрей Александрович Черников. В объемном и чрезвычайно интересном выступлении заместителя директора Института развития образования в сфере культуры и искусства Министерства культуры РФ Ирины Владимировны Ловцовой прозвучала информация о том, что Коллегия Министерства культуры РФ в своем решении № 16 от 08 июля 2017 г. «О современном состоянии и перспективах развития детских школ искусств» назвала детские школы искусств первым звеном в системе художественного образования. С удовольствием приводим ниже преамбулу этого решения:

«В документах стратегического планирования Российской Федерации особая роль отводится

воспитанию образованных и творчески мыслящих граждан, активно участвующих в формировании статуса России как мировой державы, достигшей успехов во всех областях деятельности. По праву национальным достоянием России является система художественного образования, сложившаяся в конце XIX века и воспитавшая целую плеяду деятелей искусств, мастерство и талант которых постоянно пополняют золотой фонд России. Первым звеном в трехуровневой системе художественного образования являются детские школы искусств, где 1,5 млн. детей обучаются разным видам искусств».

Ирина Владимировна подробно ответила на организационные и методические вопросы педагогов – участников Конференции. Ее Институт, сокращенно называемый «РОСКИ», всегда открыт для консультативной и методической помощи.

Опытom разнообразной и успешной работы на региональном уровне поделилась Наталья Александровна Терещенко, руководитель Регионального центра архитектурно-художественной довузовской подготовки Академии архитектуры и искусств Южного федерального университета.

Марина Юрьевна Забрускова ознакомила участников Конференции с накопленным за многие годы опытом методической и организационной работы в Детской архитектурно-дизайнерской школе «ДАШКА» при Казанском государственном архитектурно-строи-

тельном университете, директором которой она является.

С интересом были приняты выступления руководителей и представителей детских учреждений смежных специальностей: Художественного отделения Колледжа имени Г. В. Вишневской, Детской школы искусств имени С. Т. Рихтера, детской художественной школы имени И. Е. Репина.

Как правило, все выступления на Конференции сопровождались актуальными презентациями. А желающих выступить было немало, так что намеченная на два дня конференция была продлена, и на третий день выступали москвичи и магнитогорцы, челнинцы, новосибирцы, красноярцы, железногорцы, таганрожцы, саровчане, ижевцы, жители Якутии.

Своеобразной изюминкой детской программы юбилейного двадцать пятого «Зодчества-2017» стала организованная на главной площадке Фестиваля – Форуме театрализованная защита дипломных проектов 14 (в том числе – только один юноша) выпускников ДШИ «СТАРТ» талантливого педагога Альфи Мухаметовны Матвеевко, преподавателя архитектурно-художественного проектирования и дизайна театра. Процессу защиты предшествовала спортивно-танцевальная композиция с участием прежних и нынешних «стартовцев». Затем каждый дипломник выступал с докладом, который сопровождался представлением графики, макета и презентации. Ни одно меропри-

ятие Фестиваля не имело столько зрителей на Форуме фестиваля, сколько эта прекрасно организованная и эмоционально насыщенная защита дипломных проектов выпускников ДШИ «СТАРТ».

Нельзя не воздать должную хвалу директору ДШИ «СТАРТ» Ноне Степановне Азнавурян и ее верным помощникам, взявшим на себя практически всю организационную работу по проведению смотра-конкурса детского архитектурно-художественного творчества. Это и организация выставки участников смотра для предшествующей Фестивалю работы жюри, и своеобразно привлекательная на столах деревьев организация выставки на самом Фестивале с привлечением молодежной фирмы «Чехарда», а главное – тщательно подготовленная и успешно проведенная научно-практическая Конференция, о которой подробно говорилось выше в статье, и, безусловно, эмоционально выразительная защита дипломных проектов выпускников ДШИ «СТАРТ» 2017 г.

Детские образовательные учреждения и студии архитектурно-художественного направления России за годом выпускают в жизнь своих питомцев. Дети первого Фестиваля «Зодчества» уже выросли. На смену им постоянно идут новые участники, и этот процесс необратим. Воздадим должную благодарность беззаветно преданным своему любимому делу педагогам!

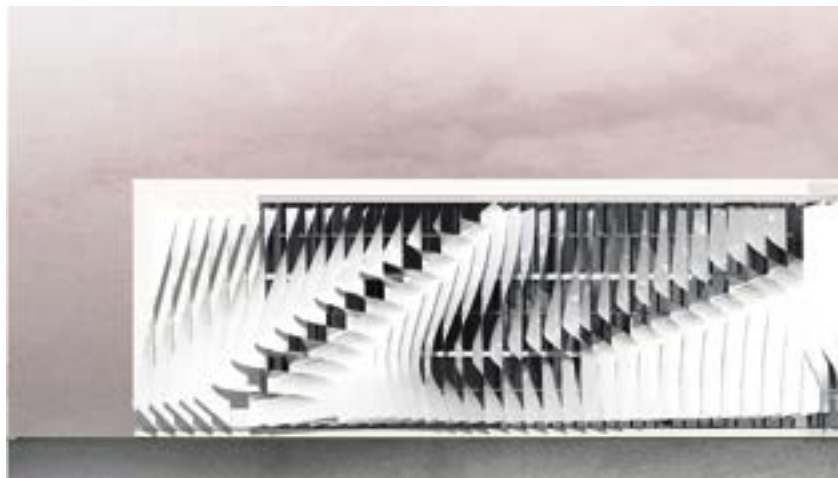
**Эдуард Товмасьян /
Eduard Tovmasyan**

В статье рассматривается конкурсная деятельность кафедры Архитектуры в рамках различных смотров-конкурсов, фестивалей и конференций. Опыт конкурсной практики анализируется с позиции оценки итогов творческой работы кафедры в целях интенсификации образовательного процесса.

Ключевые слова: архитектурная школа; смотр-конкурс; междисциплинарный подход; инновационные тенденции; критерии оценки; творческая деятельность. /

The article reviews the competition activity of the Department of Architecture in the context of various review competitions, festivals and conferences. The competition practices are analyzed considering the results of the Department's creative activity, which is aimed at intensification of the educational process.

Keywords: architectural school; review competition; interdisciplinary approach; innovative trends; evaluation criteria; creative activity.

Конкурсы МИТУ–МАСИ Опыт конкурсной деятельности в контексте непрерывного творческого образования архитектора

В структуре МИТУ–МАСИ кафедра Архитектуры занимает одну из ведущих позиций, поскольку именно здесь раскрывается возможность межотраслевого и междисциплинарного взаимодействия с другими факультетами университета (лингвистический, юридический, экономический) и формируются условия для развития архитектурного образования с более индивидуализированными методами обучения по сравнению с другими архитектурными ВУЗами. Деятельность архитектора требует широкого круга знаний как в области собственно творчества, так и в смежных науках, и круг этих необходимых знаний неуклонно расширяется [1].

В особенности это может проявиться в исследовательской деятельности, в том числе при выборе тем выпускных квалификационных работ. Известно, что самые интересные результаты исследований появляются на стыке со смежными науками. Междисциплинарная и инновационная направленность проектной работы архитектора является условием высокого качества выпускных квалификационных работ (ВКР) и ключом к ее успеху. Определенные достижения в таком направлении уже проявились в практике подготовки ВКР и в рамках участия кафедры в различных конкурсах [1].

При освещении проектной деятельности выпускников кафедры следует сосредоточить внимание на постановке многопрофильных проблем, в которых четко прослежи-

вается интеграция усилий разных специалистов и, таким образом, создается действительно мотивированная архитектура [4].

В плане работы кафедры приоритетным является разработка инновационной тематики для выпускных работ бакалавров и магистров, а также актуальных с точки зрения их применения в ближайшем будущем творческих конкурсов. Партнерство с крупными проектными институтами и организациями (ГБУ МО «НИИПРОЕКТ», ОАО ЦНИИЭП жилых и общественных зданий, Союз Архитекторов России) дает возможность обеспечить выбор конкретной подосновы расположения будущего объекта.

Представленный студентам для выбора своей темы список включал темы инновационной направленности и социального значения, в том числе разработку объектов культурной архитектуры; предоставлял возможность попробовать свои силы в проектировании нетиповых объектов (транспортно-пересадочный узел, экспериментальный театральный центр). Такой широкий диапазон тем предполагал творческую свободу выбора, охват характерных номинаций конкурсных показов проектов: ведь именно конкурсная деятельность дает возможность иметь постоянно обновляемые сведения о состоянии современного рынка архитектуры, прогнозировать на их основе динамику и развитие инновационной тематики в области архитектурно-дизайнерской деятельности, уметь обосновать варианты нова-

ций в архитектурных решениях [1]. Кроме того, такой подход позволял разработать методику подхода к заключительной демонстрации профессиональной подготовленности выпускников [1].

Сегодня оптимальной формой самореализации архитектора является участие в творческих конкурсах, связанных с архитектурным проектированием и профессиональной активностью. Партнерство с крупными проектными институтами неразрывно связано с проведением всевозможных конкурсов, а студенты архитектурных учебных заведений активно принимают в них участие. К сожалению, позднее, после выпуска, молодые специалисты-архитекторы, погруженные в ежедневную работу, гораздо меньше интересуются этим видом творчества и мало заняты в конкурсной деятельности [1].

Во многих ВУЗах участие студентов в конкурсах происходит вне учебного процесса, без сотрудничества с преподавателями, поэтому и студент в данном случае не интересуется позицией своего учебного заведения по отношению к этому начинанию. Положительно оценить педагогический результат такой формы работы сложно, но, безусловно, проведение конкурса в рамках учебного процесса может стать катализатором творческой деятельности [1; 3].

Выполнение творческих конкурсных работ является полезными для развития творческих ресурсов: студенты, выполняя сложные проекты в рамках творческих

конкурсов, достигают очень хороших результатов. Так, например, в 2017 г. на кафедре Архитектуры проводился ряд творческих конкурсов на разные темы, среди которых главенствующее место занимает ежегодный международный смотр-конкурс лучших выпускных квалификационных работ в области архитектуры, дизайна и искусства, проводимый под эгидой Межрегиональной Общественной Организации Содействия Архитектурному Образованию (МООСАО).

Конкурс ведет свой отсчет с 1966 г., когда Союз архитекторов СССР учредил Всесоюзный смотр-конкурс дипломных работ архитектурных вузов и факультетов. С распадом СССР изменилась география, состав участников и само название конкурса. По итогам конкурса определяются лучшие выпускные квалификационные работы архитекторов и дизайнеров; также каждый год соревнуются и сами архитектурные школы, представляющие на суд жюри свои работы. Целью конкурса является выявление прогрессивных идей и достижений в области архитектурно-художественного образования.

МООСАО сегодня включает более 50 членов отечественных архитектурных учебных заведений и стран ближнего зарубежья. Со временем смотр-конкурс расширил содержательные границы: наравне с дипломными проектами по архитектуре стали участвовать дипломные проекты по дизайну.

Смотр-конкурс проходит ежегодно в разных городах и регионах

^ v Центр моды
Автор Д. А. Пак,
рук. проф. Л. В. Петрова

MITU-MACI Competitions. Participation in competitions in the context of continuous creative training of architects

России и СНГ на базе одной из образовательных организаций-членов МООСАО. В 2017 году организатором XXVI смотра-конкурса выбран Уральский государственный архитектурно-художественный университет, к 50-летию со дня основания которого и приурочен международный научно-образовательный форум. В конкурсе принимали участие представители архитектурных вузов из России, Азербайджана, Армении, Казахстана, Киргизии.

В Уральском центре развития дизайна на суд жюри 1–7 октября было представлено 625 дипломных проектов и магистерских диссертаций выпускников 64 высших учебных заведений. Очное участие в программе приняли более 100 представителей образовательных организаций высшего образования. Особенностью проводимого в Екатеринбурге XXVI смотра-конкурса является то, что впервые введены конкурсные номинации для работ в области искусства.

Расширился не только диапазон номинаций: в рамках форума проводился дополнительный международный конкурс курсовых проектов по архитектуре и градостроительству под названием «Зеленая линия», где были представлены 52 курсовые и выпускные работы из 26 вузов. Основной площадкой выставки-конкурса «Зеленая линия» являлся МВЦ «Екатеринбург–ЭКСПО» в рамках форума 100+Forum Russia.

Организаторы преследовали цель, которая заключалась в акту-

ализации творческого процесса, направленного на нравственное осмысление современного отношения к окружающей среде и улучшению состояния экологической безопасности страны в целом.

По традиции во время конкурса проходила международная научная конференция. В этом году она была посвящена пространству городской цивилизации и современным проблемам дизайн-образования. В рамках форума также проходил конкурс научной и учебно-методической литературы и мастер-классы, сходные с тематикой конференции.

Все представленные работы были разбиты по номинациям: общественные, жилые, промышленные здания; дизайн среды; организация сельской среды; градостроительство; ландшафтная архитектура и др. Отдельные комиссии создавались для оценки магистерских диссертаций.

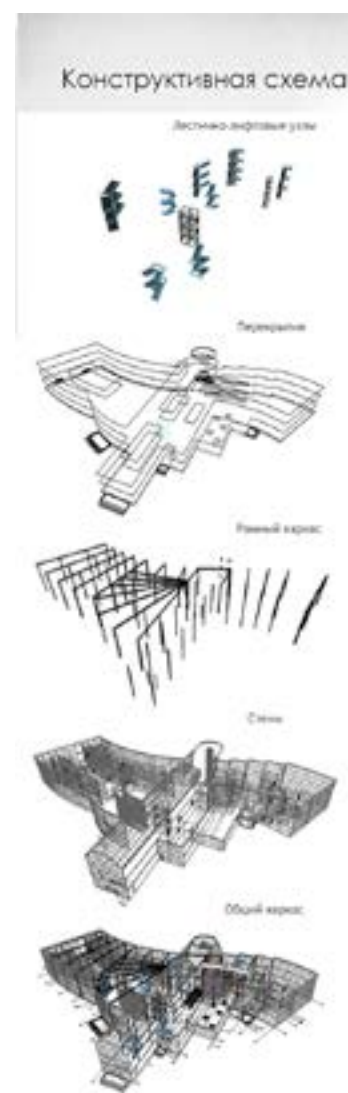
Одним из основных критериев в оценке представленных работ архитектурных школ была продуманность тематики проектов по отраслевому принципу и инновационная направленность по номинационному охвату.

Оценка работ проводилась в несколько этапов профессиональным жюри конкурса, состоящим как из общественной референтуры (представителей ВУЗов, приехавших на конкурс в составе 10–12 человек в каждой номинации), так и из председателей номинационных комиссий (ведущих преподавателей известных архитектурных школ).

Каждую работу оценивают не менее двух экспертов-членов жюри, и на основе полученных данных на заседании жюри осуществляется промежуточная оценка работ. Обсуждение проектов по номинациям – это своего рода мини-конференции, уникальные по своему содержанию и формату. На заключительном этапе председатели комиссий в разных номинациях сводили воедино полученные данные, вместе с председателем совета МООСАО оценивали работы с точки зрения концептуальной составляющей, новаторства и графического мастерства и выносили решение о присуждении дипломов I, II и III степени в различных номинациях.

В этом году профессиональное жюри ужесточило требования к представленным на конкурс работам и не присуждало III степени в различных номинациях, что несколько сузило список финалистов смотра-конкурса.

Особенно хочется отметить тематику выпускных квалификационных работ смотра-конкурса этого года, которая была актуальна и достаточно многообразна: жилые, общественные и агропромышленные комплексы, концепции реконструкции городов и поселений, музейные комплексы, реновации различного характера, научно-исследовательские центры, храмовые комплексы и др. Проекты отличались сложной функциональной и пространственной организацией, художественной образностью и хорошей графической подачей, включением новых технологий и альтернативных

> v Храмовый комплекс Троицы в Кожевниках
Автор О. Ю. Зориков,
рук. доц. Е. А. Булгакова

источников энергии, решением экологических задач [2].

Выпускные работы, представленные каждой архитектурной школой, в целом были выполнены на достаточно высоком уровне по содержанию, детальной проработке, художественной образности, инженерной грамотности. Отдельно хочется отметить предпроектную поисковую фазу работы, присутствующую почти в каждом проекте, и сравнение альтернативных вариантов архитектурного замысла [1]. Особенно это характерно для работы СГАСУ (Самарской архитектурной школы), ННГАСУ (Нижегород), УрГАХУ и МАРХИ.

Общее положительное впечатление от экспозиции этого сезона оттеняется и рядом недостатков: в проектах не всегда соблюдены принятые масштабы изображений и проекций; компоновка чертежей на планшетах требует большего внимания; преобладание художественных аспектов в разработке проектной идеи зачастую означает пренебрежение конструктивной и функциональной логикой, влияющей на осмысленность архитектурного образа.

В качестве положительного момента конкурса «Зеленая линия» можно отметить разработку сравнительно небольших объектов, в которых видна тенденция мыслить реальными объемами с особым акцентом на экологические аспекты архитектуры и ресурсосбережение.

МИТУ–МАСИ является активным членом МООСАО, в рамках этого конкурса кафедра Архитектуры представила 3 выпускных квалификационных работы разной направленности, которые были объективно оценены профессиональным жюри и продемонстрировали достаточно высокий уровень работы кафедры. Все представленные работы были отмечены дипломами II степени МООСАО и грамотами Союза московских архитекторов. В этих конкурсах студенты кафедры продемонстрировали одно из главных качеств архитектора – средовой подход к проектированию новых объектов, а также понимание сложившейся традиции городской среды.

Так, в представленной конкурсной работе «Храмовый комплекс Троицы в Кожевниках» (Зориков О. Ю., рук. доц. Булгакова Е. А.)

основной идеей проекта стало создание максимума комфортных площадей на достаточно ограниченном пространстве храмовой территории в Замоскворечье (по заказу Московской епархии). Концепция проектного предложения строилась на возможности запроектировать современный духовно-культурный центр, преобразуя, таким образом, среду современным объектом и формируя храмовый комплекс с развитой инфраструктурой (о предпосылках появления подобного объекта будет рассказано в конце статьи). Основной задачей было грамотно интегрировать здание многофункционального центра в существующее планировочное решение окружающей застройки и тем самым создать храмовый комплекс, включающей как старые, так и новые объекты. Комплекс включает в себя существующее здание Храма во имя Троицы Живоначальной, дом причта, проектируемое здание многофункционального комплекса, сквер с фонтаном, детской площадкой и аптекарским садиком, домик охраны, открытую парковку автомобильного транспорта. Представленный уровень эстетики объекта органичен для данного места расположения: концепцию отличает диалоговая корреляция декоративно-эстетических приемов облика многофункционального центра со стилистикой основного объекта – храма; обязательность благоустройства территории, удовлетворяющего религиозным функциям, требованиям комфорт-

ности зоны отдыха и «безбарьерной среды».

Обязательный выбор конкретной подосновы места расположения будущего объекта также был обязательным условием подготовленности студента к работе. И именно таким является представленный на конкурс проект «Центр моды» (Пак Д. А., рук. проф. Петрова Л. В.), где тезис о полифункциональном развитии городской среды актуализирует расположения объектов подобного типа в периферийной части города, а его образное решение (кинетический фасад, напоминающий складки ткани) отражает понимание автором современных тенденций работы с фасадной плоскостью.

Весьма актуальной стала и третья из представленных на конкурс работ – «Проект пенитенциарного комплекса СИЗО в Петропавловске-Камчатском (Абдуллина А. С., рук. проф. Тонкой И. В.)». Эта работа также выполнена по заказу администрации города в рамках реконструкции существующего объекта (положительным оказалось и благоприобретенное умение автора вступать в контакт с администрацией района и заручиться заинтересованной поддержкой своей выпускной работы).

Основной целью, поставленной автором при создании данного проекта, является выявление новых форм, методов и принципов заключения и изоляции от общества людей, преступивших закон. Данное проектное предложение построено на создании

обособленного планировочного пространства, где заключенные могут создать свой социум. Лучевая композиционная схема является базовой и ассоциативно соотносит оси с часовым механизмом, где режимные блоки располагаются на пересечении осей, а главный корпус охраны центрирован, и вокруг него симметрично расположены корпуса администрации, прогулочные двory, мастерские и другие здания обслуживания. По сравнению с прочими работами по сходной тематике, кафедра Архитектуры МИТУ–МАСИ выглядела на конкурсе вполне достойно и, таким образом, оказалась вполне подготовленной для решения задач такого уровня.

Не пытаясь в одной статье раскрыть все особенности конкурсной деятельности кафедры, хочется лишь перечислить ряд конкурсов, позволяющих сказать, что в архитектурной школе МИТУ–МАСИ сложились приоритетные направления деятельности: индивидуализация образовательного процесса и развитие творческой среды посредством конкурсной практики.

Конкурсная деятельность всегда являлась положительным опытом, где начинающий архитектор мог получить навыки командной работы, использовать эвристику, понять, что у проекта есть сроки сдачи и что оптимальное решение должно быть найдено вовремя.

Такая стимуляция творческой активности еще более отчетливо проявляется в конкурсах с международным участием. Примером может служить опыт этого года, когда в рамках выполнения курсового проекта студенты второго года обучения приняли участие в международном конкурсе WARMING HUTS COMPETITION (Канада). Требовалось создать небольшое временное сооружение, где посетители катка смогут согреться и отдохнуть. И хотя итоги конкурса еще не подведены, положительный эффект заключался в том, что, помимо раскрытия творческого

потенциала студентов, участие в международной команде повысило побудительные причины для изучения иностранных языков.

Поскольку ВУЗ является образовательным партнером детского технопарка «Наукоград», открывшегося на территории МИТУ–МАСИ, лаборатория геоинформатики с новейшими компьютерными программами и современным оборудованием (3D-принтер, сканер, лазерный гравер) позволяет стать площадкой, где проводятся актуальные сегодня воркшопы, на которых могут в короткие сроки реализовываться задачи разной сложности, а студенты выполняют задание в большой команде. При этом преподаватель уже не является ключевой фигурой: идет процесс взаимного обучения в команде [2].

Наличие в здании учебного корпуса студенческого домового храма «Введение во Храм Пресвятой Богородицы» и дисциплины по религиозному просвещению, безусловно, способствовало реализации храмотворческой деятельности на кафедре [4]. Кафедра Архитектуры МИТУ–МАСИ активно разрабатывает и внедряет в учебный процесс и творческие конкурсы тематику культурного зодчества, и в последнее время среди выпускных работ эта сложная тематика стала встречаться все чаще.

На кафедре разрабатываются авторские лекционные курсы и даются практические предложения в ответ на инициативу РПЦ. Примером может служить разработка концепции благоустройства территории храмового комплекса Евфросинии Московской в районе Котловки (Москва). Здесь речь идет об авторских решениях студентов в ответ на поставленные задачи, поиски новых идей и форм под руководством преподавателей. При проведении конкурса важна была теоретическая подготовка студентов, понимание церковных канонов и символики храма, что как раз и реализуется в рамках обязательных

факультативов «Основы духовно-нравственного воспитания».

Еще один состоявшийся архитектурный конкурс, реализованный в рамках рабочего контакта представителей духовенства и администрации МИТУ–МАСИ – это проект организации территории храма Троицы в Кожевниках (Москва). Объект, который требовалось разработать в рамках конкурса на существующей территории, позиционировался как элемент развития архитектурной среды, в то же время имея значение храмового комплекса общегородского значения.

Проектирование в рамках существующей исторической среды само по себе является сложным, не говоря уже о требованиях соответствия ограниченной храмовой территории и учета требований заказчика (представителей РПЦ). Данный конкурс вылился в реализацию проектных предложений выпускной квалификационной работы, представленной в Екатеринбурге на смотре-конкурсе лучших ВКР.

Ретроспективный обзор проектов показывает, что результаты включения таких конкурсов в практику курсового проектирования не случайны и обусловлены заинтересованностью представителей Московской епархии, которые сотрудничают с МИТУ–МАСИ.

В итоге можно констатировать, что участие в различных конкурсах позволяет держать «руку на пульсе» инновационного развития архитектуры и проводить осмысленную подготовку специалистов архитектурно-градостроительного профиля.

**Елена Булгакова /
Elena Bulgakova**

Литература

1. Ильвицкая С. В., Петрова Л. В., Булгакова Е. А., Конева Е. В. Формирование инновационных качеств методики обучения в системе подготовки архитекторов : учебное пособие // Хроники объединенного фонда электронных ресурсов «Наука и образование» [Электронный ресурс]. – <http://ofermio.ru/portal/newspaper.php> – 2015. – № 8–9 (75–76). – С. 58

2. Булгакова Е. А. Интегрирование инновационных методов образования в систему подготовки архитекторов // Электронное обучение и дистанционные технологии в образовании: опыт и перспективы развития. – 2015. – № 1. – С. 10–13

3. Ильвицкая С. В., Булгакова Е. А., Приходько В. Ф. Архитектурно-градостроительное исследование Аксаковских мест в Москве : сравнительное картографирование : коллективная монография // [Электронный ресурс]. – <http://ofermio.ru/portal/newspaper.php> – 2016. – № 6 (85). – С. 120

4. Булгакова Е. А. МИТУ–МАСИ : Московский информационно-технологический университет–Московский архитектурно-строительный институт – архитектурная школа нового типа // Проект Байкал. – 2017. – № 53. – С. 54

References

Bulgakova, E. A. (2015). Integrirovaniye innovatsionnykh metodov obrazovaniya v sistemu podgotovki arkhitektorov [Integration of innovative educational methods into the system of training of architects]. Elektronnoye obucheniye i distantsionnyye tekhnologii v obrazovanii: opyt i perspektivy razvitiya, 1, 10–13.

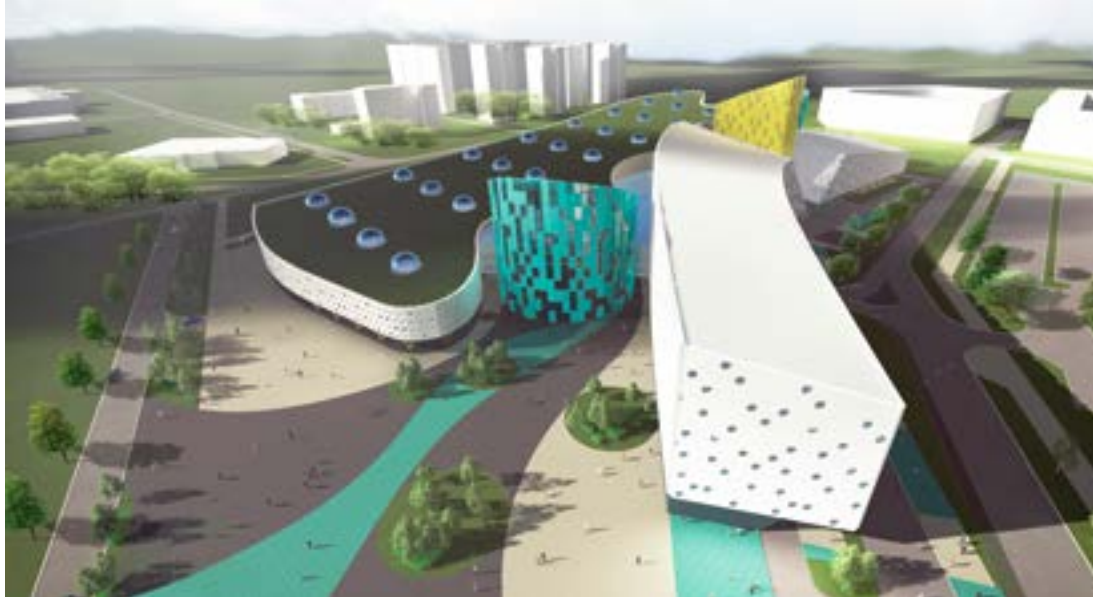
Bulgakova, E. A. (2017). Moscow Information and Technological University – Moscow Architecture and Construction Institute Is an Innovative Architectural School. Project Baikal, 14(53), 54.

Ilvitskaya, S. V., Bulgakova, E. A., & Prikhodko, V. F. (2016). Arkhitekturno-gradostroitelnoye issledovaniye Aksakovskikh mest v Moskve: sravnitelnoye kartografirovaniye: kollektivnaya monografiya [Architectural and town-planning research of Aksakov's sites in Moscow: comparative mapping], 6(85), 120. Retrieved from <http://ofermio.ru/portal/newspaper.php>

Ilvitskaya, S. V., Petrova, L. V., Bulgakova, E. A., & Koneva, E. V. (2015). Formirovaniye innovatsionnykh kachestv metodiki obucheniya v sisteme podgotovki arkhitektorov: uchebnoye posobie [Formation of innovative qualities of the teaching methods in the system of training of architects: manual]. Khroniki ob'edinennogo fonda elektronnykh resursov "Nauka i obrazovaniye", 8-9(75-76), 58. Retrieved from <http://ofermio.ru/portal/newspaper.php>

> v Пенитенциарный комплекс СИЗО в Петропавловске-Камчатском
Автор А. С. Абдуллина, рук. проф. И. В. Тонкой

< v Проект архитектурного бюро «Тектоника» (Красноярск)

Аквапарк в Красноярске. Конкурс концепций / Water Park in Krasnoyarsk. Concept Competition

Участок под строительство первого в Красноярске аквапарка площадью 30 тыс. кв. м расположен на пересечении улиц 9 Мая и Шахтеров, в непосредственной близости от крупнейшего в городе торгово-развлекательного центра «Планета» и ледового дворца «Арена. Север» в самом людном месте микрорайона Северный.

Решение проводить конкурс на архитектурную концепцию было принято сразу же после завершения конкурсных процедур на аренду участка под строительство. Было предложено рассмотреть как можно больше идей застройки участка. Именно поэтому от участников не требовалась глубокая проработка, а лишь общее видение комплекса.

Почему было решено устроить конкурс?

Во-первых, мы хотели еще до окончательного решения по функциональному наполнению комплекса сформировать собственное представление о том, как может выглядеть объект на данном участке.

Во-вторых, у нас не было опыта и критериев выбора исполнителей архитектурного проекта подобной тематики.

Целью проведения конкурса являлся поиск лучшего варианта архитектурной концепции комплекса зданий и сооружений, предусматривающей формирование пространства спортивно-оздоровительного характера и аквапарка – центра притяжения жителей и гостей города, выбирающих здоро-

вый образ жизни для себя и своих детей.

С самого начала мы допускали возможность в будущем образования некоего консорциума разных архитектурных команд. Жесткие условия аренды земельного участка вынуждали проводить конкурс в максимально сжатые сроки. Это стало первым «фильтром» для участников. Подготовку положения о конкурсе, технического задания, рассылку приглашений к участию и организацию самого конкурса профессиональным жюри проводил Союз архитекторов Красноярска. Персональное спасибо Евгению Зыкову и Дарье Беловой.

Техзадание основывалось на требованиях аукциона на аренду участка и наших «хотелок».

Проводился конкурс в одной номинации – «лучшая архитектурная концепция». Но оценивало работы архитекторов три разных жюри.

1. Профессиональное жюри, состав которого формировался по рекомендации профессионалов. В него входили только уважаемые архитекторы.

2. Жители Красноярска. Голосование проводилось на специально созданном сайте «строим-аквапарк.рф»

3. Жюри инвестора.

Победитель определялся в каждой номинации. Таким образом, была возможность получить три разных концепта-победителя. Было принято решение об участии в проектировании всех победителей.

^ Проект архитектурного бюро «АРДИС» (Красноярск)

^ Проект «KS AQUA FUN PROJECT GROUP» (Рига, Латвия)

Премии по итогам конкурса:

- одна первая (выбор профессионального жюри) – возможность заключения контракта на проектирование части комплекса общей площади не менее 1500 кв. м;
- одна вторая (выбор инвестора) – возможность заключения контракта на проектирование части комплекса общей площади не менее 1000 кв. м;
- одна третья (выбор горожан) – возможность заключения контракта на проектирование части комплекса общей площадью не менее 500 кв. м.

Стоимость контракта оформляется сторонами в отдельном договоре.

Участникам конкурса, не получившим первые три премии, выдаются поощрительные премии в размере 50 000 руб.

Критерии для оценки работ не диктовались. Члены жюри отдавали предпочтение, исходя из продуманности и изящества концепции, из собственного опыта и вкуса. Для инвестора, пожалуй, самым важным критерием была реализуемость проекта и его окупаемость. Для жителей – красивый облик комплекса.

Критерии оценки представленных проектов:

- профессиональный архитектурный уровень выполненного проектного предложения;
- соответствие проектных предложений требованиям технического задания к конкурсу;
- качество объемно-пространственного решения, достижение

наиболее выразительного образа, соответствующего духу времени и тенденциям современной архитектуры;

- раскрытие перспективной возможности для комплекса с аквапарком стать частью рекреационного каркаса города, уровень влияния нового архитектурного комплекса на формирование благоприятного имиджа города Красноярска;
- реалистичность проектных решений в реальном проектировании и строительстве с учетом технологического уровня строительного комплекса г. Красноярска, степень экономической целесообразности и инвестиционной привлекательности предлагаемых проектных решений.

Дополнительная информация и пожелания заказчика

- При создании архитектурного облика спортивно-развлекательного комплекса предложить уникальный архитектурный образ, вызывающий ассоциации, связанные с функциональным назначением.
- Необходимо создать единый архитектурный образ всего ансамбля зданий и сооружений объекта проектирования, предусмотрев возможность реализации проекта по очередям строительства. При этом реализованные объекты не должны создавать ощущение незавершенности.
- Спортивно-развлекательный комплекс должен предлагать посетителям возможность максималь-

ного погружения в мир спорта и развлечений, создавать свой мир, свою неповторимую атмосферу.

- Все объекты комплекса должны удобно связываться друг с другом. Планировочные решения должны создавать условия для удобной ориентации в комплексе и, в то же время, учитывать необходимость конвертировать трафик посетителей к якорной функции в сопутствующие услуги.
- Входная группа должна быть единой для всех объектов комплекса. Создать возможность подъезда грузового и пассажирского транспорта.

К участию в конкурсе были приглашены красноярские и иногородние архитектурные компании. На разработку эскиза архитектурным командам отводилось 18 календарных дней. Свое участие подтвердили 6 участников. 3 октября конкурс завершился. По истечении срока было сдано три анонимных концепта. Состав авторских коллективов опубликован только после подведения и обнародования всех итогов.

Профессиональное жюри лучшим проектом признало проект архитектурного бюро «Тектоника» (Красноярск).

В голосовании жителей (в нем приняло участие более 7 тысяч человек) победил проект «KS AQUA FUN PROJECT GROUP» (Рига, Латвия).

заказчик конкурса

инвестор строительства комплекса красноярская компания ООО «ТЕРМИТ»;

организатор

Красноярская региональная организация Союза архитекторов России.

состав конкурсного жюри

1. Герашенко Сергей Михайлович – директор института АиД СФУ (Красноярск)
2. Крылова Ирина Николаевна – архитектор (Красноярск)
3. Кубенский Эдуард Александрович – главный редактор издательства «ТАТЛИН», архитектор (Екатеринбург)
4. Спиридонов Алексей Николаевич – архитектор (Красноярск)
5. Ульянов Владимир Иванович – заслуженный архитектор России (Красноярск)
6. Черников Андрей Александрович – профессор международной Академии архитектуры (Москва)
7. Шумаков Николай Иванович – президент Союза архитекторов России (Москва)

Артём Руденко /
Artem Rudenko

^ Иерусалимская лестница сегодня. Фото Анатолия Бызова

Возрождение достопримечательности Иркутска. Сегодня и завтра Иерусалимской лестницы /

генподрядчик

ООО «Новая Эра»

проектирование

ООО ПТАМ «Студия 7»

ООО «Сибирская лаборатория урбанистики»

«Сибирский проектный институт»

авторы

архитекторы
Елена Григорьева
Полина Заславская
конструктор
Дмитрий Готовский

Иерусалимская лестница в цифрах

Площадь 1.2 Га
Более 100 рабочих
Время исполнения – 2 месяца
2800 м² тротуарной плитки
1200 м³ бетона
50 тонн арматуры
1100 пог.м бордюрного камня
1350 пог.м гранитных ступеней
130 ступеней, 54 фонарных столба
освещения
20 скамеек
1 фонтан

«Иерусалимская лестница – очень сложный объект. Объект, который подвергся радикальной перестройке конструкции с сохранением профиля и исторического назначения».

Дмитрий Бердников,
мэр Иркутска

Этим летом Иркутску вернули одну из главных достопримечательностей – Иерусалимскую лестницу. Лестница была построена в середине прошлого века и за долгое время сильно обветшала. Именно поэтому было запланировано восстановить и улучшить объект. Значение этой лестницы состоит в том, что она ведет к вершине историко-мемориального комплекса «Иерусалимская гора», одной из самых важных достопримечательностей областного центра. С одной стороны, там находится православный храм – Церковь Входа Господня в Иерусалим, с другой – памятник борцам революции, а между ними ворота Иерусалимского кладбища. Фактически для города это не просто лестница, а общественное пространство площадью более 1 Га. По задумке архитекторов, лестница станет важной частью большого прогулочного маршрута.

Объект очень непростой с точки зрения благоустройства и реконструкции, так как располагается на сложном рельефе. Для того, чтобы описать объемы работ, достаточно упомянуть, что на лестницу ушло 1200 кубометров бетона. Преобразование лестницы обошлось в 42 млн рублей. Благоустройство проводится в рамках реализации

проекта «Формирование комфортной городской среды».

Летом 2017 г. началась реконструкция исторического объекта, и за два месяца его удалось восстановить. Работы включали не только восстановление ступеней, но и охватили обширную близлежащую территорию. В ходе реконструкции строителями полностью обновлена имеющаяся лестница, выполнено армирование и бетонирование, укладка гранитной и бетонной плитки. Также был обустроен фонтан в память о водоразборной колонке, которая обозначена на одной из старинных карт XIX века. Забетонирована территория у основания, обновлена верхняя смотровая площадка, организован ливневый сток. Кроме этого, разбиты клумбы, привезены саженцы кустов и деревьев, установлены лавочки, обеспечено наружное освещение и подсветка элементов лестницы. Площади и лестницы дополнились несколькими крупномерными деревьями, была посажена лиственница взамен утраченной.

Благоустроенная территория входит в границы «Иркутских кварталов». «Иркутские кварталы» – проект комплексного развития центральной части города. Его цель – обновление и сохранение исторического облика всей центральной части Иркутска в границах утвержденного исторического поселения. Кроме того, это создание удобной и целостной архитектурной среды, доступной для пешеходных прогулок. В целом обновление коснется территории исторического центра

общей площадью 73 га, разбитых на 18 кварталов.

О тонкостях выбора материала и особенностях мощения Иерусалимской лестницы мы поговорили с одним из непосредственных участников процесса – производителем тротуарной плитки. На наши вопросы ответил коммерческий директор компании «Выбор» Артем Борисович Новиков.

ВЛАДИСЛАВ УРВАНЦЕВ Артем Борисович, не секрет, что данный объект до реконструкции находился в довольно удручающем состоянии. Какие работы были проделаны?

АРТЕМ НОВИКОВ Об Иерусалимской лестнице мы узнали два года назад, когда стало известно намерение города реставрировать этот исторический объект. На тот момент конструкция состояла из литых бетонных ступеней и площадок между ними. Эти площадки были практически полностью разрушены, ступени потеряли свою геометрию, а часть лестницы была и вовсе засыпана гравием.

Значимость объекта для Иркутска сложно переоценить. Это одна из главных достопримечательностей города: с верхней площадки открывается прекрасный вид на исторический центр, который в дальнейшем также планируют благоустраивать.

Долгое время мы общались с проектировщиками по поводу возможной реставрации лестницы. Рассматривалась масса вариантов – натуральный камень, монолитные ступени, тротуарная плитка. Очень рад, что в результате был выбран

^ v Фото Евгения Доманова

Revitalization of Irkutsk's Landmark. The today and tomorrow of the Jerusalem Staircase

наш материал, который сочетает в себе высокую эстетику, практичность, долговечность и несоизмеримую с натуральным камнем цену.

ВУ Были ли с вашей стороны рекомендации по выбору материала?

АН Конечно, были. Вся работа шла в тесной связке с проектировщиками и исполнителями работ. Только по нашей продукции рассматривалось около 5 вариантов благоустройства данного объекта. В конечном итоге остановились на коллекции «Стоунмикс» с фактурным слоем из натурального мрамора. Была выбрана плитка классической формы.

ВУ В Иркутске специфические климатические условия, суровые зимы. Должна ли плитка для подобных объектов обладать какими-то особыми свойствами?

АН Мы открыли для себя рынки Сибири и Дальнего Востока не так давно. Но опасений в связи с климатическими условиями у нас никогда не было. Во-первых, сибирский климат вообще очень благоприятен для нашей продукции. Циклов перехода через «ноль» здесь гораздо меньше, чем в центральной полосе или в Южном федеральном округе, а именно эти процессы максимально влияют на устойчивость и долговечность бетонов. Поэтому мы смело выходим на рынок, не сомневаясь, что наша продукция будет востребована и будет радовать сибиряков еще на многих муниципальных объектах в городах Сибири.

ВУ А как обстоят дела с использованием реагентов? Насколько они влияют на внешний вид плитки?

АН Как и любые материалы, бетонная плитка относится к реагентам достаточно критично. В наших лабораториях мы регулярно проводим испытания на воздействие реагентов, и они показывают, что плитка «Выбор» стойко и уверенно выдерживает воздействия агрессивной среды. Хочу также обратить внимание, что из-за специфики используемых материалов фактура плитки сама по себе является антискользящей, поэтому, на мой взгляд, механической очистки плитки от снега может быть вполне достаточно. Но не стоит забывать, что применение грубой силы – дорожной техники и орудий для скалывания льда – очень нежелательно.

ВУ Как осуществлялась доставка такого большого объема плитки на объект, ведь сроки были достаточно небольшие?

АН Согласен, логистически наш продукт очень непростой. Тем не

менее, спрос диктует новые решения. Наша продукция уже сейчас востребована во всех уголках страны от Калининграда до Находки. На дальние расстояния мы доставляем плитку по железнодорожной дороге.

Наши специалисты разработали уникальные в своем роде схемы загрузки тротуарной плитки, отладили подобный вид логистики. В 2017 году в Сибирский округ подобным образом было отправлено более 100 вагонов с нашей продукцией.

Хочу отметить, что большое количество заказов из этого региона и востребованность нашей продукции подтолкнули нас к идее организации местного производства, что мы сейчас с успехом и реализуем. На май 2018 года запланирован запуск завода вибропрессованной тротуарной плитки и элементов благоустройства компании «Выбор» в городе Красноярске.

Владислав Урванцев / Vladislav Urvantsev

Компания «Выбор» в цифрах

- 17 лет успешной работы
- 5 заводов в РФ, в том числе завод в Сибирском федеральном округе (Красноярск)
- Дилерская сеть в 64 регионах страны
- 5 собственных аттестованных лабораторий
- Более 500 сочетаний форм и цветов тротуарной плитки
- Более 20 видов элементов благоустройства
- Дипломант всероссийской программы «Сто лучших товаров России»
- 27 млн. м² благоустроенных территорий
- 10 лет гарантии

^ Аллея. 50x60 см. Бумага, перо, чернила

^ Двенадцать. 50x60 см. Бумага, перо, чернила коричневые

Архитектура в ритме «рок» / Architecture to the Style of Rock

v Удачи! 20x30 см. Бумага, перо, чернила

После некоторого перерыва мы возобновляем публикацию небольших эссе по мотивам рисунков архитекторов. Рисунки эти, как правило, воспринимаются самими архитекторами как нечто не совсем серьезное: наполовину развлечение, наполовину – размышления. Светлой памяти Вячеслав Леонидович Глазычев мимоходом изобрел термин «конферюшки» для графики, которая рождается в состоянии сонной медитации во время скучных конференций. Именно в таком состоянии из подсознания начинают просачиваться образы, наполненные символическими смыслами.

Расшифровка потаенных смыслов – увлекательная задача для психолога, почти в детективном жанре. Подборка наших эссе по конферюшкам архитекторов несколько лет назад даже была издана в виде небольшой книги. И вот – продолжение.

Сорок лет назад, когда я работал директором комсомольской студенческой дискотеки, один из наших диск-жокеев высказывал любопытную мысль. Он пламенно верил, что джаз и рок, по всей логике развития музыкальной культуры, должны были родиться на русской, а не на англо-американской почве. И единственное, что вызвало такую историческую несправедливость – отсутствие в СССР нескольких миллионов негров. То есть, выражаясь политкорректно, афро-россиян.

Западная музыка XX века, в отличие от предыдущих веков, развивается на ритмической, а не мелодической основе. Даже у Шнитке и Орфа, не говоря уже о «Битлз», мелодии предельно простые и

< Картинка из детства. Солнечный дождь. 30x40 см. Бумага, перо, чернила, акрил

^ Провинция. 50x60 см. Бумага, перо, чернила коричневые

^ Дом, в котором я живу. 50x60 см. Бумага, перо, чернила коричневые

незамысловатые. Иногда мелодии и вовсе нет. Но ритмы – о! – совсем другое дело. Только из африканских степей и джунглей могли прийти эти ритмические узоры, гипнотичные и совершенные, как мелодии Моцарта или Чайковского.

Четкий, сложный, математически выверенный ритм рока позволяет солисту – гитаре или голосу – любую степень хаотичности. Можно «скользить» между нотами, как это делают джазовые вокалисты. Можно кричать, визжать, хрипеть, как в некоторых разновидностях рока. Но в любом случае ударная группа и басы крепко держат упорядоченную основу. Эмоции хаотического ряда: гнев, страх, отвращение, дикая похоть и издевка – любое хулиганство солиста уравнивается ясной и прочной дисциплиной ритма.

Говорят, архитектура – это музыка в камне. Действительно, классический ордер довольно прост и монотонен в ритмическом смысле, но богат и разнообразен в плане «мелодического» декора. пышная оркестровка бравурно звучит в стиле барокко, а томительные извивы стиля модерн перекликаются с мелодикой додекафонистов и Скрябина. Бывали и такие эпохи, когда архитектура значительно опережала развитие музыкальных форм – так, ватиканские ансамбли Микеланджело появились почти на триста лет раньше, чем их музыкальный аналог, симфонии Перголези и Глюка.

Существует ли архитектурный «двойник» джаза и рока?

Джазовые принципы можно отследить в стилистике деконструктивизма. Ранние проекты Захи Хадид и Фрэнка Гери – да, они такие: неправильные углы и диссимметрия уравновешены сложным ритмом объемов. Знаменитый двойной дом в Праге по проекту Фрэнка Гери прозвали «Джинджер и Фред»; в облике этого строения так и чудится свинговый ритм и причудливая пластика степ-данса пары Астер и Роджерс.

Року повезло меньше. Архитектура все еще не освоила его эстетику с тяжелым, громохочущим ритмическим базисом и экзальтированной, тревожной мелодикой. Но где-то в глубинах бессознательного, похоже, уже идут соответствующие процессы.

Графика архитектора Сергея Демкова с первого же взгляда поражает своей многодельностью. Рисунок состоит из потрясающего множества мелких одинаковых штрихов. Иногда в этом чудится нечто почти болезненное: вот кирпичная стена, в которой каждый кирпичик состоит из множества параллельных черточек, сотни, тысячи однотипных движений руки, образующие нечто вроде полиграфического растра. Впечатление как бы даже клиническое, какой-то невроз навязчивых состояний.

Штриховка задает ровную, непрерывную вибрацию всего рисунка, как в картинах пуантилистов или византийских мозаиках. На эту равномерную ритмическую основу укладываются более крупные, но тоже ритмизован-

v Городские зарисовки. Про тень и красную трубу. 15x25 см. Бумага, тушь, акварель

^ Про птиц. 30x40 см. Графитный карандаш

^ Городские зарисовки. 20x30 см. Бумага, перо, чернила, тушь

^ Городские зарисовки. 9x12 см. Картон, тушь, гуашь

ные элементы – кирпичи стены, стволы деревьев, летящие птицы... Композиция рисунка в целом тоже строго упорядочена; четко выделен центр, жесткая рамка, сложное и внятное чередование вертикалей и диагоналей. Структура рисунка выглядит, как некая воплощенная идея Порядка и Ритма.

Но поверх четких ритмических вибраций внезапно обнаруживается слой совсем других по смыслу образов. Безлюдные улицы и дворы, обветшавшие здания, деревья в состоянии смертного зимнего сна, просто голые осенние ветки на фоне белого неба. Образы тоскливые, жутковатые и мрачные до такой степени, что начинает мерещиться уже другой невроз – тревожный. Какой-нибудь последователь Фрейда обязательно увидел бы в символическом ряде этих рисунков и базальный страх смерти, и разрушительный конфликт между либидо и мортидо, и экзистенциальное отвращение, да и невесть еще какие ужасы.

В общем, получается такой «бутерброд» из разнородных образов, который гораздо привычнее встретить в музыке – точнее, в рок-музыке того героического периода, когда рок эволюционировал от полусамодельных песенок

группы «Энималз» до масштабных полотен Эндрю Ллойда Уэббера.

Раздвоенность, расслоенность личности на две части (субличности) – вообще-то не редкость. Каждого из нас, если приглядеться, несколько. Почти не задумываясь, мы произносим привычное: «Возьми себя в руки». То есть, я тут не один, меня – двое, и вот один из меня должен взять другого из меня же в эти самые руки. Обыденное, повседневное раздвоение (растрояние, расчленение...) личности – нормальный элемент нашего безумного социума. Одна субличность заполняет пространство рисунка монотонными штриховками и симметричными акцентами, а другая субличность в то же время насыщает этот же рисунок тревожными и депрессивными символами. Ну да, у каждой из сублинностей не просто есть свой способ отклониться от равновесия, так еще и способы эти прямо противоположны.

Ну что ж, таково наше время, эпоха бытовой шизофрении. Такие ритмы в стиле рок.

А все-таки интересно было бы поглядеть – как могла бы выглядеть рок-архитектура? Может быть, справимся и без афро-россиян?

**Константин Лидин /
Konstantin Lidin**

^ Без названия. 10x20 см. Бумага, перо, чернила, белила

v Пейзаж. 20x30 см. Бумага, перо, чернила

XII Всероссийский архитектурный фестиваль «АрхБухта. Интеграция» / The XIIth All-Russian Festival "Archbukhta. Integration"

С 7 по 11 марта 2018 года Клуб Молодых Архитекторов проводит XII Всероссийский архитектурный фестиваль «АрхБухта. Интеграция».

«АрхБухта» – это фестиваль, который проводится ежегодно с 2007 года в окрестностях озера Байкал и представляет собой конкурс по созданию малых архитектурных форм и арт-объектов. В 2017 году «АрхБухта» была отмечена серебряным дипломом фестиваля «Зодчество Восточной Сибири» и дипломом участника Международного фестиваля «Зодчество».

Проведение фестиваля определено потребностью в благоустройстве городского пространства и создании рабочей площадки для развития и самореализации творческой молодежи.

Главная идея фестиваля – продвижение идей студентов, молодых специалистов и творческих объединений по благоустройству среды и принесение фактической пользы городу путем размещения арт-объектов на городских площадках.

В рамках фестиваля основной задачей участников становится творческий поиск образов арт-объектов и их осуществление (т. е. наполнение сущностью, сутью, идеей, духом) в виде функциональных, эстетически выразительных и конструктивно проработанных предметов городской среды, которые наполнят собой строгое го-

родское пространство необычными средствами благоустройства улиц и зеленых территорий, которые будут притягивать взгляды прохожих, приобщать к искусству и служить им во время отдыха.

Выбор средств художественной выразительности в пространстве городских улиц имеет максимальные шансы на то, чтобы стать частью запоминающегося образа среды. Функциональная оптимизация пространства обретает дополнительную силу благодаря использованию элементов искусства с характерными образными признаками.

Формирование среды для культурного диалога с человеком на городских пространствах многократно расширяет возможности воздействия на его эмоции, предлагая не просто трансляцию известных художественных сюжетов из прошлого, но наполняя реально новым смыслом и новыми акцентами общественные пространства. При взаимодействии с природными компонентами ландшафта подобные художественные знаки в городской среде создают один из устойчивых визуальных кодов пространства и получают возможность вызывать интерес у жителей и гостей города.

Каждая команда участников станет автором уникальных арт-объектов. Совместно с администрацией города Иркутска уже определены площадки для их размещения.

Нововведением 2018 года будет проведение конкурса проектов по

благоустройству городской среды, который будет проходить по следующим номинациям:

1. Курсовой студенческий проект благоустройства среды.
2. Проект арт-объекта в городской среде.
3. Современное творчество (фотоколлажи, живопись, графика, компьютерная графика, аппликация).

Это даст возможность студентам и молодым архитекторам со всей России публично представить свой опыт, предложения и проектные решения, создаст условия для раскрытия творческого потенциала участников.

В 2018 году фестиваль будет проходить при поддержке ряда крупных организаций: администрации города Иркутска, Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь), Иркутской региональной организации «Союз Архитекторов России» и других.

Заявки принимаются с 1 января по 15 февраля 2018 года. Всю информацию об участии вы можете найти здесь: <https://vk.com/archbukhta>.

Ваши вопросы и пожелания по организации фестиваля «АрхБухта» присылайте по адресу: archbukhta@gmail.com

Приглашаем вас принять участие в событии всероссийского масштаба, ярко и творчески провести первые весенние дни!

Малые города

Малые города борются за жизнь в условиях центристской урбанизации. Во второй половине октября сразу два форума – в Москве и в Туле – были посвящены этой теме. 17 октября в Центральном Доме Архитектора развернулась дискуссия на тему малых городов. Профессионалы и гражданские активисты обсудили проблему на плановом заседании Совета по градостроительному развитию Москвы Союза архитекторов. Президент Союза малых городов РФ Е. М. Марков призвал профессиональное сообщество «возвысить свой голос» и «найти формулы сбалансированного развития населенных мест различной величины». Участники дискуссии сошлись в одном: небольшие населенные пункты – это не только экономические ячейки, это, прежде всего, культурные и социальные пространства для жизни людей, которые необходимо развивать и поддерживать. Миссия архитекторов состоит в том, чтобы способствовать решению этих задач, разрабатывая и предлагая грамотные подходы к созданию комфортной среды обитания и оптимизации пространства, одновременно сохраняя уникальный облик города и его самобытность.

С 19 по 21 октября в Туле прошла VIII Всероссийская конференция «Сохранение и возрождение малых исторических городов и сельских поселений: проблемы и перспективы. Комплексные программы развития». По поводу своих достижений и проблем, новых проектов и редких в нынешних условиях реализаций выступили представители органов охраны наследия, реставраторы и общественные деятели из областных центров, малых городов и поселений (Нижний Новгород, Рязань, Самара, Гороховец, Коломна, Ясная Поляна, Крапивна и др.). Сибирь была представлена Иркутском (Елена Григорьева рассказала о реализации 130 квартала и проекте Иркутских кварталов) и Енисейском – старейшим городом, который готовится к своему 400-летию в 2019 году. Исторический центр города Енисейска с 2000 года внесен в предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Участники посетили музей-усадьбу Л. Н. Толстого Ясная Поляна, уездный город Крапивна (ныне село Тульской области, открыли Музей деревянного наличника в Туле. Конференция была организована Министерством культуры РФ при участии Минстроя.

ЗВС-18 в Барнауле

Правление Алтайской краевой организации Союза архитекторов России (председатель правления Петр Анисифоров) приступило к первому этапу подготовки XVIII Межрегионального фестиваля ЗВС-18. Впервые Фестиваль пройдет на территории Западной Сибири – в Барнауле. Определены даты проведения фестиваля: 18–22 июля. По окончании традиционной программы 23–26 июля участникам будет предложен выезд в Горный Алтай для знакомства с историко-культурным наследием Алтая.

АРХИГЕШ-2018

XIII Межрегиональный форум архитекторов-горнолыжников состоится, как обычно, в Шерегеше (Горная Шория) 18–23 марта. Официальное открытие фестиваля 19 марта, соревнования по горным лыжам и сноуборду (слалом-гигант) 21 марта утром, турниры по настольному теннису, бильярду, шахматам, шашкам – вечером того же дня в гостинице «Ольга». Кроме команд Сибири и Урала, участие примут столичные архитекторы. Организатор – Новокузнецкая организация СА России (председатель правления Антон Тен).

Борьба за Дворец (Иркутск)

Правление Иркутской организации СА России при поддержке Управления архитектуры и градостроительства города вступило в борьбу за сохранение облика Дворца бракосочетаний на площади Конституции в Иркутске. В результате постоянно критикуемой системы тендеров проект капитального ремонта Дворца бракосочетания попал в проектирование не к авторам, а к одной из проектных организаций г. Новокузнецка. Иногородние проектировщики не приняли во внимание значение объекта, получившего в свое время

общественное признание – Премию губернатора Иркутской области в области культуры и искусства за 2004 год – и решение градсекции городского градостроительного совета от 5.12.2014 года о необходимости привлечения к работе автора-архитектора для того, чтобы принимаемые решения были адекватны существующему зданию и месту. Автор-архитектор Елена Жижченко разработала решение по отделке фасадов и предложила его Службе ЗАГС в феврале 2015 года. Служба игнорировала все предложения, ссылаясь на отсутствие необходимости выполнения решений градсекции, так как эти решения являются рекомендательными. В сентябре 2017 года была проведена градсекция, где Службе ЗАГС повторно было рекомендовано представить на согласование проект фасадов здания. В техническом задании на проектирование, помещенном в тендерной документации в 2014 году, одним из требований было согласование фасадов с заказчиком и Управлением архитектуры. Это требование было проигнорировано и проектировщиками, и заказчиком – Службой ЗАГС области. В настоящее время идет обмен мнениями между высокими городскими и областными инстанциями. Минстрой, не вникая в существо проблемы, выразил мнение, что если проект прошел экспертизу, то формальность соблюдена, и все в порядке. То, что столица региона потеряет качество и визуальный облик одного из своих знаковых зданий, оказалось неважно. Видимо, в наше время традиции соблюдения авторского права в отношении объектов архитектуры не только не укореняются, а, напротив, утрачиваются. Даже в отношении объектов, получивших профессиональное, общественное и государственное признание.

The 19 session of International Baikal Winter University of Urban planning design will traditionally take place in Irkutsk at the National Research Technical University from 10st of February till 4th March of 2018. 30 students and young specialists in the field of architecture and urban planning will present their project suggestions on several sites of Irkutsk. The topic of the upcoming session is «Brownfield (re) development - new perspectives for "Zaton"».

This year international teams will work on transformation of industrial areas of the city and also on public, business and residential areas surrounding Angara and Irkut rivers. The Pilots of the session are Barbara Engel, Doctor of Technical Sciences, Professor for International Urban Planning and Design, Karlsruhe Institute of Technology and Candidate of Architectural Sciences, Professor of the Department of Urban Development and Architectural Design, National Research Irkutsk State Technical University Valery Kozlov.

Traditionally, during the workshop international experts will give lectures on the topic of the session, which will be free for visit.

<http://winteruni.com/>

*International
Baikal
Winter
University of
Urban Planning*

WINTER
UNI

С 10 февраля по 4 марта в Иркутске состоится 19-я сессия Международного Байкальского Зимнего Градостроительного Университета. Мероприятие традиционно будет проводиться в стенах ИРНТУ, где 30 студентов и молодых специалистов в области архитектуры и градостроения предложат свои проектные решения по территории Затона. Тема предстоящей сессии «Браунфилд - новые перспективы для полуострова Затон».

В этом году международным командам предстоит разработать концепцию трансформации промышленных зон, а также общественно-деловых зон и жилой застройки на территории, прилегающей к рекам Ангара и Иркут.

Научными руководителями сессии выступят международный эксперт, архитектор и градостроитель, доктор технических наук, профессор, глава кафедры Международного городского планирования и дизайна факультета архитектуры в Технологическом институте Карлсруэ, Германия Барбара Энгель и кандидат архитектуры, профессор кафедры архитектуры и градостроительства и кафедры архитектурного проектирования Иркутского национального исследовательского технического университета Валерий Козлов.

Традиционно во время проведения воркшопа пройдут лекции международных экспертов по теме сессии, посетить которые может любой желающий.

КОМПАНИЯ «ВЫБОР» – ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬ ТРОТУАРНОЙ ПЛИТКИ И ЭЛЕМЕНТОВ БЛАГОУСТРОЙСТВА
17 лет успешной работы позволили стать лидерами в технологии производства тротуарной плитки.
8-800-77-00-110
ВЫБОР.РФ

Плитка по ГОСТу / Russian Standard Paving Flagstone

Разговор корреспондента журнала Проект Байкал с коммерческим директором компании «Выбор» Артемом Новиковым состоялся на одном из заводов предприятия, расположенном в Московской области. Первое, на что обращается внимание при посещении предприятия – безукоризненная чистота и порядок во всем. Складывается впечатление, что вы находитесь на фармацевтическом предприятии, а не на производстве. Следов пресловутой бетонной пыли нет нигде, даже в производственном цехе. На заводе имеется своя лаборатория, где контролируется качество каждого изделия. Поражают размеры склада готовой продукции, по которому без усталости снуют погрузчики. Мы не стали тревожить вежливый персонал предприятия и, вос-

пользовавшись гостеприимством руководства, за чашкой чая задали несколько вопросов о деятельности компании.

ПБ Компании «Выбор» удалось сломать стереотип, что бетонная плитка – это зачастую недолговечное серое изделие. Вы очень высоко подняли планку качества тротуарной плитки, были инициаторами разработки принципиально нового ГОСТа для этой продукции. Как сегодня развивается компания?

АН Да, вы владеете совершенно верной информацией! Необходимость в выпуске нового ГОСТа для нас как для компании, считающей приоритетом потребность покупателя в качественном продукте, стала очевидной уже давно. Разработка нового ГОСТа 17608 начата в марте 2015, сейчас ГОСТ находится на

этапе утверждения и в марте 2018 года должен вступить в силу.

Но, независимо от сроков вступления в силу нового ГОСТа, работа над совершенствованием технических характеристик нашей продукции не прекращается никогда. На данный момент мы работаем по ТУ, значительно превышающим требования действующего ГОСТа. Технологи четко контролируют процесс выпуска продукта на всех этапах его производства. Они постоянно вносят свои предложения по усовершенствованию прочности и долговечности продукта, по увеличению его морозостойкости и стойкости к воздействию факторов окружающей среды. Отдел контроля качества тщательно проверяет все выходные параметры каждой партии.

ПБ Ваша продукция составляет весомую часть рынка тротуарных плит на территории России. Чтобы обеспечивать такой охват в нашей обширной стране, надо располагать большой производственной базой и обладать хорошей логистической цепочкой. Практически, вы единственные, кто может стать действительно федеральной компанией по производству тротуарной плитки на территории России. Какие про-

изводственные мощности для этого есть у компании? Планируется ли открытие новых заводов, помимо имеющихся?

АН На данный момент в арсенале компании 5 собственных заводов, выпускающих более 2,5 млн. кв. м продукции в год. Наличие собственного карьера инертных материалов, собственный плавучий грейферный земснаряд, дробильно-сортировочный завод, растворобетонные узлы – все это гарантирует отсутствие сбоев в поставке сырья. Собственные подъездные железнодорожные пути позволяют поставлять продукцию в любой уголок России.

Что касается планов открытия новых заводов, то, конечно, в целях компании иметь производственные площадки на всей территории России.

ПБ Ваша дилерская сеть сегодня охватывает 64 региона России. Во всех ли регионах доступен полный ассортимент ваших изделий? Как доставка по такой широкой дилерской сети отражается на качестве и стоимости продукции?

АН Во всех регионах, во всех офисах продаж представлен полный ассортимент нашей продукции. Помимо этого, при каждом заводе

и практически при каждом офисе продаж существует выставочный парк, замощенный нашей плиткой, благоустроенный скамьями и малыми архитектурными формами.

Удачное географическое расположение наших заводов позволяет минимизировать транспортные затраты покупателя. Доставка осуществляется спецтранспортом, оборудование которого исключает повреждение продукции при транспортировке.

ПБ Насколько качество плитки зависит от оборудования, на котором оно производится? Почему применяется метод полусухого вибропрессования?

АН На рынке представлено много производителей оборудования для изготовления тротуарной плитки, но компания «ВЫБОР» выбирает только лидеров отрасли. На наших заводах по производству плитки и элементов благоустройства стоят исключительно немецкие линии HESS и MASA. Технология полусухого вибропрессования имеет неоспоримые достоинства при производстве бетонных изделий.

Она обеспечивает:

– более точную геометрическую форму продукции;

– равномерные стыки и простоту укладки тротуарных плит;

– высокопроизводительный метод: мы выпускаем до 7 партий различной продукции в смену;

– большая степень уплотнения используемой бетонной смеси, в результате чего выпускаемые изделия обладают высокими техническими характеристиками и долгим эксплуатационным сроком.

На свой продукт компания «ВЫБОР» дает 10 лет юридической гарантии. Фактически же наша плитка при правильной укладке, правильном уходе и соблюдении норм эксплуатации, прослужит вам и 30, и 40 лет.

ПБ Многие коллекции плитки имеют фактурный верхний слой, некоторые из них практически не отличимы от натурального камня. Какая технология применяется при производстве?

АН Такой эффект получается в результате применения нескольких технологических особенностей изготовления тротуарной плитки. Важным элементом при получении этого вида продукции является также применяемое сырье: это мелкие гранитные и мраморные отсеивы, которые, помимо технологических особенностей, придают продукции

дополнительный блеск натурального камня и долговечность.

ПБ Ваша продукция украшает многие знаковые объекты на территории России. Известно, что участие в таких проектах содержит множество нюансов. С чем приходится сталкиваться в процессе выполнения заказа?

АН Да, были интересные заказы. Например, можно вспомнить, как мы доставляли нашу продукцию вертолетами на труднодоступные площадки курорта Роза Хутор (п. Эсто-Садок, Красная поляна, Сочи).

ПБ Нам стало известно об открытии производства в Сибири. Расскажите, пожалуйста, поподробнее.

АН С удовольствием! Официально сообщаем, что компания «ВЫБОР» теперь и в Сибири! В мае 2018 открывается и начинает работать завод в Красноярске. Новый завод будет выпускать полный ассортимент продукции компании. Тротуарная плитка, бордюры, заборные блоки. Теперь наша продукция стала доступнее, и мы готовы благоустраивать города Сибирского Федерального округа. Приглашаем к сотрудничеству архитекторов и проектировщиков. Сделаем города красивее и комфортнее.

^ Выступление главы города Нижнего Новгорода Елизаветы Солонченко

Деревянный Нижний: у точки невозврата / The Wooden Nizhny: at the Point of No Return

14 ноября 2017 года в киноконцертном зале Арсенала (Волго-Вятский филиал ФБУК Государственного музейно-выставочного комплекса «РОСИЗО») прошла конференция «Деревянный Нижний: у точки невозврата».

Главным организатором мероприятия выступила экспертная платформа Музея архитектора Святослава Агафонова «Культурное наследие».

В конференции приняли участие эксперты из Иркутска (Григорьева Елена Ивановна, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, лауреат Государственной премии РФ, Заслуженный архитектор России), Санкт-Петербурга (Мильчик Михаил Исаевич, член Союза архитекторов России, Российского комитета ИКОМОС, Федерального Совета по сохранению культурного наследия при Министерстве культуры России, президиума Петербургского отделения ВООПИиК, лауреат

премии им. академика Д. С. Лихачева), Томска (Кирсанов Никита Олегович, председатель Комитета по сохранению исторического наследия администрации города Томска), а также представители региональной и муниципальной власти (глава Нижнего Новгорода Елизавета Игоревна Солонченко и руководитель УГО ОКН НО Надежда Александровна Преподобная).

Среди гостей также присутствовали: архитектор, лауреат губернаторской премии в области архитектуры, главный архитектор Иркутской области в 2006–2008 и 2013–2015 гг. Буйнов Алексей Николаевич; главный архитектор Нижегородской области Попов Сергей Геннадьевич; координатор Нижегородского отделения Центра прикладной урбанистики Зоя Рюрика; члены Общественной палаты Нижнего Новгорода, представители градозащитных сообществ.

Михаил Мильчик в своем выступлении привел примеры бережного отношения к деревянному

зодчеству в крупных городах США, Финляндии, Швеции.

Елена Григорьева рассказала об опыте комплексного преобразования исторического квартала Иркутска («130 квартал»).

Нижегородские градозащитники отметили критическое состояние памятников деревянного зодчества и заявили, что к 800-летию юбилею города мы рискуем остаться без исторического центра, если в ближайшее время не принять экстренных мер по спасению того, что составляет его уникальный исторический облик. Также они представили результаты первичного экспресс-анализа объектов деревянного зодчества, расположенных в границах исторических территорий. Из 692 деревянных зданий ими было выделено 312 объектов, обладающих исторической ценностью и предлагаемых к сохранению. Было предложено пойти по пути Томска и включить эти объекты в так называемый список ценной среды. Далее эти объекты могут быть

переданы инвесторам по льготной цене с условием восстановления и приспособления под современное использование.

Никита Кирсанов ответил на вопросы о механизмах реализации томской муниципальной программы «Рубль за метр».

Глава города выразила готовность использовать позитивный опыт других городов и заявила о приостановке назначенных аукционов на право заключения договоров о развитии застроенных территорий. Надежда Преподобная выразила готовность от имени Управления выступить разработчиком концепции сохранения историко-культурного наследия.

Остается надеяться, что эта идея будет поддержана и новым руководителем региона, от которого зависит, перейдет ли наш город от уничтожения культурного наследия к его принципиальному сохранению и восстановлению, или нет.

**Марина Чуфарина /
Marina Chufarina**

^ Дом 3 по ул. Славянской

^ Дом 49/6 по ул. Студёной

востокозапад / eastwest

Толерантность и способность безболезненно включать в себя заимствованные элементы рассматриваются как атрибутивные особенности русской культуры и русского языка. Сопоставление базовых положений конфуцианства с соответствующими положениями западной идеологии показывает, что различия между ними носят принципиальный характер. Культ прошлого (принцип «сяо») и положение о глубинном неравенстве людей (деление на «цзюнь-цзы» и «сяожень») в конфуцианской философии определяет идеологию архитектурно-градостроительной сферы. Несмотря на то, что многие принципы строительства были открыты в Китае задолго до их европейских аналогов, в новое и новейшее время они же сыграли тормозящую роль в развитии архитектуры региона. Сделан вывод о взаимодополнительности западного и восточного подходов. Различия в базовых положениях не только затрудняют взаимопонимание, но и формируют перспективы совместного развития.

Ключевые слова: культурология; архитектура; градостроительство; история; конфуцианство; востокзапад /

The tolerance and ability to smoothly admit borrowings are considered as attributive peculiarities of the Russian culture and the Russian language. Comparison of Confucianism's fundamentals with corresponding principles of western ideology reveals essential differences between them. The cult of the past (the principle of xiao) and the idea of deep inequality of people (division into junzi and xiaoren) in the Confucian philosophy define the ideology of the architectural and town-planning field. Despite the fact that many construction principles had been established in China long before their European counterparts, in the modern and contemporary times they have slowed down the development of architecture of the region. The article makes a conclusion on mutual complementarity of the western and eastern approaches. The differences in basic principles not only hinder mutual understanding, but also provide prospects for joint development.

Keywords: culturalology; architecture; town planning; history; Confucianism; eastwest

Сплошные вопросы К проблеме межкультурного взаимодействия Востока и Запада /

текст
Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Философ и визионер Рудольф Штайнер, основатель вальдорфской педагогики, рекомендовал изучать в школах не меньше двух иностранных языков, причем один из них – русский. Особое внимание к русскому языку обосновывалось уникальной его способностью впитывать в себя элементы других наречий – как западных, так и восточных.

Действительно, уже образование русского языка на фоне многочисленных славянских диалектов тесно связано с крещением Руси и мощным культурным влиянием Византии. Вместе с православным христианством русская культура впитала множество ярких образцов византизма, а русский язык – множество слов с греческими и латинскими корнями. Особенно много таковых в области философии, теологии, парадно-торжественных речениях. Парадокс заключается в том, что Византия много веков оставалась военным и политическим соперником растущей Киевской Руси, объектом грабительских набегов русских князей в их стремлении «прибить свой щит на врата Цареграда».

Противостояние с Османской империей и многочисленные русско-турецкие войны сопровождались заимствованиями из тюркских языков. Многие слова ирано-тюркского происхождения уже совсем «обрусели», особенно потому, что относятся они к бытовой, повседневной реальности. Такие слова, как «кирпич», «сарфан», «кулак», «товар» (и его производное, культурное слово советского периода «товарищ») пришли в русский язык в XIII–XVII веках, да так и прижились.

Соперничество со шведами и голландцами в эпоху преобразований «от Петра Первого до Екатерины Второй» сопровождалось бурным потоком германизмов, хлынувшим в сферы военного дела, металлургии и металлообработки, кораблестроения, минералогии и химии. «Солдат», «штраф», «маршрут», «слесарь», «шлифовать» и так далее – все это более или менее русифицированные германизмы [1].

Во времена царствования Екатерины Великой начинается увлечение французским языком, что в значительной мере сформировало русскую аристократическую культуру XIX века. Галлицизмы в русском языке кон-

центрируются в лексико-семантических полях «Мода», «Искусство», «Театр» и, конечно же, «Еда» [2]. Изящная музыка пушкинской речи во многом обязана французским заимствованиям в русском языке.

Военно-политическое противостояние с британо-американским блоком, к счастью, так и не разразилось «горячей» войной. Однако почти полвека войны «холодной» оказалось достаточно, чтобы русский язык впитал в себя сотни англицизмов – почти вся терминология в области экономики и финансов, управления (менеджмента), информатики заимствована из «американского английского».

На фоне подобной толерантности русского языка странно выглядит немногочисленность заимствований из языков «соседей с Востока». Слова, пришедшие к нам из японского, относительно редки и однозначно опознаются как иностранные. «Суши», «самурай», «сяо», «каратэ» – все это слова уже привычные и понятные, но все-таки нерусские, чужие.

Из китайского языка, несмотря на давние и постоянные контакты, не заимствовано почти ничего. Прижилось слово «женьшень», практически своим стали слова «чай», «жемчуг» и «кетчуп» (первоначально так назывался рыбный соус в кантонской кухне). Остальные, вроде «кунфу», «тайфун», «фэншуй» продолжают восприниматься как сугубая экзотика.

Что же мешает воспринимать слова (а значит, и понятия, и образы) китайского, японского и прочих восточно-азиатских культур – даже такому всеядному языку, как русский?

Экономические успехи Китая в последние десятилетия однозначно выдвинули его на роль лидера и представителя совокупной культуры региона. Тихоокеанская Юго-Восточная Азия теперь воспринимается как область «конфуцианской цивилизации» [3]. Официальная идеология Китая также все более явно выдвигает лозунги поворота к традиционной конфуцианской морали [4]. Сопоставляя базовые постулаты западной идеологии с мыслями «Учителя Куна», мы попробуем понять наиболее глубокие различия между современным Востоком и Западом.

Прошлое или будущее?

Среди конфуцианских принципов особое место занимает принцип «сяо» – 孝 (xiào) – почитание родителей, усердное служение родителям, усердное исполнение воли предков, усердное исполнение сыновнего (дочернего) долга, траур, траурная одежда. Сразу отметим, что тут речь не просто о моральном долге заботы о пожилых родителях. Принцип сяо лежит в основе культа предков, присущего китайской культуре с самого ее возникновения. Представление о том, что старшее, предыдущее поколение важнее и ценнее, чем новое, молодое – этот постулат пропитывает все стороны культуры и даже экономики конфуцианского типа.

Принцип сяо сформулирован в одной из книг классического конфуцианского канона, в книге «Сяо Цзин». Однако более популярное изложение принципа – в виде серии притч – содержится в книге Го Цзюй-цзиня «24 примера сыновней почитательности» (XIII век, династия

Юань). В этих историях фигурируют разные люди – от императоров до нищих бедняков, что подчеркивает фундаментальный, обязательный для всех без исключения характер принципа сяо. Вот несколько примеров:

«Позволить комарам насыщаться кровью»

У Мэн жил в Пуяне (местности на территории современной провинции Хэнань) при династии Цзинь (265–420). Он стал охотно и умело служить родителям уже в 8 лет. Семья была бедной, москитной сетки не было, и комары так кусали отца, что он не мог спать. Поэтому летними ночами У Мэн сидел голым возле постели отца, терпел укусы комаров и не прогонял их, боясь, как бы они не покусали отца».

В этой истории сыновняя почитательность остается без награды, она ценна сама по себе. В других историях награда посылается высшими силами. Пожалуй, наиболее экзотично выглядят истории, в которых награда заключается в получении высокой чиновничьей должности:

A Pack of Questions

On the problem of intercivilisational relations between East and West

^ Японская ксилография по мотивам притчи «Йоко защищает своего отца от тигра». Четырнадцатилетний Йоко увидел, что тигр напал на его отца. Мальчик преисполнился такого отцелюбия, что бросился на тигра с голыми руками и чуть не задушил зверя

^ Запретный город Гугун в Пекине. Предельная упорядоченность и концентрическая структура совпадают с признаками Идеального города Платона

^ Современная японская роспись по фарфору по мотивам притчи «Позволить комарам насыщаться кровью» из книги «24 примера сыновней почтительности»

«Плакать в зарослях бамбука, чтобы бамбук дал побеги»

Жил-был в эпоху Троецарствия в Цзянься Ся некий Мэн Цзун. Будучи юношей, он потерял отца, а мать его тогда уже была на склоне лет и сильно болела. Врач прописал ей суп из свежих побегов молодого бамбука. Но стояли суровые морозы, и негде было взять свежих побегов бамбука. Мэн Цзун, не зная, что делать, побежал в бамбуковую рощу, взялся за стебли бамбука и заплакал. Неожиданно он услышал внизу, прямо под ногами, треск и заметил, что из-под земли показались нежные молодые побеги бамбука. Обрадовавшись, Мэн Цзун набрал бамбуковых побегов, сварил суп, после чего мать и в самом деле выздоровела. А позже он в своем карьерном росте дошел до должности сы куна [5].»

Долг перед предками носит запредельный и мистический характер. Следует почитать и ухаживать не только за живыми родителями, но даже и за мертвыми:

«Услышав гром, плача, бежит успокаивать мать, давно лежащую в могиле»

В эпоху Вэй–Цзинь (220–420) в Инлин (ныне юго-восток уезда Чанлэ провинции Шаньдун) жил некий Ван Поу, эрудированный и даровитый человек. Отец его, Ван И, был убит человеком по имени Сыма Чжао [6]. Ван Поу учительствовал, сторонясь общественных дел. За всю жизнь он ни разу не сел лицом на запад [7]. Его мать при жизни очень боялась грома. Похоронена она была в горах, в лесу. Каждый раз в ветреную и дождливую погоду с грозой он бежал в лес, к могиле и, кланяясь в ноги, утешал мать: «Не надо бояться, Ваш сын здесь». Когда он читал во время уроков песню из «Шицзин» [«Скорбь по умершим родителям» – А. М.], слезы ручьем бежали по его лицу, так скучал он по родителям» [8].»

Принцип сяо активно пропагандируется в современной Китае. Недавно переизданная книга «24 примера сыновней почтительности» дополнена советами вроде «Научите родителей пользоваться ай-фоном», «Пригласите родителей в караоке» и так далее. Не правда ли, на наш западный взгляд эти истории кажутся довольно-таки нелепыми и не вызывают того эмоционального отклика, на который явно рассчитаны?

Для сравнения можно вспомнить притчу, которой приписывается то персидское, то дагестанское проис-

хождение (во всяком случае, не дальневосточное): некий юноша полюбил жестокую красавицу, а та потребовала принести ей сердце матери этого юноши. Держа в руках окровавленное сердце, он торопился к своей возлюбленной и споткнулся на дороге. И тут сердце матери спросило его: «Ты не ушибся, сынок?».

Готовность жертвовать собой ради последующих поколений так же глубоко укоренена в культуре Запада, как противоположный принцип сяо – в культурах конфуцианского Востока. И даже экономика Запада ориентирована в основном на операции с будущим – кредитование и инвестирование, тогда как экономические успехи Японии, Кореи и Китая опираются на активную работу с прошлым, на накопление и ренту.

Равенство или неравенство?

Продолжая рассматривать базовые принципы конфуцианства, мы встречаем понятие «благородного мужа» (君子 (jūnzǐ) – Цзюнь-цзы, благородный муж, совершенный человек, человек высших моральных качеств, мудрый и абсолютно добродетельный человек, не делающий ошибок). Ему комплементарно понятие «маленького человека» (小人 (xiǎorén) – Сяожэнь, низкий человек, подлый люд, антипод Цзюнь-цзы, простой народ, малодушный, неблагородный человек. Позднее стало использоваться в качестве уничижительного синонима местоимения «я» при обращении к старшим – властям или родителям).

Благородный муж – это человек, предназначенный править. Он наделен способностью чувствовать истинный смысл и ход исторических процессов Дао-Дэ (道 (dào) – Дао, Дао-путь, Путь, истина, способ, метод, правило, обычай, мораль, нравственность; 德 (dé) – Дэ, благая сила, мана (по Е. А. Торчинову [9]), моральная справедливость, гуманность, честность, сила души, достоинство, милость, благодеяние).

Только благородный муж может привести общество к подлинному процветанию (大同 (dàtóng) – Датун, Великое Единение, согласованность, полная гармония, полное тождество). Если во главе общества окажутся маленькие люди, они тоже могут добиться относительного благополучия, но это будет лишь некий суррогат, лишенный величия и развития (小康 (xiǎokāng) – Сяокан, неболь-

< Портрет Кун-цзы (1770 год). Учитель Кун сам никогда не называл себя благородным мужем, но его потомки, без сомнения, почитают его как истинного цзюнь-цзы

> Покуда философы и культурологи пытаются осознать сложности проявления принципа «сяо», практики в области рекламы уже вовсю используют его для привлечения китайских туристов. Вот такую серию открыток выпустило иркутское издательство (дизайн открыток Павел Скоробогатов). Имитация старины привлекательна благодаря почтению, которое китайцы испытывают к прошлому. Особенно современные китайские горожане, старые дома которых брошены в деревнях или снесены при застройке новых жилых районов.

шой (средний) достаток, состояние общества, в котором изначальное Дао утрачено, среднезажиточное общество).

При этом понятие «сяожень» вовсе не несет того презрительного оттенка, который получается при переводе. Быть маленьким человеком не стыдно и не позорно. У сяожней, как и у цзюнь-цзы, свои радости и гордости и свое предназначение в обществе. Добровольное и мирное сотрудничество людей «маленьких» и «благородных» служит основой для достижения Хэ (和 (hé) – Хэ, гармония, мир, согласие, мирный, спокойный, безмятежный, соответствующий, подходящий, умеренный, гармонизировать с окружающим, вторить, подпевать, умиротворять, итог, сумма. По Л. С. Переломову: «достижение единства через разнообразие мнений» [10]).

Демократия и эгалитаризм, которыми так гордятся западные культуры, глубоко чужды и непонятны людям Востока. Может быть, каждую кухарку и можно научить управлять государством (согласно расхожей цитате из Ленина), но такое управление будет лишено перспектив и дальновидности, ведь государство – не кухня.

Вместо демократии конфуцианство предлагает меритократию – не власть народа, но власть достойных. Согласно меритократии, руководящие посты должны занимать не самые богатые и не самые популярные, но самые способные и талантливые (наиболее близкие к образу Цзюнь-цзы). Здесь у Конфуция прослеживается явная переключка с идеями Платона и его образами «государя-философа».

Опыты Платона по насаждению меритократии при дворе сицилийских тиранов Дионисия I и Дионисия II окончились полным провалом [11]. Точно так же Конфуций, срок лет странствуя по уделам разваливающейся империи Чжоу, так и не смог воплотить на практике свои идеи. Но в новейшее время судьба этих учений расходится.

В отличие от идей Платона, конфуцианская концепция деления общества на «благородных» и «маленьких» людей, живущих при этом в семейном мире и равновесии, нашла реальное воплощение в конце XX века. Стремительный экономический подъем Южной Кореи и Сингапура (под управлением военных диктаторов) заставил усомниться в преимуществах демократии западного образца, а последующий подъем экономики Китая

добавил сомнений. Государство, в котором и «маленькие», и «благородные» люди готовы поступаться своими личными интересами ради общего процветания, оказалось весьма конкурентоспособным. Как выразился лидер Сингапура Ли Куан Ю, азиаты «почти не сомневаются в том, что общество, где интересы общества преобладают над интересами индивидуалистическими, устраивает их значительно больше, нежели американский индивидуализм» [12].

Искусство или ремесло?

Архитектура, как и подобает самой синтетической из дисциплин, впитывает и отражает идеологические, философские основы мировоззренческих систем. Пожалуй, нигде сходство и различие Запада и Востока не видны так явно, как в архитектурно-градостроительных принципах.

Схожесть идей Платона и Конфуция об устройстве меритократического государства выразилась также и в сходстве образов идеального города. Концентрическая структура платоновского «города философов» совместилась с идеями Гипподама о стандартизации строительного производства и с идеями Гиппократов о здоровом городе (сегодня сказали бы «экологичности»). Но этот сплав гениальных прозрений так и остался чистой теорией на долгие десятилетия. Лишь сегодня практика градостроительства приближается к полному использованию античной идеологии. Китайская мысль развивалась почти в те же сроки, но другими путями.

Канонический трактат «Као гун цзи» (考工記, «Записки о ремеслах») ориентировочно относится к V веку до н.э. (т.е., является современником платоновского «Государства»). Ранняя династия Чжоу в этот период была занята созданием регулярной администрации, и трактат предназначен не архитекторам, а чиновникам, контролирующим качество строительства и всех прочих ремесленных производств.

Устройство города, согласно трактату, следует начинать с тщательной планировки и выравнивания площадки. Для этого в землю вбиваются колья квадратного сечения, их расположение выверяется по странам света, розе ветров и течению воды. Вертикальность опорных колышков контролируется отвесами. Горизонтальная плоскость

- > Иллюстрация из трактата Инцзао фаши. Деревянный стоечно-балочный каркас и консоли строго регламентированного размера составляют основу китайского домостроения на протяжении тысячелетий
- > Регламентируется не только общий размер, но и способ изготовления каждой детали

под застройку выравнивается при помощи своеобразного корыта-ватерпаса длиной два-три метра, в которое наливается вода вровень с краями. Надо заметить, что подобная технология реально применялась. Например, территория западноханьской Чаньани выровнена так, что от северо-западного до юго-восточного края городища перепад высот составляет не более 10 см [13].

План города представляет собой квадрат со стороной 9 ли (около 4 км) с тремя воротами в каждой из стен. Стены возводились так: выкапывались канавы шириной 30-35 метров, в которые попеременно укладывались слои камней и глинистой почвы. Каждый слой трамбовался деревянными бабами. Выше уровня земли стены возводились тем же способом внутри скользящей опалубки из досок. Затем полученную стену (высотой 8-9 метров) обкладывали камнем на бетонном связующем. Постройка получалась практически вечной, неуязвимой для стенобитных машин и камней.

Столь же подробно и тщательно регламентированы расположение и высота городских башен, прямоугольная сетка улиц, дорог и сточных канав. В центре города располагается дворец князя (вана), вокруг него concentрическими квадратами – служебные и общественные строения и жилые кварталы.

В 1103 году императорский зодчий Ли Цзе издал трактат «Инцзао фаши», в котором подробно изложена модульная система проектирования зданий «цай фень». Трактат содержит правила и методы возведения построек, основанные на модульной системе, предусматривающие стандартизацию и сборность как архитектурно-конструктивных элементов, так и целых зданий на основе типовых секций.

За основную начальную (минимальную) линейную модульную единицу в китайской архитектуре с этих пор принята ширина продолговатых брусков «гун», называемая «доу коу» (斗口, Dǒu kǒu). Брусочки могли изготавливаться в восьми стандартных размерах, а изготовление нестандартных брусков каралось по закону. Размеры всех категорий зданий, в зависимости от их назначения, регламентировались с помощью особого модуля площади «цзянь» (间, jiān), которые определялись как четыре опоры (колонны), связанные поперечными балками, т.е. они напрямую были связаны с гун. Увеличение пло-

щади помещения достигалось путем сложения модулей «цзянь» в продольном и поперечном направлениях [14].

Общее представление об уровне упорядоченности традиционного китайского строительства дает план Запретного города Гугун в Пекине. Хотя этот комплекс начал строиться еще на триста лет позже (в начале XIV века), основные принципы его планировки остаются все теми же.

Заметим, что оба канонических трактата презентовались как сборники традиционных методик, освященных авторитетом предков. Хотя нам известны имена авторов этих книг, но их заслуга не в разработке, а лишь в систематизации и тиражировании архитектурно-градостроительных правил. Эти правила необходимо применять не потому, что они придуманы гениальными мудрецами и художниками (как античные ордерные системы) и не потому, что они логичны и разумны (как, например, модуль Ле Корбюзье), и даже не потому, что этого требует закон (как современные СНиПы). Правилам следовали предки – и этого достаточно, чтобы продолжать им следовать и сегодня.

Учиться или учить?

В 1954 году в Кембридже вышел монументальный пятнадцатитомный коллективный труд «Наука и цивилизация Китая» под общей редакцией биохимика, историка и синолога Джозефа Нидхэма [15]. В книге сформулирована историческая загадка, получившая название «парадокс Нидхэма». Она заключается в следующем: с начала нашей эры, а особенно с VII века н.э. Китай опережающими темпами развивается в технологическом, социальном и культурном отношении. Тысячу лет, вплоть до XVII века Китай однозначно лидирует среди всех стран и регионов мира. Больше половины научно-технических, организационных, социальных достижений этого длинного периода рождается в Цветущей Середине мира [16]. Но именно в тот исторический момент, когда в Европе начинается промышленная буржуазная революция, Китай как будто засыпает и останавливается в своем развитии на долгих триста лет.

Почему промышленная революция не произошла в Китае? На этот вопрос пытались ответить Дидро и

> Окленд, Новая Зеландия

Вольтер, Юм и Мальтус, и даже Альберт Эйнштейн. Их объяснения выглядели отчасти правдоподобными и с воодушевлением воспринимались западным миром в качестве обоснования колонизаторских экспансий. Уже в XX веке реформы Дэн Сяопина изображались как победа американского консюмеризма, этой, по выражению Герберта Уэллса, «религии Бога-доллара». Но новый подъем Китая в начале XXI века, экономический и идеологический, снова все спутал. Попытка Запада снисходительно позволить Востоку поучиться «правильной жизни» в качестве трудовых иммигрантов (под названием «политика мультикультурализма»), очевидно, принесла больше проблем, чем решений.

Сегодня конфуцианская культура Тихоокеанской Азии привлекает глобальное внимание. Быстро растет трудовая миграция в Китай; особенно охотно туда едут образованные специалисты. Китайские университеты уверенно входят в глобальные рейтинги «Топ-500» и даже «Топ-100» [17]. Деловые контакты с Китаем притягательны для любого бизнеса по всему миру. Как выразился один мой знакомый европеец, «все хотят быть поближе к Китаю».

Смогут ли российские архитекторы найти общий язык с китайскими строителями и девелоперами? Сможем ли мы переломить вековое высокомерие и принять конфуцианские идеологемы опоры на традицию, безусловного почтения предков, запредельного (с нашей точки зрения) коллективизма, исходного неравенства людей? Возможен ли вообще какой-либо компромисс между культурами, настолько различными в самых своих базовых установках?

С другой стороны, сама глубина и принципиальность различий между Востоком и Западом подает надежду на конструктивное развитие. Суметь бы только найти такой взаимодополняющий режим сотрудничества, чтобы особенности каждой цивилизации уравновешивали друг друга, чтобы учить и учиться недостающему – на равных.

Литература

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Пер. с нем. и доп. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева. Ред., предисл. проф. Б. А. Ларина. Изд. второе, стереотипное. М. : Прогресс, 1986. Тт. I–IV.

< Китайский район в Калгари, Канада. Вкрапления китайской архитектуры в западном городе выглядят чужеродно и экзотично. Похоже на то, что реальный синтез цивилизаций Востока и Запада еще и не начинался. Фото Леонида Глебо

2. Куренкова Т. Н., Стрекалева Т. В. Галлицизмы в русском языке с точки зрения полевого подхода // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. – Красноярск, 2010. – Вып. 1(8). – С. 144–149

3. Селищев А. С., Селищев Н. А. Китайская экономика в XXI веке. – СПб. : Питер, 2004. – 240 с.

4. Confucius says, Xi does. The Communist Party turns to ancient philosophy for support. The Economist [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/news/china/21659753-communist-party-turns-ancient-philosophy-support-confucius-says-xi-does>

5. Сы кун – советник начальника приказа общественных работ

6. Сыма Чжао был отцом основателя династии Цзинь – Сыма Яня (III в.). Это имя – Сыма Чжао – стало нарицательным. Теперь оно означает «честолюбец» и «предатель»

7. Это означало, что он не признает власть династии Цзинь
8. Мышинский А. Л. Эршисы сяо : «Двадцать четыре образца охотного и умелого служения старшим» / А. Л. Мышинский, Чжу Юйфу // Уральское востоковедение : Международный альманах. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – Вып. 6. – С. 233–241
9. Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада : познание запредельного. – СПб. : Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2007. – 480 с.
10. Переломов Л. С. Слово Конфуция. – М. : Фабула, 1992. – 192 с.
11. Лидин К. Л. Элиты и паразиты // Проект Байкал / Project Baikal, 2016. – №47–48. – С. 68–75
12. Lee Kuan Yew's Interview in International Herald Tribune, 9–10 November 1991. Чит. по : Герасимов В. С. Политическая меритократия – восточная альтернатива западным традициям управления обществом в XXI веке // Вестник МГИМО–Университета. – 2015. – № 2 (41). – С. 230–237
13. Дмитриев С. В. Древнекитайская градостроительная теория по данным Као гун цзи и сведениям археологических источников // В пути за Китайскую стену : К 60-летию А. И. Кобзева. – М. : Институт востоковедения РАН. – 2014. – С. 252–267
14. Литвиненко Н. С., Лучкова В. И. Система модулей и пропорций в трактате «Инцзао фаши» и ее влияние на архитектуру Китая времен династии Сун. / Новые идеи нового века–2013 : материалы Тринадцатой международной научной конференции ФАД ТОГУ = The New Ideas of New Century 2013 : The Thirteen International Scientific Conference Proceedings of FAD PNU : в 3 т. / Тихоокеан. гос. ун-т. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013. – Т. 1. – С. 161–170
15. Needham Joseph. Science and Civilisation in China. 7 volumes; started in 1954. – Cambridge : Cambridge University Press
16. Хуася Чжунго (华夏中国) – «пышно цветущая земля в середине» – поэтическое самоназвание Китая
17. Лидин К. Л. Рейтинги университетов–2 : Поиски парадигмы высшего образования на фоне глобального кризиса и балканизации // Проект Байкал / Project Baikal, 2015. – №44. – С. 104–107

References

Confucius says, Xi does. The Communist Party turns to ancient philosophy for support. (2015, Jul. 25). Retrieved from: <https://www.economist.com/news/china/21659753-communist-party-turns-ancient-philosophy-support-confucius-says-xi-does>

Dmitriyev, S.V. (2014). Drevnekitayskaya gradostroitelnaya teoriya po dannym Kao gun tsi i svedeniyam arkhеologicheskikh istochnikov

[Ancient Chinese town planning theory according to Kao Gongji data and information from archaeological sources]. In: V puti za Kitayskuyu stenu. K 60-tiletiyu A.I. Kobzeva. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 252–267

Fasmer, M. (1986). Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow: Progress

Gerashimov, V.S. (2015). Politicheskaya meritokratiya – vostochnaya al'ternativa zapadnym traditsiyam upravleniya obshchestvom v XXI veke [Political meritocracy is an eastern alternative to Western traditions of society management in the 21st century]. Vestnik MGIMO-Universiteta, 2 (41), 230–237

Jordan, D.K. (1972). Gods, Ghosts, and Ancestors: The Folk Religion of a Taiwanese Village. Berkeley, CA: University of California Press

Kurenkova, T.N. & Strekaleva T.V. (2010). Gallitsizm v russkom yazyke s tochki zreniya polevogo podkhoda [Galicisms in Russian from the point of view of the field approach]. Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta im. akademika M.F. Reshetneva, 1(8), 144–149

Lidin, K. (2015). Ratings of Universities 2: Search for a paradigm of higher education against the background of the global crisis and balkanization. project baikal, 12(44), 104–107. doi:<http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.44.839>

Lidin, K. (2016). Elites and Parasites. project baikal, 13(47–48), 68–75. doi:<http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.47-48.1003>

Litvinenko, N. S., & Luchkova, V. I. (2013). Sistema moduley i proporsitsy v traktate «Intsao fashi» i yeye vliyaniye na arkhitekturu Kitaya vremen dinastii Sun [The system of modules and proportions in the treatise "Intsao Fashi" and its impact on the architecture of China in the times of the Song dynasty]. In: The New Ideas of New Century 2013 : The Thirteen International Scientific Conference Proceedings of FAD PNU. Khabarovsk: Izdatel'stvo Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universitetata. Vol. 1, 161–170

Needham, Joseph (1954). Science and Civilisation in China. Cambridge: Cambridge University Press

Perelomov, L.S. (1992). Slovo Konfutsiya [The Word of Confucius]. Moscow: Fabula

Selishchev, A. S., Selishchev N. A. (2004). Kitayskaya ekonomika v XXI veke [Chinese economy in the XXI century]. St. Petersburg: Piter

Torchinov, Ye. A. (2005). Puti filosofii Vostoka i Zapada: poznaniye zapredelnogo [Ways of the philosophy of the East and West: knowledge of the beyond]. St. Petersburg: Azbuka-klassika, Peterburgskoye Vostokovedeniye

Обсуждаются вопросы, связанные с социальными, экономическими и политическими процессами, происходящими в России и Китае. Подчеркивается зависимость темпа и направленности развития от национального характера. Сравниваются тенденции к объединению и автономизации в различных регионах мира. Дается общая характеристика модернизационного процесса в Китае. Ключевые слова: Запад; Восток; Китай; Россия; глобализация; локализация; модернизация; национальный характер; культура; архитектура. /

The participants of the conversation discuss the issues concerning social, economic and political processes observed in Russia and China. They discuss how the pace and direction of the development depend on the national character and compare the tendencies towards unification and autonomization in different regions of the world. The modernization process in China is also featured. Keywords: West; East; China; Russia; globalization; localization; modernization; national character; culture; architecture.

Разговор Елены Григорьевой с Андреем Боковым на тему номера и не только... / A Conversation Between Elena Grigoryeva with Andrei Bokov on the Topic of the Issue and Some Other Topics...

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА Тема нашего номера посвящена взаимоотношениям Востока и Запада. Мне бы хотелось поговорить с Вами о Китае вообще и о китайском туризме в частности. Китай в настоящее время быстро поднимается. Продолжается ли его проникновение в страны Запада и Америки или все-таки сегодня китайцы больше занимаются обустройством своей собственной страны?

АНДРЕЙ БОКОВ Мы привыкли говорить о Востоке вообще. Но Восток сложен, мозаичен и неоднороден. Восток – это абстракция, которую мы придумали исключительно в интересах интеллектуального комфорта. И Запад, и Восток не едины. И внутри Запада, и внутри Востока существуют весьма враждебные друг другу, часто непримиримые, конкурирующие структуры и сообщества. И если мы будем дальше строить свои представления на основе таких абстракций, то вряд ли получим что-то адекватное и конструктивное. Если Киплинг убеждал в вечной «невстрече» Востока и Запада, то сегодня мы найдем множество свидетельств их теснейшего общения. История и жизнь, по моему глубокому убеждению, текут нелинейно, не однонаправленно. Глобализация и локализация, объединение мира и возникновение изоляционистских настроений идут одновременно. Интеграция мира и рождение каких-то локальных всплесков и структур происходят параллельно. Представить себе, что все движутся навстречу друг другу и разнонаправленно, бывает сложно. Тем не менее, это происходит именно так. Европа объединяется, в то время как Каталония и северная Италия стремятся к самостоятельности...

Под Востоком в России сегодня понимают прежде всего Китай: Китай вот-вот догонит Америку по вкладу в мировой ВВП (и, похоже, перегонит!). Наряду с Евросоюзом и США Китай становится третьей важнейшей силой, причем все эти три силы замечательно понимают друг друга и эффективно взаимодействуют, втягивая в систему этого взаимодействия все больше участников. Общее развитие и успех каждой страны становятся прямым результатом работы этой системы.

Импульс к движению заложен в культуре страны: если есть в ней что-то, побуждающее к движению, страна ста-

новится успешной и способной к развитию. В китайской культуре, как оказалось, это заложено.

ЕГ Китай не переживал промышленную революцию – и вдруг такой подъем.

АБ Я не склонен прямо связывать успехи экономики лишь с промышленной революцией. Советское воспитание посеяло в нас предубеждение к сельскому хозяйству, крестьянскому труду, к жизни и работе на земле, представление о том, что промышленность и сельское хозяйство – это разделенные сферы экономики, что сельское хозяйство – это нечто маловажное и не столь существенное, что промышленность – это главное. Последняя треть XX века – это, безусловно, время взлета Китая. Это очень дисциплинированная страна, хранящая способность к организации и самоорганизации, способность к коллективному и индивидуальному труду. Однажды я беседовал с профессором Кантонского университета. И зашла речь о событиях XX века. Он тогда сказал, что в Китае не было ГУЛАГа, не было уничтожения крестьянства, ремесленников и малого бизнеса. А главная его фраза – «Мы сохранили трудоспособность в людях. Да, трудовые коммунуны были. Но далеко не все хозяйства были обобществлены. Культурная революция коснулась только достаточно тонкого слоя людей, проживавших в больших городах – чиновничества и интеллигенции». Он называл число жертв культурной революции, абсолютно несопоставимое с числом жертв большого террора или революции у нас. Даже страшная прокатившаяся по Китаю гражданская война, японская война – не обернулись тем, что было в России. Несмотря на то, что Китай менял социальное устройство, китайцы резко не меняли саму природу, структуру и менталитет своего общества. Клан имперского чиновничества, воспитанный конфуцианскими традициями, модифицируется, но по сути сохраняется. А главное – не утрачена способность людей трудиться. Россия прошла через уничтожение крестьянства, а это тот класс, который был «заточен» на работу, на деятельность, класс, на котором держалась национальная экономика: крестьяне подпитывали города и промышленность, приносили определенную этику труда и культуру трудовых

взаимоотношений. В Китае это сохранилось, что и стало основанием для фантастического взлета. Способность работать, производить выгодно отличает китайцев от многих других.

Китайская экспансия в Россию принципиально отличается от той волны эмиграции, которая накрыла сейчас Европу; китайцы – это другой «человеческий материал». Это люди, всегда и везде создающие свой собственный мир. И в политике Китая, и в поведении его граждан отчетливы интонации если не старшего, то уж явно не младшего брата. Это люди другой культуры, не всегда понятной нам. Они другие, и мы для них другие. Они нас своими не признают, и, как бы мы ни хотели быть людьми с Востока, мы для них таковыми не являемся, но мы обязаны быть хорошими соседями, а соседи иногда ближе родственников.

ЕГ Мы не свои ни для Запада, ни для Востока?

АБ Мы, конечно, воспитаны христианством и принадлежим Европе. Наша культура, наш язык, литература, искусство, ментальность сформированы европейским влиянием. Другое дело, что Европа для нас была Византией. Дружба с Ордой, для которой мы были западным улусом, а Китай – восточным улусом, и ее воздействие на формирование нашей культуры, государственности и на многое другое не было чем-то уникальным. В состоянии прямого контакта, в соперничестве с исламским Востоком в процессе крестовых походов реконквисты и турецких войн сложился и западный, европейский мир. После того, как московское царство освободилось от прямого влияния Орды, оно еще острее ощутило влияние Византии, которая все дальше отплывала от Запада. Но это не значит, что для Европы мы какие-то другие. Раскол между католическим европейским югом и протестантским севером не менее драматичен, чем раскол между ними и православным востоком. Но Западная Европа нашла силы для объединения. Католики и протестанты научились жить вместе не только в пределах одного государства вроде Бельгии, но в границах всего континента.

ЕГ Вам доводилось практиковать в Китае. Продолжилась ли эта практика? Я помню, что у Иркутскграж-

данпроекта был опыт такого сотрудничества, а потом все контакты прекратились.

АБ Я много времени отдал этой работе. Китайцы очень практичны и прекрасно понимают, что можно взять у русских и чего нельзя. За технологиями они обращаются к Америке и Европе. К русским – в поисках того, что им непонятно, экзотично и недостижимо: не то классики, не то тайны. Заметьте, что в России сегодня китайцы архитектуре не учатся, но лучшие американские университеты переполнены китайскими студентами. И, возвращаясь в Китай, они меняют облик своей страны.

Нам не очень понятен лозунг «Одна страна – две системы». Но там одновременно существуют и коммунизм, и Гонконг, и Макао, и миллиардеры. Китай живет этим принципом и от этого выигрывает: он активно заимствует самое ценное из того, что делается на Западе. Но при этом не уничтожает те институты, которые созданы под советским влиянием и существуют много лет. То, что Запад не всегда может себе позволить, Китай с легкостью воплощает в жизнь: любые архитектурные опыты, эксперименты и фокусы легко приживаются в Китае. Сегодня любой провинциальный китайский город имеет свой «центр Помпиду» и «музей Бильбао». В любой «нестолице» стоит по несколько Москва-сити, и строятся они фантастическими темпами. Но одновременно Китай воспитывает свою собственную культуру, своих архитекторов и очень эффективно их поддерживает. В современном Китае появились звезды, которых признает мир, которые заслуживают самых высоких оценок и вызывают интерес именно своей непохожестью. При этом в Китае благополучно существует Академия архитектуры, существуют большие государственные институты, которые занимаются территориальным планированием и проектированием целых городов. И все институты успешно сотрудничают с американцами, голландцами... Это и есть две системы в одной стране.

Когда вы смотрите на карту Америки, Европы, Китая, вы видите примерно одинаковые по плотности сети коммуникаций. В Китае сеть железных и автомобильных дорог более современна, качественна, более эффективна, чем даже европейская сеть. Все китайские города –

прежде всего, на востоке страны – соединены в единую систему. Даже в Тибете уже проложена железная дорога. Именно это отличает современную страну и современное пространство.

Россия – страна, созданная климатом и пространством. И впервые за многие годы мы это ощущение пространства стали терять. Массовым стал приход в управление людей, которые называют себя то урбанистами, то менеджерами, то экономистами; которые видят мир отвлеченно и фрагментарно. Их трудами возникает особый мир в цифрах, доходах и расходах, без физики, без пространства. Эта тема в их сознании и в практике отсутствует. У нас сегодня нет территориального планирования как рода деятельности, его судьба чем-то напоминает судьбу генетики и кибернетики в СССР. Институты, которые разрабатывали систему расселения, схемы пространственного развития, стратегии и т. п. – их нет сейчас; нет школ и специалистов. Советской науке можно адресовать самые жесткие претензии, обвинить в фальсификации статистики, догматизме и утопичности, но в советских структурах работали умные и знающие люди, которые, невзирая на все недостатки системы, знали предмет и старались не терять профессионализма. Быстро восполнить отсутствие этих институтов и людей невозможно, и это огромная утрата. Возникшая пустота заполняется мусором. Слушать наивные разговоры про агломерации и города-миллионники становится все сложнее. Сложнее на фоне той работы по терпланированию, которая ведется в том числе Китаем, вобравшим огромный опыт и знания, накопленные Россией и СССР, опыт, которым мы пренебрегли.

ЕГ Мне недавно довелось побывать в нескольких малых городах. С одной стороны, они вызывают светлое чувство, но с другой – щемящее ощущение безнадежности.

АБ В обиходе российских политиков появился термин «лишние люди». И это не литературные персонажи, а наши сограждане, жители деревень, сел и малых городов. Вообще радикальные простые схемы и идеи очень привлекательны для людей непрофессиональных, не понимающих существа дела и, главное, не любящих ни людей, ни городов, ни деревень. Рядом с нынешними менеджерами и лицами, принимающими решения, нет фигур вроде Кондратьева или Вернадского, Тверского или Владимирова, а урбанисты и экономисты тут не помогут. Россия до середины XX века страна малых городов, стоявших на пути между деревней и большим городом. Малые города подарили стране и миру не меньше писателей, художников и инженеров, чем столицы, но самое главное – счастье не наступит с исчезновением малых городов и деревень. И в концепцию устойчивого развития это не вписывается. Примеров успеха малых городов в мире предостаточно. Важно понять, что вместо того, чтобы стаскивать всех в миллионники, которые почему-то стали называться агломерациями, эти агломерации надо приводить в малые города и еще дальше. А значит, надо развивать инфраструктуру. И в малые города снова вернется жизнь. А вслед за ними и в деревню.

ЕГ Вы бывали в Харбине, там осталось большое русское наследие. Как к нему сейчас относятся китайцы?

АБ За годы, прошедшие с середины девяностых, что я туда ездил, отношение сильно поменялось. В начале 90-х было ощущение, что все русское хотят вычеркнуть из памяти: русские кладбища распаханы и превращены в парки. И о русском прошлом говорить откровенно боялись. В последние годы чувствуется, что китайцы оценили значение русского присутствия в Харбине: все оставшееся сохраняют, реставрируют, что важно, внимательно изучают.

ЕГ А с чем, по-вашему, связано такая перемена отношения?

АБ Китайцы стали жить богаче и стали предъявлять к своему окружению более высокие требования. Думаю, что это – тоже особенность китайского отношения к миру: они думают о себе; Китай – страна, которая сосредоточена на заботе о самой себе, исключительно на реализации своих предельно ясных собственных интересов. Мы, как правило, думаем, чтобы было, «как у людей»: тротуары, фасады, парки... И старательно срисовываем, делаем, «как у кого-то». А для чего, кому и зачем это нужно – не задумываемся. Китайцы тоже срисовывают, но не для того, чтобы было «как у людей», а чтобы самим быть лучше, чем эти люди. В России иностранцев или боготворят, или ненавидят. В Китае иностранцы воспринимаются совершенно иначе – как обслуживающий персонал; я бы сказал, «инструментально», спокойно, без эмоций.

ЕГ Да, но у этих приглашенных специалистов они брали идеи.

АБ Китайцы брали то, что можно взять: у западных специалистов они брали и идеи, и технологии, потому что построить предложенное американцами можно, только опираясь на американские технологии. И к тому же американцы и европейцы приходили часто со своими нормами, правилами и капиталом. России в такой игре было трудно участвовать, самим не хватало. В архитектуре и строительстве китайцы ведут себя точно так же, как, например, в машиностроении, автомобилестроении: они повышают локализацию производства за несколько лет до 95%. Но, развивая высокие технологии, они не забывают и о своих «низких» технологиях, продолжают строить из традиционных материалов, писать традиционные картины и сохранять свою оперу. Я думаю, что нынче налицо растущая китайская культурная экспансия. Судя по продаваемости их живописи, китайцы скоро и со своей архитектурой придут на Запад. Они выигрывают конкурсы и получают премии. Китай запустил механизм саморазвития, опираясь на ручной труд мелкого производителя в сельском хозяйстве и маленьких мастерских. У них нет природных ресурсов, как в России – ни дерева, ни нефти. У них есть руки, желание и способность работать, умные начальники и современная инфраструктура.

Тема «Восток – Запад» имеет ясно выраженный культурно-исторический смысл. Христианские храмы обращены на Восток. Путь по земле Запад–Восток и Восток–Запад в десятки тысяч километров имеет особое значение. Он отличен от пути с Севера на Юг: горизонтальные оси связывают районы, в то время как вертикальная ось (Земля–Небо) – миры. Экспансия евразийских племен распространялась по оси Восток–Запад, по мировой горизонтали пути. Сегодня культурная память людей Запада и Востока оказалась в театре новых драм бытия и новых стихий. С победой электроники мировые движения как бы опустились в глубину хтонического прошлого и вышли обновленными на поверхность небывалых скоростей и мгновенных связей; обнаруживается новый тип планетарного ландшафтно-космического родства, где нет места Западу и Востоку.
 Ключевые слова: Запад; Восток; ось; ориентация храмов; путь; место; память; архитектура. /

The topic “West-East” has a clear cultural and historical meaning. Orthodox temples face East. The way from West to East and from East to West is tens of thousands of kilometers long and has a special meaning. It differs from the way from North to South: the horizontal axes connect regions, while the vertical axis (Earth-Sky) connects the worlds. The expansion of Eurasian tribes occurred along the East-West axis – the world horizontal way. Today the cultural memory of people in the East and West finds itself in the theatre of new dramas of existence and new forces. With the advances in electronic technologies, the world movements seem to have sunk in the depth of the chthonian past to come up anew to the surface of fantastic speeds and momentary connections. A new type of planetary landscape-space relation appears, giving no place for West and East.

Keywords: West; East; orientation of temples; way; place; memory; architecture

Запад и Восток / West and East

ТЕКСТ
 Александр Раппапорт /
 text
 Alexander Rappaport

Тема «Восток – Запад» в наши дни имеет ясно выраженный культурно-исторический смысл. Но сами по себе понятия Запада и Востока основаны на общем для планеты явлении – вращении Земного шара вокруг собственной, слегка наклоненной к плоскости эклиптики оси: Восток – место утреннего восхода солнца, Запад – место захода светила. Это верно в астрономическом смысле. Но видимое движение Солнца в южном полушарии – справа налево. То есть в нашем обыденном восприятии (а таким и было восприятие древних) – с запада на восток. В полдень солнце на севере, а не на юге. Все остальные рассуждения корректны для Северного полушария. В дальнейшем наши рассуждения будут построены именно на материале евразийско-северной части Земли: нам ведь важно именно северное полушарие, где происходят «осевые» события.

Эти феномены может наблюдать каждый житель планеты, где бы он ни находился, за исключением приполярных областей, где дважды в год солнце то не восходит, то не заходит – то есть в периоды полярной ночи и полярного дня. Но за полярным кругом практически никто никогда постоянно и долго не жил, и культурные стереотипы этих районов не сложились.

На всех остальных просторах Земли восходы и заходы – явление регулярное и постоянное, с помощью которого легко ориентировать любую улицу или постройку. В частности – христианский храм, апсиды и алтарная часть которого по традиции направлены на Ориент – Восток.

Традиция эта возникла в европейской части северного континента и обозначала направление храма на место рождения Спасителя. Что же касается христианских храмов в Китае, там этот смысл уже не действует. Практически же в строительстве множества храмов и в Европе, и в Азии смешаны разные традиции и схемы – зороастрийская, сориентированная на юг, христианская – на восток, мусульманская – на Мекку и множество центричных храмов, безразличных к своей ориентации (классический пример – римский Пантеон).

Но это особая тема архитектурно-конфессиональной археологии. Она имеет множество вариантов и на Востоке, и в Южной Америке, и в самом Риме.

Мы же сейчас обратим внимание на другое обстоятельство, которое Петр Капустин достаточно убедительно связал с идеей пути.

Путь в таком случае, изначально, – путь по земле, а не по морю; и тем самым идея пути и Большого пути возникает в северном полушарии, где есть возможность движения по суше на десятки тысяч километров. Южное полушарие, имея те же восток и запад по солнцу, понимает его несколько иначе, поскольку не сталкивается с горизонтальной линией как источником исторических событий.

Этот длинный путь в десятки тысяч километров Евразии от Бискайского залива до Чукотского моря с самого начала стал в особое положение к двум другим векторам: север–юг и небо–твердь.

Вертикальная ось Небо–Твердь изначально была занята мифами и религией и связывала не районы, а миры – небесный рай, подземный ад и земную юдоль.

Юдоль – женский род, устаревшая форма, библейский термин, означающий:

- 1) Долина, равнина.
- 2) а) В переносном значении – Место, где страдают, мучаются, терпят нужду.
- б) Жизненный путь с его заботами, трудностями и печальями.
- 3) В переносном значении – Жребий, удел, участь кого-либо (обычно печальные).

Таким образом, «место» как нейтральное обозначение точки и тесного пространства пребывания события или

человека расположено на перекрестке трех дорог – вертикали неба и ада, горизонталей север–юг и восток–запад.

С культурной и экономической точки зрения оси север–юг и восток–запад порой играли разную роль, но постепенно ось восток–запад перевесила ось север–юг. Ибо ось север–юг обладает равными для всех народов изменениями метеорологических условий и возможностями для жизни – неуклонно уменьшающимися на севере. Только ось восток–запад открывается как необозримая даль возможностей многообразия культур, языков, обычаев и судеб, независимая от холода и жары.

Правда, в наши дни, спустя несколько тысячелетий, ось север–юг снова обрела важные смысловые постоянные, так как умеренный климат срединного пояса континентальной Евразии оказался под сильным влиянием широтности.

Движение в направлениях восток–запад и север–юг постоянно стимулировалось в культуре реками как путями сообщения внутри материка. Вертикали Нила, Рейна, Днепра, Волги и великих сибирских рек как бы составлялись с горизонталями Тигра и Евфрата, Дуная, Амура, Оранжевой.

Степные дороги и реки облегчали движение племен и вечную угрозу завоеваний, несущих новые предметы, в том числе предметы роскоши и необходимости, новые идеи и символы веры.

Экспансия евразийских племен всегда распространялась по оси восток–запад и переселения народов в основном следовали этой горизонтали, мировой горизонтальной пути, который лишь совсем не так давно обрел свою замкнутость и тем самым коренным образом изменил исторический смысл.

Но долго эти горизонтальные набеги, победы и завоевания оставались локальными событиями, и импульс великого пути сохранял таинственную непредсказуемость судеб.

Одними из последних мировых движений была уже коммунистическая вера и революционный порыв, равно как экспансия современной техники – индустрии и электричества.

С победой электроники мировые движения как бы опустились в глубину хтонического прошлого и вышли обновленными на поверхность небывалых скоростей и мгновенных связей. Все это содействовало внезапному отрыву цивилизации от земной поверхности и возникновению недолгого космического мифа XX века.

Значимость востока и запада совершенно утратила свой планетарный вид и, сохраняя солнце как точку отсчета, лишила ее универсальности. Что значит наше солнышко в мирадах гигантских светил вселенной?

Ничего.

Выход «в свет» для человечества стал испытанием на прочность самой человечности. Теперь ее стремятся обменять на компьютерном рынке на сотни гаджетов с их быстродействием, бесконечной памятью и возможностью обмена.

Восток, подаривший Западу письменность, забыт – теперь Восток дарит Западу дешевые смартфоны в обмен на новые программы американских компьютерных гигантов. Имена людей со скоростью невиданной эпидемии уступают место их электронным «никам». И вот тут постепенно начинает высвечиваться новый горизонт планеты – ее ландшафт как лицо Земли.

Планета названа Землей, хотя большую часть ее поверхности занимает вода. Вода же, служившая ранее областью бездны и страха, становится питательной средой, дешевой дорогой и новой стихией – жидкой субстанцией, благодаря которой и возникла на Земле сама Жизнь.

Жидкая жизнь течений и потоков, ветров и бурь, облаков и ливней.

Новый круговорот воды в природе постепенно уходит на второй план и уже не несет успокоительных восходов и закатов. Тучи кочевников средневековья, переселенцев архаики, пассажиров самолетов и поездов сменяются гоном туч и гроз, ливней и засух, не требующих дорог и путеводных звезд.

Безымянные люди – пользователи сетей и безымянные облака, плывущие по ветру, обнаруживают новый тип планетарного ландшафтно-космического родства, бесперспективных случайностей судьбы и необычайной красоты или ужаса независимого существования.

И тут культурная память некогда враждовавших или подражавших друг другу племен, завоевателей и покоренных оказалась в театре новых драм бытия и новых стихий – стихий памяти и забвения.

Небо не помнит себя, и вода не хранит следов своих волн. Волны – любой частоты и диапазона – лишь несут эту память, разбиваясь о преграды и тая в дали.

И архитектура как конденсатор памяти, как знак и памятник оказалась в этом море движений практически лишней. Ее стариковские деревянные счеты прошлого и будущего ее векторов востока и запада, севера и юга становятся каким-то антикварным хламом в полуистлевшей хижине одинокой старушки.

Трансгендерные киборги уже не ютятся в юдоли страданий.

Но где они?

Есть ли у них, вечно свободных, – свои места?

Нет у них родины, нет им изгнания.

И вот родина и изгнание становятся предметами обмена и торго, коллекционирования и подделок.

Но место – место, когда-то считавшееся ГЕНИЕМ, то есть рождавшим смыслы началом, в том числе и началом пути – растворяется в этой трехмерной вселенной.

Этот момент не упустил заметить великий наблюдатель – Уильям Шекспир, сказавший и написавший: «Весь мир – это сцена». То есть перемена декораций.

Пытаясь ответить барду ернической шуткой, я бы отозвался эхом: весь мир – это стены, стены, которых больше нет.

Нет стен, нет улиц у домов и лиц у людей. Есть геометрия трехмерной вселенной фасадной решетки, за которой оказались мы, лишённые ландшафта.

«Но нет Востока и Запада нет – что племя, родина, род. Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает».

Р. Киплинг

Но где же край Земли? Не пляж ли в Таиланде или на Гавайях?

Где сильный?

Где сила? Где дух, взметнувшийся и оторвавшийся от Земли с ее ландшафтом?

Где то Место, из которого видны эти дали и эти края, в том числе и край земли.?

Слово «Край», постепенно ставшее синонимом места и родины («край родной, навек любимый»), – обозначает Грань; Границу, то, что лежит за Местом и открывает то, что уже не на месте, то, что неуместно.

Неуместность становится на место любимого края. Родины, Света, Юдоли.

Над нами ветер, и сами мы понемногу становимся ветром.

И наша ветренность, с погодною

Смешавшись, нас лишает чуда

Свидания.

И в песнь походную

Влагает «Вести ниоткуда».

Круглый стол «ВОСТОКОЗАПАД» / Round Table Discussion on EASTWEST

Рассматриваются многообразные аспекты взаимоотношений Востока и Запада. Обсуждаются проблемы увеличения туристического потока из Китая, характер и особенности китайских туристов. Формулируются перспективы развития туризма на Байкале. Затрагиваются вопросы, связанные с развитием туризма в Бурятии. Характеризуются особенности этнотуризма и возможностей его развития.

Ключевые слова: туризм; территориальное планирование; Восток; Запад; Китай; национальная культура; Иркутск; Байкал; национальное разнообразие; этнотуризм. /

The discussion is focused on various aspects of interrelations between East and West. Its participants discuss the problems of the increasing tourist flows from China and the specific characteristics of Chinese tourists. The future development of tourism in the Baikal region is formulated, and the peculiarities of ethno tourism and its prospects are discussed.

Keywords: tourism; land-use planning; East; West; China; national culture; Irkutsk; Baikal; national diversity; ethno tourism.

21 ноября в Доме архитектора состоялось обсуждение темы номера «ВостокоЗапад».

В обсуждении принимали участие: начальник Управления культуры администрации г. Иркутска Виталий Барышников; доктор социологических наук, начальник научно-исследовательской части ИГУ Константин Григоричев; архитектор, главный редактор журнала «Проект Байкал» Елена Григорьева; доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории международных отношений ИГУ Виктор Дятлов; эксперт общественной палаты Иркутской области Олег Данилин; кандидат технических наук, докторант психологии Константин Лидин; доцент кафедры архитектурного проектирования ИРНТУ Андрей Ляпин; кандидат философских наук, культуролог Марина Ткачева.

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА Принимая Олимпиаду, Универсиаду, Чемпионат мира, города готовятся к нашествию спортсменов, официальных делегаций, фанатов. Готовятся власти: они благоустраивают город, строят новые объекты. Готовится бизнес, собираясь извлечь свою выгоду. Готовятся волонтеры, которые смогут объяснить людям навигацию, маршруты, наиболее вероятные точки притяжения. В прогнозе, который прозвучал на прошлом круглом столе, говорилось о том, что число туристов из Китая в Иркутске может достичь миллиона в год.

Важно предвидеть спрос: чего хотят китайские туристы? Что можно им предложить, чтобы бюджет и бизнес получили прибыль? Особую тревогу вызывает Байкал. Как геометрическая прогрессия числа туристов повлияет на озеро? Байкал – это эксклюзив, такая точка зрения существует. Сегодня там нет инфраструктуры, которая может принять прогнозируемую нагрузку.

Собственно, прогноз «на миллион» и спровоцировал тему этого номера, которую мы не преминули расширить, назвав «Востокозапад». Теперь тема номера включает и то, как западная архитектура расцветает в Китае (а заодно и в Корее) с помощью всемирно известных архитекторов. Японские архитекторы, наоборот, блистают по всему миру, и то, что на недавнем конгрессе МСА в Сеуле японец Тойо Ито получил высшую награду – золотую медаль – еще одно тому доказательство. Тема сегодняшней дискуссии широкая, и мы надеемся услышать мнение присутствующих здесь специалистов по современному туризму, экспертов по чайна-таунам и ученых, которые специализируются на истории иркутско-китайских связях.

КОНСТАНТИН ЛИДИН Я бы хотел еще решительнее расширить эту тему, потому что в общечеловеческом историческом смысле сложилась достаточно уникальная ситуация. История Китая парадоксальна: в течение нескольких тысячелетий Китай однозначно опережал западный мир и в технологическом, и социальном развитии. И вдруг в период Ренессанса в Европе он «уснул». В эпоху Просвещения западная цивилизация начала расти по экспоненте как технологически, так и социально. Китай отстал категорически. Но сейчас возникает ощущение, что Китай начал ускоряться, а запад затормозил.

Мы привыкли к тому, что с Запада на Восток идет цивилизаторская миссия: японцам их процветание построили американцы, корейцам они также в значительной степени помогли. Но третий большой дракон обошелся уже без американцев. Тайвань и Гонконг еще можно рассматривать как кусочки Запада на Востоке. Но Китай – это уже совсем не западная страна, и пропасть весьма велика. Там, на взгляд европейца, многое вывернуто наизнанку: мы живем ради детей, а у китайцев, согласно принципу

«сяо», дети живут ради родителей. Это глубоко заложено в конфуцианстве и в последнее время педалируется. Творчество, которым мы привыкли гордиться и считать чуть ли не проявлением божественной искры в человеке, для китайцев имеет совершенно другое значение. Они вообще не понимают, зачем придумывать новое, если можно комбинировать старое, в том числе и в архитектуре. Тысячелетняя вера в реинкарнацию сформировала совершенно другое, чем в христианстве, отношение к смерти.

Мы присутствуем при моменте, когда они уже перестают воспринимать нас, западных людей, как учителей. Скорее наоборот, разговор пойдет о том, что мы должны у них учиться, потому что сравнивать экономические успехи уже даже и не смешно. Насколько над нашими умами довлеют стереотипы прошлого века, когда мы совершенно всерьез собирались учить китайцев жить? Мы себя рассматривали как носителей цивилизации. А не получится ли наоборот? В лучшем случае желательно, чтобы соблюдался паритет, но какие формы он может принять? Вот такие вопросы хотелось бы сегодня обговорить.

КОНСТАНТИН ГРИГОРИЧЕВ Мне кажется, рубеж противостояния гораздо ближе: меньше десяти лет назад мы воспринимали китайцев совершенно иначе – как торговцев на рынке или строительных рабочих. Это социальные низы – люди без статуса, вне общества, живущие за закрытыми воротами рынка, теплиц,строек. Сейчас это люди высокого статуса, потребители, которые устремляются за лакшери. Появление китайских туристов в совершенно ином качестве и ином статусе порождает наш конфликт не с ними; это во многом наш внутренний конфликт.

И если говорить о проблеме восприятия, я бы предложил не пытаться его связать с историей столетней давности и глубже, а говорить о конфликте более близком – не нашем с туристами, а конфликте в принимающем обществе, у нас в головах.

ВИКТОР ДЯТЛОВ Для меня Восток–Запад – абсолютно не работающая оппозиция. Это метафора, которая позволяет что-то узнать о тех, кто ее выдумал. Представление о Востоке возникло в том обществе, которое стало назы-

вать себя Западом. Это метафора и, как всякая метафора, она опасна, хотя и соблазнительна. Она подменяет сущность и может увести неизвестно куда. Поэтому уходить в многовековую дискуссию о России – Евразия она или, как злой Милоуков сказал, Азиопа – бессмысленно. Надо рассматривать нынешнюю ситуацию в ее конкретике. Мне кажется, что цивилизационные представления перенасыщены абсолютно разными смыслами и поэтому являются совершенно не работающими; это вещь ситуативная. В современном мире подавляющая масса людей считает себя этнофорами: если спросить человека о его этничности, каждый ответит почти без затруднений. Хотя есть исключения: у нас в Иркутской области есть голендры, которые категорически не хотят расценивать себя в этнических категориях. Я считаю себя русским, но не просыпаюсь же я каждое утро с мыслью, что «я – русский, какой восторг!». Этническое самосознание может возникнуть очень ситуативно: на встрече, на границе. В Иркутске советскую топонимику можно трактовать как очень этнизированную: здесь и польские повстанцы, и красные мадьяры, и Каландаришвили, и Джамбул. Но ведь был период, когда эта ситуация воспринималось не как этническая, а как революционная: какая разница, грузин Каландаришвили или нет? И вдруг события начинают приобретать этническую окраску, и люди начинают рассматривать те же самые вещи в этнических категориях. Поэтому мне кажется, что не стоит спорить на тему «Запад–Восток», а можно взять конкретную ситуацию с туристами. И через этот кейс посмотреть, как наш город этнизируется. Как он вдруг начинает рассматривать мигрантов как китайцев, а китайцев как мигрантов, а потом китайцев как туристов и т. д. Какие-то очень плавающие сочетания: иностранец, мигрант, гастарбайтер, торгош на рынке, богатый турист, который лакшери покупает... Я бы рассматривал конкретный контекст, а не какие-то глобальные «Запады–Востоки».

ОЛЕГ ДАНИЛИН – это сфера моей компетенции. Если сравнить квартиру американца в 60-м году и сейчас, то новыми у них являются только две вещи – это компьютер и плазменный телевизор; вся остальная техника была. Для того, чтобы занять людей, американцы были вынуждены развивать сферу услуг. Китайцы буквально

пять лет назад пришли к этому состоянию. Они купили много больших самолетов и начали работать для того, чтобы возить туристов не только внутри страны, но и за ее пределы.

Иркутск в последние три-четыре года испытывает рост потока туристов из Китая. Потоки, конечно, не такие большие, отнюдь не миллион. Самая большая цифра в советский период (1989 год) – 44 тыс. человек. 40 тысяч из стран СЭВ и 4 тысячи из капиталистических – Германии, Японии... Если корректнее относиться к статистике, которую привело наше правительство, сейчас в Иркутске получают примерно те же 44 тысячи, но туристы фиксируются в 2–3 гостиницах, поэтому статистика преувеличена. Только сегодня 40 тысяч из соцстран заменились гостями из Поднебесной.

Мы сегодня переживаем результаты перестройки: на рубеже 2000-х мы отдали управление российским туристическим рынком бизнесу из Турции. Но в 2015 году турки сбили наш самолет, и управление на российском национальном рынке для них было закрыто. Внешнее управление российским рынком плавно переходит к турбизнесу из Китая, который за это время купил контрольные пакеты у ведущих туроператоров мира, таких, как Томас Кук, который владеет, в свою очередь, нашим «Интуристом». Получается, Томас Кук сейчас формирует политику на нашем национальном рынке. Если раньше законы принимались в угоду развития туризма Турции, сейчас будут приниматься в интересах Китая.

У китайской общины, которая оперирует на иркутском туристическом рынке, имеются свободные деньги, которые нет смысла везти в Китай после дефолта 1998 года. Тогда они на эти свободные деньги, которые зарабатывались на нашем розничном рынке, покупали лес-кругляк и отправляли в Китай. Сейчас появляется третья сила, «теневая структура»: деньги, заработанные на нашей «Шанхайке», аккумулируются и направляются уже не на покупку леса. Они направляются на развитие гостиничной инфраструктуры.

Сейчас наши туроператоры взаимодействуют с ведущими туроператорами Китая. Это стало возможно благодаря устойчивым связям, возникшим в течении 27 лет сотрудничества, с момента первого выезда нашей группы в Китай в 1990-м году.

Буквально вчера я встречал директора гостиницы из Листвянки. Уже 25 земельных участков куплено китайцами, и на них начинается строительство гостиниц для приема и обслуживания китайских туристов. Таким образом, китайцы начинают действовать на нашем региональном рынке. Китайские операторы формируют политику на нашем рынке – это бизнес. Мы еще можем контролировать их работу через гидов-переводчиков, чтобы хотя бы следить за информацией, которую они сообщают.

В прошлом году один день работы с тургруппой для хорошего переводчика стоил 100 евро, то есть семь тысяч рублей. Если человек работает в месяц 20 дней, то получается хорошая заработная плата. По этой причине все захотели работать в сфере туризма. Сейчас китайские турлидеры в целях оптимизации цены турпакета говорят: «Вы гидам не платите, а мы через комиссионную систему будем с ними рассчитываться, возвращая кэш от суммы покупок». Формирование политики в турбизнесе очень сложно. И второй фактор: оперативное внедрение контроля электронных платежей, возможно спасет ситуацию. Практически получается, что китайцы денег в нашей российской экономике не оставляют. Основные траты у них – это сувениры (определенные магазины, куда их вводят, где ценник повышен).

Государственное регулирования сложившейся ситуации – наше слабое место. Китайцам проще всего поделить часть прибыли с контролируруемыми органами и тем самым урегулировать вопрос. Если будет наш проект и китайцы будут заходить к нам на рынок на наших условиях, предусматривающих доли, пай, тогда этим процессом можно будет управлять.

Сейчас китайцы создают «свой проект», а нашего проекта до сих пор нет. Туризм в настоящее время развивается стихийно: в реальности китайцы оперируют на нашем рынке, как хотят. Они уже и строят все сами, и мебель свою в гостиницы завозят. Через три-пять лет, работая больше нас, они будут иметь больше доход – будут бенефициарами. На сегодня основные точки притяжения – Листвянка и Ольхон; все едут туда постоянно. Скоро начнется конфликт интересов, который будет выражен в использовании «оружия пролетариата» – огня. Будут гореть какие-то постройки; сейчас идет, так сказать,

холодная война, которая потом может перейти в горячую фазу.

Свой проект нам нужно еще придумать, создать и интегрировать, только тогда мы получим реальные рычаги воздействия на китайский турпоток. В Китае есть государственная политика и политика бизнесменов – два вектора, которые планируют свою деятельность в Байкальском регионе. Государственные туроператоры говорят, что хотят работать честно, но параллельно работает схема, которую можно назвать полуправильной. С нашими инструментами и постулатами «либерального» рынка мы получаем весьма невыгодные и даже опасные для нас результаты.

Посмотрим на ситуацию со стороны Китая. Там наших туроператоров нет. Если мы свой проект не создадим, то мы будем играть по их правилам, как я уже говорил. У нас 12 турфирм, которые реально работают с китайским потоком. Еще три–пять лет – и весь туроперейтинг перейдет в интернет, и любая покупка будет совершаться без участия туроператора. Останутся только те туроператоры, которые имеют очень хороших партнеров и потоки. Китайцы вложились в подвижной состав, в самолеты. Если наш «Super Jet–100» летает в день полтора часа, то китайский самолет летает по 9–16 часов в день. Отсюда и экономика...

Поток сегментирован по доходам. А культурные ценности, например, у северо-восточных китайцев очень сходны с бурятскими.

Я предполагаю, что в течение 3–5 лет китайцы построят пятизвездочный отель-лакшери под себя. Наше правительство на последнем Байкальском форуме предложило вложиться в Байкальск. Но китайцы хотят взять чистый, пустой участок. Им предлагают взять территорию в Байкальске, но в Байкальске они работать не будут. И если мы не создадим свой проект, то можем нечаянно занять курорт, ориентированный на прием и обслуживание китайских туристов. Сейчас они еще используют нашу инфраструктуру, но уже предъявляют претензии по качеству автобусов и т. д. Если европейские туристы хотят посмотреть нашу историю, то Восток хочет получить качественную услугу, «как у них». Мы, конечно, это предоставить не всегда можем. Мы работаем на впечат-

лениях, вот впечатлений мы можем организовать сколько угодно. Но их одних уже недостаточно.

КГ Мне кажется, что имеет место некоторое упрощение. Во-первых, китайцы, как и все люди, на самом деле разные. Второе – мне кажется, что увлечение китайцами туризмом не заимствовано у Запада. Это реальное отражение тех социально-экономических и глобальных процессов, которые имеют место в Китае. Там появляется средний класс, и он довольно быстро растет. Средний класс неоднородный и очень разный по слоям: есть средний средний класс, есть нижний, верхний и т. д. Общеизвестно, что одним из атрибутов, символов социального статуса для среднего класса являются путешествия. Китай, где символика и атрибутика статуса очень важны, – не исключение. Соответственно, туристическое движение в Китае имеет очень глубокие и мощные корни и основания. Это не заимствование, это то, что является признаком, атрибутом определенного этапа роста. Китайский туризм – он тоже очень разный. По результатам нашего исследования получается, что туристический рынок очень сегментируется и расслаивается. Китайский турист, который хочет качества, чаще всего оказывается у российских операторов. Та часть китайских туристов, которая обслуживается в нелегальном секторе и обслуживается неформальными гидами – это тот нижний-нижний сегмент среднего класса, который только еще начал путешествовать и не может себе позволить услуги нормального уровня. Они оказываются довольны теми смешными бытовыми условиями, не совсем цивилизованными гостиницами, очень серым и размытым статусом, потому что их устраивает цена. И это примета не только Иркутска. Кроме того, есть сегмент туристов-«лакшери», которые зачастую не попадают ни к одному из официальных или неформальных операторов. Они приезжают по частным приглашениям. И есть случаи, когда наши же студенты с китайским языком или, чаще, китайские студенты, обучающиеся у нас, их обслуживают. Как иллюстрация – фотография студента из частного бизнес-джетта, который сопровождает китайскую семью, путешествующую по России. Мне кажется, что при всей глобальности вашего взгляда все-таки имеет место чуть-

чуть плоский взгляд на эту проблему; она более объемна, чем мы представляли. И от этого зависят и модели, и тактики поведения, в том числе и иркутского туристического сектора, местных властей, региональных и федеральных, но я не готов говорить о высокой политике. На местном уровне видно, что здесь не может быть единой линии поведения, а сама природа этого потока требует разных решений на разном уровне. Я бы обратил внимание, что представление о китайцах, захватывающих Байкал, скупающих побережье Байкала, как-то незаметно заместило у нас представление о некоем абстрактном «москвиче», который раньше скупал ровно те же объекты.

ВД Да, раньше Ольхон скупали москвичи – теперь китайцы.

ОД Когда я взял публичную кадастровую карту, то увидел, что там только 20% официальных владельцев, 80% землевладельцев – в тени. Мы не предложили проект благоустройства уникальных берегов Байкала; фактически архитектору дали задачу «построить дачки и поставить тачки» – так задача и решена. Сейчас на этой карте находится 150 субъектов сферы турбизнеса, из них 2% китайцы скупают без проблем.

АНДРЕЙ ЛЯПИН: Действительно, в обществе есть какая-то напряженность от того, что люди слышат чужую речь от большого количества черноглазых и черно-волосых гостей. Люди еще не понимают, что пугаются они самих себя, а китайцы просто живут. Мы недавно участвовали в российско-китайском форуме, и наши магистранты проводили исследование о методике градостроительного развития в Китае. Работая с генеральными планами, китайцы уже всю используют методики, которые еще не везде в Америке используются: «Community Basic Planning» они применяют всю. Меня, конечно же, волнует большая разница между авангардом молодого поколения в Китае и теми, кого готовим мы. В Китае традиция туризма опирается на длительную культурную основу. Китайские поэты Ду Фу, Ли Бо, Ван Вэй, чтобы собрать впечатления, начинали путешествовать в молодом возрасте. То же самое мы видим в китайских туристических группах. Если Европа в тургруппах поставляет людей третьего возраста, то в китайских подростки являются нормой. Мы сегодня не знаем Китая, но мы и себя не знаем. Отставание в сфере общественности нам не позволяет спокойно принимать решения и делать дело в едином общем мире. А то, что мир станет общим – это точно. Но ни высшая школа, ни Иркутск не стараются обеспечить молодому поколению узнавание китайской культуры. На прошедшем российско-китайском форуме мы вышли с инициативой: ориентировать иркутскую архитектурную школу не только в сторону Европы, как сейчас, но и на своих ближайших соседей. Городу и области были предложены два первых шага, нацеленных на сотрудничество и узнавание китайцев. Первый касается храма – памятника русским воинам, находящегося в Шэньяне на месте русского кладбища. Совместно с нашей архитектурной школой и архитектурной школой Шэньяна надо провести конкурс на реконструкцию близлежащей зоны и сохранения этого памятника. Вторая инициатива касается студенческих конкурсов: провести конкурсы по ландшафту и озеленению. Недавно в Иркутске открыли корейский сад. И почему бы нам вслед за Сан-Франциско, Сент-Луисом, Лондоном, Парижем не создать китайский сад у нас?

КЛ Я согласен, что мы действительно катастрофически не знаем ничего о китайцах. Я наблюдал за китайскими туристами в Камбодже и во Вьетнаме. И там, и там полно китайских туристов, но они ведут себя совершенно по-разному, хотя представляют один – нижний – уровень демонстративного потребления. В Камбодже это ужасно

назойливые, шумные толпы безобразно себя ведущих людей. Во Вьетнаме их не видно и не слышно. Конфуцианский принцип «ли» гласит, что если есть ритуал, то нужно его придерживаться. Если им не дали ритуал, то они придерживаются своих. Если мы не объяснили им, как себя вести, то они будут вести себя так, как они считают правильным. Проложите дорожки на Ольхоне и запретите ходить везде, кроме дорожек – и они будут ходить по дорожкам. Они не будут ходить в сторону и рвать эндемики из Красной книги.

МАРИНА ТКАЧЕВА А местное население на квадроциклах гоняет по всей местности...

КЛ Да, мы демонстрируем свои ритуалы в такой форме, что, действительно, это чудовищно. Мы им показываем отвратительный пример. Нечего ждать, что они привезут сюда свои способы демонстративного потребления – нет, не привезут. Им гораздо интересней наши способы попробовать – это гораздо более содержательное приключение для китайского туриста. А мы им предлагаем варварство. Может, молодежь надо учить именно этому?

ЕГ В нулевые за этим же столом мы говорили о том, что немцы-туристы на Байкале ведут себя не так, как в Германии. По той же причине.

Что касается архитекторов: 12 лет назад тогдашний президент Международного Союза архитекторов Гаэтан Сью собрал статистику по студентам, обучающимся архитектуре во всем мире. Большинство студентов оказались китайцами. Я думаю, что теперь все эти студенты получили образование и большинство дипломированных архитекторов, возможно, китайцы.

КЛ Есть великолепная фраза из доклада специальной комиссии, которая обследовала состояние систем образования США: «Не надо забывать, что, учитывая численность китайцев, у них одаренных детей больше, чем у нас вообще детей». То есть, одаренных архитекторов у них больше, чем архитекторов вообще по всему миру.

ЕГ И уже появляются свои стархитекторы: Ван Шу в 2012 году получил Притцкеровскую премию.

Вопрос к Олегу Данилину. 130-й квартал сравнивают по количеству рабочих мест (больше 2-х тысяч) и по объему налогов, которые платятся в бюджеты разных уровней (больше миллиарда рублей) с градообразующим предприятием – заводом в центре города, но экологию он не портит, а производит эмоции и влияет на имидж города. Туризм не зря называют индустрией. Можно ли оценить упущенную выгоду от отсутствия развитой индустрии туризма? Сколько теряет Иркутск и Иркутская область в связи с отсутствием политики в отношении побережья Байкала?

ОД Иркутская область за последние 10 лет каждый год вывозит за счет туристов по 10 млрд. рублей. Иркутяне посещают другую сторону Байкала. В Бурятии каждый год строится по 30 новых объектов размещения. Ресурсы развития, которые были и есть в кармане у иркутян, мы вывозим. Иркутяне любят премьеры, а у нас премьер не было давно. У нас 300 машин на 1000 жителей, они садятся в машину и едут что-то потреблять. Если посмотреть по потоку, то это – молодежь с машиной, которые здесь берут только бутылку шнапса – и ничего больше не тратят. Если сравнивать наш и бурятский рынки, то раньше иркутский был в 3 раза больше, а сейчас они сравнялись. Иркутяне едут туда, потому что машины есть, асфальт хороший и их там ждут, а также есть что посмотреть и чем заняться.

Они ездят в Таиланд, Турцию и т. д., то есть знают, что такое качественный туристский продукт, и два раза наступать на грабли необустроенности и бездорожья попадать не хотят. А мы для них ничего не построили ни

в Листвянке, ни на Ольхоне. Особенно на Ольхоне – там за 20 лет создано только 20 баз. А если посмотреть на кадастровую карту, то мы можем построить 220. Мы сами не управляем процессом и создаем критическую конфликтную ситуацию. Сейчас государство не дает деньги на развитие Байкальской природной территории, а дает деньги только на насилие. На сегодняшний день, при бюджете Ольхонского района в 120 млн. рублей, штрафных санкций предпринимателям выписано на 160 млн. Туристический бизнес 20 лет развивался динамично, а базовая инфраструктура остановилась на аграрной фазе.

АЛ В Куркуте мы работали по программе планирования туризма, экологически ориентированного землепользования. Мы планировали туризм по максимально высокому уровню: и устойчивое развитие, и комфорт. Тогда все муниципальные, районные, областные администрации все это выбросили. И начался самострой, и ничего красивого там не появилось. Теперь расплачиваемся за то, что не послушались тогда планировщиков.

ОД Когда это происходило, Институту географии было логичнее заниматься ландшафтным планированием. А немецкая фирма привезла 20 лет назад технологию градостроительства «пространственного планирования». Директор Института географии свел все в корпоративное ландшафтное планирование, а градостроительства там не оказалось. В итоге получилось, что и ландшафт сохранить мы не можем.

Государству сегодня легче все снести, чтобы потом пришел Томас Кук с китайцами и построил нормальные отели. Сегодня российские архитекторы в сфере туризма переносят с Запада наиболее активные образы и пытаются их интегрировать. Но Иркутск самодостаточен: если мы сформулируем свою концепцию для Байкальского региона, тогда можно конструктивно говорить о чем-то. Все знание есть, все понимание есть, но не хватает комплексного подхода к развитию туристских территорий.

ЕГ Удивительно слышать то, что сейчас прозвучало. В сентябре 2013 года (закрытие БЦБК) вышел в свет двоянный номер нашего журнала с главной темой «Байкал–Байкальск», в котором была собрана градодocumentация по берегам Байкала, в том числе проекты особых экономических зон: Большое Голоустное, Байкальск и Листвянка. Полное впечатление, что иркутские берега Байкала охвачены градодocumentацией. Почему документация существует отдельно, а реальность – отдельно?

АЛ Эти проекты выполнены в основном в Иркутске, выпускниками иркутской архитектурной школы. Они не хуже, чем любой результат градостроительного планирования в другом месте России. К сожалению, документация, которая производится нами в этих условиях, не всегда стыкуется с жизнью. Градостроительная документация для населенного пункта любого уровня финансируется вышестоящими органами, а задание на проектирование зачастую пишут сами проектировщики.

КЛ Коллеги, а может быть, эти планы правильнее было бы перевести на китайский язык и передать в китайскую контору Т. Кука? И пусть они инвестируют в эти проекты, зачем им еще раз заказывать то, что уже сделано?

ОД Нет, то, что происходит – это проекты по захвату территорий для перепродажи, а то, что на этой территории целесообразно строить, у нас отсутствует. У нас обсуждались проекты трех экономических зон: Листвянка, Большое Голоустное и Байкальск – и за 10 лет ничего не сделано. Сегодня на проект особой экономической зоны потрачено 250 млн. рублей. Результата не видно.

ВД Мне кажется, мы смотрим на китайца исходя из образов «Тихих заводей» и «Сна в красном тереме». Но нынешние китайцы – это люди или потомки людей, которые

пережили культурную революцию, это постсоциалистические люди со всеми вытекающими отсюда перерывами в культурном развитии. Нельзя рассматривать китайца просто как китайца, ведь и русский сейчас и русский в XVIII веке – это совершенно разные сущности. Поэтому призываю к очень конкретному подходу: не китаец абстрактный, не китайский турист абстрактный, а именно те конкретные люди с их конкретными потребностями, с их конкретными желаниями и конкретными деньгами, иногда немалыми. Крупнейший специалист-востоковед, эконометрист Леонид Абрамович Фридман, опираясь на международную статистику, подсчитал, что средний класс китайцев составляет 250 – 300 млн. человек. Судя по динамике развития постсоциалистического общества, практически чуть ли не первая потребность после того, как решены проблемы с едой, кровом над головой – обеспечением минимальных жизненных потребностей – это туризм. А поскольку Китай – страна открытая, то это чудовищный, гигантский выброс по миру. И это общемировая проблема, которую надо решать, подходя к китайскому туристу не как к туристу вообще. Китайский турист – это постсоциалистический человек, который в принципе пока не умеет отдыхать. В Китае нет культуры

^ Улица Люличан.
Велосипедисты.
Фото Сергея Астапова

отдыха. А когда бы она могла у них появиться? Я как-то наблюдал китайцев на пляже в Даляне; видно, что они не понимают, что там делать.

КЛ Им этого не объяснили.

ВД Китайские туристы – не профессиональные туристы. Может, не случайно они предпочитают туристические группы со своими сопровождающими – им, возможно, комфортно именно так. Надо посмотреть, почему так происходит? А возможно, кого-то из этих туристов уже напрягает система жесткой организации туристической фирмы, когда его возят в определенные места с определенной информацией? Может, им хочется за пределами маршрута посмотреть? Второе – это турбизнес. Проблема утечки капиталов в другую страну с другой валютой реальна. Но существует ли реальная утечка капиталов? Может быть, туристические ресурсы реализуются в других сферах? Если гостиница не платит налогов, территориально находясь на нашей земле, либо платит мало – это не проблема китайцев, это проблема российского законодательства. Если китайские гостиницы на Ольхоне оказывают излишнее давление на природу (ведь там находится национальный парк), если гостиница строится без очистных сооружений, то это не проблема китайцев. Это проблема массовой коррумпированности нашего государственного аппарата. Китайцы – это, скорее, очередной вызов и тест на ситуацию нашего общества, нашей власти и нашей способности решать задачи, как мне кажется. Тест-то мы не выдерживаем, и все выливается в обычный гундеж: «Вот, китайцы понаехали». Раньше они «понаезжали», чтобы нас завоевать, потом – чтобы у нас все скупить, потом чтобы переселиться и пережениться на наших русских женщинах, чтобы все нас окитаить. Сейчас они приехали, чтобы захватить наши туристические ресурсы и наш Байкал. Не увезут они Байкал в Китай, не увезут они и эти гостиницы.

ЕГ Мне кажется интересной фраза, что они не умеют отдыхать. Здесь есть над чем поразмыслить, потому что им нужен интерактивный отдых. Иркутск должен получить свою выгоду и устроить им такой туризм, который не вызовет вопросов: «А что на этом месте делать?». Надо придумать им шоу, а может, даже какой-то общественно-полезный труд, в котором интересно участвовать. Я все время вспоминаю Тома Сойера, который красил забор. Но в этом направлении надо подумать: ведь то, что они стремятся все время что-то делать – это специфика и отличие от других туристов.

АЛ Градостроительная документация как раз ставит задачи планировать будущее, в том числе по проекту туризма на Байкале, по приему китайских туристов в Иркутске. Территория и деятельность должны соединяться в планировании будущего. У нас твердый недостаток не только граддокументации, но и всего российского планирования – ее низкая социальная продуманность и недостаточность социальной информации. Какой кирпичик вкладывать в китайцев и с китайцами, без социологов не решить.

ЕГ Отсутствие социологов при проектировании – недостаток граддокументации. Тем не менее, она имеет статус закона, ею должны руководствоваться в своих интересах турбизнес, местные органы и т. д.

ОД Проблема в том, что туристического раздела в ней нет. По туризму в Ольхонском районе был утвержден раздел 10 лет назад. И было написано, что для более конкретной разработки раздела необходимы дополнительные исследования.

КГ Одна из знаменитых книг Джеймса Скотта так и называется: «Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой

жизни». В данном случае мы имеем классическую иллюстрацию: да, есть документация, которая имеет статус закона, направлена на улучшение ситуации, но она не работает. И мы уходим в сторону неформальной экономики, в нашу повседневность, где мы на самом деле живем и работаем. Это способы противостоять той стратегии, которую нам навязывают. Сколько бы мы ни планировали замечательных улучшений по берегу Байкала, если они никак не учитывают реалий повседневности, они обречены на провал. Кроме того, представляется, что мы по-прежнему экстраполируем на современную ситуацию исторические и сложившиеся вне времени стереотипы, по которым мы себе представляем китайцев. Ровно так же китайцы представляют нас. В результате мы получаем ситуацию, когда...

ВД ...стереотип сталкивается со стереотипом...

КГ ...друг напротив друга стоят два зеркала, и мы смотрим на бесконечное отражение, в котором наше представление о китайцах определяет их представление о нас, и это снова определяет наше представление о Китае. Это умножение сущности очень часто воплощается в вещественные пространства. Например, в Манчжурии на окраине создан парк, где собрано все лучшее сразу – как китайцы видят Россию. Понятно, что мы едем туда посмотреть, как китайцы видят Россию и посмеяться над ними. И китайцы приезжают в Россию, чтобы посмотреть, как мы видим Китай и относимся к ним. Задача увидеть китайца заключается не только в том, что это уже не торговец с рынка, но и в том, чтобы уйти от собственных стереотипов представления о Китае, хотя бы потому, что Китай и китайцы неоднородны. Китайцы из северного Китая – это одно, с южного – другое, разные слои – третье, и пока мы от этого не уйдем, мы опять будем играть с собственными представлениями о Китае, а не с реалиями.

КЛ Моя знакомая принимает туристов в частном порядке, на личных контактах. В последнее время стали активно приезжать китайцы, и арендодатели столкнулись с неожиданной проблемой: китайские туристы выходят утром из домика и, извините, какают на газон. Дело в том, что эти приезжие – вчерашние крестьяне; они переехали в город всего пару лет назад. Урбанизация в Китае идет совершенно чудовищными темпами: там уже 50% населения живет в городах. Ничего подобного не было в истории человечества – 10 млн. человек в год! В Китае сотни миллионов людей, которые принесли с собой уклад деревенской жизни. Там жидкие отходы – ценность: ведро фекалий стоит на селе 10 юаней. Понятно, что лесовые равнины давно бы истощились, если бы не был налажен круговорот органических удобрений. В этом регионе существует целый танкерный флот, который возит фекальные воды из одной страны в другую – это предмет крупнотоннажной торговли. Мне кажется, мы не только не знаем китайцев, мы даже не представляем, насколько глубоко пропасть между нами.

МТ Но скорость социальной жизни увеличивает – здесь должно все пойти энергичнее, но, правда, и прагматичнее.

ВД В Китае очень бурно развивается этнический туризм. Создается русская волость: там живут потомки окитаенных русских. Это Трехречье – совершенно замечательно, когда приезжаешь в деревню, где когда-то русские жили, потом окитаились, особенно во время культурной революции, когда по-русски совсем запрещали говорить. Они себя называют метисами. Там и парканы, в которых делают какие-то шанги, которые я только в детстве в деревне ел и забыл, что такое бывает. Эти люди «работают русскими» и создают туристический продукт. Тут разговор про Бурятию шел, почему туда отток туристов из Иркутской области. Когда приезжаешь в Улан-

Удэ, там куда большая концентрация средств общепита самых разных уровней, на самые разные деньги и самых разных специализаций. В Иркутске очень трудно найти место, где можно пообедать. Мало грузинских, армянских, монгольских рестораников. Либо это высокий класс за большие деньги, либо забегаловка. В Улан-Удэ их полно, хотя в городе несопоставимо меньше денег крутится. Но индустрия по продаже этого продукта – услуг, в том числе и общепита, там намного более развита. И здесь по поводу того, что они оттянули деньги, потоки и т. п. говорить не приходится. Может, Иркутск от добра добра не ищет? Дескать, зачем нам туристы, когда у нас алюминий с лесом есть?

ЕГ Китайцы, которые работают русскими в Трехречье, на какого туриста они ориентированы: на русского или китайского?

ВД На китайского. И там создается этнический туризм: вот, посмотрите на русских. Там – русские шанежки, там – русская церковь, правда, не освященная, просто строение.

ЕГ Это государственная структура или инициатива местных жителей для привлечения китайской публики?

ВД Там административная единица называется волостью. Это бывшие русские поселения. Казаков, которые ушли после гражданской войны, давно нет. Потомки тех, кого не успели добить советская власть и китайские коммунисты, живут сейчас в Австралии, Америке и Новой Зеландии. А там остались потомки крестьян, которые мигрировали до революции за землей. Советская власть их била, но не до конца. Коммунисты их били, но тоже не до конца. Они себя называют метисами в генеалогическом смысле. Я так понимаю, под этим есть социальность, потому что китайский для них уже родной, а русский факультативный (поют русские песни).

КГ Это большой государственный проект не только для поддержания русской культуры, но и поддержания музейно-этнографического культурного разнообразия. Есть еще примеры эвенкийских деревень в Китае, которые почти никакого отношения к эвенкам не имеют. Но они описывают образ жизни эвенков. За этим встают серьезные территориальные споры. И не только эвенки, но и русские – это проект поддержания образа культурно-этнографического разнообразия.

ВД Здесь шел разговор о том, чтобы приучать людей к многообразию. Чтобы появление китайских туристов не воспринималось как очередная катастрофа, отношение к многообразию должно формироваться системой образования. Лет десять назад мы получили грант на проведение школы для молодых преподавателей, которые ведут в ВУЗах курсы, связанные с этничностью, с миграционностью и др. Мы ограничились Сибирью и Дальним Востоком. Условия конкурса были замечательные: мы на две недели привозили участников на Байкал, оплачивали дорогу и др. Привозили лучших российских специалистов. С трудом набрали 15 человек. А потому, что эти вещи не преподаются. Вот в ИРНИТУ есть архитекторы, которые должны мыслить категориями не зданий, а людей, которые в этих зданиях живут? Фактически нет. Это белое пятно. Более того, из этих 15 человек треть подобных курсов не вели. Эти люди сделали такие проекты, которые не преподавались, не преподаются, и преподаваться не будут по определению. Фактически получилось, что в системе высшего образования этот важнейший аспект – миграционно-этническая проблематика – белое пятно.

КЛ Трудно себе представить идею более чуждую политике Министерства образования, чем политика разнообразия.

ВД Мы живем в контактной зоне с буддийской культурой. Где в Иркутске – в школах, в вузах – хоть что-нибудь об этом говорится? Когда что-то не прорывается по официально открытым каналам, то люди формируют окольные тропинки так, как им удобно. Шанхайка – это не просто продать-купить, это глобальное место межкультурного, междивизиационного взаимодействия. И дешевые, почти нелегальные китайские рестораники, которые охотно посещают. Если государство не готово идти навстречу подпирающей потребности взаимодействия, люди будут принимать туристов на частной основе, не платя налоги, не отчисляя деньги на экологию.

ОД Я с вами соглашусь. У нас получилось: государство отдельно, общество отдельно, бизнес отдельно. Сегодня существует парадоксальная ситуация – частный предприниматель, который принимает любого туриста, гораздо больше денег вкладывает в развитие территории, чем если бы он был зарегистрирован официально.

ВИТАЛИЙ БАРЫШНИКОВ Про отношения «Восток–Запад» можно говорить бесконечно, но меня, как представителя администрации города, интересуют вопросы прикладного характера: как привлечь туристов, в том числе из Китая, и чем? Как объяснить им правила поведения в городе, в наших храмах, в общественных пространствах? Как их посчитать и ввести в легальный турпоток? Как увязать количество туристов с доходами бюджета?

Мне, например, рассказали, что на одной из карт Иркутска, напечатанных китайцами в Китае для китайских туристов, по адресу Карла Маркса 23–25, вместо филиала Иркутского областного художественного музея указаны два магазина парфюмерии и ювелирки (которые на самом деле арендуют площади у музея), а между ними – бесплатный общественный туалет!!! (хотя на самом деле это выставочный зал музея, где, конечно, туалет есть, но это не главное).

У нас реально отсутствует статистика туристов, посещающих наш город; она размазана по разным структурам и нигде в одном месте не собрана. Следовательно, невозможно ни проанализировать, ни прогнозировать, ни тем более управлять турпотоком.

Согласен с коллегами, что мы не понимаем менталитет гостей из Китая, не говоря о том, чтобы знать их язык, и этому у нас не учат нигде. В итоге у местных жителей формируются очередные мифы о «китайской угрозе» и т.п. А если этому не учат в Иркутске, городе традиционно «пограничном», где сталкивается западная, европейская культура с культурой востока, буддизма, то не учат практически нигде в нашей стране. Это в скором времени может сформировать образ китайца как врага, как непонятного и непрогнозируемого партнера; мы будем избегать контактов с ними, а избежать их невозможно. Это может привести к тому, что мы будем в роли уклоняющейся стороны, «младшего партнера. Тогда возможен конфликт на границе цивилизаций, подобно тому, как недопонимание православной культуры с исламом привело в конце 20-го века к конфликтам на Кавказе и в Средней Азии, в том числе и с военным участием.

Иркутск, как самый интеллектуально, культурно, ресурсно обеспеченный город Сибири и Дальнего Востока России, мог бы взять на себя роль такой образовательной и воспитательной площадки в диалоге Россия – Китай. А туристы были бы тем полем, где могли бы отрабатываться методики взаимодействия.

Мне нравится тот анализ, который провели коллеги сегодня. Надеюсь, этот разговор будет продолжен, в том числе и для более прикладных задач, о которых я сказал.

ЕГ Спасибо всем за участие в актуальном разговоре. До следующей встречи в дискуссионном клубе журнала «Проект Байкал».

Исследуются формы взаимодействия, разрывы и пересечения парадигм Востока и Запада. Интерпретация дихотомии как модели и ценности культуры, как значимого компонента картины мира представляются в статье процессом сложения культурных норм в рамках Целого. Для обсуждения специфики понятия Восток–Запад предлагается идея «трансмутационного контакта». Подвижность границ и неоднозначность самого представления Восток–Запад предопределяют различные дискурсы обсуждения в пространствах рационального–иррационального, традиции–нетрадиции, просвещенности и варварства, что во многом объясняется встроенностью дихотомии Восток–Запад в универсум, в микро- и макрокосмос.

Ключевые слова: Восток–Запад; дихотомия; трансмутационный контакт; культурная норма; парадигма культуры; культурное пространство; традиция; универсум. /

The article studies the forms of interaction, gaps and intercrossing between the paradigms of East and West. Interpretation of the dichotomy as a model and value of culture and as a significant component of the worldview is presented in the article as a process of combination of cultural norms within the Whole. The idea of 'transmutation contact' is proposed for the discussion of peculiarities of the notion East-West. The mobility of borders and the ambiguity of the notion East-West predetermine different discourses of the discussion in the spaces of rational-irrational, tradition-nontradition, enlightenment and barbarism. It can be explained by the fact that the East-West dichotomy is integrated in the universe, the microspace and macrospace.

Keywords: East-West; dichotomy; transmutation contact; cultural norm; paradigm of culture; cultural space; tradition; universe.

Дихотомия Восток–Запад: разрывы, взаимодействия, пересечения

ТЕКСТ

Ольга Железняк /
text
Olga Zheleznyak

> Популярная версия образов женщин Востока и Запада // <https://a-a-ah.ru/blog/tri-besplatnyh-lektsii-chetverg-a-vostok-vs-zapad-chetvertoe-izmerenie-performansyi-v-ross>

Определение Гегелем Востока и Запада как специфических свойств, «присущих каждой вещи» [1], с одной стороны, и образ Германа Гессе, интерпретирующего Восток – Запад как «полюса, между которыми раскачивается жизнь» [2], с другой, довольно точно отражают основную суть пространства взаимодействия и границы влияния, роль и значение дихотомии Восток–Запад в развитии цивилизаций.

Будучи одной из наиболее дискутируемых и, в то же время, одной из наиболее неразрешенных и противоречивых тем, проблема Восток–Запад получила бесконечное множество интерпретаций. Завидное постоянство, с которым сообщества в течение многих веков пытаются определить, к какой культурной традиции они относятся, свидетельствует об актуальности этой проблемы для любой нации, культуры и сферы деятельности.

Безошибочное самоопределение общества в культурной ситуации, верная соотношенность с соответствующей идеальной картиной мира, с тем или иным комплексом культурных норм предельно важны для будущего любой нации, для ее естественного и полноценного развития. Неверный выбор способен обречь общество на проживание вне подлинной истории, предназначенной для него. М. К. Петров [3] называет подобное явление «культурной несовместимостью» – неготовностью одной культуры принять нормы и правила, мировоззрение и способ жизни другой культуры. Так, например, аналогичная ситуация, по мнению О. Шпенглера, складывается в России

[4]. Он считает, что во времена Петра Великого, под его влиянием, Россия выбирает неверные ориентиры, отдав предпочтение «западническому» духу: «Нельзя вообразить себе большей противоположности, нежели между русским и западным...» [5]. Навязанная чуждая форма довлеет над исконной культурой, порождая искусственные, фальшивые по сути своей образования. К ним относятся и города, «города чужого стиля», распространяющиеся по стране, «как опухоли». О. Шпенглер, вслед за Достоевским, называет Петербург «самым абстрактным» городом из всех существующих на свете, придавая ему «статус» сатанинского, проклятого города для всей русской культуры. Москва при этом представляется как святая ввиду естественности ее возникновения-зарождения, принадлежности русскому. Причины таких трагических «псевдоморфоз» Шпенглер усматривает, прежде всего, в неверном выборе сущностной парадигмы, связанной с ориентацией на тип духовности – западный или старорусский (восточный), позднеантичный или иудейско-христианский. Не обсуждая истинность и правомочность версии Шпенглера об естественности исторического выбора России, отметим тот факт, что потребность в идентификации, равно как и выбор адекватных культурных норм и идеалов оказываются, таким образом, немаловажным элементом культурного развития.

Несмотря на многовековую традицию обсуждения проблемы Восток–Запад в разных сферах науки, культуры и искусства, исчерпывающее представление о востоке–западе как культурном феномене и теоретической парадигме практически отсутствует. Вероятно, нет более подвижного, динамичного представления, границы которого непрерывно меняются. Смысловое наполнение этого понятия, его глубина и емкость также склонны к непрерывным трансформациям. Определение границ понятия во многом зависит от культурной ситуации, исторического времени и позиции исследователя. При этом нередко описываемая культура не включается в диаду Восток–Запад, а задается через триаду: так в ситуации с Россией возникает триада Запад–Россия–Восток. Употребляя триаду Запад–Россия–Восток, П. Я. Чадаев трактует это как «культурно-исторические реальности» и, не обнаруживая в России ни восточной, ни западной

East-West Dichotomy: gaps, interaction, intercrossing

в Одновременное
пребывание городского
пространства в прошлом,
настоящем и будущем

ориентации, называет Россию северной страной, черпающей из культуры Востока и Запада, что позволяет ей идти своим путем [6].

Одним из примеров представления о подвижности границ понятия «Запад–Восток» могут служить размышления Н. Бердяева, достаточно актуальные и по сей день. Так, в общем описании дихотомии Запад–Восток, говоря о западе, Бердяев подразумевает Англию и Францию; Германия при этом не относится к западному миру. В то же время, применительно к России «и Германия есть Запад» [7], а для Индии и Китая западом является Россия. Движение границы (по Бердяеву) связано не только с географическими изменениями, но с трансформациями типов культуры. Проводя различие между Западом и Востоком на примере Франции–Англии и Германии, Л. Фробениус говорит о дихотомии рационального и иррационального, полагая, что Западу более свойственны рационализованность и упорядоченность, что он (Запад) основывается на фактах и стремится их рационализировать, тогда как Восток базируется «на реальности, которая глубже фактов» [8] и ориентируется на иррациональность. По мнению арабского мистика Ибн Араби, «Восток» и «Запад» устанавливают «границы Универсума», внутри которого «одно постигается чувствами (Восток)», в то время как другое осознается разумом (Запад) [9]. Т. П. Григорьева при обсуждении идеи Целого в пространстве Восток–Запад приводит аналогию Дао и Логоса, Востока и Запада со строением головного мозга: правое полушарие, «более древнее, отвечает за более целостное видение, интуицию, единство; левое – за логику, анализ и синтез. Но лишь вместе они обеспечивают жизнедеятельность Целого» [10]. «Пульсация Целого» подобна дыханию, «сердце культуры» словно бьется «в Ритме исторической среды», этапы культуры, восточные/западные акценты сменяют друг друга; «поток стремится с Востока на Запад, и с Запада на Восток» в интерпретациях Китамуры Тококу [11].

Характерным образцом рационализованного мышления и мировосприятия является римский город и правила его устройства, описанные Витрувием [12]. Здесь город – это, прежде всего, ядро в мировом пространстве, и своим устройством он противостоит устройству мира. Возведение этого совершенного поселения должно начинаться,

^ «Игра присутствия».
Восточная экзотика

по Витрувию, с возведения оборонительных стен. Планировка внутреннего пространства города – идеального поселения – носит характер «распределения территории». Рациональная прямоугольная сетка (Гипподамова планировочная сеть) «накидывается» на огороженное пространство территории, ориентируя оси координат, улицы и переулки по «небесным осям». И это, пожалуй, единственная дань окружающему миру, но и она носит, прежде всего, функциональный характер. Храмы главным Богам (Юпитеру, Юноне и Минерве), допустимые к строительству внутри огороженной территории, возводятся на возвышенных местах не в знак почитания Бога и возможности его лицезреть в любой момент, но для того, чтобы Боги, которым полагается защищать город, могли постоянно видеть как можно большую часть территории. Святилища «опасных Богов» (Венеры, Марса, Вулкана) выводятся за границу города. Очень своеобразна и трактовка проблемы «общественное–частное». Таким образом, все, начиная от системы устройства города и заканчивая отношением к Богам, подчинено правилу функциональной целесообразности.

Бердяев, развивая представление о рационализме Запада и иррациональности Востока и адаптируя его к российской культуре, высказывает мнение о том, что «русские духи природы» не окончательно скованы цивилизацией, поэтому для русских менее характерен «культурный скепсис». Для русского мышления, в отличие от западноевропейского, естественно рассматривать проблемы по существу, вне культурного отражения. Западние люди «рассматривают каждую проблему прежде всего в ее отражениях в культуре и истории» [13]; т. е. обсуждая «что-то», говорящий «не обнаруживает» себя как часть этого «что-то», а представляет ситуацию как ряд культурных фактов и персоналий. Такое своеобразное отраженное отождествление. Реальный мир и живая жизнь при этом ускользают. Подобное представление является, по мнению автора, вторичным. Русские же имеют дело с первичным, с самой сущностью мира. Мистицизм и таинственность, характерные для российской духовной жизни и типа мышления, объясняются, в том числе, и тем фактом, что Россия не вышла еще из стадии природы, из своего первичного, варварского состояния; тогда как

Запад уже находится в стадии «высокой культуры».

«Цифровые экономики», дигитализация современной жизни, ведущие к доминированию цивилизации западного типа, в значительной мере ограничивают духовность человека, подчиняя ее идеологии потребительства и прагматическим установкам, сохраняя относительную «неподвижность формы» и неизменность структуры сознания в ситуации общей «подвижности содержания». Но «Целое» реального мира, в представлениях Канта и Гумбольдта, «недоступно дискурсивному мышлению, ибо не исчисляется, но доступно интуиции, озарению» [14], что требует интеграции, на первый взгляд, взаимоисключающих явлений, которые, по Хайдеггеру, составляют «планетарное техническое производство и тайны бытия». Сближение этих полюсов может означать «остаться на почве Запада, сохранив его цивилизационные достижения и повернуться лицом к Востоку, к его освежающей духовной традиции» [15].

Варварство и цивилизация – это еще одна интерпретация проблемы противостояния и единства Востока и Запада, их разрывов, пересечений культурных пространств и взаимодействий; которые представляются полярностями, стремящимися к противоположности и к воссоединению в целое. Различие культурных норм Востока и Запада отдельными исследователями определяется степенью «цивилизованности». При этом цивилизованность соотносится скорее с «артификацией» общества, уровнем технологического развития, а первичность, первородность и естественность нередко отождествляются с варварством. Сами понятия «варварство» и «цивилизация» выступают скорее условным символом какого-либо феномена, нежели точным категориальным определением, и их соотношения с представлениями Восток–Запад непрерывно трансформируются. Так, например, в определенный период времени своего творчества Чаадаев соотносит Восток со всем языческим, нехристианским, вызывающим косность и застойность общества (восточного). Восток движим только «материальными устремлениями». Запад же предстает антиподом Востока, как христианское общество, живущее духовными интересами. Бесконечность возможностей духовного совершенствования позволяет Западу постоянно развиваться, достигая все большего

расцвета. Это достаточно спорное утверждение, и сам Чаадаев со временем меняет свою позицию. Теперь две культуры (Восток и Запад) ставятся на одну ступень культурного развития, уравнивая Восток и Запад, «варварство» и «цивилизацию». Чаадаев признает духовность восточной цивилизации, отдавая Востоку приоритет «начала человеческой истории» и порождения «крупной культурной идеи». «Эта идея поставила духовное начало во главу общества, она подчинила все власти одному нерушиму высшему закону – закону истории; она глубоко разработала систему нравственных иерархий» [16].

Обращаясь к пространству цветовой культуры, следует отметить, что ряд авторов расценивает предпочтения, отдаваемые ярким, открытым цветам и сочетаниям, как прерогативу «варваров» и низших слоев общества. Таким образом получается, что для «цивилизованного эллина» характерны сложные цветовые гармонии. Но эти представления о варварстве и цивилизации не согласуются с яркой полихромией в греческой архитектуре, что также противоречит культивируемым образам «белоснежных храмов». Впрочем, возможно, что изощренный пурпур, заместивший чистый красный в иерархии цветов, – это естественная трансформация любой культуры,двигающейся по пути «исчерпания» всех возможностей изменения: от первичного, иррационального к отраженному, рационализованному, «от неповторимого к серийному» и пр. Такое развитие может происходить внутри любого типа культуры – Восточного или Западного. Например, по мнению Эйзенштейна [17], римская геометрия заменила метагеометрию греков; механически двухмерные концепции рациональных японцев предстали вместо органичных, оригинальных идей китайцев.

Следующей общепринятой интерпретацией дихотомии Восток–Запад является рассмотрение ее через призму понятия традиция–нетрадиция. При этом страны востока (Китай, Индия и др.) как правило относятся к традиционным обществам, традиционным культурам, а западноевропейские страны – к нетрадиционным.

Традиционный или профессионально-именной тип культуры (по классификации М. Петрова) характеризуется структурированием общества по профессиональному признаку, «здесь теоретическое и практическое

существуют в нерасчлененном единстве, в индивиде» [18]. Знания из поколения в поколение транслируются через личный контакт (отец–сын, учитель–ученик и т.д.), очень важным моментом становится «наследственный профессионализм». Внутри- и межсемейные контакты обмена и передачи ценностей задают наиболее естественную и разумную схему трансляции культурных норм и профессиональных знаний. Рассматривая формы трансляции знаний, В. Семенов выделяет традиционный способ (передачи знаний от учителя к ученику) как наиболее полноценный, адекватный всему процессу воспроизводства знаний и норм культуры. Исследуя восточную традицию трансляции культурных норм, он на примере Бхагавадгиты демонстрирует весь необходимый комплекс элементов деятельности воспроизводства и трансляции культурных норм, позволяющий сохранять инварианты норм и одновременно трансформировать образцы, приспособляя их под современную ситуацию [19].

М. К. Петров полагает, что европейцы также внутренне склонны к такой трансляционной структуре. Но сложившийся в Европе «универсально-понятийный тип» культуры с разработанной системой создания и усвоения знаний, жестким делением на теоретическое и практическое, «противоестественным совмещением профессий» в одном лице, неоправданно высоким статусом «личности», идеей «гражданина» как человека вообще в социальном целом и пр. – весь этот комплекс в значительной мере отделяет европейское мироощущение от традиционной картины мира. По мнению автора, европейская развитость (с точки зрения традиции) лежит на пути от племенной (лично-именной) культуры к традиционной. Это «развитая дикость», «развитое варварство». Даже одно из ключевых представлений европейской социальности – личность – восходит к первобытному осознанию. Личность – это тотем европейца. Он, подобно древнему человеку, твердившему: «я – попугай, я – выдра», непрерывно повторяет: я – личность. В большинстве же традиционных представлений отсутствует подобная централизованность на личности – человеку с его персональной историей, т. к. окружающий его мир, силы, действующие в нем, несоизмеримо более значимые и могущественные. И человек составляет лишь часть этого мира. Развитая

^ «Игра присутствия». Восточная экзотика

^ Казань: пространство трансмутационного контакта. Мечеть Кул Шариф

традиция – вот идеал (в понимании Петрова), к которому неосознанно стремится европейское общество. Вероятно, этим в какой-то степени объясняется тяга европейцев к восточным культурам и философии, возникновение антропософских, экологических и иных движений, несущих идею целостности и непрерывности космоса, принадлежности человека этому миру.

Тип культуры оказывает влияние и на идеологию отношения к природной среде, взаимосвязи с макро- и микрокосмосом. Согласно антропоцентрическому принципу, на который ориентирована западная культура, природа служит источником и средством реализации грандиозных планов человека по переустройству мира. «Культурный принцип Востока, точнее Восточноазиатского региона, – у-вэй, т. е. невмешательство в природу» [20], что осознается как ценность, манипулирование которой, в соответствии с воззрениями Лао-Цзы, может привести к утрате и уничтожению мира, этого «священного сосуда» [21].

Явный приоритет парадигмы рационализованного мышления в современных образовательных системах ведет к повсеместному внедрению европейских норм культуры и полному «вымыванию» традиционных, а в некоторых случаях и единственно-возможных, форм обучения «от учителя к ученику» (что особенно болезненно сказывается на подготовке архитекторов, дизайнеров, художников и др.). В целом, переход к компетентностно-ориентированному образованию представляет собой дальнейшее движение по пути развития универсально-понятийного типа культуры и утраты естественных интуиций.

Мы оставили вне сферы внимания еще одну очень важную и чрезвычайно сложную и неоднозначную интерпретацию целостности Восток–Запад через различие религиозных верований. Но, учитывая многогранность и дискуссионность самой темы «веры и религии», нам представляется более целесообразным посвятить обсуждению теософской трактовки сюжета Восток–Запад самостоятельное, отдельное исследование. В связи с этим отметим только своеобразную «привязанность» религиозных учений к дихотомии Восток–Запад, традиционное отнесение всех ветвей христианства к европейской религии, а исламизма, ламаизма, буддизма, синтоизма,

конфуцианства и др. – к восточным религиям, которое, по мнению ряда специалистов, фактически «оформилось» в пятнадцатом веке, «последовав за арабскими войнами и падением Константинополя» [22], и разделило мир на «христианскую Европу» и так называемый «мусульманский Восток».

В целом, можно представить дихотомию Восток–Запад парой понятий, составляющих целое, парадигмой, необходимой для обсуждения любого культурного феномена или социального явления. Парадигма Восток–Запад, как парадигма культуры, заложена в картины мира различных цивилизаций. При этом следует отметить некоторый приоритет линии Восток–Запад, например, ее преобладание над направлением Север–Юг. Так, во многих картинах мира ось Север–Юг заменяется осью Верх–Низ (и/или отождествляется с ней, например, изображение хода Солнца в солярной символике древних славян), а иногда отсутствует совсем. Образцом особого свернутого представления норм и ценностей, квинтэссенцией понятий о мире, яркого изобразительного представления картины мира в восточной культуре может служить мандала. Традиционно – это внешний круг со вписанным в него квадратом, в центре которого расположен второй круг. Квадрат разделен на четыре части, каждая часть имеет свой соответствующий цвет, связанный, в том числе, с направлениями Восток–Запад, Север–Юг. Цвет внутреннего круга зависит от главного божества или атрибута, которому посвящена мандала. Зоны входа в «обитаемый мир» также окрашены в символический цвет, соответствующий с той зоной квадрата, которой он принадлежит. Стороны квадрата ориентированы по сторонам света и моделируют пространственные координаты вселенной. Внешний круг, чаще всего, трактуется как граница вселенной, символизирует ее целостность и через различные атрибуты описывает пространственные и временные свойства вселенной. Нередко сюда же встраиваются структуры этических и аксиологических норм, характерных для данного региона. Интерпретация мандалы как «универсальной психокосмической системы» (К.–Г. Юнг), объединяющей микро- и макрокосмос, часто кладется в основу организации структуры идеального города или ритуального сооружения, царских дворцов и восточных

храмов. Важную роль при этом играет вертикальная ось, проходящая через центр мандалы, которая является еще одной пространственной координатой, означающей движение сверху вниз, с небес на землю, пришествие божества в мир и – возможное восхождение человека вверх.

Нередко дихотомия Восток–Запад, отражая сущностные компоненты картины мироздания, соотносится с делением мира на «страну мертвых» и «страну живых» и сопоставляется с ориентацией в пространстве места – «с верховья реки», «с низовья реки», в частности, в представлениях отдельных индейских племен об устройстве мира. Различие и сходство, подвижность границ понятия – все это свидетельствует о непрерывном взаимодействии описываемых культур. Само представление Восток–Запад, оставаясь парадигмой картины мира, претерпевает постоянные изменения, разнообразные трансформации формы и содержания в конкретных ситуациях.

Идея «трансмутационного контакта», предлагаемая для обсуждения специфики понятия Восток–Запад, во многом объясняет и описывает многозначность и двойственность понятия, подвижность его условных границ, его сохранение в картине мира как важной составляющей. В то же время, это представление, на наш взгляд, наиболее полно отражает ситуацию взаимодействия и взаимовлияния культур Востока и Запада.

В основу идеи положена концепция М. К. Петрова о «трансмутационном контакте нового с наличным». Однако присущий всем культурам «постоянно возобновляемый» трансмутационный контакт «требует процедуры идентификации подобий новому в наличном» [23]. Это означает, что при введении нового–иного в существующее происходит «нахождение подобий», прототипов нового в уже сложившейся системе, т. е. реализуются разные формы отождествления «своего» с «чужим» и, напротив, «чужого» со «своим». Аналогичная система отождествления, вероятно, характерна и для введения условно-западных норм в восточную культуру и наоборот. Можно предположить, что естественные процессы отождествления и идентификации не являются единственно возможными формами введения норм. Так, «революционное» вторжение представляет собой иную форму

взаимодействия «нового с наличным», нередко разрушающего существующие нормы и культурные стереотипы. Проявление старых норм происходит со временем. Это сопровождается своеобразным обратным эффектом, когда старые нормы начинают мутировать и проявляться, «просвечивать» сквозь вновь введенные стереотипы.

Соответственно, помимо основной идеи, – идентификации нового в наличном, – трансмутационный контакт может рассматриваться и как общая концепция, одна из основных форм взаимодействия разных типов социокультурных норм. Подразумеваемая потенциальная способность культурных норм Востока и Запада взаимодействовать, мутировать и трансформируясь, идея–концепция трансмутационного контакта не только раскрывает природу того множества существующих норм и понятий, но и выявляет механизм «получения» этих норм, а также задает концепцию взаимодействия разных норм между собой.

Ярким примером мутационного контакта Востока и Запада является ситуация культурного развития Байкальского региона, которая складывается под влиянием неоднородных культурных стереотипов (переселенцев – староверов с Севера России, казаков, декабристов, польских ссыльных и пр. – и местного русского и коренного населения); на «пересечении» язычества, разных ветвей христианства, шаманизма, ламаизма, буддизма и др.; на стыке традиционной, советской и постсоветской культур.

Исследование взаимодействия культурных традиций, их «параллельного» существования либо «послойного наложения» во времени позволяет выделить особенности, общие корни и истоки, характерные для разных культур. Для обсуждения этой темы представляет интерес апелляция к картинам мира, сложившимся в культурах, и в частности, к цветовой парадигме как компоненту этих картин.

Будучи одним из «первородных» элементов, цветовой феномен (цвет) отражает различные аспекты ситуации и их интерпретации в картинах мира. Первородность цвета, его принадлежность к числу «основных элементов» так или иначе зафиксирована в разных по типу текстах, ритуалах, представлениях и пр. Во многих традиционных культурах многоцветность, пестрота расценивается как «признак мифологических персонажей со значительной

^ Казань: пространство трансмутационного контакта Востока и Запада

^ Феропонтов Белозерский Богородице-Рождественский монастырь. Встроенность традиционной архитектуры в природный контекст

^ Казань: пространство трансмутационного контакта. Петропавловский собор

долей хтонизма». По мнению исследователей, «генетически пестрота восходит к представлениям о воде, как первородной стихии...». С водой естественным образом соотносятся «представления о женском начале в природе, о влажной земле, порождающей все живое, об источнике жизни и вместе с тем о земле—могиле, о земле—материнском лоне, но уже как месте исчезновения, о преисподней с ее подземными водами» [24]. Столь же тесно цвет связан с обязательным для всех картин мироздания мифом—парадигмой о сотворении мира. Так, мифология Тибета, в частности, описывая сотворение мира, отмечает Белый цвет среди первичных элементов, из которых был создан мир. По одной из версий, при создании мира «построили кучу камней на белом леднике», по другой версии «из небытия возникает белый свет, породивший совершенное яйцо». В культуре древних народов Восточной Сибири небеса также изображаются многоярусным образованием сине-белого цвета. На третьем ярусе неба расположено молочно-белое озеро — первоисточник всей жизни; вершиной всей этой системы, непостижимой даже для человека духа—шамана, является «белое небо». Т. е. во всех случаях белый цвет—свет является порождающим, «прародителем» мира. И еще один образ, свидетельствующий о первородности цвета, о его значимости для восточной картины мира. В соответствии с ним «сначала возник белый цвет неба, потом голубой цвет земли, вслед за этим создали белую гору из ледника, наконец образовался внешний океан» [25]. Возникновение из небытия цветов и, прежде всего белого, представляется глубоко символическим и существенным для понимания традиционной картины мира в ее восточной интерпретации.

Не менее значимым оказывается белый цвет и для русской (славянской) части населения Сибири. В мифопоэтической системе древних славян «белый» — это цвет жизни и смерти, с ним связаны представления о важных сакральных элементах мира и Космоса: «Белом свете», «белой березе», «белом камне» и др. Образы белого дерева, дерева—оберега, и белого первозданного камня, возникшего из моря в начале творения, можно отнести к наиболее древним образам славянской мифологической системы, которые отражены в заговорах, в традиционных ритуалах и обрядах, например в тексте заговора: «...

стоит белая береза, под белой березой белый камень, под белым камнем — рай жука...». И здесь образы восточных и славянских картин мира пересекаются, соотносятся между собой: в частности, цветовые символы и знаки имеют некоторые аналогии; роль и значение цвета оказываются достаточно близкими в обеих традициях. И еще один среди приведенных примеров, изначальный элемент разных мифологических и религиозных картин мира, часть первичной картины мироздания — камень—твердь, белый камень (как белая гора, ледник, бел-горюч камень, или символ камня — яйцо и др.). Этот элемент также имеет сходные по смыслу интерпретации в восточной и западной традиции, становясь точкой пересечения разных культур, знаком единства и самостоятельного развития одновременно.

Следующим важным свойством процесса сложения нормы, характеристикой трансмутационного контакта и особенностью взаимодействия Востока и Запада как традиции и «нетрадиции», как «просвещенности» и «варварства», как рационализма и иррационализма является мутация. Культурное пространство «места» формируется в процессе постоянного многопланового взаимодействия самых разных компонентов этого пространства, совмещенных или разорванных во времени, объединенных или разделенных территорией, общими культурными истоками и т. п.

Непрерывное перерождение одного образа в другой, приспособление функции к существующей форме и раскрытие формы навстречу новой функции, трансформация процессов и культурных норм в соответствии с эйдосом места и развивающая мутация территории в пространстве Космоса — все это отражает одну из существенных характеристик процессов, происходящих в культурном пространстве.

Это также характерно и для культурного пространства города, проявляясь в нем довольно полно и открыто. Городская жизнь представляется как отражение и сублимация наиболее существенных для развития территории процессов. Одновременное пребывание городского пространства (и архитектурных объектов) в прошлом, настоящем и будущем провоцирует все компоненты городской среды на непрерывную мутацию и взаимное приспособление.

^ Рационализм западной архитектуры/культуры. Жилая единица в Марселе

^ Природа в городе – современный европейский дискурс. Барселона

^ Трансмутация культурных норм. Барселона

бление под влиянием различных культурных, социальных и пр. явлений. Рассматривая мутацию как один из способов развития городского формо–пространства и назначения места, как прогрессивную форму трансформации архитектурных форм и городских сред, мы можем представить идею развития города как особого рода мутацию. Вектор изменений при этом может быть ориентирован на проявление, «выращивание и оформление» мифологии места и порождение новых образов на базе непрерывного взаимодействия разных социокультурных норм. В то же время, суть процесса мутации отражает естественный путь изменения формо–пространства (и места) во времени.

Исходя из этой позиции, городское пространство может быть рассмотрено как пространство трансмутационного контакта. Диалог с «духом других культур» предполагает сложную систему взаимодействия различных культурных норм. Это также полагает одномоментность временного пространства, в котором события происходят. «Игра присутствия» (по Хайдеггеру), простирающаяся «в настоящее, в побывшее и в будущее» [27].

«Наслоение» одной культурной нормы на другую, их существование на одной территории в разные временные отрезки являет собой образец «вертикальной», временной трансформации–мутации и контакта различных культурных норм, их взаимодействия и приспособления.

Наряду с одномоментностью временного пространства, трансмутационный контакт характеризуется одновременным существованием культурного пространства в различных культурных стереотипах, например, в универсальных и местных (региональных) нормах. Нередко эта пара проявляется в типичном для концепции Восток–Запад виде – «современность–традиция» или «рациональное–иррациональное».

В существующей практике проектирования и строительства «проявление эйдоса» места (нередко интерпретируемые сегодня как «код места», «дизайн–код пространства» и пр.), восстановление его (места–территории) иррационального, внутреннего образа, а также совмещение с современной ситуацией или «внерегиональными» (универсальными) нормами может происходить различными путями, например, прямым

восстановлением объекта на его прежнем месте, в его прежнем виде или фиксацией и раскрытием мифологии места через опосредованное проявление основной идеи, назначения территории и место–пространства, через апелляцию к структуре предшествующих объектов и/или восстановление присущих место–пространству процессов функционирования–проживания и др. И эти идеи (проявления и удержания эйдоса места как одного из способов развития образов города, во-первых, и «космополитизм» городского пространства, во-вторых, а также их мутирующее взаимодействие и независимое развитие) представляются довольно перспективными для понимания культурных процессов и норм современной городской культуры.

Таким образом, при непрерывном изменении, сопровождающем процессы развития, мы можем рассматривать трансформацию–мутацию как важное свойство и непременное условие развития и функционирования культуры и ее взаимодействия с другими культурами.

При взаимодействии любых культур, тем более в рамках таких сложных образований, как дихотомия Восток–Запад, актуальным становится обсуждение проблемы устойчивости, стабильности норм, которая позволяет каждой культуре, с одной стороны, сохранять свою индивидуальность, и с другой – решать проблемы целостности, включенности в общее культурное пространство. Своеобразным эталоном внутренне стабильной единицы, несущей в себе основной смысл картины мира данной культуры, некоторые исследователи считают жилье. Шпенглер, например, рассматривает жилище как нечто неизменное и стабильное. Крестьянский дом как основной прототип жилища, по его мнению, в соотношении с темпами развития и движения любой истории «вечен», он может изменяться внешне, но сохранять «свою суть неизменной». «Этот дом стоит вне культуры и также вне высшей истории человечества; он не признает ее пространственных и временных границ и сохраняет себя в своей идее неизменным при всех изменениях строительного искусства, которые осуществляются на нем, но не в нем» [28]. Идея жилища, объединяющего в себе весь Космос и потому по сути своей постоянного, достаточно традиционна для разных культур востока и

^ Собор Святого Петра, интерьер, Ватикан (Италия)

^ Мечеть-мавзолей Тадж-Махал, интерьер, Агра (Индия) // <https://yandex.ru/images>

запада и соответствует характерным образам мира в этих культурах. Претерпевая многочисленные трансформации, жилище как неизбежная константа и часть картины мира, приобретает новую трактовку под влиянием идеалов номадизма, столь актуальных в последние годы. Номадический дискурс задает иную интерпретацию «кода места», способа его сохранения и переноса в виде номадических предметов/гаджетов, обладающих ключевыми компонентами кода. В случаях трансформации базовых парадигм культуры могут происходить мутирующие преобразования либо разрушение основного содержания жилища, что, в свою очередь, ведет к нарушению системы воспроизводства и трансляции жизненных норм.

Наряду с обращением к наиболее устойчивым образцам и элементам картин мира, представляет интерес исследование особенностей формирования культурной нормы в условиях относительной социокультурной консервации. Это позволяет выделить культурную норму в наиболее чистом виде, проследив ее истоки и основы сложения, и, в то же время, выявить потенциальные трансформации норм и влияние других культурных стереотипов на фоне «чистой» нормы. Возможно, здесь возникает представление об иных основаниях и первопричине устойчивости, таких как «всемирные законы», мировые религии, общие константы для всех культур и пр. Для перевода этих общих понятий в нормы каждой отдельной культуры и субкультуры, по мнению М. К. Петрова, каждый тип культуры имеет собственные «ячейки». Наличие разных структур соотношения (к числу которых, вероятно, можно отнести не только научные понятия и разные механизмы коммуникации и трансляции, но и мифы, религию, картины мира, цветовое пространство и разные виды искусств и пр.), важно не только для знакомства и овладения содержанием и смыслами разнотипных культур, но для выявления и/или создания общих закономерностей существования метакультуры или мировой религии (мирового государства).

Идея мировой религии, метакультуры в контексте дихотомии Восток-Запад не случайна. Необходимость единения и формирования понятия целостности важны не только в плане социально-экономическом, но и в плане культурном, мировоззренческом, в плане общечелове-

ческом. Но целое не будет являться целым, если части его не будут проявлены и соотнесены между собой, сохраняя внутреннюю «субкультурную целостность».

Возникает тема диалога, со-гласия, сближения, но не слияния, не тождества [29]: ситуация, когда все компоненты самостоятельны, но находятся в непосредственной связи, взаимозависимости и взаимодействии. Примером такой своеобразной диалогичности может служить сопоставление, проведенное Швейцером [30] на основе исследования базовых парадигм индийской (восточной) и западной философии и способов решения заявленной в них проблемы. Основной идеей-проблемой обеих философий Швейцер считает стремление человека «достичь духовного единения с бесконечным бытием». Различие Востока и Запада заключается в путях и способах решения проблемы. Индийская философия видит решение проблемы на пути «миро- и жизнеотрицания», в то время как западная философия говорит о «миро- и жизнеутверждении». Несмотря на столь радикальную разницу в подходах, Швейцер обсуждает их сближение, демонстрируя взаимопроникновение различных философий. Возможно, это объясняется тем, что изначально обе противоположности были заложены в каждой парадигме. «Миро- и жизнеотрицание» и «миро- и жизнеутверждение» как части одного целого, где целостность вмещает в себя «диалогическое со-гласие», допускающее мутацию и приспособление норм. Понятие целостности, состоящей из полярных противоположностей, характерно для всех типов культур и является общей парадигмой существования культуры и Космоса. Субстанции света и тьмы, горнего и дольного, небес и земли, добра и зла. – все эти представления (пары противоположностей) образуют целое и в различных интерпретациях встречаются в культурах Востока и Запада.

Вновь обращаясь к цветовому пространству, к цветовой культуре, можно отметить этот феномен как наглядный пример такого двойственного со-гласия в рамках целостности, состоящей из самодостаточных частей. Целостность цветовой культуры, непрерывность цветового поля, амбивалентность цвета позволяют рассматривать цветовое пространство как яркий образец целого, изначально воплотившего в себе все возможные

^ Традиционное жилище. Северо-запад России

^ Традиционное жилище. Семейские Забайкалья

противоположности (белый свет как «концентрация» всех цветов спектра, контрастные пары и пр.) Это пространство способно вмещать в себя и приспосабливать разные культурные нормы, сохраняя при этом инварианты, необходимые для выживания культуры.

Первородность цветности, ее соотношенность с первичными, основными «элементами» мироздания несет в себе и амбивалентную двойственность, свойственную парадигмам картин мира. Так, характерная особенно для традиционных культур амбивалентность представлений о добре и зле, о жизни и смерти проявляется и в цветовой амбивалентности, этим категориям соответствующей. Например, синий цвет в культуре коренных народов Сибири, за которым достаточно прочно закреплен символ положительного духа–явления и знака высших сфер, в приговорно-заговорных текстах может служить обозначением зла (самый злой дух – «Синий Дикий Кабан»).

Продолжая тему двойственности (через одновременное взаимодействие и противостояние), тему обязательного наличия в целом двух полюсов, столь актуальную при изучении диады Восток–Запад, рассмотрим более подробно один из цветов, красный, который играет особую роль в пространстве цветовой культуры.

В традициях коренного населения Сибири красный цвет предстает амбивалентным: так, например, в бурятской мифологии красный цвет встречается как одинаково частый эпитет в пантеоне добрых и злых богов и их посредников. При этом с течением времени красный все больше приобретает значение положительного цвета-символа и употребляется рядом с белым. Сочетание белого с красным, процедура замены белого цвета на красный и наоборот также играют важную роль в обрядовых ритуалах у хакасов и других народов.

Для русской части населения Сибири красный цвет, наряду с традиционным для восточных славян представлением о красном как синониме красоты («красное солнца красного», «красна неделя» – Пасха), имеет свою специфику. Интересной особенностью сибирской культуры является то, что красный цвет выступает и как цвет ритуала «ухода на тот свет». Устанавливая истоки подобной двойственности красного цвета, можно обратиться к традиции первобытных поселений, связанной

с окраской умерших красной краской. В этом случае красная краска служит одновременно символом крови умершего и животворящей субстанции, что соответствует представлению о смерти в древней картине мира. В мифологическом понимании Смерть не является чем-то завершенным, а «есть исчезновение и одновременное появление». Отсюда – «образ смерти как подательницы жизни [31]. Сложившееся, вероятно в языческой культуре, понятие «красная смерть», отражает традиционное понимание смерти, существовавшее на Руси. Оно также восходит и к этимологии самого слова «красный», имеющего неоднозначную, амбивалентную трактовку. В своем исследовании старообрядческой культуры Н. Н. Велецкая [32] предлагает обратиться к более древнему значению слова «красный», происходящему от «красьнии» – «крась»–«кръсь». Здесь «красьнии» употреблялось не только в его основном значении «прекрасный», но и в значении «кръсь», которое означало «поворот солнечный». В силу того, что посмертный языческий ритуал связан со «сменной склонений солнца», поворотом «на лето» или «на зиму», то и понятие «красная смерть» может быть также связано не с добровольной смертью, не с атрибутом (красной подушкой), а с древней традицией проводов к «обожествленным предкам». И в этом смысле «красная смерть» как поворот в жизненном цикле аналогичен солнечному движению-повороту. Таким образом, двойственность–амбивалентность красного цвета оказывается заложенной в значении самого слова, что возможно определяется изначально нерасчлененностью, слитностью или, может быть, целостностью исходных категорий (в частности, жизни и смерти).

Парность–полярность – не обычная противоположность, но непрерывно взаимодействующая, взаимоутрачивающая и взаимопроявляющая пара понятий, составляющих целое. Такое представление о целостности как сочетании противоположностей, будучи основополагающей парадигмой культуры, во многом характеризует дихотомию Восток–Запад.

В ситуации взаимодействия различных культурных стереотипов востока и запада, их проявления и «просвечивания», сохранения и взаимной трансформации столкновение различных культурных норм может ока-

^ Полихромность традиционной культуры, «генетическая пестрота». Иволгинский дацан

^ Иволгинский дацан: парадоксальное смешение культурных стереотипов

заться чрезвычайно плодотворным для развития культур. Порожденные в результате подобного столкновения и мутаций «культурные кентавры» способны проявить новые свойства и особенности культур и культурных норм, создать новые формы проживания культур и интерпретаций существующих стереотипов и идеалов. Особенностью «кентавризма» является не простое сосуществование разнородных феноменов, но взаимодействие, порождающее новую целостность, способную сочетать несочетаемое без борьбы и противоречий этих частей–компонентов. Толерантность – терпимость и снисходительность противоречивых форм по отношению друг к другу – становится специфической чертой «кентавризма».

«Кентавризм» фактически представляет собой «цель» и «результат» трансмутационного контакта, наиболее перспективный способ сосуществования Востока и Запада, различных культурных норм и культур в целом. По существу, здесь мутация приводит к созданию нового типа. Собственно, подобный кентавр культур Востока и Запада, вероятно, и представляет Россия.

Таким образом, важной формой исследования дихотомии Восток–Запад как парадигмы культуры, как значимого компонента картины мира являются изучение процесса сложения культурных норм как Целого и концепция непрерывного трансмутационного контакта. Особый интерес здесь представляет идея сложения норм как процедуры непрерывного становления нормы–парадигмы в процессе взаимодействия разных культур, взаимовлияния разных норм друг на друга. Постоянный контакт различных форм культуры, их «развивающая ассимиляция», контекстуальное погружение и разрывы, соизмерение друг с другом, одновременное сосуществование разнообразных норм–парадигм в едином культурном пространстве, бесконечное перерождение и сохранение сущности составляют, на наш взгляд, суть процесса становления культурной нормы, выступают одним из механизмов формирования парадигм как восточной, так и западной культуры. Взаимовлияния «внутри» одной традиции, специфика и схожесть отдельных норм, с одной стороны; мутация и разрушение под действием «внешних» норм, с другой, пересечения и совмещение в одном пространстве различных норм и стереотипов – все

это создает неординарную ситуацию взаимодействия культур. Подвижность границ понятия Восток–Запад и неоднозначность самого представления определяют различные интерпретации в пространствах рационального–иррационального, традиции–нетрадиции, просвещенности и варварства, что во многом объясняется органичной встроенностью дихотомии Восток–Запад в универсум, в микро- и макрокосмос.

Литература

- Гегель Г.–В.–Ф. Работы разных лет. В двух томах / сост., общая ред. А. В. Гулыги. Т. 2. – М.: Мысль, 1971. – С. 554
- Паломничество Германа Гессе в страну Востока // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1992. – Вып. 1. – С. 217
- Петров М. К. Язык. Знак. Культура. – М.: Наука, 1991. – С. 23
- Шпенглер О. Закат Европы // Самосознание европейской культуры XX века: мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе / сост. Р. И. Гальцева. – М.: Политиздат, 1991. – 366 с.
- Шпенглер О. Закат Европы // Самосознание европейской культуры XX века... – С. 30
- Сочинения и письма Чаадаева П. Я. / Под редакцией М. О. Гершензона. Т. 2. – М.: Путь, 1914. – С. 221–222
- Бердяев Н. Самопознание. – М.: Книга, 1991. – С. 254
- Там же. С. 254
- См.: Ибн Араби. Геммы мудрости. – Бейрут, 1980; Религиозно-философские учения Востока (сборник) / Под ред. Г. Б. Шаймухамбетовой. – М., 1989; Байдаров Е. У. Проблемы дихотомии «Запад–Восток» // «Восток–Запад» в глобалистике [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/2007/11/26/problemy_dikhotomii_zapadvostok_vostokzapad_v_globalistike.html
- Григорьева Т. П. Дао и Логос (встреча культур). – М.: Наука, 1992. – С. 23
- Григорьева Т. П. Дао и Логос (Встреча культур). М.: Наука, 1992. – 432 с.
- См.: Лебедева Г. Город – «ядро» мира у Витрувия // Образ мира в архитектуре: Вопросы теории архитектуры. – М., 1995.
- Бердяев Н. Самопознание. – С. 252
- Цит по: Григорьева Т. П. Дао и Логос (встреча культур)
- Разговор на проселочной дороге: Сборник / Пер. с нем. / Под ред. А. Л. Доброхотова. – М.: Высш. шк., 1991. – 192 с.

16. Сочинения и письма Чаадаева П. Я. – С. 221–222
17. См.: Эйзенштейн С. М. Чет–нечет. Раздвоение Единого; Вяч. Вс. Иванов. Эйзенштейн и культуры Японии и Китая // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.
18. Петров М. К. Язык. Знак. Культура. – С. 68
19. Семенцов В. С. Проблема трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхагавадгиты. / Художественные традиции литературы Востока и современность. Ранние формы традиционализма. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985
20. Типология «Восток–Запад» [Электронный ресурс]. URL: https://studme.org/55750/kulturologiya/tipologiya_vostok-zapad
21. См.: Матл Я. Философия древнего и средневекового Китая // История философии в кратком изложении. Пер. с чеш. канд. филос. наук И. И. Богута. – М.: Мысль, 1991. – 591 с.; Кишукова А. П. Социально-философский анализ человека как самоорганизующейся системы / Диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. – Пятигорск: Пятигор. гос. технол. ун-т, 2011. – 164 с.
22. Байдаров Е. У. Проблемы дихотомии «Запад–Восток» // «Восток–Запад» в глобалистике
23. Петров М. К. Язык. Знак. Культура
24. Русакова Л. М. Образ мира в геометрическом орнаменте на полотенцах русских крестьянок Алтая // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 105
25. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 1. – М., 1994. – С. 586–634
26. Вероятно, поэтому в поздней китайской мифологии бог города являет собой одну из модификаций древнего бога земли и изображается в виде чиновника высшего ранга
27. Хайдеггер М. Время и бытие // Разговор на проселочной дороге
28. Шпенглер О. Закат Европы // Самосознание европейской культуры XX века. – С. 24
29. См.: Бахтин М. М. К переработке книги о Достоевском II // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1994, № 1; Хайдеггер М. Искусство и пространство // Самосознание европейской культуры XX века; Хайдеггер М. Время картины мира / Современные концепции культурного кризиса на Западе. – М., 1976
30. Швейцер А. Мировоззрение индийских мыслителей. Мистика и этика // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М. 1988; см. также: Швейцер А. Культура и этика. – М., 1973
31. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра: Период античной литературы. – Л., 1936. – С. 71–76
32. Велецкая Н. Н. Формы трансформации языческой символики в старообрядческой традиции // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири – Новосибирск: Наука. – 1987. – С. 82. См. также: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3-х тт. Т. 1. – СПб., 1893. – С. 1318, 1355

References

- Baidarov, E. U. (2007). Problemy dikhotomii “Zapad-Vostoik”, “Vostok-Zapad” v globalistike [Problems of “West-East” dichotomy, “East-West” in globalistics]. Intelros. Credo New, 4. Retrieved from http://www.intelros.ru/2007/11/26/problemy_dikhotomii_zapadvostok_vostokzapad_v_globalistike.html
- Bakhtin, M. M. (1994). K pererabotke knigi o Dostoevskom II [On a revision of the book on Dostoevsky II]. Dialog. Karnaval. Khronotop, 1.
- Berdyayev, N. (1991). Samopoznaie [Self-knowledge]. Moscow: Kniga.
- Dobrokhотов, A. L. (Ed.). (1991). Razgovor na proselochnoi doroge: sbornik [The conversation on a country road: collection]. Moscow: Vyssh. shk.
- Eisenstein, S. M. (1988). Chet-nechet. Razdvoenie edinogo [Odd or even. Dichotomy of the Whole]. Vostok-Zapad, Issledovaniya. Perevody. Publikatsii. Moscow: Nauka, Chief editorial board of Eastern Literature.
- Freidenberg, O. M. (1936). Poetika syuzheta i zhanra: Period antichnoi literatury [Poetics of plot and genre: the period of Antique literature]. Leningrad.
- Grigorieva, T. P. (1992). Dao i Logos (vstrecha kultur) [Dao and Logos (meeting of cultures)]. Moscow: Nauka.

- Hegel, G. V. F. (1971). Raboty raznykh let. V dvukh tomakh [Works of different years. In two volumes]. A. V. Gulya (Ed.). Vol. 2. Moscow: Mysl.
- Heidegger, M. (1976). Vremya kartiny mira [The age of the world picture]. In Sovremennye kontseptsii kulturnogo krizisa na Zapade. Moscow.
- Heidegger, M. (1991a). Iskusstvo i prostranstvo [Art and Space]. In R. I. Galtseva (Ed.), Samosoznanie evropeiskoi kultury XX veka: mysliteli i pisateli Zapada o meste kultury v sovremennom obshchestve. Moscow: Politizdat.
- Heidegger, M. (1991b). Vremya i bytie [Being and Time]. In Razgovor na proselochnoi doroge: sbornik [The conversation on a country road: collection]. A. L. Dobrokhотов (Ed.). Moscow: Vyssh. shk.
- Ibn Arabi. (1980). The Bezels of Wisdom. Beirut.
- Ivanov, V. V. (1988). Eisenstein i kultury Yaponiin i Kitaja [Eisenstein and cultures of Japan and China]. Vostok-Zapad, Issledovaniya. Perevody. Publikatsii. Moscow: Nauka, Chief editorial board of Eastern Literature.
- Kishukova, A. P. (2011). Sotsialno-filosofsky analiz cheloveka kak samoorganizuyushchiesya sistemy [Social and philosophical analysis of a human being as a self-organizing system] (Ph. D. dissertation). 09.00.11. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Technological University.
- Lebedeva, G. (1995). Gorod – “yadro” mira u Vitruvia [A city as Vitruvius’ “core” of the world]. Obraz mira v arkhitekture: Voprosy teorii arkhitektury. Moscow.
- Matl, J. (1991). Filosofiya drevnego i srednevekovogo Kitaya [Philosophy of the ancient and medieval China]. (I. I. Boguta, Trans. from Czech). Moscow: Mysl.
- Mify narodov mira: entsiklopedia v 2 t. [The Myths of nations of the world: Encyclopaedia in 2 vols.]. (1994). (Vol. 1, pp. 586-634). Moscow.
- Palomnichestvo Germana Gesse v stranu vostoka [Herman Hesse’s Journey to the East]. (1992). Vostok-Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii. 1, 217. Moscow: Nauka, Chief editorial board of Eastern Literature.
- Petrov, M. K. (1991). Yazyk. Znak. Kultura. [Language. Sign. Culture.]. Moscow: Nauka.
- Rusakova, L. M. (1987). Obraz mira v geometricheskom ornamente na polotentsakh russkikh krestyanok Altaya [Reflection of the world in the geometrical ornament of the towels made by Russian Altai peasant women]. Traditsionnye obryady i iskusstvo russkogo i korenykh narodov Sibiri. Novosibirsk: Nauka.
- Schweitzer, A. (1973). Kulura i etika [Culture and Ethics]. Moscow.
- Schweitzer, A. (1988). Mirovozzrenie indiiskikh myslitelei. Mistika i etika [The World View of the Indian Thinkers. The Mystical and the Ethical]. Vostok-Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii. Moscow.
- Sementsov, V. S. (1985). Problema translyatsii traditsionnoi kultury na primere sudby Bhagavadgity [The problem of transmission of traditional culture: the destiny of Bhagavad-Gita case study]. Khudozhestvennye traditsii literatur Vostoka i sovremennost. Rannie formy traditsionalizma. Moscow: Nauka, Chief editorial board of Eastern Literature.
- Shaimukhambetova, G. B. (Ed.). (1989). Religiozno-filosofskie ucheniya Vostoka (sbornik) [Collection of religious and philosophical studies of the East]. Moscow.
- Sochinenia i pisma Chaadaeva P. Ya. [Essays and letters by Chaadaev P. Ya.]. (1914). M. O. Gershenzon (Ed.). Vol. 2. Moscow: Put.
- Spengler, O. (1991). The Dawn of Europe. In R. I. Galtseva (Ed.), Samosoznanie evropeiskoi kultury XX veka: mysliteli i pisateli Zapada o meste kultury v sovremennom obshchestve. Moscow: Politizdat.
- Sreznevsky, I. I. (1893). Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka: v 3-kh tt. [Materials for the Dictionary of the Ancient Russian Language: in 3 vols.]. (Vol. 1, pp. 1318, 1355). Saint Petersburg.
- Tipologia “Vostok-Zapad” [East-West typology]. (n.d.). Retrieved from: https://studme.org/55750/kulturologiya/tipologiya_vostok-zapad
- Veletskaya, N. N. (1987). Formy transformatsii yazycheskoi simvoliki v staroobryadcheskoi traditsii [Forms of transformation of pagan symbols in old-ritualist tradition]. In Traditsionnye obryady i iskusstvo russkogo i korenykh narodov Sibiri (p. 82). Novosibirsk: Nauka.

Рассмотрено несколько исторических, актуальных и возможных форм мыслимости географической линии Запад – Восток. Утверждается, что формирование будущего зависит от избранного способа объектного воображения; предложено перспективное видение будущего связи Запада и Востока.
Ключевые слова. Запад; Восток; регионы; геолиния; формы мыслимости линии; метафоры и образы в управлении развитием. /
 The article observes several historical, present-day and possible forms of the idea of the geographical west-east line. It is stated that formation of the future depends on the chosen way of objective imagination. The long-term vision of the future connection between West and East is proposed.
Keywords: West; East; regions; geoline; forms of the idea of the line; metaphors and images in development management.

< Transsib-express–1903

Запад – Восток: воображение линии / West East: Imagining the Line

текст
Петр Капустин /
 text
Petr Kapustin

Для Запада нет Востока, как для Востока нет Запада, пока они не видят друг друга и не находят необходимой процедуру сопоставления. Равно в этой ситуации нет и самих Запада с Востоком: соответствующие локальности не позиционируют себя на карте как расположенные относительно друг друга, как пребывающие в каких-либо отношениях. В данном случае относительность – ключевое слово.

Стать кому-то Западом (или Востоком) – значит начать мыслить себя на геолинии, обладающей высшей реальностью, по сравнению с традиционными ценностями естественной локации, Места. А для этого надо быть уже стронутым с места, уже пуститься в путь (В. Маяковский: «Эй, губернии, снимайтесь с якорей!»), начать видеть пределы и границы. С великими географическими открытиями именно так и случается, равно как и со всей эпохой Нового времени. В это время Место вдруг стало обузой, в нем стало тесно и скучно (хотя и не без показательных исключений – отказ от путешествий у И. Канта), но для того лишь (как начинаем понимать мы сегодня), чтобы было к чему вернуться.

Два пути избежать места

Отчего в истории культур – и связанных с ними архитектур, разумеется, – способов отказаться от вызовов Места, обойти его, остранить и отстраниться гораздо больше, чем внятных способов организации уникального Места и поддержания его уникальности? Нам представляется сегодня, что последнее гораздо важнее: мы пытаемся восстановить техники и приемы, которые обеспечивают индивидуальность и идентичность, обращаемся в поисках их в «архивы» истории, но... оказывается, «архивы» – как Запада, так и Востока – хранят совсем иное.

Начнем с Запада. Как только новоевропейская мысль пробилась себе дорогу, вззошла звезда Утопии. Она, впрочем, не была сверхновой; ее предтечи есть у Платона, и, тем самым, можно предполагать ее имманентность западному мышлению в целом. Утопия изгоняла Идеал как предельную конфигурацию воображения и форму дискурса о ней. Дискурс Утопии лукав и неоднозначен, он не указывает ни на место, ни на время осуществления описываемого в ней желаемого, но отсылает нас к миру несуществования, на этот раз не вознесенным на небеса,

аки Град Небесный, но расположенным где-то (хотя и неизвестно где!) в географической дали. Тем самым воображение вытягивается в струнку, алкает дали как источника смысла; устремляется за горизонт и устремляется за собой тела, корабли и караваны. Для Запада открывается Иное, и это Иное – Восток, независимо от того, в которую из сторон света ты отправишься в поисках его: вспомним парадокс Колумба.

Но Утопия остается У – топией, т. е. безместностью, отрицанием и преодолением Места. К основному смыслу слова, маркирующему безадресность отсылку утопических грез, можно смело добавить и разрушительный эффект утопического воображения в отношении места отправления, которое, по меньшей мере, девальвируется. Акцент на нем теперь – лишь как на точке опоры для прыжка. А Место, напомним, на многих языках есть Город. Из него, Места, стремятся уйти в миры лучшие, расположенные в принципиально доступной геометрии: воображение такой геометрии, схватывающей в абстракциях мерность Земли и обеспечивающей навигацию смысла и цели, интенций и алчности, становится решающим фактором эволюции. Мир становится городом, но собственно городская культура претерпевает очередную трансформацию: она живет ожиданием, ее самооправдания оказываются вынесены далеко вовне, удалены, не вполне самостоятельны; автономия Города начинает сдавать позиции.

Но и на Востоке не все так просто с Местом. Пусть сегодня восточное «чувство места» стало культом и, разумеется, брендом, но так ли это на самом деле? Не доминирует ли в легкости принятия такого бренда наше чувство вины за угробленные места и вмененная воспитанием вера в живучесть восточных традиций? Ведь Место на Востоке никогда не было особенной ценностью. Номады ценили ресурсы и их, по определению, лабильную локацию. Сады, в том числе сады камней в Японии, суть не способ индивидуации этого-вот места, но имитации места иного, запредельного и... столь же не имеющего внятного и верифицируемого адреса, как и отправления западной Утопии. Восток равнодушен к Dasein. Восток живет во многих мирах и многими жизнями, Дазайн – не его демон. Лучше всего это видно на примере Дао.

Дао – путь, но не пыль караванных дорог и не уют мест отдохновения (хотя и все это тоже). Путь дао не прорисовывается с необходимостью на поверхности Земли. Маршруты дао пролегают не столько по земному лику, сколько в мирах значений и смыслов, морального выбора и воли; города и страны остаются обстоятельствами места, привходящими и случайными факторами подлинного движения. И концентрация внимания на здесь–бытии своего дао отнюдь не приводит к феномену Места, хотя и порождает – как-то косвенно, поневоле – культуру земледелия, ландшафтный дизайн или благоустройство восточных земель. На полученных таким путем территориях сквозят ветра иных миров, ноет под ложечкой и зовет вдале «щемящее чувство дороги»...

Впрочем, Запад ведь также прокладывал траектории своей эволюции не только и даже не столько по ландшафтам, оставляя на них военные лагеря и городки-каструмы, сколько по топике интенсивно осваиваемого мышления. Начиная с Парменида и Гераклита западная мысль предпочитала видеть пути («пути изысканья»), но не места – локусы предуготовленного смысла. Последние – сменяемы, это узлы, которые завязываются и развязываются; первичен путь – Годос. Но годос, предвестник новоевропейского «методоса», – не маршрут; по нему не маршируют легионы. Это полное риска предприятие, на которое решается – или нет – вступающий на дорогу. И это вопрос о технике или методе мышления, о навигации в реальности, гораздо более опасной и плотной, нежели евразийские пейзажи. Декарт в ноябре 1619 г., возвращаясь с коронации германского императора, в дорожном уединении провинциального отеля вступил на такой путь – дороги разошлись и, кажется, навсегда. Декарт, молодой повеса-офицер, названный М. Мамардашвили Д'Артаньяном западной мысли, в написанном по наитию посреди дороги «Рассуждении о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках» провозглашает параллелизм бытия и мышления. Движение по топике смыслов отныне не соотносимо с перемещением тулова в пространствах брэнной географии.

Запад через **метод** ушел от Мест, вышел из них, избежал их вызова, начав мыслить и позиционировать

себя глобально. В результате у Запада сегодня серьезные проблемы с территориальной локализацией мысли, понимания, чувства: все это неплохо схематизируется в пространстве универсальной топике, но не в географических координатах. Универсализм выбил Запад **из колеи**.

Так что в стремлении выйти из мест, в отрицании мест, Запад и Восток стоят друг друга. Их встреча была предрешена.

Вертикаль, горизонталь и возвращение к месту

Воображение горизонтального линейного **дления** как чего-то ценностно значимого вступает в силу тогда, когда исчерпываются, блокируются или теряют монополию вертикальные интенции. До этого момента рефлексия (которую теперь можно назвать рефлексией горизонтализма) едва ли не равнодушна к отдаленным географическим мирам; она не видит и не ищет в них источников объяснения себя, не предполагает там наличия какого-либо замыкания или даже простой разрядки собственных горизонталистических фрустраций. Ведь веками трансцензус имел исключительно вертикалистский формат; даже путешествия протекали по вертикали: М. М. Бахтин в книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» пишет о полном отсутствии горизонтального движения в Средние века! Рабле, утверждает Бахтин, разрушает своим смехом именно эту картину мира, иронично открывая дали «исторического развития человечества» (в письме Гаргантюа Пантагрюэлю); и это не более, чем саркастическая шутка.

Но когда такая рефлексия появляется, когда она схватывает Место (о времени разговор особый), она сразу же пересматривает структуру трансценденций, поляризует ее. И, тем самым, меняет способы и доступные (предполагаемые) формы (горизонты) самоопределения для всего, оказавшегося на линии.

Рефлексия линии и позиций на ней появляется, прежде всего, при принятии во внимание полюсов, причем в качестве равноправных, равновеликих, равновесных. Но между полюсами расположено множество точек – узлов на линии. С ними проблема; и это главная проблема – проблема реальности. Ведь «полюса» могут позволить себе оставаться виртуальными или номинальными сущностями; это конвенции географического воображения,

^ Пейтингерова таблица. Сводная карта дорог, проложенных через Римскую империю. Оригинал I в. до н. э. – V в. н. э.; копия XIII в. [Электронный ресурс] ru.wikipedia.org; yandex.ru/images

^ Superstudio. Тотальный город

^ Smart Linear City, проект для Индии

наполняемые содержанием по мере необходимости и образования. А реальные узлы – города и регионы человеческого обитания, обитания многовекового.

Это проблема, но она позитивная – это проблема граничности.

В попытке преодолеть картезианский дуализм когнитивные географы (первые среди них – А. Е. Левинтов и В. Л. Каганский) ищут смыслы в ландшафтах, поскольку последние принадлежат не столько природе, сколько нашему воображаемому. Они утверждают, что приграничность – обязательное качество полноценного города; оно мобилизует противостояние негороду или другим городам, противостояние, в котором обретается идентичность и собственный путь. Автономия и граница долго были атрибутами обороны, смыслами возведения крепостей и стен (вроде Великой китайской). Сегодня автономия, предполагая рефлексивность пограничности, скорее связывает, чем разъединяет, создавая «разность потенциалов» между местами и обеспечивая движение (людей, идей, товаров, денег...).

Граница – еще одна воображаемая линия нашего вокабулярия, еще один концепт, имеющий геометрическую родословную.

Кстати сказать, геометрию и Запад, и Восток любят примерно в равной степени, хотя и очень по-разному. Для Запада она – носитель высшего порядка и эйдетической Формы, для Востока – способ организации случайного по месту; для Запада – присутствие божественного, для Востока – расчистка пространства для человека. При этом онтологическое значение за абстракциями геометрии скорее склонен видеть Запад; для Востока же они остаются в горизонте средствиальности *par excellence*. Но это «онтологическое» Запада не дорогого стоит: от него легко можно отказаться в пользу культа Хаоса, иррациональности или трансгрессии – чего угодно. Средствиальность же симметрических геометрических построений Востока имеет экзистенциальный вес, от нее не отмахнешься, не забудешь в угаре погони за новым модным трендом. Но сам тренд вполне способен к мимикрии, тем более, что и в решительности геометрических абстракций, и во внедрении их «в жизнь» Запад преуспел.

Последнее обстоятельство открыло на известном этапе для Запада возможность еще одной идейно-технологической экспансии: экспорта способов «освоения пространства» и воплощающего их дизайна, неуклонно ведшего к деградации восточных традиций архитектуры. И вот сегодня бумеранг вернулся. Можно констатировать: возвращение к Архитектуре становится новой проблемой и грезой Запада.

В итоге культивирование мест сегодня – одна из возможных и, кажется, наиболее перспективных стратегий (а перспектива, обратим внимание, – еще одна линейная западная греза, подчеркнуто прогрессистская и векторная). Для Запада это – возрождение (новая западная тема – возвращение к Архитектуре, к идентичности). Для Востока – очередной повод для медитаций.

ЗАПАД	ВОСТОК
Культура	Традиция
Дизайн, Технология, Знание	Умение и Мастерство
Метод	Дао
Иное Место, трансцендирование	Иное Места, медитация
Прогресс (разрывность линии)	Преимственность (непрерывность линии)
Формализация	Осмысление

Формы воображения линии

Коль скоро мы взялись говорить о неких воображаемых фигурах, нам потребуется что-то вроде их типологии. Итак, к формам воображения линии, осмысленным в обсуждаемом здесь контексте, можно отнести следующие:

- **траектория** – осуществление предзаданного импульса, перенос из места наличия в аморфную область отсутствия – классический прогрессистский тип линейной грезы (его вариации – вектор и перспектива);
- **вектор** – трансляция, неравноправие адресанта и адресата, маршрут экспансии, наличие явной интенции направления;

^ Римские дороги – пути экспансии

^ Строительство магистрали «Сила Сибири»

– **стрела** – интенсификация вектора и открыто выраженной агрессия;

– **ось** – намерение поворота (оборачивания?) окружающего ее мира: «ось зла», например;

– **лея** – след предначертанный; задает движение, но не ясно, в какую сторону и непонятно, зачем. Апологеты и сегодня не устают находить леи на снимках Google – некоторые из них впечатляют, но остаются бесплодными;

– **отрезок** – как правило, выражает равнодушие к тому, что расположено между крайними точками. Но он может быть красив, как, например, мост (что делает метафору моста одной из привлекательных);

– **путь** (тракт, магистраль) – дорога «туда и обратно», локализация равновесных полюсов (ареалов или регионов), путь торговли и обменов, дорога пилигримов;

– **направление** (как в России без него!) – посыл куда-либо, в т. ч. царский – таковы первые героические экспедиции в неизведанные земли; интенциональность движения, у которого может и не быть ясной цели (культ дороги у битников и эскапизм хиппи).

С точки зрения нашей – наверняка неполной – типологии, некоторые расхожие метафоры представляются бессодержательными, а то и вводящими в заблуждение. Так, сомнительным выглядит «Евразийский коридор» (как реинкарнация Шелкового пути), поскольку коридор (подобно каналу или тоннелю) предполагает плотность тела, в котором он «пробивается»; тогда как тут речь идет о точках концентрации деятельности и жизни, расположенных часто в весьма безлюдных и пустынных пространствах и соединяемых вместе лишь проходящим сквозь них транзитом. Есть и скрытая опасность таких метафор: по Ж. Бодрийяру, пробивка чего-то с игнорированием всего иного, как и всякая концентрация внимания на «вырезанной» из целого части, неизбежно ведет к деградации оставленного в небрежении целого.

Впрочем, есть еще один тип транслятивной линии – **Труба**.

Придает ли линия, как бы она ни мыслилась, линейность воображаемым ландшафтам, когда включает их в свой ареал? Линия Запад – Восток преодолевает границы, но это – старые границы ремесел, местных укладов,

оседлости. Линейные следы, разумеется, сохраняются: таковы генпланы городов и поселков, выстроенных вдоль пути. Но эти отпечатки вымерших ископаемых, их натурализм, сколь бы ни был он привлекателен для архитектурно-урбанистического воображения, не должен вводить в заблуждение. В Москве, в метро, недавно появилась реклама нового жилого комплекса: «Следующая остановка: башни «Токио». Шесть космополитических башен, нелепая «Большая волна в Канагаве» на их фасадах и сам слоган – пример воображения, захлестнутого цунами тождественности, вытягивающего ландшафты в линию, пример порочности грезы маршрутом, неизбежно убивающим Места.

Номадизм Востока относится к ландшафтам не как к локусам, но как к траекториям, хотя и свободным от внятной идеологической компоненты, от тенденциозности «оси». Это номадическое понимание, будучи транслировано на Запад, привело к тому, что Запад оказался охвачен модой на все виды номадизма. В обратном направлении, с Запада на Восток, шел экспорт революций и технологий (не одно ли это и то же?!). И пейзажи оси все более теряли локальность, тем самым становясь все более ланд – шафтами, т. е. общими землями, тем, что уже не разделяет Восток и Запад, но инертно приемлет их деловитое слияние. Мы наблюдаем сегодня не столько плодотворное взаимопроникновение культур, сколько их непрекращающиеся разборки и выяснение отношений, часто похожих на месть за давние и недавние обиды.

Пейзажи – это все еще разные по природе образы. Но ландшафты геополитического хозяйствования выравниваются стремительно. И это создает как новые проблемы, так и новые возможности. Создание различий, напряжений, контрастности и даже конфликтности становится содержанием новых региональных (т. е., собственно, образующих регионы) стратегий местных элит. В таких стратегиях они надеются обрести идентичность, нащупать ее твердое и шершавое тело, ядро. Границы стираются, но сила ядер растет, и их эманации создают новую реальность – поле или сеть. Импульсы проходят все быстрее, но и индивидуация становится все более востребованной...

^ Сад камней в Киото

^ Храм Неба в Пекине

Пульсирующая сеть

Один из базовых идефиксов современного воображения по теме «Запад – Восток» – возможность создания **«линейного города»** или его аналогов. В самом деле, отчего бы не объединить разрозненные поселения, защитить коммуникации, эффективно противостоять экстремальным природным, а возможно, и техногенным факторам? Но «линейный город» – не реалистичная и очень не городская идея, ибо, лишаясь разрывов, поселение лишается и опространствления (Espacement Жака Деррида), а вместе с ним и возможности рефлексии собственной самости, своих различий «тут» и «там», что делает невозможным бытие города как социальной, культурной и социокультурной действительности, оставляя ему лишь существование строительного массива. Пространственно-временной континуум города требует дискретности, такта, дыхания, отчетливой событийности в прохождении новаций и даже известной локации их источника (что хорошо осознано в технологии брендинга – еще одной стратегии сегодняшнего преодоления проклятия картезианского параллелизма).

Идея «линейного города», однако, позволяет предположить реалистичность другой схемы. Она напоминает **гирлянду** или **конstellацию** городов и регионов, объединенных высокоскоростными коммуникациями, по которым не просто транслируется что-то (информация, идеи, технологии, люди, товары...) из пункта А в пункт В, да еще и при условии расположения этих пунктов по краям линии, но сама линия, не имея краев, являет собою совокупность «пунктов», «точек» генерации и потребления нового содержания.

В наше время линия Запад–Восток становится содружеством полноценных и самодостаточных узлов, каждый из которых намного превосходит функции пресловутого транспортного и иного «хаба» (hub). Поэтому можно предполагать, что в недалеком будущем она станет своеобразным «линейным пульсаром» культурного содержания, поддерживающим напряжение и высокий уровень генерации идей благодаря растущим мощи и близости образующих компонентов, станет энергетическим линейным плазмодом... Это **цепь** или, скорее, **сеть** (линия

становится полосой, все более широкой), в которой уже нет иерархии, нет векторных влияний, но есть синергия и перманентные резонансы.

Идея подобного коллективного «пульсара» заново ставит вопросы позиционирования городов и регионов не по степени наличия «западности/восточности», не по составу имеющегося природного и антропогенного наследия, но по живым интенциям и по тому, что с ними сегодня (и завтра) можно делать (в том числе и со всем составом имеющегося наследия и всех вообще мыслимых ресурсов).

Здесь мы уже сталкиваемся с фигурами не столько геометрического воображения, сколько с феноменами мира содержания – сгустками смысла, форматами мысли, мощностью порождаемых импульсов. Куда направлен сдвиг, чего в нем больше, какова идентичность по содержанию и каковы формы ее конституирования, насколько созрело самоопределение... Линия Запад–Восток похожа здесь на шкалу настройки тюнера, улавливающего соответствующие эманации. Метафора «шкалы настройки» представляется весьма плодотворной формой мыслимости линии: она позволяет зафиксировать растущее значение множества центров – Мест, перестоящих быть простыми и пустыми транзитерами и все более становящимися генераторами уникальных импульсов, дискретная непрерывность которых создает новую эпоху связи Запада и Востока.

Итак, линия наша была и «осью зла», и леей, и маршрутом экспансий (военных, идейных, технологических), и, разумеется, торговым путем... Чем она никогда не была – так это простым и пустым прогоном между некими условными географическими абстракциями Запада и Востока. От самодостаточных локальностей традиции, находящихся свою идентичность в покое и автономии, в относительной изоляции – через форсированную динамику обменов и экспансий, угрожающих всякой идентичности, – мы, преодолевая ложные формы воображения геополитики, можем прийти к яркой цепи (сети) самобытных «узлов», обеспечивающих непрерывность воспроизводства жизни, мышления, знания, творчества.

Чуть больше ста лет назад Игорь Северянин написал такие строки:

*Там, где нежно колокольчики звенят
И при вздохе ветерка поет фарфор,
Еду я, восторгом искренним объят,
Между бархатных полей и резких гор.*

...

*Деревушка. Из сырца вокруг стена.
Там за ней фанзы приземисты, низки.
Жизнь скромна, тиха, убога, но ясна –
Без тумана русской будничной тоски.*

Начиная с Вольтера, преклонявшегося перед терпимостью и мудростью конфуцианской философии, в глазах западного человека Китай представлял царством покоя, неподвижности и медитативного самопогружения. Но вторая половина XX века, а особенно – начало века нынешнего полностью перевернули представления о «неподвижной стране богдыханов».

Сегодня крупнейшая по численности и территории восточная империя Китая последовательно распространяет свое присутствие и влияние на весь мир. Одновременно осваивая и адаптируя западную культуру и, что очевидно, архитектуру и технологии.

Жители Китая все интенсивнее перемешиваются с остальным человечеством. Официальный прогноз для потока китайских туристов в Иркутске ориентирован на миллион приезжающих в год. Обсуждаются проблемы грядущей жесткой конкуренции за трудовые ресурсы в регионе Дальний Восток – Юго-Восточная Азия, в первую очередь – за наиболее ценные кадры, способные к развитию передовых идей и новых технологий. По этой причине стареющий Китай уже сегодня начал политику упрощения процедуры получения разрешения на работу для иностранных специалистов.

Китай глазами русского туриста от Елены Багиной и Китая изнутри, взглядом иностранного специалиста от Марка Мееровича – ключевые статьи этого раздела. Здесь же читатель найдет зарисовки из Лондона, Москвы и Иркутска, складывающиеся в мозаику «Китай везде». По словам современного китайского поэта Шао Ян-сяня:

*К чему простонародные напевы!
К чему рассказы о былых делах!
Нужна лишь скорость!
Скорость!
Скорость!
Ведь шар земной вертится все быстрее,
И мы на нем проложим новый путь!
Теперь нельзя стрелять зерном из ружей,
Теперь нельзя бумажным флотом биться,
Теперь нельзя на ноги уповать –
Стремительно летят вослед колеса!*

Елена Григорьева, Константин Лидин

A little more than one hundred years ago Igor Severyanin wrote:

*On the land where bluebells gently ring
And a breath of wind makes china sing,
Admiration comes and comes again
As I travel though the rocks and velvet plain.*

*There's a village with its airbrick wall,
behind which the fanzas are so small.
Life is modest, quiet, poor but free
From the fog of Russian everyday melancholy.*

Starting from Voltaire, who bowed to the patience and wisdom of Confucian philosophy, the western people perceived China as a kingdom of peace, quiescence and meditative self-immersion. But the second part of the 20th century and especially the beginning of the current century has turned the vision of the 'quiescent land of bogdikhans' upside down.

Nowadays, China, the largest and most populous of the Eastern empires, is spreading its presence and influence all over the world. At the same time, it applies and adapts Western culture, and, obviously, Western architecture and technologies.

Chinese people are merging with the rest of the mankind more and more intensively. The official forecast for the number of Chinese tourists coming to Irkutsk is about one million tourists a year. An issue of great concern is the future severe competition for labour resources (above all, for the most valuable specialists capable to develop advanced ideas and new technologies) in the Far East and Southeastern Asia. That is why the aging China has already started to simplify the procedure of obtaining a work permit for foreign specialists.

The key materials of this section are the article by Elena Bagina describing China through the eyes of a Russian tourist and the article by Mark Meerovich, where the same country is seen from within by a foreign specialist. The section also contains sketches from London, Moscow and Irkutsk that compose a mosaic called 'China Everywhere'. As the Chinese poet Shao Yan-xian said:

*There's no need in folk songs!
There's no need to tell about former deeds!
All we need is speed!
Speed!
Speed!
For the Earth is spinning faster,
And we'll continue our way on it!
We now shouldn't canonize with grain
Or put the paper naval forces into fight!
We now shouldn't trust in our feet –
The wheels are chasing us so swiftly!*

Elena Grigoryeva, Konstantin Lidin

Shao Yan-xian (2007). Kitaiskie mashiny vzyvayut o skorostnykh dorogakh [Chinese cars call for speedways]. In Liu Wen-fei (Ed.), Aziatskaya medi: Antologiya sovremennoi kitaiskoi poezii (p. 48). Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.

Китай / China

Китай сегодня – форпост современной западной архитектуры. Здесь строят все известные архитекторы и мастерские мира. Объекты традиционной китайской архитектуры потеряли свой исторический контекст и стали островами в океане новой застройки. Их судьба неоднозначна. Восприятие архитектурных шедевров поверхностно не только у туристов, но и у коренного населения. Связь времен, столь бережно сохраняемая в культуре Китае, сегодня рвется.

Ключевые слова: Китай; традиция; западная архитектура; острова традиционной архитектуры; глобализация; разрыв культурной традиции. /

Today's China is an outpost of modern western architecture.

All famous architects and firms build here. Having lost their historical context, the objects of traditional Chinese architecture become islands in the ocean of new development. Their destiny is controversial. Architectural masterpieces are perceived in a superficial manner not only by tourists, but also by local people. The link of times that used to be cherished in Chinese culture is being broken today.

Keywords: China; tradition; Western architecture; islands of traditional architecture; globalization; breach of cultural tradition.

Острова в океане / Islands in the Ocean

текст

Елена Багина /

text

Elena Bagina

фото

Елена Багина

Сергей Астапов /

photo

Elena Bagina

Sergey Astapov

Изысканно-элегантный дракон – пекинский аэропорт – каждую минуту глотает очередную порцию пассажиров. Пищеварение у него отменное. Мало кто потом осознает, что, подобно ветхозаветному Ионе, побывал в чреве чудовища.

Норман Фостер доволен своим творением: он получил фантастическую возможность построить аэропорт XXI века, который установил мировой стандарт эффективности и устойчивости функционирования. В 2015 году пекинский аэропорт расширили: построили третий терминал «новых ворот Китая», способный принимать и отправлять 60 миллионов (!) пассажиров в год.

Пару веков назад ворота городов Срединной империи выглядели совсем по-другому. Но – увы! Традиционных ворот можно и не найти среди выросших в последние десятилетия небоскребов: многие исторические здания сровняли с землей. Даже в столичном Пекине, где множество культурных реликвий, постоянно разыгрывается драма: без разбора идут под снос памятники архитектуры.

Исторические резные триумфальные ворота Пайлоу (牌楼), или Пайфан (牌坊) из камня или дерева, возво-

двигшиеся в Китае в честь правителей, героев, выдающихся событий, сегодня трудно отыскать в китайских городах без помощи гида.

«Слово Пайфан (牌坊) первоначально было собирательным термином и использовалось для описания двух верхних уровней административного деления и подразделения древних китайских городов. Крупнейшим подразделением города в древнем Китае был фан (坊). Каждый фан (坊) был обнесен стенами (забором) и имел ворота, которые ночью были закрыты и охранялись. Каждый фан (坊) был разделен на несколько плит, или паев (牌). Каждый пай (牌), в свою очередь, содержал несколько хутонов. Эта система городского административного деления и подразделения разрабатывалась и вводилась при династии Тан и оставалась неизменной на протяжении многих веков. При династии Мин Пекин был разделен на 36 фанов (坊). Деления на фаны в сегодняшнем Пекине уже не существует [1].

Но память о традиционных воротах живет – их строят как декоративное украшение, как элемент благоустройства. Сегодня они уже не закрываются на ночь, не охраняются и... нигде не ведут.

Знаменитые архитектурные шедевры – Запретный город, Храм неба и др. – становятся «островами в океане», которые вот-вот уйдут под воду. Но туристы едут в Китай, в основном, чтобы побывать на этих «островах». Все туристические маршруты в Пекине так и построены.

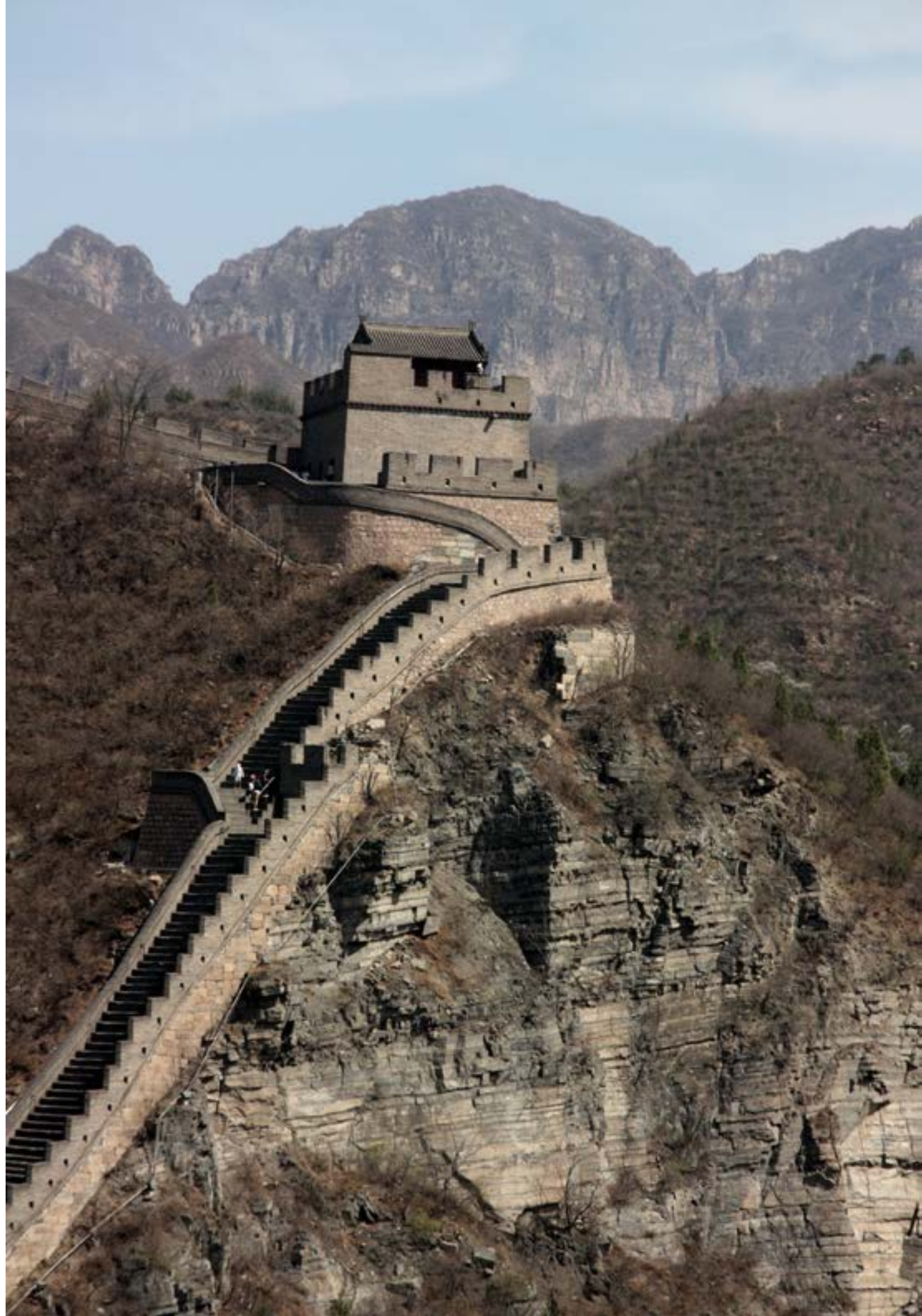
А парадные магистрали нового Пекина, по которым гости города добираются до памятников старины, напоминают конкурс международных архитектурных проектов. Ничего специфически китайского в них нет. «Гения места» отсюда прогнали. Хорошо, если он нашел приют в старых одноэтажных кварталах, хотя там его жизнь комфортной не назовешь. В новых отелях, которые стараются казаться помпезными и роскошными, жизнь «гения места» и вовсе прозрачна. Слишком много в них подделок: фотографии антикварных ваз на стенах вместо настоящих, смешная эклектика в оформлении ресторанов и кафе, пластик вместо дерева и пр. Еда в отелях выше 3-х звезд – нужно отдать должное – вкусная и свежая, но, конечно, она не специфически китайская, а адаптирована под европейские желудки.

^ Запретный город. Лев. Фото Сергея Астапова

> Великая китайская стена. Бадалин. Фото Сергея Астапова

v Ворота Пайфан у входа в парк

^ В Запретном городе. Мальчик

^ Золотая крыша в Запретном городе, фрагмент

v Храм Неба. Лестница. Фото Сергея Астапова

Высотные дома-леденцы на берегу машинного потока на Проспекте Вечного Спокойствия (长安街 – Чананцзе) могли бы легко ужиться в Нью-Йорке или Мехико с местными строениями. Убрать несколько цитат из традиционной деревянной китайской архитектуры из поля зрения – и воображай себя в любой точке мира. Хотя и убирать не надо: чайна-тауны и китайские рестораны есть в любой мировой столице.

Резные деревянные ворота, львы, загнутые вверх линии крыш где-нибудь в Америке или Европе скажут внимательному зрителю лишь то, что китайская экспансия – реальность сегодняшнего дня. Или то, что в этом доме на ...дцатом этаже есть китайский ресторан.

На площади Тяньаньмэнь Председатель Мао строго смотрит с портрета на Воротах Небесного Спокойствия на толпу гуляющих и собственный Мавзолей. Говорят, его брэнное тело каждый день на ночь опускают в холодильник, а утром поднимают на всеобщее обозрение. Наверное, Великий Кормчий хотел бы, чтобы его могила была подобна могилам императоров династии Цинь, а лучше Хань – с глиняными воинами, конями, слугами, нефритовым саркофагом и нефритовым саваном. Можно было бы и глиняную армию хунвэйбинов закопать, но не случилось. Теперь, спустя несколько десятилетий после смерти Председателя Мао, китайцы воспринимают его как одного из сильных императоров, который сумел объединить страну и возродить Срединную империю в XX веке. Поэтому честь ему и хвала. А культурная революция, истребление клопов, воробьев и инакомыслящих – небольшие ошибки. Но у кого из императоров не было ошибок? Кто из Сынов Неба не казнил подданных по пустякам? Миллионом больше – миллионом меньше...

Запретный город – один из островов исторической архитектуры в Пекине – предел мечтаний любого туриста. Этот дворец помнит двадцати четырех императоров.

Вход откуда-то сбоку. Грязный двор-отстойник, где ждут своей очереди, чтобы осмотреть сокровище мировой культуры, заокеанские туристы и китайские крестьяне. Тесно. Жарко. Смердно. Когда в такие дворы во времена вражеских нашествий прорывался неприятель, он оказывался в ловушке. Ожидание долгое. Посетить сокровище мировой архитектуры хотят все. Туристы лениво переговариваются:

^ Китайские туристы из провинции в парке

^ Запретный город. Толпа

– Кто последний жег и разорял императорскую резиденцию? Войска коалиции восьми держав во время ихэтуаньского восстания в конце XIX века? Коммунисты в XX веке?

– Надолго при таком наплыве туристов деревянных павильонов и мраморных балюстрад не хватит. Вытопчут.

– Говорят, китайские богачи в одном из помещений Запретного города клуб устроили: надевают императорские халаты, на ужин им подают блюда, приготовленные по старинным рецептам. А прислуживают внухи...

– Читал об этом в интернете. Губа не дура.

– Пишут, что императорская пища должна быть нежной, но хрустящей. Нам такого ни разу не давали.

– Вчера вечером забрел в ресторан императорской кухни. Цены – атомные. Меня жаба задавила...

Входные ворота едва сдерживают напор людской массы. Толпа перекатывается волнами из одного двора Запретного города в другой, вынося на подошвах и руках молекулы императорского дворца.

Мраморные резные столбики ежедневно полируют тысячи ладоней. Львы и стражи крыш смотрят на происходящее философски. Все проходит – и нашествие туристов когда-нибудь закончится. Наверное, тогда, когда этот «остров в океане» окончательно опустится под «воду» новой застройки и китайцы забудут о своих корнях. Допустим, что это случится еще не скоро. Хотя...

Возможно, это высшая справедливость. Дворец ежедневно убивают потомки тех, кто боялся даже подумать, что может приблизиться к Запретному городу. Сейчас они в торжественных ритуальных пространствах оставляют пустые бутылки и куриные косточки. Дети с чупа-чупсом в руках норовят забраться на бронзовых ритуальных черепках. Золоченые котлы отскребли ногтями до бронзы.

Стандартная экскурсия длится часа полтора. Естественно, что, пройдя по оси север – юг и едва взглянув через стекло на тронный зал, человек мало что может увидеть и понять. А ведь в Запретном городе по преданию 9999 комнат, наполненных произведениями искусства. Миллион строителей и сто тысяч квалифицированных мастеров строили этот дворцовый ансамбль пять веков назад в течение 15 лет.

v Запретный город.
Традиционный сосуд и
крыши.

Фото Сергея Астапова

^ Ламаистский монастырь Юнхэтунь. Крыши. Фото Сергея Астапова

^ Ламаистский монастырь Юнхэтунь. Ритуальные таблички. Фото Сергея Астапова

Нет, недаром на всех фотографиях Запретный город предстает пустынным.

Еще один «архипелаг в океане» – Великая Китайская стена. Обыкновенно ее показывают в районе Бадалина. Это 20 километров от Пекина. Гиды расскажут на любом языке мира об императоре, который до нашей эры... Но что-то подозрительно свежая кладка у стен и башен для сооружения, которому больше 2000 лет. А деревянное кружево под черепицей крыш так ярко и нарядно раскрашено, как будто только вчера все это сделано:

– *Реставрация? Реконструкция?*
– *Новодел!*

Чтобы осмотреть Великую Китайскую стену, можно, конечно, поехать в район Мутяньюй и там на фоне ветшающих руин вспомнить о славном императоре Цинь Шихуанди, который в III веке до н. э. повелел разрозненные земляные укрепления сделать единым фортификационным сооружением, протянувшимся на тысячи километров. Но тогда излюбленные туристами «жемчужные» и пр. фабрики останутся в стороне. Да и ехать дальше. Меньше времени на магазины останется.

Опять же – мало кто хочет ломать ноги в археологических руинах.

Итак, Бадалин. Неровные ступени. Вишневые деревья. Река. Мост с красочными башнями, с загнутыми кровлями и фигурками демонов. Можно идти налево, можно идти направо... Туристам – 2 часа на прогулку и щелканье фотоаппаратом:

– *Сфоткай меня так, чтобы живота не было видно...*
– *Ну, стена... Что тут делать два часа? В Москве такая же... Пойдем лучше сувениры посмотрим. Лазить по этим ступеням неохота.*
– *Наша кремлевская выше и красивее.*
– *Была, говорит, 10000 километров. Теперь-то всего 6000 километров. В общем, так себе стена.*
– *Лучше бы на Ябалоу отвезли на полдня. Накупили бы всего. Там и по-русски говорят, и надписи на лавках русские.*
– *Ой, какая ваза с драконами. Купим?*
– *8000 юаней – сорок тысяч на наши деньги. Дорого! Купи тарелочку и успокойся.*

Еще один остров традиционной архитектуры в Пекине – ламаистский монастырь Юнхэтунь. Зеркальная симме-

трия павильонов. Последовательность дворов. Красные пластиковые таблички с просьбами и мольбами. Вдали серые громады современного Пекина.

Фотографировать в интерьерах нельзя, но исподтишка фотографируют все: запретный плод сладок. Монахи в рыже-коричневых рясах иногда скользят, как привидения, но замечания делают редко. Туристы – источник доходов.

Пусть смотрят на черепичные крыши с загнутыми краями, яркие росписи балок и столбов, на красные стены и колонны и фотографируются у молитвенных барабанов. Пусть переступают, высоко поднимая ноги, обитые медью пороги. Они заплатили за билет:

– *Сфотографируйте меня вот с тем львом (или собакой это?), чтобы крышу было видно. И я вас сфотографирую.*

– *Да крути же ты барабан этот, желание загадывай!*

– *А там справа у них музей и ритуальная одежда императорская в витринах. Годами драконов вышивали, наверное.*

– *Небось, у Пу И, последнего императора, отобрали – сносить не успел.*

– *Вот судьба у Пу И – родился императором, а умер садовником. Был самым образованным садовником в мире.*

Совсем недалеко от Пекина еще одна жемчужина традиционной китайской архитектуры – Летний императорский дворец. Императрица Цыси добиралась туда, наверное, сутки, чтобы все лето жить в нарисованных пейзажах своей загородной резиденции. Дворцовые павильоны поразят европейского архитектора изысканной работой с пространством: преграды, разделяющие внутренние покои, то плотные, то полупрозрачные, то динамичные, то статичные. Императрица могла каждый день выбирать тот тип пространства, который соответствовал ее настроению.

Здесь, рядом с озером, в изнуряющий зной воздух чище и прохладнее, чем в Запретном городе. Извилистые дорожки, искусственные скалы, горбатые мраморные мостики. Длинная прогулочная галерея вдоль озера располагала некогда к созерцанию и спокойствию. Сейчас Летний императорский дворец похож на Парк культуры и отдыха. Толпы туристов и отдыхающих, сувенирные кио-

^ Павильон водного спорта

^ Летний дворец Цыси, мостик, толпа. Фото Сергея Астапова

v Мраморный корабль Цыси в Летнем дворце

^ Олимпийский стадион

ски, закусочные, кораблики-драконы. Группы китайцев в одинаковых кепках. Занюхано, затерто, бедновато.

К Мраморному кораблю Цыси часто не пускают близко, к Пагоде поднимаются не все – время экскурсий ограничено. Посетители видят пару павильонов и фрагменты интерьеров за мутными стеклами. Семисотметровая прогулочная галерея, как правило, до предела заполнена людьми. В качестве аттракциона – прогулка на кораблике-драконе по озеру. На этом острове традиционной культуры не покидает грусть и ощущение обмана.

Нет, искусство народу принадлежать не может, императорские парки не для прогулок с кока-колой и верещащими младенцами.

А что для прогулок? Разрекламированный во всем мире остров новой архитектуры – стадион «Птичье гнездо»? Возможно.

Но что там смотреть? Мощные металлические конструкции, переплетенные под случайными углами? Параллелепипед водного стадиона с пластиковыми пузырчатými панелями вечером, конечно, впечатляет. Днем он безлик. Вдалеке гостиничный комплекс, по силуэту напоминающий дракона (О, драконы, они всюду в Китае!). Огромное пространство, где можно проводить парады и смотры, рассчитанное на огромные массы народа, неуютно.

Проектировали олимпийские объекты не китайцы. Строительство стадиона начато в декабре 2003 года по проекту бюро Херцог и де Мёрон (Herzog & de Meuron Architekten, HdeM). Но кого это сейчас, в эпоху глобализма, волнует? Впрочем, платят приглашенным архитекторам из Европы и Америки в Китае в разы меньше.

Открытие олимпийского стадиона состоялось в марте 2008 года. Здесь уже прошли одни олимпийские игры. Планируется провести именно на этом стадионе Зимние Олимпийские игры 2022 года. К этому сроку построят множество новых небоскребов и, возможно, новые стадионы. Развлекать гостей будут Запретным городом, фальшивой уткой по-китайски и пр.

Если о символических драконах в Китае помнят повсеместно, загнутые вверх крыши – распространенная цитата, призванная подчеркнуть величие древней китайской культуры, которая не переживала глобальную смену

стилей, то панельные дома-соты, которые построили в Пекине в 70-х, все же заставили забыть об основополагающих принципах китайской философии пространства – фэн-шуй. Какой уж там дом у горы, да чтобы еще река огибала эту гору, да чтобы еще растения правильно росли по отношению ко входу. Эти традиции теперь только для миллионеров. Небогатый люд живет просто, как везде, как во всем мире. А скоро будет жить уже не в панельных 5–9-этажных домах 70-х, а в клетушках небоскребов с зеленой травкой в горшочках.

Парк у подножия Угольной горки, с которой так удобно смотреть на Запретный город – еще один островок традиционной культуры. В синие сумерки весной, летом и осенью там тепло и безлюдно. Благоухают ночные фиалки... Тепло каменных ступеней чувствуется сквозь обувь. Ноздреватые камни прикидываются дикими скалами. Цветные павильоны и беседки приглашают отдохнуть. Шум мегаполиса сюда почти не доносится.

Спустившись с Угольной горки, можно прогуляться по улочке вдоль рва Запретного города. Из-за глухих заборов там видны загнутые черепичные крыши. Изукрашенные традиционные ворота наглухо закрыты. Некогда в этих домах жили, вероятно, приближенные императора. Кто там обитает ныне? Новая знать, которая может себе позволить жить в собственном традиционном доме, где соблюдены все принципы фэн-шуй, в центре многомиллионной столицы? А, может, здесь посольства...

Художественные галерейки на этой улочке открыты допоздна. Они, в отличие от чопорных усадеб, дружелюбны. В одной из них можно купить картины, на которых ряд китайцев показывает голые попы. Да, господа китайцы, вы еще покажете попу Европе и Америке. Это несомненно:

– *Мадам, вам нравится? Не устраивает цена? У нас есть и дешевле (на варианте, который дешевле, уже не ряд китайцев, а только один показывает попу).*

Острова традиционной китайской культуры в океане западных новостроек, к сожалению, скорее всего, утонут. Но и западная архитектура, получив неограниченные возможности реализации в Китае, может почувствовать именно здесь свою ущербность. Прав Александр Гербертович Раппапорт, написавший статью «Китай как

^ Храм Неба, интерьер.
Фото Сергея Астапова

^ Храм Неба.
Фото Сергея Астапова

предчувствие», в которой говорится, что китайский эксперимент чреват непредсказуемыми последствиями для мировой архитектуры: «Сегодня создается впечатление, что они достигнут желаемой цели, создадут суперимидж величайшей во всех отношениях Державы. Но история коварна. Всякая победа такого рода обычно чревата каким-то непредсказуемым поражением. Кажется, что на сей раз поражение потерпит не столько сам Китай, сколько та архитектура, которую он решил позаимствовать на Западе. Эта архитектурная мегаломания может быть предвестницей апоплексического удара западного модернизма, так что, в конце концов, китайская военная хитрость и тут окажется на высоте. Враг будет побежден на собственной территории коммунистического государства. Ну а как скажется эта победа над архитектурным Западом в самом Китае и его архитектуре, остается только гадать по И-Цзину – китайской Книге Перемен» [2].

И не спасут ни энергоэффективные дома, ни дома-парки, ни дома-бульвары высотой до небес. Ничто не заменит одноэтажного дома рядом с водоемом у подножия горы.

Улица Люличан – реставрированная застройка XIX века: двухэтажные домики, расписные ворота, антикварные лавки, где можно купить традиционную живопись на рисовой бумаге, старинные вазы, бронзу, шелковые ритуальные халаты... Понятно, что в этих лавках половина или даже большая часть новодела. Но не важно. Аромат подлинности чувствуется.

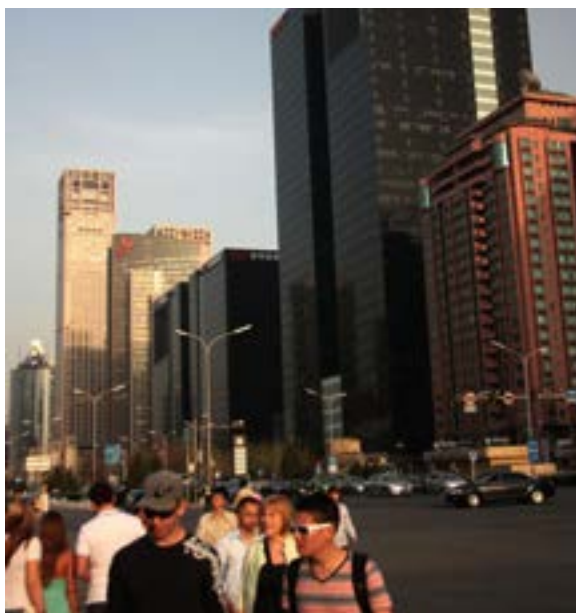
Антикварный рынок Паньдзюань (Panjiauyan). Распродажа артефактов традиционной культуры под открытым небом. Отмель, куда волны выкинули смывые с островов предметы. Тамлюдно и пыльно. Настоящего антиквариата не так уж много, но качество современных копий вполне приемлемо.

Бело-синие и многоцветные вазы – маленькие, большие, очень большие. Эпохи Мин, эпохи Цин, эпохи Мао.

Для христиан и индуистов, для буддистов и коммунистов, даже для нацистов кое-что найдется...

Сталин, Карл Маркс, Гитлер Ленин – бюстики и статуэтки на любой вкус...

Изделия из мрамора: традиционные парные львы, резные столы и табуретки, чудовища непонятного происхождения...

Глаза быстро устают от пестроты и обилия предметов, разложенных прямо на земле.

Храм Неба – Тяньтань (звук ритуального гонга). Там нет раздражающей толпы. В эпохи Мин и Цин сюда не пускали простых смертных. Здесь император в день зимнего солнцестояния совершал жертвоприношение и молился об урожае в круглом павильоне, который зовется Алтарь Неба – Циньяндянь (переливы колокольчиков). Внутри – красно-золотые колонны, на которые можно взглянуть сквозь стекло. Белые мраморные балюстрады, синяя черепица приподнятых кровель и небо, высокое и необъятное. Может быть, такое, какое увидел в романе Толстого «Война и мир» Андрей Болконский. Небо – оно для всех едино, но краски его различаются, конечно, в Китае и Европе, что находит воплощение в национальных культурах.

Европейские туристы нередко обходят Алтарь Неба кругом и думают, что осмотрели весь храмовый комплекс. Но в китайских храмах главным является символически

^ Новая застройка.
Фото Сергея Астапова

^ Трущобы в центре Пекина

^ Китайские крестьяне в Запретном городе

> Белая Дагоба. Фото Сергея Астапова

v Улица Люличан

выстроенное пространство, а не конкретный павильон. Увы, это почему-то забывается, поскольку в голове прочно сидит европейский стандарт: храм – это одно сооружение.

В парке Бейхай у входа – красные кадки с цветущими деревьями; цветы на деревьях тоже красные. Водоемы, искусственные скалы, горки, лестницы, мощные дорожки. Пляшут массовики–затейники в театральных костюмах. У них накладные пышные усы. Пляшут все желающие. Массовики меняются. Желающие потанцевать тоже. С утра народу не так много. Впрочем, группы китайских туристов из глубинки в одинаковых кепках попадают. Но, слава Богу, не в таких количествах, как в Запретном городе. Рядом с Белой Дагобой маленький храмик, отделанный керамическими плитками. Внутри у алтаря висят какие-то пыльные хвосты. Видно озеро в голубой дымке. Группки китайцев отрешенно сидят на траве под цветущими деревьями. Некоторые, не мигая, смотрят на водную гладь. Щебечущие группы из глубинки в одинаковых кепках вертят головами в разные стороны и щелкают дешевыми фотоаппаратами.

От парка Бейхай до Национального музея, выстроенного, как положено, «в китайском вкусе» (как говорили в XIX веке), идти минут пятнадцать. Во дворе музея пустынно. В этот музей вход свободный. На первом этаже в просторном зале выставляют современные скульптуры. В другом зале современная живопись на рисовой бумаге. Волны, облака, водопады, горные кручи... Традиция жива. Но где сокровища династий Мин и Цин?

Увы, их здесь нет. Богатства Китая в Музее Истории и Революции, что на площади Тяньаньмэнь. Кое-что в Лондоне, что-то в Париже, что-то в России...

Литература

1. Пайлоу [Электронный ресурс]. – <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/104118>
2. Рэппапорт А. Г. Китай как предчувствие // Проект Байкал. – 2006. – № 10. – С. 17

References

- Pailow. (n.d). Retrieved from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/104118>
- Rappaport, A. (2006). China as anticipation. Project Baikal, 3(10), 17-18. DOI: <http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.10.517.507>

^ Яндекс-карты по запросу «Китайские рестораны в Иркутске»

Феномен общественного питания рассматривается с точки зрения взаимодействия национальных культур и развития рыночной экономики. Выделяются типы этнического общепита, их качества и признаки. Анализируется китайский общепит в Иркутске. Подчеркивается зависимость степени аутентичности еды, декора, атмосферы от социальных потребностей, социального расслоения и менталитета целевой аудитории. **Ключевые слова:** этнический общепит; Иркутск; китайская кухня; национальная традиция; чифанька; межкультурные коммуникации; визуальная репрезентация; Другой. /

The phenomenon of public catering is observed from the point of view of interaction of national cultures and development of market economy. The types of ethnic public catering and their characteristic features are defined. Chinese catering in Irkutsk is analyzed. The article demonstrates how authenticity of food, decoration and atmosphere depends on social demands, social stratification and the mentality of target audience.

Keywords: ethnic public catering; Irkutsk; Chinese cuisine; national tradition; chifanka; intercultural relations; visual representation; the Alien.

Китайский общепит в Иркутске /

текст
Елена Дятлова /
text
Elena Dyatlova

Этнический общепит – уже давно привычная и важная часть городского пространства во всем мире. В любом крупном городе сейчас есть китайские, японские, корейские, турецкие и т. д. кафе, ресторанчики, забегаловки. Этнический общепит – это предприятия общественного питания, представляющие национальные кухни, культуру, традиции, как правило, в инокультурном пространстве. В постсоветскую эпоху рестораны, представляющие национальные кухни, стали широко распространяться и в России. Этнический общепит стал важной частью формирующейся рыночной экономики, элементом потребительского рынка и, одновременно, важной частью городского пространства, местом контакта, где с помощью кухни, оформления зала, особенностей сервиса и т. д. посетители знакомятся с другой культурой. Они различаются по целевой аудитории, маркетинговой политике, а отсюда, соответственно, по средствам визуальной репрезентации их этнического характера.

Особенно важно, что это часть повседневности, место массового, обыденного взаимодействия представителей самых разных слоев населения с элементами «Иного», механизм восприятия «Иного» как нормы.

В России отдельные элементы этнического общепита присутствовали и в советскую эпоху (начиная от элитного московского «Арагви» и заканчивая демократичными шашлычными и чебуречными). Но настоящий расцвет этого феномена мы можем наблюдать только сейчас. Можно сказать, что он стал модным трендом в сфере общественного питания. Его существование ставит вопросы, актуальные для нашего общества. Является ли этнообщепит однородным по мотивам выбора стратегии этнической репрезентации; в одинаковом ли объеме и качестве представлены в них этнические элементы; какие средства репрезентации используются; имеются ли отличия в таргетинговой политике этих предприятий? С другой стороны – что ищут потребители в китайских, японских, грузинских или узбекских кафе, ресторанах, забегаловках?

История китайского общепита в Иркутске начинается в 90-х годах XX века с ресторана «Дракон» (ул. 5-ой Армии). Это был успешный ресторан, расположенный в центре города, с довольно высокими ценами, что давало

основания позиционировать его как элитный. Но его процветанию пришел конец в 1995 году из-за конфликта между владельцами и собственниками здания, где он располагался. В середине 90-х появляются китайские рестораны при гостиницах (например, ресторан «Дружба–Ангара–Бихай» при гостинице «Ангара»). В дальнейшем, несмотря на периодически случающиеся экономические кризисы, число китайских ресторанов увеличивалось и к настоящему времени составляет несколько десятков. Они расположены, по преимуществу, в центральной, правобережной части города (см. Приложение 1, запрос «китайские рестораны Иркутска»).

Каковы типы предприятий китайского общепита по целевой аудитории и маркетинговой политике?

Первый тип – рестораны, которые не позиционируют себя как китайские, но включают в свое меню, среди других, блюда китайской традиции. Для этих заведений китайская кухня – лишь способ разнообразить меню. Таких заведений много; включать их в число китайских ресторанов не следует, но и игнорировать при анализе не стоит.

Второй тип – это рестораны, которые каким-либо образом целенаправленно позиционируют, маркируют себя как китайские. Их отличает широкое использование различных визуальных средств как во внешнем, так и во внутреннем оформлении: название, дизайн вывески и зала, музыкальное оформление, одежда или этническая принадлежность персонала и, конечно, меню. Среди них есть как крупные, так и мелкие, как самостоятельно функционирующие, так и включенные в состав гостиничных комплексов и бизнес-центров. Они рассчитаны на массового потребителя, в основном, россиян.

Часто название выбирается с китайской спецификой, например, «Китайский иероглиф», «Пекинская утка» и др. На вывеске надписи делаются стилизованными буквами, они дополняются рисунками с традиционными символами китайской культуры. Например, на логотипе ресторана «Китайский иероглиф» русским

< В самом культовом месте города – 130 квартале – китайский ресторан с незаконно построенной якобы «сезонной» верандой. Фото Alena Geel

Chinese Catering in Irkutsk

разношрифтовым текстом написано вертикально слово «ие-ро-гл-иф», но за счет линии, разделяющей между собой пары букв и соприкасающейся с некоторыми из них, создается имитация китайских иероглифов.

В оформлении бланков меню тоже используются подобные приемы. Внутреннее убранство ресторанов изобилует традиционными китайскими элементами: изображения драконов, китайские орнаменты, иероглифы, обилие красного цвета в декоре, для которого используются бамбук, китайские деревянные светильники с красными кисточками, фарфоровые вазы, различные статуэтки и т. д. Официанты часто носят униформу, стилизованную под китайский костюм. Иногда на «китайскую тему» намекает и азиатская внешность официантов (хотя настоящих китайцев, чаще всего, среди них нет). Граждане Китая часто работают в подобных ресторанах в качестве поваров, хотя шеф-повара в основном русские.

В данном типе ресторанов намеренно подчеркивается китайское влияние, транслируется такой стереотипный, почти лубочный образ китайской культуры, который понятен, привычен для российских посетителей. Это «Китай для русских».

Крупные рестораны китайской кухни для коммуникации с клиентами активно используют собственный Интернет-сайт. Здесь можно найти и чисто прагматичную информацию (контакты, месторасположение, анонсы программ, меню, информацию о службе доставки), и небольшие популярные статьи о китайской кухне, традициях. Кроме того, сайт часто является средством знакомства посетителей с сотрудниками, которые не присутствуют в зале, но являются важным звеном в создании этнической специализации заведения – с поварами. репрезентация может быть разной степени содержательности: от простой фотографии и лаконичного резюме до видеоролика с рассказом о себе. По словам иркутского ресторатора И. Розенрауха, рестораны высокой кухни, куда приходят исключительно ради того, чтобы отведать произведения кулинарного искусства, в Иркутске имеют ограниченный спрос. В основном, местную публику «по-прежнему отличает упрощенный подход к еде; для посетителей решающее значение имеют интерьер, общая атмосфера заведения...» [1].

Третий тип заведений – так называемые «чифаньки».

Существительное чифанька происходит от глагола чифанить. Глагол пришел в русский язык из китайского и является производной китайского слова 吃饭 (Chīfàn) – есть, кушать, «принимать пищу, употреблять в пищу». Обычно глагол чифанить применяется в повседневной разговорной речи русскоязычного населения, находящегося на территории Китая, или в приграничных регионах.

Пояснение термина, которое дает словарь АБВУЯ Lingvo [2].

Чифанька (чифанька, чифанька, чифанька, чифанька)

Ударение: на второй слог.

Значение: китайское кафе, закусочная, рестораник; вообще заведение общественного питания с дальневосточной кухней (корейской, тайландской и т. п.).

Регион: Новосибирск; Иркутская обл., Якутия (?), Амурская обл., Еврейская АО, Хабаровский край, Приморский край.

Примечание: тж. среди русских, живущих в Китае.

Вот что пишет об этом типе заведений блоггер на своем интернет-сайте, посвященном Китаю: «Чифанька – небольшое кафе в Китае, в котором можно дешево и вкусно поесть разнообразные блюда китайской кухни. Среди жителей приграничных с Китаем районов также употребляются некоторые вариации этого слова – чифанька, чифанька, чифанька, чифанька. Этот термин в основном используется русскоговорящими, живущими в Китае или около него, для обозначения практически любого заведения общественного питания, в котором готовят китайскую кухню. Как правило, такие заведения не отличаются кристальной чистотой и соблюдением всех санитарно-гигиенических требований. Однако, еда в них на удивление вкусная, по утверждениям некоторых исключительно из-за добавления «вкусовой добавки» (глутамата натрия). Направляясь в чифаньку, не ожидайте увидеть стены из белого мрамора и статуи драконов, а также официанток в шелковых платьях. Максимум – деревянные столы и пластиковые стулья, старенький вентилятор и упитанная китайская «мадама» преклонных лет с поясной сумкой, набитой деньгами. Чифаньки всегда забиты посетителями. И не только потому, что дешево. Среди посетителей – самый разнообразный люд:

> Wang Ji (ул. Байкальская). Бывшая чифанька.
Фото Alena Geel

студенты, рабочие и водители, сотрудники близлежащих банков и магазинов, обеспеченные китайцы на дорогих машинах, и т. д.» [3].

А вот впечатления уже иркутского любителя китайской кухни: «В последнее время удивительной популярностью среди молодежи и людей творческих профессий стали пользоваться нелегальные китайские заведения «чифаньки». У «едальни», которую сами посетители прозвали «Синие ворота» или «Изба», есть чему поучиться даже самым крутым рестораторам города. (Приложение 2). Это заведение находится на нелицеприятной улице Подгорная вблизи китайских кварталов; за синим забором антисанитарные и лишенные малейшего комфорта условия – «бомжеватый» деревянный домик, желтые обои в убогих комнатках, туалет и умывальник во дворе, тут же носятся многочисленные кошки и собаки. У места, естественно, отсутствует самая примитивная реклама, здесь нет даже вывески. Но молва «сарафановки» распространилась в городе и за его пределами настолько мощно, что эта «чифанька» стала уже местной легендой. В пятничный вечер здесь аншлаг: заняты абсолютно все круглые, покрытые дешевой клеенкой столы; несколько компаний располагаются на самодельных лавках прямо во дворе. Чем место приглянулось иркутянам, наверное, так и останется коммерческой тайной этого заведения, но, как многие отмечают, готовят китайскую еду здесь действительно за пределами вкусно. Правда, цены не меньше, чем и в «нормальном» общепите – 100–200 рублей за блюдо. Несмотря на то, что весь персонал «чифаньки» – это китайцы с не самым идеальным знанием русского языка, посещают это заведение практически исключительно наши соотечественники, представителей Поднебесной среди постояльцев не наблюдалось.

В «чифаньку» часто заходят и иностранцы, особенно те, которые не любят посещать традиционные достопримечательности. По необъяснимым причинам, они мгновенно влюбляются в колорит этого места.

Несмотря на то, что «Синие ворота» – нелегальное заведение, ему можно пророчить еще долгую жизнь. Здесь очень скрупулезно подходят к своей собственной безопасности: у неприглядного домика с высокими воротами всегда закрыты ставни. Над входом висит камера

наблюдения, посетителей впускают только после того, как их разглядят в телеэкран» [4].

Итак, «чифаньки» в России – это нелегальные китайские кафе, изначально создаваемые «только для своих». Подобные заведения располагаются, в основном, в местах компактного проживания китайских мигрантов или в районе китайских рынков (например, «Шанхайки» в Иркутске). Их отличает минимум наружной рекламы, своеобразный «фейс-контроль» (попасть туда можно по рекомендации завсегдатаев или в компании с ними). «С улицы их идентифицировать невозможно – это обычная частная усадьба в сплошном частокале. В лучшем случае на воротах будет намалевано несколько иероглифов, полустершихся от неумолимого времени, дрянной погоды и никчемного качества краски. В частном доме количество залов равно количеству жилых комнат, и даже представлять себе не хочется, где же находится собственно кухня» [5].

Обстановка достаточно убогая: чифаньки располагаются в частных домах, удобства часто находятся на улице. Оформление помещения минимальное, мебель и посуда дешевые и незамысловатые. Частый элемент оформления – картинки блюд на стене с названиями, что свидетельствует о том, что целевая аудитория подобных заведений включает в себя и русскоязычных посетителей. Часто персонал подобных заведений находится на территории России с нарушениями миграционного законодательства. Сотрудники миграционной службы проводят периодические проверки с целью выявления подобных случаев [6].

Вот как отзывается о таком заведении еще один блоггер: «Чифанька – это самое беспонтовое место в Иркутске. Потому что там не важны понты, не важны предрассудки, не нужны золоченые столовые приборы и сервировка. Там просто едят. Такой суровый китайско-русский гастрономический экшн. Я не изобретаю велосипед и порох, просто вербализую вещи, которые люди думают. Не все, но многие. Чифанька со средним чеком в 300 рублей – противовес ресторану, в котором за шедевральный плевочек на бескрайней тарелке надо заплатить в 10 раз больше. Больше – за аренду, локацию, сервис, ремонт, атмосферу. Зачем мне атмосфера, в

^ Кафе «Харбин» (ул. Киевская) с очень противоречивой репутацией. Фото Alena Geel

которой я опасюсь сделать что-нибудь не так, выглядеть недостаточно модно или заказать слишком плебейское блюдо? Атмосфера – в диалоге с теми, кто сидит со мной за одним столом. Все остальное – суета сует. И пусть местами чифанька противоречит здравому смыслу, иногда еда – это просто еда» [7].

Хозяева «чифанек» не стремятся, по всей видимости, к привлечению большого числа посетителей, так как размеры помещения и небольшой штат сотрудников (часто поварами и официантами работают члены одной семьи) не позволяют расширять бизнес. Первоначально подобные заведения были рассчитаны исключительно на китайских граждан. Теперь же едва ли не большинство посетителей – россияне. Их привлекает в подобных закусочных аутентичная китайская кухня, относительная дешевизна и экзотика. Частенько они становятся местом проведения встреч различного рода неформальных групп: реальные встречи участников виртуальных сообществ, местных хипстеров и т. д. У хозяев этих заведений не было цели репрезентировать китайскую этничность в качестве маркетингового средства, так как изначально они создавались для «своих». Но, тем не менее, их присутствие в городской среде для местного населения заметно. Они тоже, намеренно не прикладывая усилий, репрезентируют этнического Другого. Основными средствами репрезентации выступает этническая кухня и китайский персонал.

Отметим еще раз, что этнические рестораны или кафе, которые становятся привычным элементом городского пространства российских городов, – это не просто заведения общественного ПИТАНИЯ, но и элемент городского пространства, «место встречи» разных культур.

Степень аутентичности еды, декора, атмосферы и т. д. зависит от целевой аудитории. Для широкой публики порой важна не столько аутентичность, сколько доступность для восприятия, «понятность» того образа культуры, который транслируется с помощью различных вербальных и невербальных средств. Нарочитость оформления и симулятивность ценятся выше, чем аутентичность [8; 9]. Атрибуты оформления зачастую утрачивают первоначальную функциональность, символику и становятся знаками, намекающими на определенную культуру, эпоху.

Это связано с тем, что зачастую важнее узнаваемость культуры, соответствие ожиданиям, имеющим расплывчатый, стереотипный характер. Знак приобретает значение в коммуникации только тогда, когда он читаем. А потому оформление заведений, рассчитанных на широкую публику, приобретает немного лубочный оттенок.

Таким образом, повсеместная распространенность феномена этнообщепита означает для потребителей важность межэтнических контактов на уровне повседневно-возникновения в городском пространстве площадки, на которой встречаются и вступают в тесный контакт представители и знаки различных культур.

Литература

1. Мода есть // Восточно-Сибирская правда. – 01.09.2011. – С. 5
2. [Электронный ресурс] // <http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=109096> (дата обращения: 1.09.17)
3. Чифанька – небольшое заведение с китайской едой [Электронный ресурс] // <http://daostory.com/chifanka/> (дата обращения: 1.09.17)
4. Елизарова А. Ресторанные контрасты Иркутска [Электронный ресурс] // Восточный формат. – 16.10.12. Режим доступа: <http://kommersant-irk.com/restorannye-kontrasty-irkutska/> (дата обращения: 29.09.17)
5. Кок Б. О низменном // Восточно-Сибирская правда. – 11.03.2013
6. Рютина К. А был ли мальчик Ся Оха? // СМ Номер один. – 26 мая 2011. – № 20. – С. 14
7. [Электронный ресурс] // <http://kjara-corso.livejournal.com/397744.html> (дата обращения: 1.09.17)
8. Тимофеев М. Ю. Псевдосоветский общепит как империя знаков: системно-семиотический анализ. Часть 1. Артефакты [Электронный ресурс] // Лабиринт : Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – № 4. – С. 39–51. <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2012/11/timofeev02.pdf> (дата обращения: 1.09.17)
9. Тимофеев М. Ю. Псевдосоветский общепит как империя знаков. Часть 2. Нарративы [Электронный ресурс] // Лабиринт : Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – № 5. <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2013/01/timofeev.pdf> (дата обращения: 1.09.17)

References

- ABBYY Lingvo. (n. d.). Retrieved September 1, 2017 from <http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=109096>
- Chifanka – nebolshoe zavedenie s kitaiskoi edoi [Chifanka is a small café with Chinese cuisine]. (2012, November 6). Daostory. Retrieved September 1, 2017 from // <http://daostory.com/chifanka/>
- Elizarova, A. (2012, October 16). Restorannye kontrasty Irkutska [Restaurant contrasts of Irkutsk]. Vostochnyi format. Retrieved September 29, 2017 from <http://kommersant-irk.com/restorannye-kontrasty-irkutska/>
- Kork, B. O. (2013, March 11). O nizmennom [On the lowly desires]. Vostochno-Sibirskaya Pravda.
- Kulturnyi fenomen: chifanka [Cultural phenomenon: chifanka] (2011, December 12). Retrieved September 1, 2017 from // <http://kjara-corso.livejournal.com/397744.html>
- Moda est' [Eating fashion]. (2011, September 1). Vostochno-Sibirskaya Pravda, p. 5.
- Ryutina, K. (2011, May 26). A byl li malchik Sya Oha? [Was there a boy Sya Oha?]. SM Nomer odin, 20, p. 14.
- Timofeev, M. Yu. (2012a) Pseudosovetsky obshchepit kak impeia znakov: sistemno-semioticheskiy analiz. Chast 1. Artefakty [Preudo-Soviet public catering as an empire of signs: a system and semiotic analysis. Part 1. Artifacts] Labirint: zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovaniy, 4, 39-51. Retrieved September 1, 2017 from <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2012/11/timofeev02.pdf>
- Timofeev, M. Yu. (2012b) Pseudosovetsky obshchepit kak impeia znakov: sistemno-semioticheskiy analiz. Chast 2. Narrativy [Preudo-Soviet public catering as an empire of signs: a system and semiotic analysis. Part 2. Narratives] Labirint: zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovaniy, 5. Retrieved September 1, 2017 from <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2012/11/timofeev02.pdf>

Делается обзор истории и взаимоотношений мигрантов из южной Евразии в Британии. Подчеркивается их конкурентный характер. Китайская диаспора рассматривается как относительно изолированное сообщество с высокими образовательными и социальными запросами. Обзор общедоступных источников позволяет сделать вывод о стремлении китайской молодежи к ассимиляции и, одновременно, противоположной тенденции к сохранению национальной идентичности.

Ключевые слова: китайская диаспора; Великобритания; национальная самоидентификация; миграция; ассимиляция; образование. /

The article presents a survey of the history and relationships of migrants from the South Asia and China in Britain. Their competitive character is underlined. The Chinese diaspora is regarded as a relatively isolated community with high educational and social requests. A review of public sources allows making a conclusion about the desire of the Chinese youth for assimilation and, at the same time, exists the opposite tendency to preserve the national identity.

Keywords: Chinese diaspora; United Kingdom; national self-identification; migration; assimilation; education.

Ходьба по канату: азиатское сообщество в Лондоне /

ТЕКСТ

**Екатерина
Антипина-Тернер**
text
Ekaterina Antipina

По разным данным, на территории Великобритании проживает порядка 450 тысяч китайцев, что составляет 0,7% населения страны.

Одна треть диаспоры – студенты. Только 17% – низкоквалифицированные работники.

Эти пропорциональные отношения выводят китайское население Великобритании на лидерскую позицию среди прочих малых этнических групп Королевства.

По сравнению с большинством демографических групп в Великобритании, в частности, с южно-азиатской общиной, китайцы в своем социально-экономическом аспекте более децентрализованы, делают выдающиеся академические успехи. Кроме того, они являются одним из самых зажиточных сообществ, с каждым годом увеличивая доходы своих семей.

Китайская диаспора Великобритании является третьей по величине в мире, уступая Франции и России; кроме того, она считается самой древней во всей Западной Европе [1].

Несмотря на то, что большинство иммигрантов родом из южной части Евразии, между китайской общиной и

мигрантами из Индии, Пакистана, Бангладеш и Шри-Ланки – пропасть.

В 40-х годах, сразу после Второй мировой войны, благодаря рекрутинговой политике Великобритании, с индийского субконтинента в страну хлынул поток рабочей силы. Первая волна – это неквалифицированные разнорабочие (например, строители железных дорог и сталелитейщики); в 50-х – служащие разнообразных сервисов аэропорта Хитроу и предприятий по обслуживанию населения. Позже они дополнили ряды медицинского персонала, необходимого для развития вновь введенной программы Национального Медицинского Здравоохранения (это направление имело особенно большой спрос у медицинских учреждений Великобритании, так как англичане создали на индийском субконтиненте большое количество медицинских ВУЗов, соответствующих английским стандартам).

Так южно-азиатские мигранты покоряли Британские Острова. Во многом из-за подобного вовлечения в жизнедеятельность социальных институтов и структур страны индусы и пакистанцы стали влиятельным электоратом и продолжают активно (и даже агрессивно) «завоевывать» все новые территории Королевства.

Разными являются не только исторические предпосылки появления азиатских мигрантов. Значительно их отличие в отношении действующих в стране законов и в попытках влиять на них. С одной стороны – это китайская диаспора: замкнутая, трудолюбивая и инертная. С другой – южно-азиатская: расплавляющая, требовательная, напористая.

Для коренного населения Великобритании, жизнедеятельность и той, и другой общин могут являться причиной потери национальной идентичности в некоторых аспектах.

Радиостанции и прочие медиа постоянно муссируют вопрос: как остановить разобщение гражданского населения страны? Дело в том, что белое население не хочет оставаться в районах и городах, где превалирует южно-азиатская диаспора. Но этой разобщенности не избежать, пока миграционная политика не будет изменена в сторону ужесточения предъявляемых к переселенцам требований. Британцы не понимают, почему колоссаль-

The population of the Asian community in London, according to various sources, is 450, 000 (approximately 0.7% of the UK population and around 5% of the total non-white population in the UK).

One third of the diaspora are students and 17% are unqualified workers.

These numbers put the Chinese population of Great Britain to the top of all the small ethnic groups in the country.

Compared with most ethnic minorities in the UK, the Chinese, are socioeconomically more widespread and decentralised, have a record of high academic achievement, and have one of the highest household incomes among demographic groups in the UK.

The Chinese diaspora that reside in the United Kingdom constitute the third largest group of overseas Chinese in Europe apart from the Chinese diaspora in France and the overseas community in Russia. (British Chinese, n.d.)

Despite the fact that most immigrants come from southern Eurasia, there is a very distinct disconnect between the Chinese community and other migrants from India, Pakistan, Bangladesh and Sri Lanka.

In the 1940s, right after the Second World War, thanks to British recruitment policy, a flow of labor force came into the country from the Indian subcontinent. The first wave were unskilled laborers (for example, railroad builders and steelworkers); in the 50's - employees of various services at Heathrow Airport and enterprises serving the population. Later, they joined the ranks of medical personnel necessary for the development of the newly introduced National Healthcare Program, the NHS (National Health Service) (this direction was particularly in demand among British medical institutions, since the British created a large number of medical schools in the Indian subcontinent that meet British standards).

In this way the South Asian migrants conquered the British Isles. In many respects, because of such

Walking on the rope: Asian Community in London

ная доля их налогов идет на обеспечение жизнедеятельности приезжих, которые отказываются ассимилироваться и едва говорят на английском.

История миграции жителей Поднебесной на Британские Острова начинается в конце XVIII века, когда первые китайцы приплыли от берегов Тяньцзиня и Шанхая, чтобы обосноваться в портовом Ливерпуле. С тех пор «новые британцы» прошли – через языковые проблемы, социально-политическую изоляцию, жилищные трудности, отсутствие поддержки на законодательном уровне – долгий путь к современному состоянию сообщества этнического меньшинства.

В жизни современных британских китайцев велика роль функционирования в стране проживания социальных институтов для поддержания и развития своей идентичности и общности. При поддержке государства создаются и развиваются Общественные Национальные центры. Для пожилых китайских лондонцев подобные учреждения – это бесценный ресурс, предоставляющий необходимые консультации и услуги. Для молодого поколения британцев, рожденных в Китае, эти центры предоставляют возможность осмысленно участвовать в жизни их общины и поддерживать связь с родным языком, сохранять культурную самобытность.

Появившиеся в 2000-х годах интернет-дискуссионные сайты, созданные британскими китайскими молодыми людьми, для многих из них стали возможностью обратиться к вопросам, касающимся их идентичности, опыта и статуса в Великобритании. В рамках онлайн-форумов и на более широких интернет-платформах сообщества и группы могут идентифицировать себя как «британские китайцы» или «BBCs» (British-born Chinese).

За оптимистичной обложкой быстрой ассимиляции скрывается дискомфорт утраты этой самой идентичности. Молодые люди прилагают много усилий для того, чтобы не стать «ходячим стереотипом», не дать возможности «типично-китайским увлечениям» определять их личность. В результате они оказываются заложниками ситуации, при которой «британство» заслоняет чувство родной культурной принадлежности. Для некоторых из них привязанность к китайской общине и вовсе является рудиментарной.

involvement of the social institutions and structures of the country, Indians and Pakistanis have become an influential electorate and continue to actively (and even aggressively) "conquer" all new territories of the country.

Differences are not only the historical preconditions for the emergence of Asian migrants. Significantly, they differ in relation to the laws in force in the country and in attempts to influence them. On the one hand - it's the Chinese diaspora: closed, hardworking and inert. On the other - South Asian: melting, demanding, assertive.

For the indigenous population of Great Britain, the livelihoods of both communities can cause loss of national identification in some aspects.

Radio stations and other media are constantly questioning: how to stop the disunion of the civilian population of the country? The fact is that the white population does not want to remain in regions and cities where the South Asian diaspora prevails. But this disunity

can not be avoided until the migration policy is changed in the direction of tightening the demands placed on the settlers. The British electorate struggle to understand why a colossal share of their taxes goes to providing life to newcomers who refuse to assimilate and barely speak English.

The British Chinese community is thought to be the oldest Chinese community in Western Europe, with the first Chinese having come from the ports of Tianjin and Shanghai in the early 19th century to settle in port cities such as Liverpool.

Since then, "new Britons" have passed through the problems of politics, socio-political isolation, housing difficulties and lack of support at a legislative level.

In the lives of the modern British Chinese, the role of social institutions in the country of residence is great for maintaining and developing their identity and community. With the support of the state, Public National Centers are

Китайский студент Ян Ванг, корреспондент Кембриджского онлайн-издания «Университет» («*VARSITY*»), в своей статье о национальном самосознании пишет: «Я потратил годы, пытаюсь пройти по этому канату, изо всех сил старался не быть ходячим стереотипом... Большинство людей, таких как я, находятся где-то посередине. Мы заботимся о нашем китайском наследии, но заняты работой или учебой и не имеем времени и энергии, чтобы копать все глубже. Мы почти двуязычны. Наша жизнь определяется переключением некоего кода; это происходит, когда мы вбрасываем китайские слова, если не можем найти эквивалент на английском, и говорим на разных языках в зависимости от того, с кем мы разговариваем. Теперь мы более устоялись – отчуждение, которое мы чувствовали в детстве, нас не беспокоит, но мы по-прежнему чувствуем себя немного посторонними; и мы задаемся вопросом, действительно ли это чувство когда-нибудь исчезнет» [2].

Литература

1. From Wikipedia [Электронный ресурс]. – https://en.wikipedia.org/wiki/British_Chinese
2. Онлайн-газета Кембриджского Университета [Электронный ресурс]. – <https://www.varsity.co.uk/>

References

British Chinese (n.d.). Retrieved November 24, 2017 from Wikipedia: https://en.wikipedia.org/wiki/British_Chinese

Wang, I (February 5, 2017). My tricky relationship with my British Chinese identity. Retrieved from <https://www.varsity.co.uk/features/11965>

being established and are developing. For older Chinese Londoners, such institutions are an invaluable resource that provides the necessary advice and services they need. For the younger generation of British born in China, these centers provide an opportunity to participate meaningfully in the life of their community and maintain contact with their native language and preserve their cultural identity.

Since 2000, the emergence of Internet discussion sites produced by British Chinese young people have provided an important forum for many of them to grapple with questions concerning their identities, experiences, and status in Britain. Within these online forums and through larger community efforts, the groups may self identify as 'British-born Chinese' or 'BBCs'

Behind the optimistic cover of rapid assimilation lies the discomfort of losing one's own identity. Young people make a lot of efforts not to become a "walking stereotype", not to allow "typical Chinese hobbies" to determine their personality. As a result, they are held hostage to the

situation in which the "British" obscures the feeling of native cultural affiliation. For some of them, attachment to the Chinese community is completely rudimentary.

A Chinese student, Ian Wang, a correspondent for the Cambridge online edition called "VARSITY", writes in his article on national identity: "I've spent years trying to walk that tightrope – trying my hardest to avoid becoming a walking stereotype... Most people, like me, are somewhere in between. We care about our Chinese heritage, but are busy with work or study and don't have the time or energy to dig any deeper. We're sort of but not really bilingual. Our lives are defined by code-switching, swapping out Chinese words we don't know for English equivalents, speaking different languages depending on whom we're talking to. We're more settled now – the alienation we felt in childhood doesn't bother us as much – but we still feel a bit like outsiders, and we wonder if that feeling will ever really go away" (Wang, 2017).

Туризм с восточным лицом /

текст

Ирина Головицкая
Анна Домрачева /
text

Irina Golovitskaya
Anna Domracheva

– А с Петербургом что будет?
– Да что: кумирню какую-то строят китайцы!

Андрей Белый, «Петербург»

В романе «Петербург» Андрея Белого город оказывается местом слияния Востока и Запада. Один из главных героев имеет татарские корни, другому являются галлюцинации в виде «рокового лица с узкими глазами», присутствие китайцев и японцев красной нитью проходит через весь роман. Александр Блок в поэме «Скифы» тоже обращается к образу воинствующего Востока с многовековой историей. Образ Другого, присутствующий в фоновом режиме, пугает и угрожает захватом. Серебряный век прошел, а безотчетный ужас, перешедший в легкое бытовое раздражение, остался. Сейчас туристический поток из Китая, особенно в Москве, Санкт-Петербурге и Иркутске, непривычно вырос, и началось: то в метро китайцы помешали, то налогов с растущего потока бюджет не получает, то малый бизнес негодует, то еще какая напасть.

Сейчас каждый пятый турист в России – китаец. Популярность отдыха в нашей стране обеспечивают территориальная близость (на приграничные регионы приходится 40 % турпотока), упрощенные визовые формальности для туристических групп и невысокая цена тура. Три года подряд в Россию приезжает более миллиона граждан КНР. С собственно туристическими, а не деловыми, учебными, транзитными и прочими целями, прибывает порядка 70–80 % от этого числа. С 2000 года между Россией и Китаем действует соглашение о безвизовых групповых поездках. Участники тургрупп, объединяющих от 5 до 50 человек, могут находиться до 15 суток на территории страны пребывания без оформления индивидуальных виз. И таких туристов все больше: за 9 месяцев 2017 года в нашей стране побывало 840 тысяч «безвизовых» китайцев – на 24 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В первую очередь Россия интересна жителям Поднебесной как самая близкая европейская страна. Для Китая именно здесь находится окно в Европу.

Что находится там, по ту сторону бытового раздражения из-за туристических автобусов, занимающих парковки?

Зачем китайские туристы едут в Россию?

Турист из Китая стремится побывать как можно в большем количестве стран и городов, запечатлеть все «открыточные» виды и обязательно поделиться ими с друзьями в соцсетях. Из-за географической близости туры в Россию требуют меньшего по времени перелета. Чтобы добраться до мировой туристической столицы – Парижа, китайский турист должен провести в самолете порядка 14 часов; кстати, нередко он летит с пересадкой в Москве. Развиваются и приграничные поездки.

Китайцы стремятся побывать в самом близком к КНР европейском мегаполисе. Москва который год бьет рекорды по посещаемости туристами из Китая, во многом благодаря упрощенному визовому режиму для туристических групп. Кстати, для российских тургрупп в Китае тоже упрощены визовые формальности.

Только за 9 месяцев 2017 года по безвизовому обмену в Москву приехали 427 тысяч граждан Китая. Приезжая в Москву, они покупают чемоданы сувениров для друзей и родственников, причем предпочтения туристов достаточно разнообразны – от стереотипных матрешки, водки и ушанки до эксклюзивных вещей под маркой мирового бренда. Особенной популярностью у китайских туристов пользуются изделия из золота и янтаря, который в Китае считается «камнем тигра», дарящим радость и всепрощение. Часто гости из Китая заглядывают в ЦУМ, ГУМ, которые уже больше года стали участниками программы China Friendly, перевели навигацию, информацию о товарах и даже рекламные вывески на китайский язык. Более того, ЦУМ даже запустил специальную программу лояльности для китайских туристов, принимает карты национальной платежной системы Китая Union Pay и переводы платежной системы Alipay, активно работает в соцсетях КНР и с туроператорами. Торговый дом увеличил долю покупателей из Китая до 9 %, а у петербургского «брата» ЦУМа – торгового дома ДЛТ (оба универмага управляются группой компаний Mercury) и вовсе более пятой части покупателей – туристы из КНР.

По подсчетам ассоциации «Мир без границ», турист из Китая тратит порядка 530 долларов в день во время поездки, с учетом расходов на перелет, проживание и питание.

< Игорь Коваленко,
Анна Сибиркина

Tourism with the Eastern Face

Рассказы о китайских туристах, скупающих драгоценности, косметику и аксессуары класса «люкс» – уже давно не миф, а реальность. По данным ЮНВТО, китайские туристы – лидеры по объему трат в мире. В 2016 году за рубеж отправились 135 млн. граждан КНР, что на 6% превысило показатель 2015 года, а их расходы выросли до 261 млрд. долларов.

Несмотря на то, что туристы из Китая – большие любители шопинга, они едут в Россию не только за покупками. Для многих туристов из Южного Китая, откуда направляется значительный турпоток в нашу страну, русское лето кажется избавлением от тяжелой жары и влажности, а зима – редкой возможностью увидеть снег. Ценят жители погруженных в смог городов и возможность экотуризма, с удовольствием наслаждаясь красотами нашей природы. Неудивительно, что за 9 месяцев этого года по безвизовому обмену Иркутскую область посетили почти 50 тысяч жителей Поднебесной: китайские туристы очень стремятся побывать на Байкале. Растущей популярностью у туристов озеро обязано не только своей красотой, но и тому, что оно числится в Списке Всемирного наследия ЮНЕСКО, а популярная в КНР песня «На берегу Байкала» певца Ли Цзяна стала еще одной рекомендацией для посещения озера.

Теплые отношения наших стран на политической арене, конечно, тоже оказывают значительное влияние на рост турпотока.

Что для китайских туристов предусмотрено в России? Чем они пользуются? Что для них могло бы быть нужно? Что такое China Friendly?

Языковой барьер создает для китайских туристов в России значительные трудности. Чтобы турист чувствовал себя комфортно, программа China Friendly в популярных у гостей из КНР Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске выпускает карты на китайском языке.

Мы стараемся объяснить участникам, как принимать гостя, показать, на какие культурные отличия стоит обратить внимание. Например, китайским туристам не стоит предлагать гостиничные номера с цифрой 4, так как обозначающий ее иероглиф читается почти так же, как слово «смерть». Есть и более приземленные требования.

Китайские туристы не мыслят отдыха без Wi-Fi; в этом мы, конечно, очень похожи. Поэтому China Friendly гостиницы предоставляют его бесплатно, как и доступ к горячей кипяченой воде, ведь нельзя представить китайского туриста без небольшого термоса с горячей водой или чаем; таковы традиции. Мы рекомендуем предоставлять гостям тапочки, доступ к китайязычной прессе и дублировать информацию об услугах по-китайски.

Программа China Friendly – это не только механическое следование заданными критериям. В первую очередь мы стараемся донести культурные особенности гостя, повысить уровень сервиса и уровень гостеприимства.

Сервис в отелях КНР находится на достаточно высоком уровне, мы многому можем научиться у соседей из Китая.

Анна Сибиркина,
руководитель программы China Friendly

По разным данным, Иркутскую область за последний год посетило до полумиллиона китайских туристов. Это огромные цифры, и все ожидают роста; есть ли для этого основания?

Оптимизм – очень важное качество в любом деле, но здесь нужно трезво оценивать тенденции. Есть взаимоисключающие прогнозы: одни утверждают, что в связи с проведением Чемпионата мира по футболу в России туристы поедут в Сибирь и на Дальний Восток, а значит, будет увеличение количества туристов в 2018 году. Есть и другой прогноз: операторы, работающие с китайскими туристами, обычно возят туристов по маршруту Москва – Санкт-Петербург – Иркутск, но во время ЧМ могут возникнуть проблемы с размещением, что станет препятствием для туристов.

Кроме того, существует транспортная составляющая, а у нас совсем недавно две авиакомпании закончили свое существование: Трансаэро и ВИМ-авиа. Последняя нанесла серьезный материальный ущерб туроператорам и бюджету: ведь по правилам Международной ассоциации воздушного транспорта, авиакомпания в случае задержек и отмены рейсов должна предоставлять и питание, и

размещение в гостиницах, а если авиакомпании больше нет, кто-то должен брать на себя расходы, и частично – туроператор. Теперь, когда нет двух авиакомпаний, возникает вопрос о том, как туристы будут добираться до нас, ведь им надо на чем-то сюда прилететь.

Есть и имиджевая сторона вопроса: такие форс-мажоры не способствуют привлекательности нашего региона.

Транспортные проблемы связаны только с тем, что закрылись авиакомпании?

Пропускная способность аэропорта, безусловно, тоже влияет: необходимо получить разрешение, провести много подготовительной работы для организации рейсов.

Но инфраструктурные проблемы – это не только транспорт. У нас инфраструктура (имеются в виду гостиницы) развивается не очень быстро. Дополнительные гостиничные номера, конечно же, строятся, но не такими темпами, чтобы мы могли размещать в несколько раз больше гостей.

И цифра в миллион туристов вызывает большие вопросы, потому что инфраструктура просто не сможет принять столько туристов.

Для развития туризма нужна не только материальная база, но квалифицированные гиды.

Наши вузы готовят специалистов со знанием китайского, у них есть договорные отношения и стажировки в Китае, этих специалистов готовят. Важно, что готовят именно гидов, которые знают программу, историю, традиции, культуру, флору и фауну Байкала и умеют работать с людьми.

Останавливаются ли китайские туристы в Иркутске?

Иркутск – это просто транзитная точка на Байкал или самостоятельный туристический центр?

Они, конечно, останавливаются в Иркутске, и для них проводятся экскурсии по городу. Многие оценивают Иркутск как исторический и культурный центр, им нравится гулять по центру, по улицам Карла Маркса, Ленина, бульвару Гагарина, 130 кварталу. Иркутск, безусловно, посещают, но большую часть времени они все-таки проводят на Байкале. Важно создать условия для того, чтобы они останавливались и в городе.

Есть ли конфликт между развитием туризма на Байкале и тем, как на это смотрят экологи? Это ведь и дополнительная инфраструктура, и транспорт.

Безусловно, проблемы есть. Озеро Байкал является всемирным наследием ЮНЕСКО, поэтому очень важно, чтобы соблюдались все требования, обозначенные законодательством, и санитарные нормы. Но хочу отметить, что организованный туризм всегда можно отслеживать и контролировать, во всяком случае, он наносит меньший ущерб, чем неорганизованный. Люди, приезжающие на Байкал «дикарями», не знают, как себя вести, срывают растения-эндемики, передвигаясь на частном транспорте, уничтожают растительный слой, от езды на джипах мы получаем значительный ущерб природе.

Кажется, что неорганизованный туризм с джипами – это, скорее, относится к жителям Иркутска и соседних регионов, нежели иностранцев...

Да, это прежде всего местные жители.

А почему Байкал так популярен среди китайцев?

Последние годы количество туристов увеличивается по ряду причин. Во-первых, в течении нескольких лет российские туроператоры совместно с китайскими коллегами сняли несколько телевизионных проектов о Байкале для государственного китайского телевидения.

Во-вторых, проводились различные российско-китайские форумы. К нам приезжали руководители государственных управлений по туризму, проводились рекламные туры: китайским туроператорам показывали гостиницы и программы, разработанные нашими туроператорами, фото и медиаторы, журналисты и фотографы приезжали и снимали разнообразные пейзажи Иркутска и Байкала.

В-третьих, турпоток стал еще более ощутимым из-за курса рубля по отношению к свободно конвертируемым валютам: поездки в Россию стали дешевле. Парадоксально, но брендовую одежду зачастую дешевле покупать именно в России. И потом: на конкурсе, аналогичном нашему конкурсу «Голос», была исполнена песня про Байкал, ставшая очень популярной.

Эта работа приносит плоды?

Это мультипликативный эффект, который дает свои результаты. И продажи в разных магазинах, и заполняемость гостиниц и ресторанов, и многое другое. Этим пользуются многие. Очевидна положительная динамика и роль развития туризма в нашем регионе. Я хотел бы это подчеркнуть.

Но всегда есть «но». В нашем случае это работа нелегальных предпринимателей, которые занимаются предоставлением услуг и организацией обслуживания. Как правило, это иностранные граждане.

Нелегальные предприниматели подвергают опасности туристов, работают неофициально и непрофессионально. И очень важно, что они постепенно разрушают рынок: люди не получают качественного обслуживания, в результате наносит серьезный имиджевый ущерб нашему региону. И потом, они занимают рабочие места наших профессионально подготовленных людей.

Есть ли способ с этим бороться? Это ведь проблема применения закона.

Это проблема соблюдения законодательства, которое существует на сегодняшний день. Они не имеют права работать без разрешения миграционной службы. Кроме того, это необходимость формирования зеркального законодательства, подобного тому, что существует в Китае. Оно очень разумно и вызывает уважение, оно защищает интересы граждан Китая. За нарушения, за нелегальную предпринимательскую деятельность на территории Китая людей наказывают, привлекают к административной ответственности, штрафуют и сразу же депортируют.

У нас недостаточно жесткие наказания или их нет вообще?

Я выделю два аспекта. Контроль за исполнением российского законодательства и определенные аспекты законодательства не защищают интересы российских граждан, их конституционные права, прежде всего – право на труд. Это серьезный вопрос, и крупные китайские туроператоры тоже против того, чтобы в России закрывали глаза на нелегальный бизнес.

Игорь Коваленко, руководитель Сибирской Байкальской Ассоциации Туризма

Настала пора столь близких русскому сердцу вопросов «кто виноват?» и «что делать?».

Получается, что за образом Другого мы не видим главного – ресурса, на котором строится экономика многих регионов за рубежом. У нас есть уникальный продукт, который мы можем предложить миру, есть желание и возможность развивать отрасль, пополняя региональный бюджет и попутно создавая условия для развития малого бизнеса. Но из Серебряного века мы приходим в басню Крылова – Лебедь, Рак и Щука не всегда могут скоординировать свои действия, и страдают от этого все, в том числе туристы.

в Инфографика: Туристическая ассоциация «Мир без границ»

> Ночной Шэньчжэнь

Китай изнутри: Фрагменты дневника /

текст
Марк Меерович /
text
Mark Meerovich

Справка
Шэньчжэнь – город в провинции Гуандун на юге Китая. Граничит с Гонконгом.
Старт бурному развитию Шэньчжэня был дан в 1979 году, когда руководитель КНР Дэн Сяопин предложил его в качестве месторасположения первой в Китае особой экономической зоны в рамках нового курса рыночных реформ. Шэньчжэнь тогда рассматривался властями КНР как «китайский ответ Гонконгу», вопрос о передаче которого из-под власти британской короны тогда еще не был решен окончательно. В марте 1980 г. центральные власти официально одобрили создание Шэньчжэньской экономической зоны, и с этого момента город стремительно развивается. По данным ООН, сегодня Шэньчжэнь входит в первую пятерку городов мира по темпам прироста населения. Благодаря масштабным иностранным и государственным инвестициям за довольно короткий период времени город превратился в крупный промышленный, финансовый и транспортный центр экономического региона дельты Жемчужной реки и всей страны в целом. Является одним из наиболее динамично развивающихся городов Китая, четвертым из числа наиболее конкурентоспособных городов страны, крупнейшим среди китайских городов по объему экспорта и служит своеобразными воротами для привлечения инвестиций, новых технологий и культуры ведения бизнеса. В октябре 1999 г. в Шэньчжэне состоялась первая Китайская ярмарка высоких технологий, ставшая с тех пор ежегодной. В 2008 году Шэньчжэнь был определен ЮНЕСКО как «Творческий город дизайна»; в 2011 г. принял XXVI Всемирную летнюю Универсиаду, благодаря которой существенно обновил и расширил свою инфраструктуру. Шэньчжэнь знаменит своей современной архитектурой, тематическими парками, отраслевыми выставками. Кроме того, он – один из крупнейших центров электронной и электротехнической промышленности (например, большая часть iPhone и iPad производится именно здесь).

28.02.2012

Я снова, с перерывом почти в 10 лет, прилетел в пекинский аэропорт. Аэровокзал меня потряс. Я, вообще-то, весьма скептически относился к творчеству лорда Нормана Фостера, работы которого видел на фотографиях в журналах. И судил о его проектах по тем наивно-семантическим объяснениям их образных решений, которые в этих журналах были приведены. Но мне пришлось почти мгновенно изменить свое мнение, оказавшись внутри его реализованного проекта. Аэропорт великолепный...

Мой первый день в Шэньчжэне прошел под влиянием теоретических воззрений Константина Львовича Лидина, который, описывая типы современной культуры взаимоотношения людей на производстве, выделяет так назы-

Представлены обобщения автора о трендах развития современного Китая: урбанистических процессах, формировании особых экономических зон, характере трудозанятости населения, качестве городской среды. Проводятся исторические параллели между событиями советского периода в СССР и перестройки Китая 1980-х гг. Описываются особенности организации деятельности проектной организации и специфика проектной культуры, а также некоторые особенности быта, межличностных отношений и менталитета.

Ключевые слова: Китай, урбанизация, особая экономическая зона, менталитет, проектная культура /

The author reviews the development trends of the present-day China: urban processes; formation of special economic zones; employment of population; quality of urban environment. He draws historical parallels between the events of the Soviet period in the USSR and the reforms in China in the 1980s. The author points out specific features of organization of work in a design institution and peculiarities of design culture and describes the everyday life, interpersonal relations and the mentality.

Keywords: China; urbanization; special economic zone; mentality; design culture

ваемую «мафиозную» культуру. Она схожа с известной культурой Коза Ностра, основанной на семейно-клановой организации преступной группировки. Во главе ее стоит узкий круг членов «семьи», связанных кровнородственными узами, а основную массу рядовых членов составляют люди, которые постоянно борются за повышение своего статуса и положения в рамках той социальной прослойки, в которой они находятся и границы которой им не дано преодолеть, не породнившись с кем-то из членов «семьи».

Устройство китайской компании «Grandland», где мне предстояло работать начальником Департамента Международного проектирования, сильно напомнило мне этот тип культуры. Во главе этой частной компании – «семья» (бизнес передается по наследству). От этого центра управления «вниз» иерархически размещенными слоями-стратами располагаются все большие по численности группы людей, постоянно ведущие борьбу за улучшение положения в рамках своего слоя-страта. Они непрерывно пробуют друг друга «на прочность» – не ослабел ли, не утратил ли бдительности, не расслабился ли... Быть в рамках слоя, который наиболее приближен к верхнему уровню, значительно престижнее и материально выгоднее, чем находиться в середине или внизу. «Попробование» происходит постоянно, расслабляться нельзя никому – сомнут и скинут.

Точно так же «попробовали» и меня. Сразу. Меня встретили в аэропорту менеджер компании Кики и специально приставленный ко мне с момента моего приезда помощник-ассистент – переводчик Феликс.

Привезли в компанию, накормили обедом в офисной столовой и отвели в апартаменты, которые располагались в соседнем жилом здании, также принадлежащем компании. Компания сдает эти квартиры в аренду своим же сотрудникам и извлекает постоянную прибыль; точь-в-точь как российские фабриканты-капиталисты дореволюционного периода, которые строили рабочее жилище, сдавали его в аренду своим рабочим, удерживали с них квартплату и, тем самым, гарантированно возвращали свои вложения.

Близкое расположение жилища от офиса показалось мне весьма удачным: на работу можно ходить в тапочках.

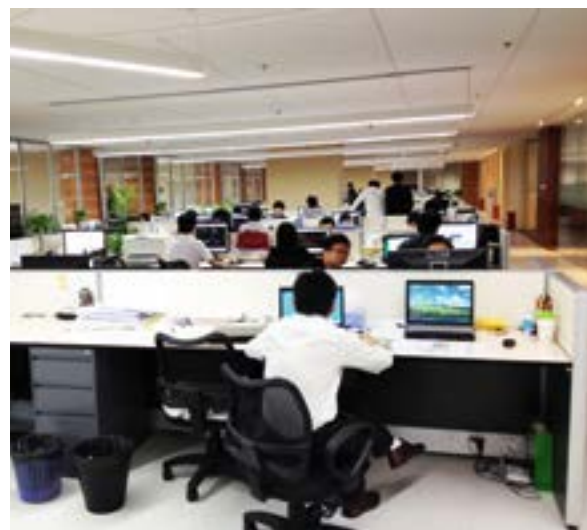

^ v Пекинский аэропорт

Inside China: fragments of the diary

> Место за рабочим столом – второй дом. Здесь спят в обеденный перерыв, заказывают покупки в интернет-магазинах, заводят знакомства (также по Интернету), смотрят фильмы, переписываются с подружками и ... проектируют, проектируют, проектируют ...

И здесь началось «попробывание».

Квартира оказалась значительно меньше оговоренной в контракте – около 50 кв. м, а не 70 кв. м., как по договору. Кроме того, в квартире не было ни постельного белья, ни посуды, ни туалетной бумаги, ни утюга... – ничего из хозяйственно-бытовой утвари, несмотря на то, что согласно условиям контракта, составленного мною на основе опыта и с учетом рекомендаций моего друга Класа Ферстля из Дрездена, к этому времени уже больше пяти лет жившего и работавшего в Шэньчжэне, «квартира» должна была быть обеспеченной «всем необходимым для жизни». При этом еще и унитаз не работал, кондиционеры не функционировали, душ, не имея крепления для рожка, висел на шланге, а одно окно не закрывалось плотно...

В ответ на мои претензии о несоответствии предоставленного жилища условиям контракта сопровождавшие меня лица пообещали все это достать, починить и наладить в ближайшие дни... И быстренько смылись, оставив меня в задумчивости.

Некоторое время побыв в этом состоянии, я позвонил переводчику и через него передал вице-президенту компании мисс Дэн мое предложение: в ближайшие дни найти мне квартиру, отвечающую условиям трудового договора и соответствующую моему высокому положению руководителя Департамента. А пока они ищут новую квартиру, поселить меня на несколько дней в отель.

Пишу эти заметки в номере, который с извинениями был снят для меня в течение часа в ближайшем к зданию нашей фирмы отеле. Извиняться – непереносимое сопровождение любой попытки «попробывания». Причем извиняться нужно так, чтобы снять с себя всякую тень подозрения в причастности к этой акции: например, строго изругав «исполнителей», якобы виновных в произошедшем.

Итак, «проба» не удалась: клиент «на прогиб» не поддался. Что ждет меня дальше?

Ложусь спать за полночь, а утром в 8.15 уже нужно быть на работе. Акклиматизироваться не успел, передвинув вылет на два дня из-за совещания у губернатора Иркутской области. Пропустить его не мог – опять обсуждался 130 квартал и опять пришлось отстаивать смысл

всей работы, который нарушается из-за постоянных попыток собственников вносить самовольные изменения в свое здание и свой участок, извлекая свою мелкую выгоду. Удивительно, как можно совершенно не понимать, что в данном проекте целое важнее частного, так как именно оно создает кумулятивный эффект привлечения посетителей – основу любого городского бизнеса. Стремясь выдать как можно больше полезной площади из своего объекта, задирая вверх кровли, чтобы построить исторически не существовавшие мансардные этажи и прирубая к домам отсутствовавшие пристрои, собственники не понимают, что тем самым портят и ухудшают целое...

И опять для того, чтобы исправить ситуацию, потребовалось личное вмешательство Дмитрия Федоровича Мезенцева, который поддержал нас – авторов проекта. Но надолго ли удалось остановить произвол застройщиков?!?...

Справка

Мезенцев Дмитрий Федорович (род. 18 августа 1959 г., г. Ленинград) – российский государственный деятель и дипломат. Член Совета Федерации и представитель от администрации Иркутской области (2002–2009). Губернатор Иркутской области с 8 июля 2009 г. по 18 мая 2012 г. Генеральный секретарь Шанхайской организации сотрудничества с 1 января 2013 г. по 31 декабря 2015 г. С 1 января 2016 года – член Совета Федерации от Сахалинской области. Чрезвычайный и Полномочный Посол.

Засыпая в широченной кровати шикарного отеля, мысленно посылая Константину Львовичу слова благодарности за мудрые теоретические обобщения, так пригодившиеся мне для понимания внезапно возникшей ситуации в столь далеком от мафиозной Италии и не по сезону прохладном Китае (всего +10 в конце февраля – это редкий случай, обычно +20 с небольшим). Наверное, Константину Львовичу в этот момент сладко икалось: его вспоминали добрыми словами...

01.03.2012

Первый день на работе. Мне выделили кабинет, у которого лицевая стенка полностью стеклянная; полагаю, чтобы все видели, как я нагло подремываю на рабочем месте. Кабинет расположен по правую руку от кабинета моего шефа (Президента нашей проектной фирмы, включающей несколько проектных институтов). От этого факта меня распирает гордость.

Некоторое время дискутировали с вице-президентом о моих апартаментах. Предложено два варианта: квартира

< Огороды на крышах многоэтажных домов. Вырастает и съедается одна разновидность зелени, на ее место в горшочки высаживается другая – по сезону

рядом с местом работы (та, что я смотрел в первый раз, но, как пообещали, отремонтированная к сегодняшнему вечеру) или другая, в 10-15 минутах ходьбы от офиса. После обеда пойдем смотреть ее.

На время послеобеденного перерыва я не пошел отдохнуть в отель, а вернулся в свой кабинет поучить английский и пописать письма. Этим моим порывом все руководство фирмы страшно обеспокоилось и заставило моего ассистента-переводчика тут же написать и вручить мне письменную инструкцию, что после обеда в течение 2-х часов в марте и мае и 1,5 часов в апреле мне необходимо в обязательном порядке отдыхать. Использовать время обеденного перерыва для работы нельзя. Только для отдыха. Работать в офисе с 12.00, а в апреле с 12.30 (начало обеда) до 14.00 (его окончание) запрещается. То ли это связано с возможными опасениями по поводу потенциальных претензий с моей стороны об оплате дополнительного рабочего времени, то ли с нарушением китайского трудового законодательства, то ли с экономией энергии (во всем офисе на время обеда гасится свет, и только я по незнанию гордо восседал в своем ярко освещенном кабинете).

Замечу, что подобные жесткие требования касаются всех сотрудников компании – и проектировщиков, и административного персонала. Но если административный персонал имеет два «железных» выходных – субботу и воскресенье, то рядовые проектировщики не только работают в обычные дни с 9.00 до 23.00, но еще и трудятся по выходным. Добровольно. Причина в том, что зарплату они получают сдельно-премиально, т. е. в процентном отношении от стоимости выполненного проекта и с премиальными за срочность. Иными словами, чем быстрее сделают, тем больше получат.

Ребята – дизайнеры-проектировщики, все отчаянно молодые, 21–23 года; главным образом это выпускники колледжей или университетов. В колледже есть два типа образования: а) 4-летнее и б) 3-летнее. После 4-х лет учебы студент получает степень бакалавра. Те, кто учился 3 года, получают лишь свидетельство об окончании; степень бакалавра им не присваивают. Но это не мешает их трудоустройству. Приблизительно 30% проектировщиков Института – бакалавры с 4-летним образованием, осталь-

ные 70% – бывшие студенты-«трехлетки». Есть несколько проектировщиков, которые вообще не учились в колледже. И только несколько человек обладают степенью магистра. На их фоне я, доктор наук, – это запредельный уровень профессиональной компетенции...

Собственной семьи у подавляющего большинства этой молодежи еще нет. Родители и близкие родственники живут в других городах или в деревнях. Квартиры (точнее, комнаты по 12–16 кв. м) с минимальным набором мебели (кровать, кухонная газовая горелка, шкаф, стул), которые они арендуют часто пополам с коллегой (так дешевле) и максимально близко к работе (чтобы не тратиться на городской транспорт), не слишком манят по вечерам. А кроме того, часто в подобном жилье нет Интернета. Короче, делать «дома» им нечего. Для них дом – это их рабочее место в офисе.

После работы им некуда спешить, а на службе у них есть вход в мировую сеть: в обеденный перерыв в огромных темных помещениях (помещения рядовых проектировщиков расположены в глубине огромных этажей и вообще лишены естественного света,) ровными рядами светятся включенные экраны компьютеров, на которых вместо чертежей сияют страницы Интернета: ребята смотрят новости и фильмы, переписываются в чатах, прицениваются и покупают товары почтой, заводят романы... А потом работают, работают, работают... до упора, зарабатывая, зарабатывая, зарабатывая деньги. Собственное жилье для них недоступно: стоимость мало-мальски приличной квартиры в Шэньчжэне – 4–4,5 млн. руб. (в переводе на рубли), а офисный работник зарабатывает в месяц примерно 20 тыс. руб.

Эта картина – практически точное воплощение большевистской идеи: лишение человека возможности иметь собственное жилище («мелкобуржуазную частную собственность на недвижимость»). Такая практика делает его в максимальной степени зависимым от места труда. И позволяет «через это место» очень эффективно управлять им как в масштабе трудового коллектива, так и в масштабе страны в целом. Здесь я созерцаю практическое воплощение доктрины «соцгорода», в которой место работы (фабрика, завод, учреждение, проектная контора) призвано было, по замыслу власти, стать для советско-

> Огороды, которые разбивают мигрировавшие в город вчерашние крестьяне на территории, прилегающей к многоэтажным домам (между проездом и пустырем, зарезервированным под последующее строительство)

го человека всем: а) единственным местом получения средств существования; б) местом знакомства и межличностного общения; в) местом обретения культурных и бытовых благ; г) местом организации досуга (совместное с коллегами празднование дней рождения, банкетов, «красных» дней календаря, проведение молодежных вечеров, свадеб) и т. п.

Все это здесь, в Китае, воплощено в реальности! Рабочее место служит единственным источником получения привилегий; местом формирования отношений и местом проявления себя в борьбе за лидерство, за упрочение положения в коллективе, за продвижение по службе (чем дольше и лучше человек работает в одной и той же организации, тем большую зарплату получает и тем выше постепенно продвигается по служебной лестнице). То, что у большевиков получилось не слишком хорошо, здесь оказалось реализовано на 120%. При этом, как и в СССР, органом, организующим, направляющим и контролирующим членов трудового коллектива, является администрация предприятия и учреждения. Понятное дело, под строгим контролем и руководством партии (сотрудники здесь 1–2 раза в две-три недели поголовно ходят на какие-то партийно-производственные собрания, «идеологические учебы», разъяснения международной политики Китая и его внутреннего положения).

Сходство с СССР проступает еще и в стратегии индустриализации, успешно реализованной в Китае за последние 15–20 лет. Это точно такая же стратегия искусственно осуществленной «ускоренной урбанизации», которая была проведена в СССР, начиная с 1929 г. в течение первых пятилеток. С той лишь «крохотной» разницей, что в СССР она была искусственно-принудительной, а в Китае искусственно-инициированной. Как и в СССР, движущим фактором индустриального развития КНР была «пролетаризация» – ежегодный переток десятков миллионов крестьян в города, их адаптация к принципиально иному образу жизни, включение в трудовые коллективы, активизация производственно-пролетарской деятельности за счет конкуренции низкооплачиваемой рабочей силы.

Кстати, сегодня на крышах современных 9–16–32-этажных домов эти вчерашние крестьяне вы-

ращивают себе свежую зелень (точно так же, как мы это делаем на дачах): поливают, окучивают, снимают урожай. В своеобразных «огородиках», составленных из горшочков, произрастает съедобная растительность. К столу хватает, а сняв урожай, высаживают новые виды (по сезону); здесь, на юге практически все растет круглый год.

Там, где есть возможность разбить крохотные огородики прямо на земле, вчерашние крестьяне устраивают их на территории между многоэтажными домами.

В середине 1980-х – начале 1990-х гг. китайские власти инициировали глобальные миграционные процессы внутри страны, создавая наиболее благоприятные условия для государственной и частнокапиталистической эксплуатации трудовых ресурсов. Для стимулирования этих процессов и повышения квалификационного уровня вчерашних крестьян они, с одной стороны, ограничивали, а порой и уменьшали налоговую нагрузку на инвесторов, с другой – увеличивали вложения в среднетехническое образование. В последние 10 лет стратегия власти изменилась: увеличились вложения в жилищную, инженерную, транспортную, досугово-рекреационную инфраструктуру; качество городской среды и уровень жизни в городах резко выросли; ростом налогов на экологически вредные предприятия собственников инициируют технологическое перевооружение производств. Налоговыми льготами и созданием особых экономических зон стимулируют приход «непроизводственных» отраслей деятельности: банковского бизнеса, науки, культуры, структур высшего и специального образования на конкретные, стратегически выгодные государству территории, в очаги интеллектуального развития. По официальным данным, сейчас в городах Китая живет 50% населения (в начале реформ было всего лишь 18%). Еще более 200 млн. китайцев с сельской пропиской фактически работают и обитают в городах нелегально. Таким образом, реальная численность городского населения страны близка к 70–75% – показатель урбанистически развитых стран. Развитые регионы испытывают значительный дефицит работников, что, кстати, подталкивает предпринимателей к техническому перевооружению предприятий, механизации производства, переводу ручных процессов в автоматизированные с целью сокращения потребности в

< На первом плане – частично снесенные дома 2–3-х этажной застройки 15–20 летней давности; на втором плане – 5–9 этажная застройка 10-летней давности, также предназначенная под снос (отдельные 9-этажные дома уже частично расселены и подготовлены к уничтожению). На их месте, на всей территории квартала, будет возведен единый жилой комплекс «нового поколения» – 46–48-этажные здания с общественным трехэтажным блоком, подземными парковками, общественными садами внутри и полноценной обслуживающей и досуговой инфраструктурой

> На дальнем плане – возведенная 5–7 лет назад жилая застройка сегодня уже относится к «старому поколению жилья» высотой 30–36 этажей. Это, как правило, комплексы, состоящие из нескольких высоток, объединенных общей охраняемой и изолированной территорией (вход в нее по персональным электронным ключам). Прилегающая к комплексу территория, как правило, насыщена собственной системой культурно-бытового обслуживания (спортивные площадки, открытый бассейн, озелененные площадки, детские игровые зоны, детский сад и проч.), потрясающе качественно и рукодельно благоустроена и заботливо ухожена. 9–16-этажная застройка, которая стоит «под ногами» у 36-этажной, ожидает сноса, чтобы освободить землю для 48-этажных комплексов «нового поколения»

рабочей силе. Да и сами китайские трудящиеся становятся все более требовательными к условиям труда и все более эффективно начинают защищать свои права. Все больше людей получают высшее образование, все большее их количество учится за рубежом. Все больше китайцев изучает английский язык и читает в оригинале соответствующую специальную литературу.

Безусловно, в стране наблюдается глубокий кризис марксистско-коммунистической идеологии. Интеллигенция подхихкивает над каждодневной телевизионной пропагандой: «Опять показывают радостных трудящихся, горячо одобряющих политику партии и правительства...», в то время, как у них за спиной постоянно что-то взрывается и рушится». Но, как бы ни трещала идеология, Китай за последние 10 лет перестал быть страной дешевого труда. Его место в мировой экономике определяют сегодня успехи в машиностроении и электронной промышленности, высокоточной технике и освоении космоса. Новая экономика требует новых людей. Любопытно, что правительство постоянно принимает меры, искусственно повышающие спрос на специалистов с высшим образованием: выпускников колледжей постепенно теснят выпускники университетов, занимая их рабочие места. В Китае уже фактически сформировалось новое – современное общество, и, как следствие, специалисты-политологи прогнозируют масштабную модернизацию политической системы, направленную на приближение ее к реалиям нового китайского социума.

Придет ли, как прогнозируют, на съезде партии осенью 2012 г., к власти Си Цзиньпин, сменив на посту главы КПК Ху Цзиньтао, или нет, но в любом случае новому поколению китайского руководства с неизбежностью придется осуществить масштабную реорганизацию системы управления страной. Вопрос лишь в том, пойдут эти изменения стремительно и разом (как в СССР с началом индустриализации) или пошажно и постепенно. Но тот факт, что изменения назрели, очевиден. Эффективность экономических процессов требует перестройки структуры управления; по утверждениям специалистов, исключительно из-за неэффективного управления экономикой Китай теряет ежегодно до 60–100% ВВП (т. е. не будь этих потерь, показатель ВВП был бы в два раза выше).

Конкретная стратегия обновления системы руководства и является предметом борьбы между «консервативно» и «прогрессистски» настроенными фракциями в КПК. Но и тем, и другим понятно, что произвол чиновников необходимо ограничивать. Комментаторы часто указывают на пример демократической Индии, которая в конце 1940-х гг. опережала Китай по своему развитию, но к настоящему времени безнадежно отстала по всем направлениям и прежде всего из-за бесперспективности избранной системы управления и засилия чиновников. Но однозначного ответа на вопрос о том, какой должна быть структура и содержание управления в Китае, пока нет. Политологи сходятся лишь в том, что в китайских условиях демократия западного образца неприменима. Китайские специалисты твердо убеждены, что Китай не пойдет по пути европейско-американской демократии.

В последние годы Китай целенаправленно и вполне успешно преодолевает ту же самую проблему, которую стремились разрешить большевики в 1920–1930-е гг. и которая до сих пор, даже в последние, довольно «жирные» годы, оказалась для России непреодолимой: проблему транспортной связанности. В Китае стремительно, огромными темпами строят скоростные межгородские автомагистрали (а в городах – линии подземки), развивают дорожную инфраструктуру в самих городах, что обеспечивает связность их частей, размещенных на значительной территории и разделенных крупными зелеными рекреационными массивами. Стремительно развивается малая авиация (самолеты для перевозки 30–120 пассажиров). Спрос на пассажирские перевозки в Китае растет в среднем на 7,5% в год, это самый высокий показатель в мире. Все это качественно меняет экономические, технологические, культурные и проч. связи внутри страны.

Несмотря на крах идеологии, безусловную застарелость партийно-административной системы, централизованность и, как следствие, зарегулированность процессов обновления и развития, Китай сегодня делает поразительный рывок в будущее. Свидетельство тому – невероятные темпы развития. Я был в Китае десять лет назад. Невозможно сравнить «ту» и «эту» страну. Изменения в городской среде и образе жизни, на которые у других стран уходят десятилетия, здесь пролетели

> Вход в офис компании

v Новый аэропорт в Шэньчжэне

мгновенно. Своеобразный пример стремительности темпа жизни – сегодняшний осмотр квартиры, предназначенной мне для годичного проживания. Дошли за 10 минут до прекрасного жилого комплекса и осмотрели весьма славную квартиру. Она мне вполне подходила, но я, как «серьезный, основательный клиент», решил посмотреть и другие варианты. Мы посмотрели четыре квартиры в этом комплексе и еще одну в другом, расположенном рядом. И все они оказались похуже. В конце концов я принял решение вселиться в первую квартиру. Но... не тут-то было: она оказалась уже сдана. Прошло двадцать минут(!), пока мы смотрели другие апартаменты. За это время квартиру успели сдать в аренду. Вот такими темпами живет современный Шэньчжэнь. Все меняется прямо на глазах... Сносят целые кварталы застройки, возведенной 15–20 назад, и на ее месте растет новая архитектура. И это повсеместно.

02.03.2012

Ничто так эффективно и глубоко не способствует пониманию души сидящего рядом с тобой человека, как алкоголь. Особенно, если он льется рекой...

Но обо всем по порядку.

На сегодня назначена встреча-знакомство меня с лидерами подразделений компании. Для нее я накануне почти до утра готовил презентацию «Power-Point» и писал свою краткую творческую биографию, а потом всю первую половину дня мой англо-китайско-говорящий ассистент-переводчик превращал ее в читаемый по-китайски текст. Правда, в конце концов, презентацию так и не продемонстрировали по каким-то соображениям. А выдержки из биографии зачитал шеф собственноручно.

Встреча проходила в форме административного совещания, которое длилось больше двух часов. За длинным столом в специальном зале для совещаний собралось около 30–40 человек, почти все они восторженно высказались по поводу решения высшего руководства включить меня в число счастливых сотрудников компании. Говорили с оживлением и даже, как я понял, с шутками (в некоторые моменты все смеялись), но в то же время серьезно и ответственно. Что конкретно они говорили, я постараюсь выяснить в понедельник, когда мой ассистент-переводчик подготовит мне стенограмму совещания на английском языке.

Замечу, что китайская традиционная баня времен каких-то далеких династий была устроена иерархически и экономно: на верхнем этаже мылись вельможи, этажом ниже – люди среднего сословия, а совсем внизу – простолюдины. Посетители первого и второго этажей пользовались мыльной водой, стекавшей вниз, с этажа на этаж. Это «устройство» в практически осязаемых формах выражало иерархию китайского общества, которая материализовалась во всем. С того времени значение иерархии в китайском обществе не ослабло. Все продумано, отрегулировано, иерархически маркировано, пространственно закреплено, материально обозначено и незыблемо. В соответствии с подобной иерархией на совещании все сидели строго согласно тому положению, которое каждый из них занимал в структуре компании. Во главе стола сидел, конечно же, босс – мистер Сяо – президент проектной фирмы, входящей в состав компании (в этот институт я вошел на правах руководящего кадра), объединяющей несколько проектных институтов. По правую от него руку сидел вице-президент компании, дама – мисс Дэн. А я (внимание!) был усажен по его левую руку. Чтобы всем было понятно, какое большое значение придает руководство компании моему присутствию в ней. Меня прям-таки расперло от оказанной чести.

Содержание совещания было довольно интересным. Особенно в сопоставлении с положением дел в российском проектировании. Вот выдержки из краткой стенограммы (перевод с китайского на английский, а затем на русский):

СТЕНОГРАММА СОВЕЩАНИЯ

«...Mr. Xiao (Сяо) сказал, что много клиентов в Китае предпочитают иностранный стиль и привлекают для работы проектировщиков из Гонконга, а проектировщики с материкового Китая вынуждены выполнять лишь детализацию проектов (рабочие чертежи, проектирование инженерного оборудования, декорирование интерьеров и проч.). Это – очень нежелательное вторжение культуры иностранных проектировщиков в Китай. Мы должны делать с этим кое-что.

1) Mr. Ai (Ай) говорил, что он ездил на о. Хайнань, чтобы договориться о детальном проекте гостиницы.

Проектировщики из Гонконга взяли около 2,6 миллионов юаней за 10 эффективных эскизов-рисунков. Мистер Ай запросил у заказчика около 1,8 миллионов юаней за детальный проект, но они сказали, что это слишком много. Увы, проектировщики с материка поставлены в положение «вспомогательной» рабочей силы, не более того. Как мы можем изменить это неловкое положение?

Все наши группы должны объединяться вместе и помочь друг другу. Так как профессор Марка (это я – М.М.) прибыла, мы теперь имеем преимущество, потому что клиенты убеждены, что иностранцы делают лучшие проекты, а у нас теперь есть собственный крупный иностранный специалист.

Он также предложил, чтобы у нас было больше встреч, чтобы мы вместе больше выпивали – это сблизит (народ опять смеялся и ликовал – М.М.).

2) Mr. Sun (Свен) говорил, что он очень счастлив, что Марка присоединилась нам. Теперь мы лучше квалифицированы в переговорах и в принятии заказов на проекты. Он одобрил формирование фонда Академического Комитета.

3) Mr. Xiong Jian (Синг Тен) согласился с госп. Ай, что наша компания должна сформировать к китайским проектировщикам атмосферу доверия.

4) Mr. Zhangfeng (Джан) приветствовал прибытие профессора Марки. Он сказал, что он лично позаботится о Марке (интересно, что он имел в виду – М.М.). Он, фактически, только что возвратился из недельной командировки по 6 городам, где проводил переговоры относительно 4-х проектов. Один проект находится в Пекине. Наш институт выиграл предложение как лучший разработчик планировки. Но, когда г-н Xiao (Сяо) и г-н Zhang (Джан) приехали в Пекин в прошлом году, внезапно оказалось, что в работу влез немецкий проектировщик, который проанализировал наш проект и выделил в нем много идей, включая как хорошие, так и плохие. Это вызвало подозрение нашего клиента о нашей способности разработать высококачественный проект. В тот раз мы вернулись ни с чем, так и не заключив контракта с клиентом. Угроза со стороны внешних конкурентов очень сильная. Наше отношение – это «оборона достоинства».

Mr. Xiao (Сяо) также предложил, чтобы официальный веб-сайт компании украшал и продвигал наших проектировщиков более активно и обновлял информацию более часто.

5) Mr. Xiao (Сяо) добавил, что он посетил новую 100-этажную гостиницу Ruiqi. Это проект НВИ (Гонконг). 85% – использование новых материалов. Нужно анализировать их опыт. Это очень интересно и перспективно. В каждом номере отеля – пульт управления. Это здание уже возведено строительной компанией-лидером в Kumaе (Yuanda).

6) Mr. Li (Ли) говорил, что он был благодарен за то, что профессор Марка присоединилась к нам. Надежда, что участие иностранного консультанта в проектах поможет наладить контакт с некоторыми клиентами.

7) Miss Deng (Дэн) критиковала одно негативное явление – две из наших проектных групп представили одному и тому же клиенту различные цены за один проект. Miss Deng подчеркнула, что подобное никогда не должно случаться снова. Правило: кто бы ни боролся за заказ, мы находимся под одним институтом, мы одна команда, а не партизаны...

Крайне любопытный анализ ситуации. Очень похоже на скорбные будни отчизны нашей. То же чинопочитание и раболепство перед заграничными «мастерами». И то же презрительное отношение к отечественным архитекторам, с которыми поддерживают контакт «по остаточному» принципу. А часто используют лишь для «галочки», чтобы на руках у инвестора появилась утвержденная и согласованная документация, которую потом он (инвестор) поменяет в ходе реализации проектов, как ему заблагорассудится, и подчас до неузнаваемости. Вице-президент СА РФ Елена Ивановна Григорьева, в таких случаях устало констатирует: «Скрипач опять не нужен...».

После совещания избранная часть участников (20 человек, сидевших ближе к боссу) отправилась в ресторан отметить факт моего приема на службу. Разместились за двумя круглыми столами в полном соответствии с иерархией: по правую руку – вице-президент, по левую – я; все точно так же, как за столом совещания. И принялись есть и пить. Каждый подошел ко мне с бокалом, наполовину или на треть наполненным вином и сказал, как он рад нашей будущей кооперации. Прибавьте к 20 полубокалам вина еще примерно столько же горячительной жидкости, выпитой мною по поводу иных тостов – и вы поймете мое состояние.

Вообще-то в Китае принято пить помалу. Пьянство рассматривается как социальный порок. Хотя напоить гостя – это благородное дело (но ни в коем случае не до бессознательного состояния). Если пьют красное вино, то наливают чуть-чуть – 35–50 граммов. Если пьют спирт или другие крепкие напитки (а крепость некоторых достигает 52 градусов), то наливают совсем крохотные дозы – 20–25 граммов. Но когда к вам подходят 20–30 человек с персональными тостами, чтобы выразить личное уважение и восхищение вашими добродетелями, то суммарный объем выпитого достигает почти литра.

Я продержался до конца выпивки, в отличие от других участников торжества, не все из которых «прошли общий путь духовного единения» и завалились поспать тут же на диванах. Все-таки спасибо отчизне родной: долгие тренировки в глубинах Сибири не прошли даром, и организм, привыкший перерабатывать до одной поллитровки водки за вечер, не подвел.

Было необычайно вкусно: желудки каких-то осетровых в умопомрачительном соусе, прожюнувшиеся нежные ростки неведомо чего, мясо, обработанное самыми извращенными способами и превратившееся во вкусовое чудо, экзотические фрукты и какие-то булочки со сладким

яйцом внутри, полурастворившимся во время выпечки...

Были обнимания и братания. Мне объяснили, что все они – одна семья, и я теперь их брат. Я на чисто русском языке поклялся братьям вложить все свои силы, опыт и знания в дело процветания...

В апогей пьянки, примерно часа в 2 ночи, когда в России напившиеся мужики либо заказывают девочек, либо едут к ним, все действительно собрались и поехали, но... не к девочкам, а петь песни. В специальный гигантский караоке-центр. Сели всей оставшейся в живых компанией в отдельную комнату (таких комнаток в этом центре напичкано около сотни) и, вновь заказав питье и еду (попроще), стали с микрофоном в руках петь песни. В числе которых трогательно прозвучали традиционно популярные в Китае «Катюша», «Волга матушка-река» и еще что-то, до боли знакомое, но что конкретно, уже не помню. И, как апофеоз караоке-шоу, прозвучал «Интернационал»(!). Во время его исполнения все немного протрезвели, притихли и пережили величие момента. Все песни сопровождалось красочно снятыми видеоклипами, на которых передо мной проходила история великой китайской революции и торжество любви и патриотизма над силами зла, мрака и очень давней, но все еще свежей в памяти корейской агрессии.

Кое-кто из вновь обретенных братьев-коллег уже сладко спал прямо здесь же, на диванах «караоке-рум», заботливо прикрытый пиджаками тех, кто еще мог двигаться и вопить. Когда песенный экстаз закончился, их разбудили, отнесли в такси и отправили домой.

Песнопения и пьянка продолжались еще часа полтора, после чего меня отвезли на такси в отель. Я еще мог ходить и дополз до кровати самостоятельно...

Кстати, у всех (кроме самого главного в фирме мастера по компьютерам, которого я по пьяни поклялся научить русскому языку) были очень приличные голоса. Я получил удовольствие от китайских мелодий и вполне достойного исполнения песен.

Комментарий К. Л. Лидина

Спасибо Вам огромное за содержательные письма из жизни «новых китайских». Это очень важно и интересно. Похоже, что китайцам удалось соорудить некий гибрид мафии и иерархии. А ведь это – противоположные типы культуры.

Некоторые моменты из Ваших описаний сильно напомнили мне времена, когда я только пришел в Политех, в совершенно мафиозную лабораторию Леонова. Я тоже быстро оказался фаворитом среди аспирантов. Сергей Борисович мне сильно благоволил – в том числе и благодаря способности много пить, не теряя самоконтроля (спасибо студенческой тренировке).

Сейчас, спустя тридцать лет, я вижу некоторые свои ошибки. Например, я как-то не очень торопился использовать это благоволение сверху, долго писал кандидатскую, а про докторскую и не думал. Причем единственное, чего мне не хватило – это амбиций и нахальства. Надо было переть вперед, не заморачиваясь этими интеллигентскими сомнениями. Был бы доктором к тридцати годам, закрепился бы в ближнем окружении семьи. А так – благоволение кончилось, начальство нашло себе других фаворитов, и я остался в дураках...

03.03.2012

Питание в служебной столовой не слишком изобильное, но вполне сытное. Процедура такова: подходишь к стойке, на которой лежат металлические палочки и ложки, берешь их и поднос; прикасаешься «рабочей заборной электронной карточкой» к устройству, фиксирующему тебя для последующего суммирования стоимости питания и вычитания его из твоего заработка (можно и не ходить, но в рабочей столовой и дешевле, чем в иных местах, и сытнее, и так же вкусно, как в приличном ресторане), идешь вдоль недлинного прилавка, как в американской тюрьме, и тебе двое кухонных служащих накладывают порционно все, что сегодня положено. Все выдается в объеме крупной пригоршни, но вполне хватает – встаешь из-за стола вполне сытым. Далее подходишь

к противню с рисом и можешь брать его сколько угодно (это самый дешевый и самый «кормовой» продукт, сродни бесплатному хлебу в некоторых советских столовых). Рис и берут огромнейшими порциями (куда только в них вмещается). Все, кто питается в столовой, – а это, как правило, низовой и среднего уровня персонал, как на подбор, худые и стройные. Далее можно положить себе сколько угодно жутко жгучей смеси перцев, вымоченных в подсолнечном масле; далее отрываешь от рулона любой длины бумажную салфетку и выбираешь свободное место; потом, поставив свой поднос и так зафиксировав за собой место, идешь к огромному сосуду с горячим супом и наливаешь сам себе порционную миску. По понедельникам дают какой-нибудь фрукт в количестве одной штуки.

Сегодня кормили: рагу из ребрышек с картошкой; соевое рагу с овощами; пригоршня зеленого салата из непонятно чего, но вкусно; каждодневный рис до отвала и суп куриный. Был понедельник, и выдали грушо-яблоко (их можно было взять аж две штуки).

Столы рассчитаны на двух или четырех человек. Очень опрятно и уютно. И все, все, практически без исключения, почему-то громко чавкают... Все... Может быть, так вкуснее? Нужно попробовать...

А если серьезно, то где-то в глубинах Интернета я раскопал некое культурологическое разъяснение этому чавканью. Похожее на правду. В Китае традиционно принято выражать удовольствие от кушаемых блюд не столько благодарственными словами, сколько именно звуками. Форма этого выражения – оханье, кряхтения, причмокивания, удовлетворенное утробное урчание. Громкое чавканье, в соответствии с этим, есть не проявление бескультурья, а именно выражение воспитанности и вежливости. Оно сродни тем оханьям и аханьям, которым мы обычно сопровождаем слова благодарности хозяйке за вкусную еду: «Ох, как вкусно! Ах, какая вы замечательная искусница – так вкусно все приготовлено...». Эти самые «ах» и «ох» в китайской культуре выражают постоянным причмокиванием, сопровождающим трапезу. Таким образом, чавканье – это своеобразная знаковая система, посредством которой современные китайцы без слов выражают свое восхищение пищей.

Есть тихо (следуя европейской традиции), означает быть невежливым. Представьте себе ситуацию, когда вы, придя в гости, с удовольствием, до отвала (а здесь, как правило, едят именно так) наелись-напились всякими деликатесами, заботливо приготовленными для вас радушной хозяйкой и отвалились от стола... не сказав ей ни слова благодарности... Такое поведение любому покажется странным, невежливым и неучтивым. Учтивые люди, здесь в Китае, подают соответствующие сигналы. То есть чавкают. Короче, «слышно, насколько вкусно...».

Учусь есть палочками.

Комментарий К. Л. Лидина

По поводу «пробования на зуб». Не попадалась ли Вам такая книга: Лао Шэ «Записки о Кошачьем городе»? Автор – китайский диссидент времен Мао; книга носит ярко выраженный сатирический характер, и автор за нее изрядно пострадал. Однако многое, что он там пишет о характере китайцев, очень верно и вполне современно звучит.

Вот, например, цитата (автор летит на Марс, его корабль терпит крушение, и он попадает на службу к марсианскому человеку-кошке по имени Большой Скорпион).

«Люди-кошки готовят отлично, жаль только, что в их кушанья попадает слишком много мух. Я сплел из травы крышку и велел повару накрывать еду. Кошачий повар нашел это странным, даже смешным, но, получив приказ Большого Скорпиона, не посмел со мной спорить. Нечистоплотность люди-кошки возвели в одну из самых славных своих традиций, поэтому повар все же продолжал хитрить со мной. Каждый раз, когда на еде не было крышки, мне приходилось жаловаться Большому Скорпиону. Но однажды мне вовсе не принесли еды, а на следующий день подали тарелку, покрытую вместо крышки толстым слоем мух. Оказывается, Большой Скорпион и его слуга стали презирать меня за слабость...».

05.03.2012

Ухитрился не опоздать на работу к 8.40.

Меня попросили написать на официальный сайт компании по одной своей краткой мысли: а) по поводу современного стиля дизайна и б) по поводу содержания своей концепции в отношении архитектуры и градостроительства. Для примера показали высказывание главы компании. Он явно философ: «Стиль дизайнера должен быть свободным, повторение сделанного – смерть дизайнера». Где мне взять такую нечеловеческую мудрость? Что написать на официальный сайт компании, чтобы не опозорить себя навечно в глазах обретенных братьев?

В Китае принято спать днем. Здесь, на юге Китая, люди спят обычно в течение получаса-часа после обеда. Особенно летом. Люди на севере Китая дремлют в полдень лишь в летний период. Но здесь, в Shenzhen, некоторое время спать после обеда – традиция, которую неуклонно исполняют весь год. Считается, что послеобеденный сон – это очень полезно здоровью и освежает, давая силу для работы дальше, в течение дня. Этакая китайская сиеста. Мне есть куда идти во время обеденного перерыва: я живу от работы в 7 минутах ходьбы, а тем, кто живет далеко, ничего не остается, как спать прямо за рабочим столом. Для этого у них в ящиках столов хранятся вполне объемистые подушки. Кладут под голову и дрыхнут час-полтора.

В практической пользе моего пребывания здесь, как мне кажется, уверены не только рядовые сотрудники, но и кое-кто из высшего руководства. Приглашение меня на работу – результат стратегически выверенного политического решения, принятого самым главным боссом – мистером Йе. Он решил, что противостоять иностранным проектировщикам из Гонконга можно, лишь имея в штате собственных иностранных консультантов. И отдал распоряжение искать. Так, благодаря моему германскому другу Клаусу Ферстлю (который работает в другой крупнейшей китайской проектной фирме и который отрекомендовал меня) я появился в числе сотрудников Компании.

Босс, мистер Сяо, приходит на работу не в 8.40, как все, а в 10.45–11.00. К этому же времени на работу приходит и его заместитель, вице-президент мисс Ден. Когда уходят – не знаю, я стараюсь после окончания рабочего дня не задерживаться. Об окончании работы сотрудникам напоминают, включая по громкой связи в кабинетах и залах приятную музыку.

Я окончательно утвердил с руководством компании программу и содержание своей работы в течение пары первых месяцев моего контракта. Меня этот вопрос сильно тревожил, потому что мне не хотелось работать проектировщиком – я перерос этот этап своего творчества, и мне подобное занятие стало малоинтересным.

А хотел я заниматься исследованиями, размышлениями, концептуальными разработками – той работой, которую начал делать в Фонде Регионального развития Иркутской области (ФРРИО) по формированию концепции развития агломерации городов Иркутск–Ангарск–Шелехов под руководством Алексея Павловича Козьмина. Работой, которую мы осуществили с Е. И. Григорьевой и А. Ю. Макаровым при формировании концепции регенерации исторического квартала 130 в Иркутске, и потом вновь с Е. И. Григорьевой – в концепции жилого поселения-сателлита на 40 000 жителей в районе деревни Малая Еланка.

Таким образом, я хотел заниматься мышлением, а не черчением.

Я сказал руководству компании: «Абсолютно нерационально употреблять меня как проектировщика – у вас сидит около 500 дизайнеров, и все они талантливые, и все они стремительно работают на компьютере, срисовывая с потрясающих книжек, которыми они себя обложили, великолепные интерьеры и фасады. Я предлагаю вам использовать меня качестве исполнителя той работы, которую в компании не способен сделать никто. Я готов осуществить анализ и осмысление принципов и концептуальных оснований деятельности компании за последние пару лет и в понятной заказчикам визуальной форме представить ее достижения и творческое кредо в сопоставлении с мировыми трендами. Рекламные проспекты и буклеты компании, которые я просмотрел, эту задачу не решают, они выполнены в традиционной форме набора бессодержательных видовых открыток...».

Мое предложение было принято полностью и безоговорочно. Кстати, очень любопытное наблюдение: после того, как мои предложения (не только это, но и многие другие) принимались, через некоторое время ко мне в кабинет заходил либо президент, либо вице-президент и с очень важным видом давал мне задание исполнить именно то, что я сам и предлагал. Правда, несколько иными словами изложенное. И от лица руководства. Как бы не я сам «сформировал себе задание», а именно руководство поручало мне данную работу исполнить.

Очень по-советски: я прекрасно помню, как в Советском Союзе руководство всех уровней старалось трактовать любые толковые инициативы снизу таким образом, что они превращались в мудрые распоряжения начальства. А потом, если реализовались они плохо, вина ложилась на негодных исполнителей, «не способных усвоить и воплотить глубокую руководящую мысль», а если получалось хорошо, то дирекция самостоятельно

> Ночной Шэнчжэнь

пожинала лавры, получая поощрения, премии, медали и повышения по службе...

Мой помощник-ассистент-переводчик Феликс перевел мне интервью с мистером Сяо, опубликованное в периодическом 72-х страничном журнале нашей компании: «Китайская культура противоречит содержанию проекторочной деятельности. Она противостоит самой сути проектирования. Проектирование – это слепая уверенность в себе. Это –самоуверенность и самодемонстрация, которые вступают в неизбежный конфликт с базовым архетипическим элементом китайского характера, основанными на столетиями прививаемой китайскому народу и культивируемой понине «сдержанности во всем». Скромность и умеренность – традиционные черты подавляющей массы населения Китая. Купание в роскоши, демонстрация богатства, расточительность – всенародно осуждаемые, негативные черты». А «творчество» основано на «слепой убежденности», что «дизайнер должен быть «безграничен в своих амбициях». И это начисто отрицает «сдержанность», «самоограничение» и «умеренность...».

Здесь сделаю отступление – это не пустые слова о сдержанности и умеренности. Они являются официальными позициями «морального кодекса строителя китайского будущего»; в марте 2006 г. Ху Цзиньтао, генеральный секретарь ЦК КПК, так сформулировал моральные принципы гражданина КНР (их восемь):

(1) Love the country; do it no harm. (Люби Родину; не делай ей вреда).

(2) Serve the people; never betray them. (Служи народу; никогда не предавай его).

(3) Follow science; discard ignorance. (Следуй за наукой; не будь невеждой).

(4) Be diligent; not indolent. (Будь прилежным, а не ленивым).

(5) Be united, help each other; make no gains at others' expense. (Будь отзывчивым, помогай каждому; не наживайся за счет других).

(6) Be honest and trustworthy; do not sacrifice ethics for profit. (Будь честным и порядочным; не поступайся принципами ради наживы).

(7) Be disciplined and law-abiding; not chaotic and lawless. (Будь дисциплинированным и законопослушным; нет – хаосу и беззаконию).

(8) Live plainly, work hard; do not wallow in luxuries and pleasures. (Живи просто, трудись усердно; не валяйся в роскоши и наслаждениях).

Мои наблюдения подтверждают эти размышления мистера Сяо. «Проектировать», т. е. «создавать то, чего еще не было до сего момента», для китайцев катастрофически сложнее, нежели «копировать», «комплексировать», «конструировать» из готовых элементов.

Проекты, которые разрабатываются в китайских проектных фирмах, в подавляющем большинстве случаев представляют собой смесь фрагментов готовых решений, почерпнутых из различных источников и различных ситуаций – из чужих проектов. Чуть перефразируя слова мистера Сяо, я мог бы утверждать: «Китайская культура и менталитет антагонистичны проектному мышлению»...

Город Шэньчжэнь, Китай / Shenzhen, China

Шэньчжэнь – город субпровинциального значения в провинции Гуандун на юге Китайской Народной Республики.

Шэньчжэнь – один из крупных китайских городов, расположенный на юге страны, возле границы с Гонконгом. Он построен в устье Жемчужной реки, на побережье Южно-Китайского моря. Шэньчжэнь имеет краткую историю существования и за короткий период становления объединил культуры Востока и Запада, что отчетливо прослеживается в архитектуре города, развиваемых технологиях, активно привлекаемых из-за рубежа инвестициях и создании благоприятных условий для иностранных транснациональных корпораций.

В 70-х годах Дэн Сяопин, китайский политик и реформатор, никогда не занимавший пост руководителя страны, но бывший фактическим руководителем Китая, начал активное создание специальных экономических зон. Эти зоны должны были открыть китайский рынок для прихода иностранных инвестиций и технологий, а взамен предлагалось предоставление дешевой рабочей силы и различных налоговых льгот, что создавало для транснациональных корпораций существенное конкурентное преимущество на мировых рынках. Одна из таких специальных зон была создана в г. Шэньчжэнь. Местность была выбрана не случайно, так как центром этого региона был город Наньтоу, который считался южными воротами Поднебесной. Развитие новой экономической зоны также поддерживалось в противовес развивающемуся рядом Гонконгу, находящемуся под протекторатом Великобритании.

Маленький (по китайским меркам) провинциальный городок промышлял рыбной ловлей и насчитывал порядка 30 тысяч жителей. Через этот городок шли потоки мигрантов, направляющихся в развивающийся Гонконг, в котором уже присутствовали иностранные компании. Рыболовецкий городок был представлен в основном малоэтажными строениями, и только в центральной части города были построены двух-трехэтажные дома.

Шэньчжэнь – это китайское «экономическое чудо» на примере отдельно взятого города. Можно даже сказать, что это градостроительный эксперимент, который осуществляется на данный момент. Обычно любое развитие имеет под собой основу, и в дальнейшем эта основа или

текст

Наталья Коваль /

text

Natalia Koval

преимущество является локомотивом развития либо эволюционного, либо революционного. Это могут быть природные ресурсы (пример подобного развития – Объединенные Арабские Эмираты), местоположение на всемирных торговых путях (искусственно созданные и играющие сейчас ключевую роль в мировой торговле Панамский и Суэцкий каналы) либо моногорода (активно используемые в СССР для обеспечения рабочей силой промышленных гигантов) и многие другие. Шэньчжэнь также имел определенное преимущество – выход к Южно-Китайскому морю и соседство с развивающимся Гонконгом.

За каких-то тридцать пять–сорок лет в Шэньчжэне произошел революционный взрывной рост, и город превратился в огромный современный китайский мегаполис. Город небоскребов, культурный и торговый, промышленный, финансовый и транспортный региональный центр-хаб. С момента создания население города с 30 тыс. выросло почти до 12 млн. жителей и продолжает расти. Город привлекает население из провинций активным строительством, высокими зарплатами, востребованностью в рабочей силе, что является хорошей возможностью и дает каждому шанс устроиться и обеспечить себе и своей семье процветание.

Приход иностранных транснациональных корпораций вызвал активный рост и в смежных сферах: строительство, туризм, наука, электротехническая промышленность, крупное машиностроение и другие. Все началось с простых технологий отверточной сборки. В дальнейшем все процессы, происходящие в экономике Шэньчжэня, начали усложняться, что потребовало более квалифицированной рабочей силы. Иностранные корпорации стали импортировать более сложные технологии и привлекать более квалифицированных специалистов, так называемых экспатов. И это касалось всех областей. Процесс коснулся и архитектуры города. Китайские и иностранные корпорации стали активно привлекать иностранных архитекторов для строительства различных видов зданий.

История архитектуры города Шэньчжэнь до начала роста была представлена в основном историческими

сооружениями в районе Наньшань, особенно в его подрайоне Чивань. Например, Старый город Наньтоу (или Синьянь), в котором сохранилось несколько исторических достопримечательностей эпохи династий Мин и Цин, расположен в районе Наньшань. С IV века на этом месте уже существовал значительный город, но большая часть старых построек была заменена современными зданиями. Гробница последнего императора династии Южная Сун Чжао Бина, погибшего в 1279 году, расположена в районе Наньшань. Современная гробница относится к концу XIX века, когда гонконгский клан Чжао (Чиу) после длительных поисков объявил одну из старинных могил императорской (историки до сих пор сомневаются в ее достоверности). Гробница была реконструирована в начале XX века, впоследствии она пришла в запустение и вновь восстановлена в 80-х годах.

К сегодняшнему дню оставили свой след в истории архитектуры Шэньчжэня мировые имена: Международная архитектурная компания ОМА и ее проект головного офиса Шэньчжэньской фондовой биржи, который является вторым крупным проектом после штаба Центрального телевидения Китая; немецкая студия GMP Architekten и ее реализованный проект Спортивного Центра для Универсиады 2011 и исследовательский комплекс под названием Shenzhen Software Industry Base, построенный в западной части мегаполиса, в районе Наньшань. Характерной чертой комплекса от GMP Architekten стал индустриальный дизайн. Новый IT-центр действительно огромен: в общей сложности в него входит 18 башен, разделенных на научно-исследовательские, административные и сервисные здания суммарной площадью помещений 137 900 кв. м. А самым высоким зданием в Шэньчжэне стал небоскреб KK100 высотой 441,8 метра, спроектированный специалистами из архитектурной компании TFP Farrells.

Стоит вспомнить и работу иностранных архитекторов над дизайном. Города такого размера, как Шэньчжэнь, как правило, теряют человеческий масштаб и становятся хаотичными и бездуховными. В таком городе становится трудно жить, так как в них часто игнорируются культурные потребности населения в условиях новой

экономической среды. Это справедливо и для Шэньчжэня, где культурное развитие не соответствовало ритму экономического роста. В Шэньчжэне места культурного обмена и развлечений были ограничены караоке-барами в торговых центрах, оставляя пустоту в области более сложных объектов культуры. Именно по этой причине мэр города господин Лю приглашает Gabor Zoboki и Nora Demeter из студии ZOBOKI-DEMETER and Associates Architects выступить в качестве консультантов по дизайну интерьера реализующегося проекта культурного центра Наньшань. Новый центр исполнительского искусства вошел в ряд самых уникальных культурных сооружений Китая. В большом комплексе с культурными и спортивными объектами запроектирован многофункциональный концертный зал на 1400 мест, детский театр на 350 мест и обширные общественные пространства. В Китае работали и работают и многие другие иностранные архитекторы, в частности, в Шэньчжэне это и Steven Holl Architects, Голландское архитектурное бюро Мекану (Mecanoo), Morphosis, MVRDV, Atelier FCJZ.

Особое внимание в развитии города Шэньчжэнь занимает создание парков, скверов и садов. Ландшафтное проектирование парков и скверов видоизменяет городскую среду, усиливает фактор природы в городе, значительно снижает загрязненность его атмосферы. Их объединяет общая рекреационная направленность, декоративность, кратковременность пребывания на их территории людей, тесная связь с городской застройкой и городским транспортом, общедоступный характер. Шэньчжэнь является самым зеленым мегаполисом Китая. Создаваемые тематические парки, парки и скверы для досуга и отдыха являются центром притяжения для туристов. Например, тематический парк «Окно в мир» (Window of the World) открылся в 1994 году в районе Наньшань. Здесь на площади в 48 гектаров представлены копии многих достопримечательностей мира, над которыми возвышается символ парка – 108-метровая копия Эйфелевой башни, часто проводятся различные фестивали и представления. Тематический парк «Фольклорная деревня Великолепный Китай» (Splendid China Folk Village) расположен в районе Наньшань и состоит из

двух частей – парка миниатюр «Великолепный Китай» и «Деревни китайской народной культуры». На площади свыше 30 гектаров представлены все главные архитектурные достопримечательности Китая, выполненные в миниатюре, и постройки 56 этнических групп страны. Здесь также регулярно проводятся исторические представления и красочные шоу, многочисленные культурные фестивали и ярмарки.

Ботанический сад Сяньху («Озеро феи»), основанный в 1982 году, раскинулся вокруг одноименного озера в районе Лоху на площади 590 гектаров. На одном из холмов сада находится самый большой буддийский храм города – Хунфа, построенный в 1985 году на месте более древнего святилища. Вокруг озера расположены пагода, чайные домики, павильоны, Музей палеонтологии, сад лекарственных растений и сад азалий. Национальный парк Вутоншань раскинулся вокруг одноименной горы в районе Лоху (гора Вутон, представляющая собой группу холмов, является самой высокой в Шэньчжэне и второй по высоте в дельте Жемчужной реки). Парк состоит из популярной среди туристов и альпинистов спортивно-развлекательной зоны и лесной зоны. Со смотровой площадки открывается чудесный вид на Шэньчжэнь, Гонконг и залив, а на соседней вершине расположена передающая вышка местной телекомпании.

На сегодняшний день уровень знаний китайских архитекторов поднялся до столь высокого уровня, что местные архитекторы стали составлять серьезную конкуренцию иностранным архитекторам и серьезно осложнили им работу на китайском рынке.

Архитектура Шэньчжэня – это смешение авангарда, конструктивизма и национальных черт, воплощенных в архитектурном эксперименте. В результате приезжим и туристам открывается современная китайская архитектура, объединяющая в себе многие мировые тенденции новых строительных технологий и креативный национальный облик древней страны. Китайцы не просто строят квадратные метры, они показывают, каким быстрым и точным может быть процесс создания целых городов за короткий промежуток времени.

Источники

<http://grandengineer.ru/>
<https://ru.wikipedia.org/>
<http://designzoom.ru/>
<http://www.arhinovosti.ru/>
<http://www.liveinternet.ru/>
<https://www.tourister.ru/>
<http://www.abirus.ru/>
<https://realt.onliner.by/>
<https://farrells.com/>

Музей трех предков / The Three Ancestors Cultural Museum

Культурный музей «Трех предков (сандзу)» (The Three Ancestors (sanzu) Cultural Museum), расположен в Zhuolu округе провинции Хэбэй, в северной части Китая.

Округ Zhuolu является одной из колыбелей китайской цивилизации, в которой произошло объединение трех китайских легендарных предков Huángdì, Yángdì, и Chiyou. Объединению трех культур предшествовало три крупных военных столкновения в XXVI веке до н. э., результаты которых определили дальнейшее развитие культурной китайской цивилизации и вскоре сформировали то, что стало известно, как Huaxia цивилизации, или предшественник Ханьской цивилизации.

Архитектурная форма музея выполнена из трех блоков, покрытых необработанным натуральным камнем, символизирующая сбор трех легендарных племен, объединенных внутри атриума мостом кольцеобразной формы. Применение необработанного природного камня в столь грандиозном строении отражает древнюю культуру Китая, проследившая связь истории возникновения культуры древней цивилизации и ее сохранение в нынешние времена. Мы как будто произвели раскопки исторических ценностей современного Китая и смогли прикоснуться к истории его возникновения.

Сведения о проекте архитекторы
Architectural Design Research Institute of South China University Of Technology
локация
He Bei, China
дизайн-команда
He Jingtang, Ye Qingqing, Pan Yudan, Chen Zong, Luo Menghao, Yu Xiaofeng
заказчик
China Fortune Land Development Co.Ltd.

площадь застройки
9174.00 кв. м
год
2015
тип
музей
фотографии
Zhan Changheng –
Ma Minghua

подбор материалов
Наталья Коваль

*Листочек древесный – Корея моя!
Зажат ты меж Юэ и Хо.
Когда, о когда же разведем совсем
На юге и севере пыль!*

Нам И, перевод Анны Ахматовой

История Кореи изобилует тяжелыми и мрачными эпизодами. «Страна утренней свежести» веками подвергалась набегам японских морских пиратов, китайских императоров Юэ с юга, манчжурских кочевников Хо с севера... недоверие к соседям, казалось, навсегда пропитало национальную культуру и мировоззрение.

Долгие века корейская культура испытывала мощное влияние более древних и влиятельных культур, в первую очередь – китайской. Затем, в Новое время, настал период японского влияния. Во второй половине XX века, когда Корея оказалась разделена между сферами влияния двух супердержав, пришел черед следования западным, советским и американским образцам.

Тем временем оригинальная культура Кореи, казалось, исподволь набирала силы, чтобы предьявить себя миру и приобрести собственное растущее влияние. Корейский кинематограф уверенно заявляет о себе на самом высоком уровне (а корейские сериалы составляют серьезную конкуренцию продукции индийского Болливуда). Двадцать третьи зимние Олимпийские игры пройдут в корейском городе Пхёнчхан. И, конечно, корейская архитектура играет все более заметную роль в мировом профессиональном пространстве.

Мы публикуем материалы по итогам XXVI Конгресса и Генеральной ассамблеи МСА в Сеуле, а также текст принятого Конгрессом манифеста.

Проект Доминика Перро «Женский университет Ихва в Сеуле» – пример того, как бережно и внимательно можно отнестись к национальным традициям, даже если автор проекта относится к ярчайшим «звездам» архитектуры.

Об этом же рассказывает материал о проекте «Комплекс Dongdaemun Design Park and Plaza» Захи Хадид. Проектирование комплекса, состоящего из одинаковых параметрических «пикселей», внезапно отсылает нас к древним китайским трактатам по архитектуре, в которых именно этот модульный принцип положен в основу.

Крупнейшая в мире корейская диаспора проживает на севере Китая, недалеко от пограничной реки Туманган. Река эта давно превратилась в символическую границу, отделяющую для корейцев Родину от чужбины. Современный корейский поэт пишет:

*На севере реки Туманган
Мы не смогли поменять историю,
Поэтому не смогли изменить лицо,
Нацию, идею, расу, будущее...
Не смогли поменять и вернулись в Сеул.*

И Мун Дзэ, «Диаспора»

Константин Лидин

Корея / Korea

*My Korea, my little leaf
Hemmed in by Yue and Ho!
Oh when shall we disperse the dust
Away from the South and North?
Nam Yi, Russian translation by Anna Akhmatova*

The history of Korea is filled with hard and sad episodes. For many centuries, Japanese pirates, the Yue emperors of China from the South, the Ho tribes of Manchuria from the North and others made inroads into the 'Land of Morning Freshness'. So the national culture and worldview seem to be deeply mistrustful of neighbours.

Korean culture had been greatly influenced by more ancient and powerful cultures, and first of all, by Chinese culture. Then, in the modern age, came the period of the impact of Japan. In the second half of the 20th century, when Korea was divided between the two spheres of influence, it was time to follow western, Soviet and American examples.

At the same time, indigenous Korean culture gradually developed to present itself to the world and to acquire its own influence. Korean cinema has reached a very high level, and Korean serials are now seriously competing with Indian Bollywood. The 23rd Winter Olympics will be held in Pyeongchang, Korea. And, certainly, Korean architecture plays a growing role in the professional world.

We are publishing the results of the 26th UIA Congress and the General Assembly held in Seoul, and the manifesto adopted by the Congress.

The Woman's University in Seoul by Dominique Perrault demonstrates how carefully national traditions can be treated, even if the author of the project is one of the brightest stars of architecture. The article on Dongdaemun Design Park and Plaza by Zaha Hadid also proves it. This complex consists of similar parametric 'pixels', which refer to the ancient Chinese treatises on architecture based on this very modularity.

The world's largest Korean expatriate community lives in the North of China, not far from the border river Tumanagan. This river has long been a symbolic border separating the Korean motherland from the foreign land. One of contemporary Korean poets writes:

*In the North of the Tumanagan
We failed to change our history,
So we couldn't change our face,
Nation, idea, race and future...
We couldn't change them and returned to Seoul.*

Yi Mun Ze, "Diaspora"

Konstantin Lidin

Congress Theme: SOUL OF CITY

Only a living creature owns a soul. And a body without a soul is only a corpse. "SOUL OF CITY," UIA 2017 Seoul's main theme, therefore projects our strong commitment and determination to acknowledging the importance of having souls dissolved in architecture and cities we live in. Jean-Luc Godard once said, "A chicken is an animal with an interior and an exterior. Remove the exterior, there's the interior. Remove the interior, and you see the soul." A city, like Godard's chicken, can also be considered as a living organism with an exterior or a body and an interior or organs. An exterior of a city can be understood as its apparent impression as entities or its master plan, whereas an interior of a city is seen to be the elements of urban structures such as squares, streets or buildings. Perhaps, the very notion of the proposed theme may be a

XXVI Конгресс и Генеральная ассамблея МСА в Сеуле /

Самый первый Всемирный Конгресс состоялся в 1948 году в Лозанне (Швейцария). С тех пор Всемирный Конгресс проводится каждые три года и за свою почти 70-летнюю историю стал фестивалем архитектуры мирового масштаба, самым авторитетным международным мероприятием, которое можно сравнить с Олимпийскими играми. Сходство с Олимпиадой – не только во всемирном охвате, представительстве и регулярности, но и в том, что за право его проведения города стран-членов МСА сражаются в нешуточной конкурентной борьбе. Итак, Сеул дождался своего звездного часа и подошел к сентябрю 2017 в полной боевой готовности.

Будет уместным заметить, что архитекторы, вынужденные, по определению, предвидеть (проектировать) будущее и, несомненно, обладающие даром предвидения или интуицией, проявляют эти качества не только при проектировании. Они умудряются даже для своих Конгрессов выбирать не просто интересные, но часто наиболее «горячие» точки на глобусе, привлекающие внимание всего мира. Так случилось с токийским конгрессом в год Фукусимы, в 2011. Так и сейчас, в 2017, в лето предельного напряжения на корейском полуострове, Конгресс (место которого определялось заранее, за 6 лет) проходит непосредственно на этом горячем полуострове – в столице Южной Кореи городе Сеуле.

Организаторы не только занимаются устройством выставок, лекций, дискуссий и конкурсов, но и определя-

текст
Елена Григорьева
фото
Владимир Пуляев /
text
Elena Grigoryeva
photo
Vladimir Pulyaev

Рассматриваются итоги Всемирного Конгресса МСА. Приводятся фрагменты манифеста, ставшего программным документом Конгресса. Делается обзор участия российской делегации в предыдущих Конгрессах. Подчеркивается значение конгрессов в динамике современных процессов урбанизации.
Ключевые слова: Всемирный Конгресс МСА; манифест; Сеул; урбанизация; культурная динамика; цивилизация; Душа города. /

The article presents the results of the UIA World Congress and several fragments of the manifesto. It also touches on the participation of the Russian delegation in the previous Congresses. The important role of the Congresses in the dynamics of the current urbanization processes is pointed out.
Keywords: UIA World Congress; manifesto; Seoul; urbanization; cultural dynamics; civilization; Soul of City

^ Президент МСА Эса Мохамед вручает премию Огюста Перре Николаю Шумакову
Более подробно см.:
Международные новости архитектуры // Проект Байкал. – № 53. – С. 5
> Тойо Ито

challenging and perplexing concept to describe; yet the nature of soul can be portrayed as a subject with a mental and immaterial feature, unlike the body with a physical and material element.

Likewise, a soul differs from a spirit. Together with the Zeitgeist's notion or the spirit of the time, a spirit is envisaged as being representative, symbolic, collective, sacred, and transcendental. A soul, in turn, belongs to all and is personal in contrast, being embodied with memories, passions and emotions of one's ordinary life. One's soul may be plural, complex, diverse, evolving or even contradictory at the same time, between good and bad, happiness and unhappiness, love and hate, and so on.

A soul is an essential element not only in human lives, and so is in cities. To revitalize a city, we must improve the state of its soul and body. Before everything else, we must

be aware of the particularity of a soul interchangeable by a specific place where one lives. Like a soul of a man, a soul of a city can be differentiated from one another, as a soul is fostered without intentions and a living thing until death. Since a soul cannot be artificially created or manipulated but only "found" in the realities of the terrain on site, we must acknowledge the soul, generated by city as it is. Roles of architects, in this context, seeking "SOUL OF CITY," are indeed significant, delivering meaningful and diversified urban environments to life through the convergence of culture, nature and future. These efforts will be translated into UIA 2017's academic programs by reflecting three sub-themes of Culture, Future and Nature, and other subjects including Passion and Human values.

<http://www.architektor.ru/media/1533/>

XXVI UIA Congress and General Assembly in Seoul

ют тему, идеологию триеннале. Вот как сформулировали свой манифест корейские коллеги.

«Человечество большими шагами движется к дальнейшей урбанизации для выживания. В городах внедряются технологии для обеспечения потребностей их возрастающего населения. В то время, как управление городом определяет городскую эффективность и социальное равновесие, человечеству грозит экологическая опасность и отклонение от цивилизованных ценностей, вызванные потерей контроля над плотностью населения, социальными силами, нарушающими равновесие, и несбалансированной эффективностью.

Архитектура может привнести в городскую жизнь воображение, культурное очарование и технические преимущества. Роль архитекторов, которые ищут Душу Города, чтобы обеспечить ему осмысленную и мягкую городскую среду, должна быть диверсифицирована и расширена за пределы взаимодействия культуры, природы и технологий».

Для обозначения пространств Конгресса хозяева использовали пять ориентационных цветов из традиционной корейской культуры. Масштаб архитектуры должен определить процесс расширения спектра пяти сфер. Участники познакомились с историей и традициями корейской столицы, с современной архитектурой, в том числе произведениями стархитекторов Захи Хадид и До-

меника Перро, и могли оценить, насколько точно удается современным архитекторам уловить, угадать и выразить в своих произведениях душу города.

Ведь именно «Душа Города» и стала темой Конгресса: «ДУША ГОРОДА»

Только у живого существа есть душа. И тело без души только труп.

Роль архитекторов в стремлении и поиске в контексте «ДУША ГОРОДА» действительно наиболее значительна, обеспечивая диверсифицированную городскую среду благодаря сближению культуры, природы и будущего. Приглашаем архитекторов представить свои концепции, отражая три подтемы – Культура, Будущее и Природа, а также включая пассионарность и общечеловеческие гуманитарные ценности.

ДУША ГОРОДА, растворенная в архитектуре городов, в которых мы живем, – вот главная тема Всемирного Конгресса МСА 2017 года в Сеуле. Может быть, само понятие предлагаемой темы покажется сложным и запутанным, но природа души может быть изображена как интеллектуальный субъект с нематериальными особенностями, в отличие от тела с физическим и материальным элементом. Точно так же душа отличается от духа. Понятие дух времени представляется в символическом, коллективном, священном и трансцендентном качестве.

General Assembly

American architect Thomas Vonier has been elected UIA President by the UIA General Assembly, which took place in Seoul, Korea, from 7 to 10 September 2017. Thomas Vonier will undertake the presidency of the International Union of Architects for the triennial period 2017-2020. He succeeds Malaysian architect Esa Mohamed.

Between 2011 and 2014, Thomas Vonier, has been Region III Vice-president and Secretary General from 2014 to 2017.

Thomas Vonier (FAIA, RIBA) is a Paris and Washington DC based architect and the founding president of AIA Continental Europe (1994-1995). He was the first president of the AIA International Region and he became president of the American Institute of Architects (AIA) in 2017.

The UIA General Assembly also elected new Bureau members for the 2017 – 2020 triennial period:

- President: Thomas VONIER, USA
 - Immediate Past President: Esa MOHAMED, Malaysia
 - Secretary General: Serban TIGANAS, Romania
 - Treasurer: Fabián LLISTERRI, Spain
 - Vice-president Region I: Lorenz BRÄKER, Switzerland
 - Vice-president Region II: Nikos FINTIKAKIS, Greece
 - Vice-president Region III: Roberto SIMON, Brazil
 - Vice-president Region IV: Jong RHUL HAHN, Korea
 - Vice-president Region V: Mohamed MUNYANYA, Kenya
- Nikolay Shumakov and Yaroslav Usov will represent Russia as the Region II Council members.

The UIA General Assembly has elected Copenhagen (Denmark), as the host city of the 29th UIA Congress in 2023. The next congress will take place in Rio de Janeiro, in 2020 on the theme: "All Worlds. One World. Architecture in the 21st Century".

^ Президент МСА Томас Вонье / UIA President Thomas Vonier

Душа, в свою очередь, принадлежит всем и является личным в противоположность этому, воплощается в воспоминаниях, страстях и эмоциях обычной жизни. Душа может быть сложной, разнообразной, она эволюционирует или даже противоречит себе между хорошо и плохо, счастьем и горем, любовью и ненавистью... Душа является существенным элементом человеческой жизни, а поэтому и городов.

Для того, чтобы оживить город, мы должны улучшить состояние своей души и тела. Прежде всего, мы должны изучить своеобразие души того конкретного места, где человек живет. И душа человека, и душа города, подобно живому существу, изменяются с рождения до самой смерти и могут сильно отличаться от самих себя в разные периоды жизни. Душа не может быть искусственно создана, ею нельзя манипулировать; мы только должны «найти» ее в реалиях местности и признать ДУШУ ГОРОДА».

Манифест Конгресса, основанный на созвучии названия города с английским словом Душа (Seoul – SOUL), действительно актуален, он очень точно определяет нашу сосредоточенность на поиске гения места, идентичности и берет за душу.

Конгресс собрал несколько тысяч архитекторов со всего мира. Официальные делегации Союза архитекторов России на двух предыдущих конгрессах – в Токио (2011) и Дурбане (Южная Африка, 2014) – не были столь многочисленными и представительными, как в прежние времена. В Турине (2008), Стамбуле (2005), Берлине (2002), Пекине (1999) и Барселоне (1996) общее число российских архитекторов на Конгрессах превышало 200 участников. Одна только иркутская команда тогда достигала 30 человек и включала не только практиков и профессуру, но и студентов архитектурного факультета. В Берлине в Русском доме во время Конгресса прошла даже отдельная выставка «Иркутская архитектурная школа». Остается надеяться, что череда кризисов не будет бесконечной, а СА России вернется к активной международной деятельности, в том числе к участию в конгрессах, конкурсах, комиссиях и рабочих группах МСА.

По окончании Конгресса состоялась Генеральная Ассамблея Международного союза архитекторов, на которой, как обычно, выбрали нового президента МСА на трехлетний период с 2017 по 2020 г. Им стал американский архитектор Томас Вонье, сменив на этом посту малайзийца Эса Мохамеда.

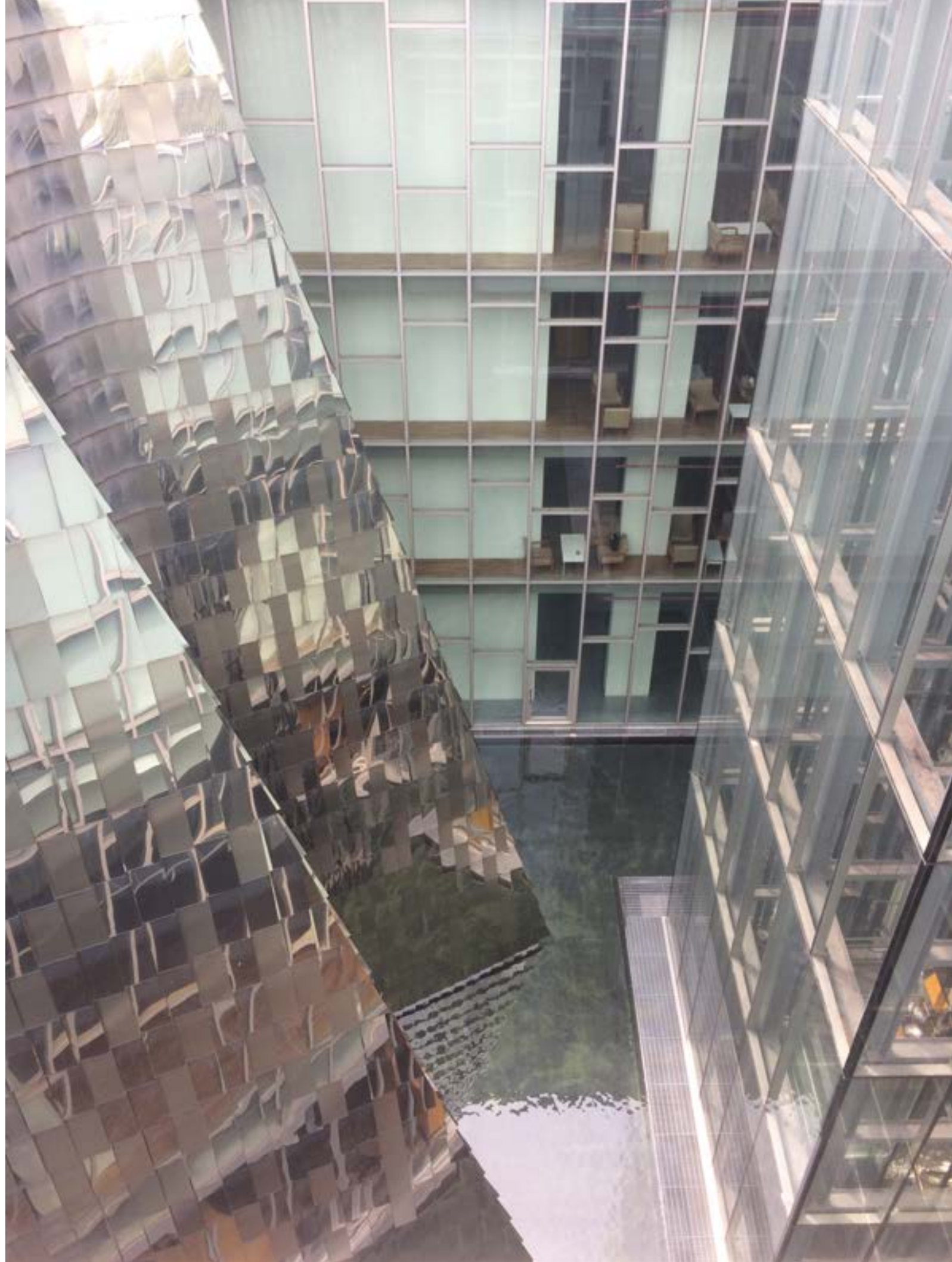
Томас Вонье – известный функционер МСА: с 2011 по 2014 год был вице-президентом III Региона, а с 2014 по 2017 год – Генеральным секретарем МСА. Томас Вонье – член Американского института архитекторов (AIA) и Королевского института британских архитекторов (RIBA), имеет архитектурную практику в Париже и Вашингтоне, был основателем и президентом-учредителем AIA Continental Europe (1994–1995). Он был первым президентом AIA International Region, а в 2017 стал президентом AIA.

На Генеральной Ассамблее был избран новый состав Бюро МСА на трехгодичный период с 2017 по 2020 г.:

- Президент: Томас Воньер, США
- Предыдущий президент: Эса Мохамед, Малайзия
- Генеральный секретарь: Сербан Тиганас, Румыния
- Казначей: Фабиан Ллистерри, Испания
- Вице-президент по Региону I: Лоренц Брёкер, Швейцария
- Вице-президент по Региону II: Никос Финтикасис, Греция
- Вице-президент по Региону III: Роберто Саймон, Бразилия
- Вице-президент по Региону IV: Jong RHUL HAHN, Корея
- Вице-президент по Региону V: Мохамед Маньяня, Кения

Николай Шумаков и Ярослав Усов будут представлять Россию в Совете МСА по Региону II.

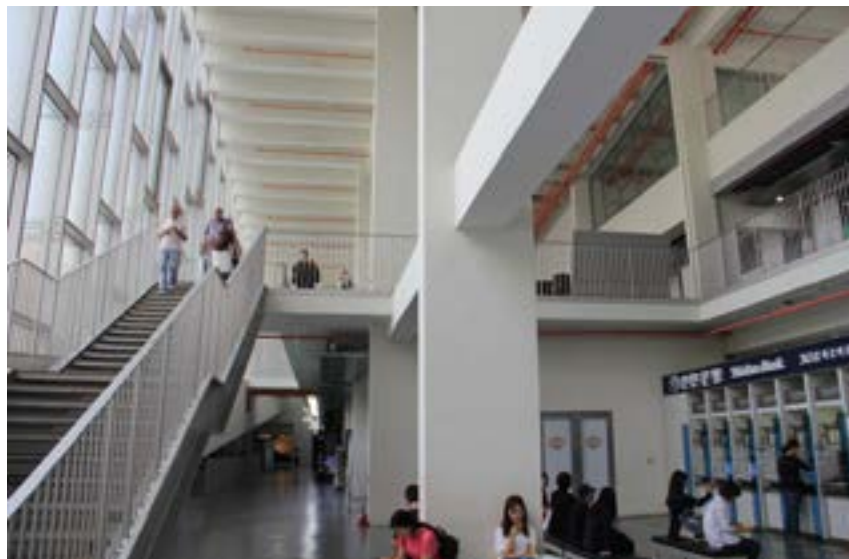
В конкурентной борьбе за право проведения XXIX Конгресса МСА, который будет проводиться в 2023 году, победил город Копенгаген (Дания). А следующий конгресс состоится в Рио-де-Жанейро в 2020 году. Вот его тема: «Все миры. Один мир. Архитектура в XXI веке».

Женский университет Ихва
Архитектор Доминик Перро /

Ewha Woman's University by Dominique Perrault

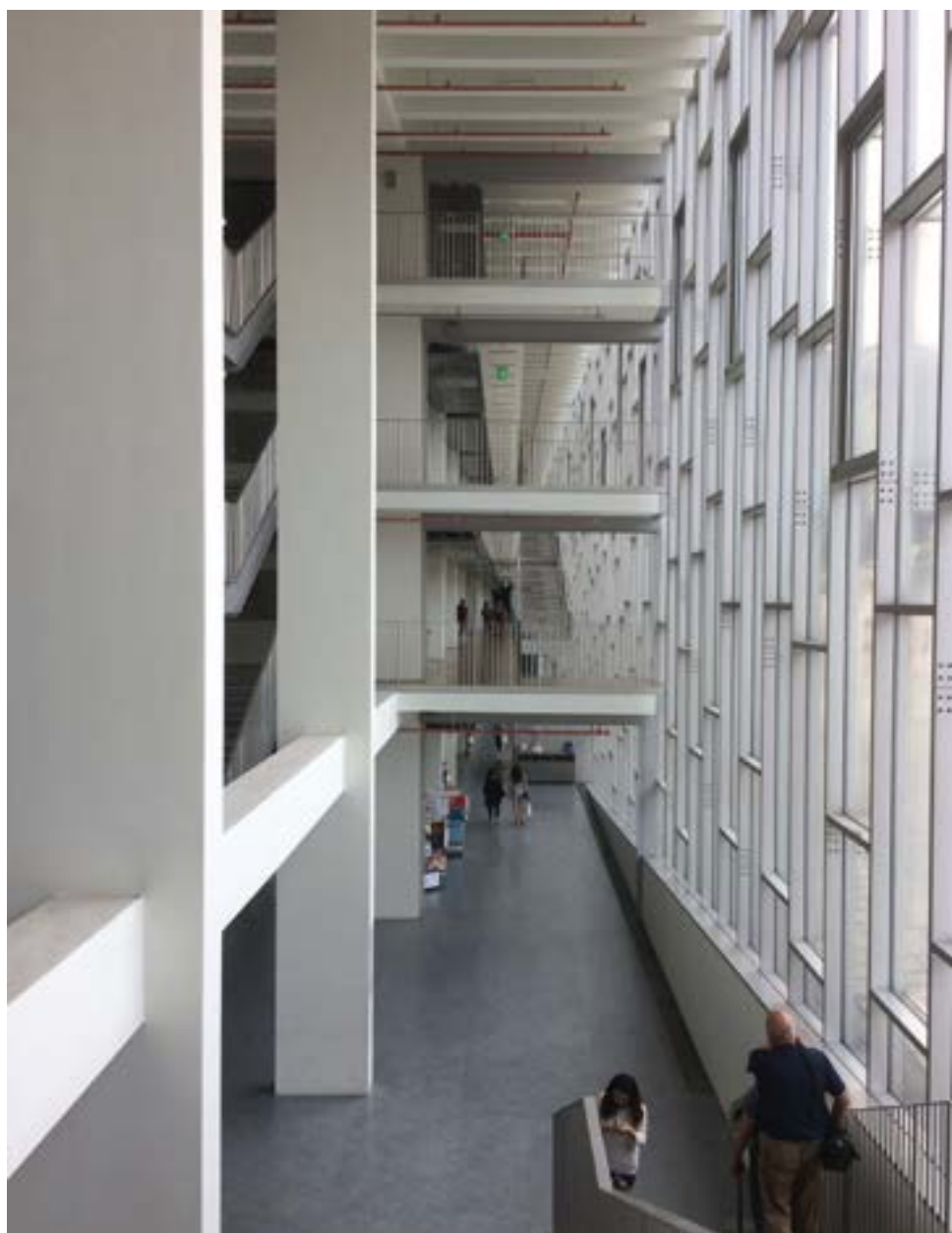
фото
Игорь Козак
Владимир Пуляев /
photos
Igor Kozak
Vladimir Pulyaev

Женский университет Ихва (кор. 이화여자대학교, 梨花女子大學校, Ihwa Yöja Taehakkyo, Ihwa Yeoja Daehakgyo – негосударственный женский университет в центре Сеула (Южная Корея). Это одно из самых крупных и известных высших учебных заведений в городе, а также самый большой в мире женский университет. Ихва был основан в 1886 году миссионеркой американской методистской церкви Мэри Ф. Скрэнтон. Символ университета – цветок груши, корейско-китайское название которого дало университету имя Ихва. Это имя – «Академия цветка груши» – учебному заведению даровал император Коджон.

В 2008 году в университете состоялось открытие оригинального и многофункционального здания «Комплекс кампуса Ихва» (Ewha Campus Complex, ECC), спроектированного известным французским архитектором Домиником Перро. Новая часть кампуса является примером глобализации рельефа. Архитектурное решение глобального городского ландшафта связывает воедино структуру кампуса с городом. Автор, называющий свое детище «кампус-долина», работая над проектом, создавал не просто здание, но часть современного городского ландшафта. Новый комплекс добавил ажиотажа вокруг района Ихва, и без того символизирующего собой все шикарное, интеллектуальное и дерзкое.

Однако же формальные аллюзии, по словам Перро, не главное. Он всегда обращал внимание в первую очередь не на внешние качества архитектуры, а на создание особого комплекса, рассчитанного на его жизнь в городском контексте и на комфортное существование людей в самом сооружении. «Архитектура исчезает. Я создаю не здание, а пейзаж, среду, открытую для жизни, для общины», – говорит Перро.

Студгородок включает в себя учебные классы, библиотеку, дворец культуры, кинотеатр, магазины, открытые спортивные площадки, административные корпуса и парковку на 22000 студентов.

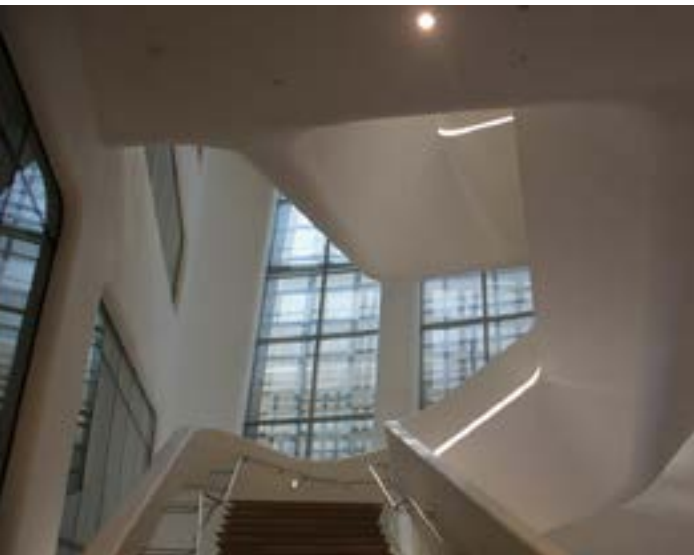

Комплекс Dongdaemun Design Park and Plaza
Архитектор Заха Хадид /
Dongdaemun Design Park and Plaza by Zaha Hadid

фото
Игорь Козак
Владимир Пуляев /
photos
Igor Kozak
Vladimir Pulyaev

Сеул, Южная Корея
2007–12. 2008 / 04.
2009–03. 2014
Заказчик: Правительство
Сеула (Seoul Metropolitan
Government)
Подрядчик: Samsung
Construction

Местом для строительства нового знакового объекта был выбран центральный район Сеула Тондэмун, где сосредоточено огромное количество магазинов дизайнерской одежды и техники и где около 100 000 человек заняты в отраслях, связанных с дизайном.

Dongdaemun Design Park & Plaza стал новым импульсом для Сеула, ведь, несмотря на коммерческое благополучие района, его градостроительное решение оставляло желать лучшего: территория страдала от перегрузки автомобильными и людскими потоками. Первым шагом к регенерации и стала реализация нового комплекса, посвященного разным областям дизайна.

Большую часть площади проекта занимает парк для отдыха и релаксации. «Парк площадью 30 000 квадратных метров переосмысливает пространственные концепции традиционного корейского садового дизайна», – говорится в официальном описании проекта. Инфраструктура комплекса включает зеленые зоны, интегрированные в залы и помещения. Здание насчитывает восемь этажей, но возвышается всего на четыре: половина уровней комплекса находится под землей.

DDP стало первым общественным зданием в Корее, построенным с помощью параметрического моделирования. Фасад здания состоит из 45 тыс. алюминиевых панелей, что позволяет устраивать на поверхности здания анимированное световое шоу в темное время суток. Это первое «пиксельное» здание в городе.

Сеульский проект Захи Хадид назван «Метонимический ландшафт». Он построен на идее архитектуры–катализатора и побуждает к генерации новых идей. Новый центр призван способствовать установлению диалога между различными сферами дизайна, между дизайнерами и производителями продукции. Текучие формы постройки вполне сочетаются с ландшафтным парком, который уже стал популярной рекреационной зоной в центре Сеула.

В состав Dongdaemun Design Plaza входят музей дизайна, многофункциональные выставочный и конференц-залы, библиотека, образовательный центр, посетительский информационный центр, бизнес-центр, корпоративный сектор и инфраструктура. В качестве исторического дополнения к современному комплексу были восстановлены стены крепости Тондэмун.

granit-granat.ru
izerbel.ru
сланец-сибирь.рф
тел.: +7 3952 48-99-42
info@granit-granat.ru

**GRANIT
GRANAT**

ГРАНИТ, МРАМОР,
СЛАНЕЦ, ТУФ,
ТРАВЕРТИН,
ОНИКС, ЛАБРАДОРИТ

ФАСАДЫ, ИНТЕРЬЕР
БРУСЧАТКА
ПЛИТКА, ЛЕСТНИЦЫ
КАМИНЫ, КУХНИ

*Запад ли, Восток...
Везде холодный ветер
Студит мне спину.*

Мацуо Басё

Аура тихой печали, сопровождающая традиционную японскую культуру, трудно доступна для западного человека. Япония первой из дальневосточных держав вступила в глобализующийся мир, и поначалу новшества эпохи Сёва и Хэйсэй выглядели как пародии на западный образ жизни. Модные операции на округление глаз, комиксы манга и анимэ, токийские небоскребы и даже драки в японском парламенте – все это, как в кривоватом зеркале, отразило западный мир, увиденный с востока.

Но вскоре отношение начало меняться. Принципы ваби-саби начали проникать в западные культуры, манхэттенский квартал Сохо стал образцом для стиля «лофт», а Фрэнк Гери построил свой экспериментальный загородный дом в Санта-Монике из валявшихся без присмотра строительных обломков, собранных со всех окрестных участков. Гери получил мировую славу в качестве первооткрывателя эстетики мусора, «junkitecture» – «дряньтектуры» (а заодно – множества судебных исков от соседей). А принципы любования ветхостью, патиной, той едва уловимой игрой нюансов, которую только время проявляет в материале – расцвели в работах японских архитекторов.

В знаменитом эссе «Похвала тени», открывшем Западу глаза на тонкости японской эстетики, японский классик XX века Танидзаки писал: «При виде предметов блестящих мы испытываем какое-то неспокойное состояние. Европейцы употребляют столовую утварь из серебра, стали либо никеля, начищают ее до ослепительного блеска, мы же такого блеска не выносим. Наоборот, мы радуемся, когда этот блеск сходит с поверхности предметов, когда они приобретают налет давности, когда они темнеют от времени».

Японским садам в Лондоне и Сан-Франциско посвящен материал этого номера от Ольги Смирновой.

В продолжение публикации фрагментов книги Георги Станишева мы предлагаем вниманию читателя перевод интервью Тойо Ито, одного из самых титулованных архитекторов Японии и глубокого философа.

*С людьми на том побережье
Нас ветер холодный
Связует.*

Сайто Санки, современный японский поэт стиля хокку

КОНСТАНТИН ЛИДИН

*throughout east and west
the paths is the same, come
the winds of autumn.*

Matsuo Basho

The aura of quiet sadness that accompanies traditional Japanese culture is hard to understand for western people. Japan was the first among far-eastern countries to enter the globalizing world, so at first the novelities of Syowa and Heisei eras looked like mockeries of the western style of life. Trendy round-eye surgeries, manga and anime comics, Tokyo skyscrapers and even fights in the Japanese parliament produced a crooked reflection of the western world seen from the East.

But soon the attitude changed. The wabi-sabi principles started to penetrate western cultures; the SoHo neighborhood in Manhattan became an example of the loft style; and Frank Gehry built his experimental residence in Santa Monica of construction debris gathered from the surrounding plots. Gehry became world famous as an explorer of the aesthetics of trash, “junkitecture” and also got a number of claims from his neighbors. At the same time, works of Japanese architects now present the principles of admiration of dilapidation, patina and a subtle play of shades that only time can show in materials.

One of the most significant Japanese writers of the 20th century Tanizaki provided a glimpse of Japanese aesthetics to the West in his famous essay “In Praise of Shadows”, where he wrote: “As a general matter we find it hard to be really at home with things that shine and glitter. The Westerner uses silver and steel and nickel tableware, and polishes it to a fine brilliance, but we object to the practice... On the contrary, we begin to enjoy it only when the luster has worn off, when it has begun to take on a dark, smoky patina”.

This issue contains an article by Olga Sмирнова that reviews Japanese gardens in London and San Francisco.

To continue publishing the fragments of the book by Georgi Stanishev we propose an interview with Toyo Ito, a world renowned Japanese architect and a keen philosopher.

*with people on the other shore
a cold wind
connects us.*

Saito Sanki, Japanese contemporary hokku poet

Konstantin Lidin

Япония / Japan

Рассматриваются особенности японских садов в Англии и США. Описываются их символика, традиции и приемы создания японских садов. Характеризуются их отдельные элементы и зависимость от национального менталитета страны, где они располагаются. Отмечается, что и в настоящее время глубокое понимание специфики японской культуры садов в Англии и США еще не сформировано, а образы Китая и Японии контаминируют. Ключевые слова: Англия; Америка; японские сады; ботанический сад Кью; ландшафт; «Японские ворота»; ландшафтный дизайн. / The article observes peculiarities of Japanese gardens located in Great Britain and the USA. Their symbolics, traditions and techniques used for their creation are described. The article features several elements of the gardens and how they depend on the national mentality of the country of their location. According to the article, at present time, there is no deep understanding of the specifics of Japanese garden culture in Great Britain and the USA, and the images of China and Japan contaminate. Keywords: Great Britain; the USA; Japanese gardens; Kew Botanical Garden; landscape; Japanese Gates; landscape design.

О японских садах вдали от Японии со сравнениями и случайными совпадениями /

текст
Ольга Смирнова /
text
Olga Smirnova

В Японии не была.
Но японские сады видела.
Натуральные сады, сделанные самими японцами, в Лондоне и в Сан-Франциско.
В Англии их, крупных, говорят, больше сорока, но я видела только два. Один – в ботаническом саду Кью. Он даже не совсем японский, потому что, стоя среди «Японии», видишь за деревьями китайскую пагоду. Но впечатление все равно больше японское, насколько может судить человек, не бывавший ни там, ни там. Запоминается этот сад, прежде всего, воротами Чокуши-мон. Такие роскошные резные деревянные ворота, закрытые с двух сторон. На некоторых картах и путеводителях сад так и называют – «Японские ворота». Ведут они ниоткуда и в никуда. И для пущей антиутилитарности огорожены штакетником без всякой видимости калитки. Ну, уж назначение забора всякому россиянину вполне понятно: он означает, что и в городе Лондоне, наверняка, бывают

вандалы. Некоторые источники утверждают, что это – копия Карамона (китайских ворот) Ниши Хонгана-хи, расположенных в Киото. И что были они построены в Лондоне в 1910 году. Мне понравилось в этих странных воротах, кроме их изумительной вписанности в пейзаж, то, что в них перед европейцем Япония с Китаем демонстрирует себя дружно и рядышком, согласно расстоянию, отделяющему Англию от обеих стран.

В этом английском японском саду использованы местные растения и газон, который традиция настоящих садов в Японии не предусматривает. Думаю, что это говорит о гибкости мышления японских ландшафтных дизайнеров. Но озеро в саду – гравийное, почти как в лучших традициях истинно японского мини-сада. Говорят, что этот стиль в Японии называется «каре-сансуй» (сухой сад, имитирующий ландшафты). Ну, в Японии, может быть, этот стиль люди и понимают адекватно, и на то, что изображает море, ногами не наступают. Но в Лондоне для несведущих посетителей на всякий случай установили табличку с просьбой не ходить по гравию, дополнив ее благодарностью от обслуживающего персонала за послушание. И, насколько я видела, действительно, по «заводе» не ходят. А вот, помню, в Сочи в конце прошлого века эту проблему решили проще. Там на таком же à la японском море догадливые русские скрепили песочные волны цементом. И тоже никто по ним не ходил. Без всякой специальной таблички. Не манило ступать по надолбам, знаете ли.

Второй сад в Англии я видела в самом центре британской столицы, в Хохланд-парке (Hochland Park). Называется «Сад Киото» (заметьте, опять Киото; в Кью отсюда ворота, здесь целый сад). Открыт он был в 1991 году. Это событие было приурочено к Японскому фестивалю, который прошел в Лондоне годом ранее. Создание сада стало совместной инициативой Торговой палаты Японии, Королевского бюро Кенсингтон и самого престижного района Лондона – Челси. Делала его целая команда профессиональных ландшафтных дизайнеров и архитекторов из Японии. Камни привезли тоже оттуда, а открывала сад настоящая японская принцесса. По крайней мере, так было сказано в специальной пояснительной табличке, установленной в этом саду у самой людной дорожки.

^ В японском саду в Кью использованы местные растения
v Японские ворота Чокуши-мон в саду Кью

Павлины в саду Киото в Хохланд парке

^ Эти камни были привезены из Японии в японский сад в Хохланд парке
v Пруд в саду Киото

On Japanese Gardens Located far away from Japan with Comparisons and Random Coincidences

Такие таблички, расставленные в Англии повсюду, мне очень нравятся. Сейчас подобные я вижу в заповеднике «Столбы». И мне хочется, чтобы они стояли не только там, а везде, где только нужно. Это же очень эффективное просвещение народа, как мне кажется.

Сад Киото вовсе не похож на те сады в Японии, что я во множестве видела на слайдах посетивших их людей. Потому что в нем, во-первых, живут павлины, а во-вторых, в этом саду есть водопад. Я специально полезла куда не положено, чтобы взглянуть, откуда течет вода, и увидела, как спрятана труба, из которой начинается поток. Моя дотошность мне пригодилась, когда мы делали каскад в нашем парке Флоры и фауны «Роев ручей».

Я не знаю, как там в Японии, но в этом японском саду есть много такого, что характерно именно для Англии. Например, игровое поле, на котором можно сразиться в крикет или погонять футбольный мяч. Есть тут экологический центр, оранжерея и здание оперы, где летом проводят спектакли прямо под открытым небом.

В экологическом центре работает школьная обучающая программа, которая преподносит важную информацию (об охране природы, например) в непринужденной обстановке. Этот центр принимает участие в защите местной природы, придумывает мероприятия по ее сохранению, проводит различные консультации, занимается вопросами повышения биоразнообразия. Вот такой кусочек Японии в симбиозе с вполне английским наполнением.

Третий японский сад я видела в Сан-Франциско в парке «Золотые ворота» (Golden Gate Park). (Опять, заметьте, ворота! Что за совпадения?) Называется он «Японский чайный сад» (Japanese Tea Garden). Это старейший из японских садов, расположенных за пределами Японии. Размер его 2 га.

После окончания Всемирной ярмарки эмигрант и садовник из Японии Макото Хагивара пришел к Джону Макларену, который тогда был смотрителем этого парка (на протяжении 53 лет, между прочим, с 1890 по 1943!) с интересной идеей. Хагивара решил реконструировать временную экспозицию в постоянный действующий парк. Он сам лично следил за ходом строительства Японского чайного парка, был его хранителем 30 лет (с 1895 по

^ В прудах Чайного сада плавают разноцветные карпы
v В Чайный сад вход платный

^ Один из совсем маленьких прудов в Чайном саду

1925 г.). Для этого сада он заказал в Японии 1000 сакур и множество других японских растений, птиц и даже золотых рыбок.

Он и его семья жили в саду и ухаживали за ним вплоть до 1942 года. После приказа под номером 9066 им было предложено покинуть Сан-Франциско и вместе с тысячами других японских семей переехать в лагерь, созданный для американцев с японскими корнями. Сад переименовали в «Восточный чайный сад», и он на некоторое время пришел в упадок. Название официально было восстановлено в 1952 году.

Этот сад на самом деле – коллекция мини-садов, зданий и экспонатов, многие из которых имеют богатую историю. Все, на мой взгляд, несколько эклектично, сделано немного с более грубым вкусом, чем отличается в моем восприятии все в Штатах, в отличие от изысканного вкуса садов Англии.

Но вижу я и сходство между этим садом в Америке и садами, виденными в Лондоне. Здесь тоже есть ворота, как и в японском саду в Кью. Они попроще, но зато вполне выполняют свою функцию. Есть и пагоды (даже несколько), хотя ни одна из них не сравнится, по-моему, в изяществе с той, что построена в садах Кью. Прудов здесь тоже несколько, и водопад, не такой большой, как в Хохланд-парке, но тоже есть. Золотые карпы есть обильно и в хорошем количестве. Для пущего сходства с Англией не хватает павлинов. Но зато руководящие таблички есть, как же без них.

Может быть оттого, что японцы, делавшие его, уже слишком давно жили в Америке, этот сад, на мой взгляд, несет на себе печать менталитета американцев. Хотя бы в том, что концентрат придумок в нем такой крепкий, что, во-первых, павлинам с их хвостами там и развернуться было бы негде, а во-вторых, и без павлинов от этого концентрата в конце концов устаешь: глазу не на чем отдохнуть. Так что этот отдых я устроила себе, выйдя из «Золотых ворот» и пройдясь пешком – до океана. Вот тут уж сибирский глаз нашел для себя достойный природный масштаб! А то, знаете ли, не привыкшие мы к такой парковой пышности, да еще на малом пространстве...

^ Мост в Чайном саду

^ И пагода, и беседка
расположены рядом
в Ворота в Чайном саду
несколько

Продолжаем публиковать фрагменты из книги Георгия Станишева, болгарского архитектора, теоретика и критика архитектуры (Станишев Г. Архитектурни теории в монолози 1985–2015. София : Изток–Запад, 2016). Приведенный ниже монолог Тойо Ито подготовлен Георгием Станишевым на базе разговора в Токийском офисе в 1995 году

В соответствии с темой номера предлагаем вниманию читателей монолог японского архитектора Тойо Ито об особенностях японского языка, мировосприятия и архитектурного самовыражения. В свободной, разговорной манере выражены мысли об особенностях японского языка, мировосприятия и архитектурного самовыражения. Тойо Ито утверждает, что современная архитектура должна быть своеобразным интерфейсом между человеком и внешним миром, с выбором вариантов и возможностей для изменения их взаимодействия. Ключевые слова: архитектура; Япония; теория; философия; Тойо Ито; Георгием Станишевым. /

We continue publishing the fragments of the book by Georgi Stanishev (Stanishev, G. (2016). Architectural theory in monologues 1985–2015. Sofia: Iztok-Zapad). The interview with Toyo Ito was held by Georgi Stanishev more than twenty years ago, in 1995. With the passage of time, it has become only more obvious that the ideas of the Japanese master are still topical today and will probably be up-to-date even tomorrow. Japan was the first among big countries of Eastern Asia to start searching for the synthesis of East and West. Toyo Ito was born in the beginning of the period of rapid westernization, which could be observed in Japan after the World War II. His world view, his ideas and creative activity are an outstanding example of the cultural exchange between East and West. Keywords: architecture; Toyo Ito; Georgi Stanishev; philosophy; methodology.

Границы, в которых происходят события / The Boundaries Where Things Happen

текст
Георгий Станишев
text
Georgi Stanishev

> Тойо Ито в своей студии (2016) / Toyo Ito in his studio (2016)

Значительная часть архитектурных проектов Тойо Ито связана с поиском новых степеней свободы в архитектуре, преобразованием архитектурного объекта в гибкую систему возможностей, адаптированных к меняющимся требованиям и условиям внешнего мира. В этой области архитекторы экспериментируют с несколькими концептуальными проблемами, проявляющимися через вполне прагматические проекты, в которых визуальная дематериализация архитектурных структур происходит с различной степенью их физической проницаемости, прозрачности и транслюцентности.

Параллельно с этим развиваются эксперименты в области интерактивной среды, в которой переход от одного состояния архитектурной системы к другому осуществляется посредством саморегулирования и реактивности к внешним требованиям и условиям. В этом отношении Ито, похоже, стремится следовать древним японским представлениям религии синто, рассматривая архитектурное пространство как живой, адаптивный организм.

Тойо Ито утверждает, что современная архитектура должна быть своеобразным интерфейсом между человеком и внешним миром, с выбором вариантов и возможностей для изменения их взаимодействия.

Японская культура сегодня действительно охватывает поле между двумя противоположными полюсами, один

из которых может быть представлен высокими технологиями на уровне научной фантастики, а второй – глубоким возрождением традиционных духовных ценностей локальной культуры. Я думаю, что вся японская традиция работает как комбинация, баланс между прозападной и протрадиционной ориентацией. В какой-то степени нынешняя ситуация является вопросом смены поколений. Предыдущее поколение было ближе к идее внедрения некоторых аспектов западной культуры, включая европейскую авангардную архитектуру, чем в японское общество. Мое поколение или, по крайней мере, я сам склонен искать другие пропорции в этом отношении. Как человек, живущий на границе между столетиями, я достаточно универсален, чтобы воспринимать мир с разных точек зрения как западных, так и восточных взглядов. Но я думаю, что процесс развития проекта в моем случае гораздо ближе к японской традиции, чем к западной архитектурной культуре. Видите ли, я едва могу говорить по-английски, но я могу выразить свои архитектурные отношения, сравнивая английский и японский, как я их понимаю. Английские слова, а также синтаксические правила, регулирующие взаимодействие между словами, очень определены и стабилизированы. Это совсем не так в японском языке, где одни и те же отношения и правила являются гораздо более гибкими, более свободными и поливалентными...

A great part of Toyo Ito's architectural works implies searching for new degrees of freedom in architecture and transformation of the architectural object into a flexible system of possibilities adapted to the demands and conditions of the outer world. In this field, architects experiment with several conceptual issues manifested in rather pragmatic projects, where the visual dematerialization of architectural structures occurs with different degrees of their physical permeability, transparency and translucency.

In a separate development, there are experiments in the field of interactive environment, where the transfer from one state of architectural system to another is provided by self-regulation and reaction to the external demands and conditions. In this regard, Ito seems to focus on following the ancient Japanese ideas of Shintoism, while treating architectural space as a living adaptable organism.

The monologue below was prepared by Georgi Stanishev on the basis of the conversation held in Ito's Tokyo office

in 1995. Toyo Ito asserts that in its contemporary format architecture should be considered as an interface between human being and its outer world, given the options and possibilities to change their interaction.

Japanese culture today embraces the field between two opposite poles, one of which is represented by high technologies at the level of science fiction, and the other is a developing deep revitalization of traditional spiritual values of the local culture. I think that the whole Japanese tradition works as a combination, a balance between the pro-Western and pro-traditional orientations. To some extent, today's situation is related to alternation of generations. The previous generation was closer to the idea to bring to the Japanese society some aspects of Western culture, including the European avant-garde architecture. My generation, or at least I, tend to search for some other respective proportions between the modern and the traditional. Living on the edge of the century, I am universal enough to perceive the world from both Western

Я бы сказал, что текстура японской речи более многозначна и поэтична. Схожие на первый взгляд языковые структуры могут иметь множество несовпадающих значений. И я бы сказал, что я проектирую пространство так же, как я использую слова на японском языке.

Порождающий потенциал границы

Да, можно найти общий знаменатель между проектированием и написанием поэтических текстов, особенно с учетом структуры японского языка. Я могу сравнить оба процесса с действием «забрасывания» идеи, понятия, слова в определенное пространство. Это понятие или идея обычно являются ответом на вопрос, поднятый самим пространством. При вторжении нового понятия, концепции в пространство создается смысловая периферия, которая обычно очень расплывчата. Что-то всегда происходит в этой периферии, в этом «пригороде» понятия. Периферия всегда является границей между различными значащими единицами. Это место интерактивных игр между идеями и окружающим ее пространством, активируемым идеями. Место для диалога между ними. Этот диалог порождает новые понятия и представления, которые начинают взаимодействовать через их семантические поля, и этот процесс продолжается как своего рода цепная реакция, ведущая к активизации новых смыслов и значений. Взаимодействие между проектной идеей и контекстом ее применения – реальный процесс создания нового, и я могу сравнить этот процесс с производством смысла в японском языке, в поэзии японской речи.

Проектирование как диалог

Действительно, это очень похоже на картину возникновения порядка из хаоса и обращения энтропии в эволюцию... Но затем возникает вопрос об импульсе, который управляет этим процессом... И, конечно, в этом смысле вы имеете право спросить, есть ли у нас какая-либо методология или стратегия при запуске нового процесса проектирования? Но не следует представлять себе, что всегда важно, с чего начинать... На самом деле, едва начавшись, процесс проектирования очень чувствителен к непредсказуемым конфликтам и случайным ситуациям. Первоначальная траектория может быть вдохновлена совершенно внешними обстоятельствами. Но как только вы

< Башня Ветров (Tower of Winds), здание – интерактивная инсталляция на привокзальной площади, Иокогама, 1991 г. / The Tower of Winds. The building represents an interactive installation on the square in front of the railway station. Yokohama, 1991

включите возможность, вероятность случайного, причина заменяется случайностью взаимодействий. Представьте, что вы бросаете камни в воду. Представьте себе туман над водой. Когда я приступаю к проектированию, поверхность воды не видна. Первоначально происходит только хаотичный поиск в тумане, чтобы нащарить чистую водную поверхность. Затем приходит время контакта между различиями, взаимодействиями... их столкновения порождают ядра, центры, которые генерируют эфирные волны изменений. Поиск в тумане наиболее подходящего слова, бросание идей в бесконечность космоса, наблюдение и отслеживание того, как эти идеи порождают реакции и формы, – в этом истинное удовольствие

and Eastern points of view. But I think that my design process is closer to Japanese tradition rather than to Western architectural culture. You see, I can hardly speak English, but I can express my architectural ideas, while comparing English and Japanese languages, as I understand them. English words and syntax rules that regulate the interaction between words are very definite and stable. It is not like in the Japanese language, where the same rules may be flexible and much more free and ambiguous...

I would say that the fabric of Japanese speech is more poetic and has more different meanings. The two seemingly similar language structures may have a number of diverging meanings. I would say, I design spaces the way I use Japanese words.

The boundary's emerging potential

Yes, we can find the common denominator between designing and writing poetry, especially taking into account the structure of the Japanese language. I can compare the two processes with "throwing" of an idea,

a notion or a word, into a certain space. This notion or concept usually responds to the question raised by this space. When a new idea or concept penetrates into the space, it creates a semantic periphery, which is usually very vague and indistinct. Something always happens at this periphery, at this "suburb" of the concept. The periphery is always a boundary between different meaningful items. It is a place of interactive games between an idea and the surrounding space activated by the idea. It is a place for a dialogue between them. This dialogue gives birth to new notions and ideas, which start interacting via their semantic fields. This process goes on as a sort of chain reaction leading to activation of new senses and meanings. The interaction between a project idea and the context of its implementation is a real process of creating something new. I can compare this process with production of meaning in the Japanese language, in the poetry of Japanese speech.

архитектурной профессии. В метафорическом смысле, именно так появилось решение Муниципального музея в Симосува. Этот проект вышел прямо из водной поверхности озера как реакция на наши проектные опыты.

Камень, по отношению к воде, выглядит как предмет для продолжения серии противопоставлений: жесткий против мягкого, перманентный против временного, устойчивый против гибкого. Я действительно описал в одной публикации современный город через традиционную концепцию японской народной архитектуры – сёдзи – с их характерными деревянными рамами и натянутыми на них шелковыми экранами. Независимо от различий в масштабах, обе структуры – и городская ткань, и внутренние пространства, ограниченные сёдзи, основаны на комбинациях жестких и постоянных элементов, с одной стороны, и эфемерных переменных частей – с другой. Сёдзи – это динамичная и гибкая система; она может

сжиматься и расширяться, расти через введение новых панелей и так далее. В европейской традиции нет ничего похожего на сёдзи, здесь мебель в основном статична... Вопрос, который всегда актуален: каков желаемый баланс между стабильностью и волатильностью... Что касается архитектуры, то, по моему мнению, она должна быть склонна к мягкому, преходящему и гибкому, то есть скорее быть сёдзи. Я начал исследования в этом направлении моим проектом Silver Hut House, где традиционный экран сёдзи, на который вы направили ваше внимание, превращен в алюминиевую мембрану.

У японцев есть специальная синтоистская церемония, связанная с отправной точкой в процессе строительства. Они загораживают определенную территорию матерчатыми ширмами, и это временное пространство становится священным. Рамка, окружающая пространство, превращает его в священное место, в сцену – но только на

> Музей архитектуры в
Имабари, 2011 /
The Museum of Architecture
in Imabari, 2011

Designing as a dialogue

Indeed, this looks like a picture of emerging of an order out of chaos and turning entropy into evolution... But then comes the issue of the impulse, which manages this process... In this regard, you can certainly ask if we have any methodology or a strategy when launching such a design process... But we should not assume that the point of the beginning is always that important... Actually, even just started, the design process is very sensitive to unpredictable conflicts and random situations. The initial trajectory can be inspired by absolutely external circumstances. But as soon as you admit a possibility of the unexpected, the cause becomes the randomness of interactions. Imagine that you throw stones into the water. When I enter upon a project, the surface of water is invisible. Initially, it is just a chaotic search in the fog to find a clean water surface. Then it is time for a contact between differences and interactions... their collisions give birth to the cores that generate ethereal waves of changes.

время, необходимое людям для проведения церемонии. Когда они покидают его, место становится снова нейтральным, лишённым всякого смысла. Это моя концепция архитектуры. Это не связано с ограничениями физической структуры здания. Архитектура – это процесс ритуализации пространства. Если вам понадобится священное пространство в течение более длительного периода, вы просто кладёте на него крышу; рамка превращается в стены, а опоры сёдзи превращаются в колонны.

Дематериализация архитектуры

Это действительно приводит нас к предположению, что архитектура имеет значение только тогда, когда мы ее видим или используем. На самом деле, это законный вопрос о том, должна ли архитектура исчезнуть, когда мы повернем голову в другом направлении... Действительно, сегодня, когда жизнь необычайно ускоряется, архитекту-

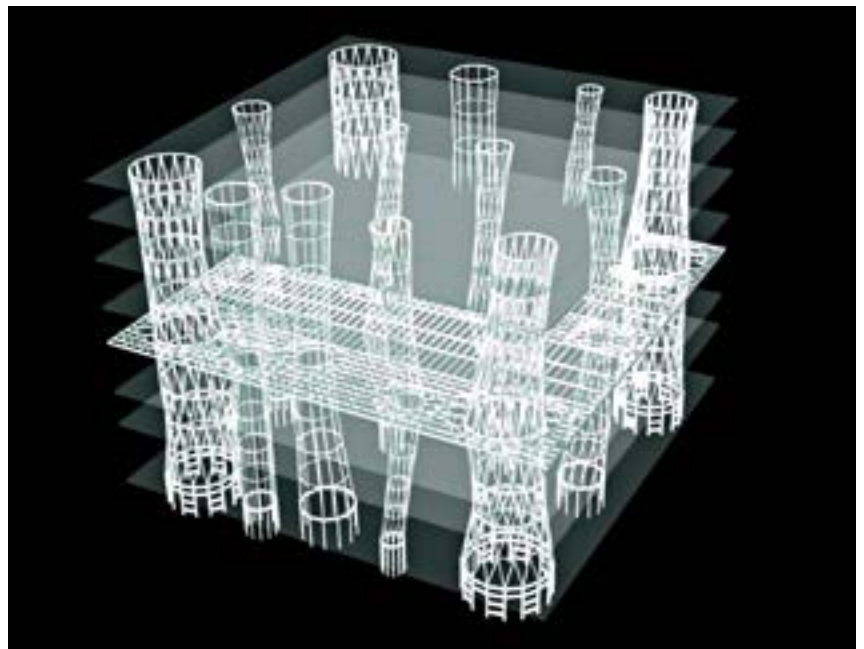
Searching in the fog for the most suitable word, throwing ideas into the infinite space, observing how these ideas generate reactions and forms brings the true pleasure to the architectural profession. Metaphorically, this is exactly how the concept for the Shimosuwa Municipal Museum appeared. This project just came out of the lake water surface as a reaction to our design experiments.

Correlated to the water, the stone looks like an object that continues the series of oppositions: hard against soft; permanent against temporary; stable against flexible. In one of my publications, I described a contemporary city through a traditional concept of shōji, a Japanese folk architecture element with its typical wooden frames and silk screens stretched upon them. Irrespective to their different scales, both the city fabric and the inner spaces limited by shōji are based on combinations of rigid and permanent elements, on the one side, and ephemeral and variable parts, on the other. Shōji is a dynamic and flexible system. It can shrink and enlarge, grow by means of new

ра должна научиться быть свободно, флуидно меняющейся вещью – как круги на воде, о которых я уже говорил. Эта эфемерная архитектура поддерживает и передает энергию изменений, которые вызывают появление новых центров влияния и, следовательно, нового архитектурного дизайна. Вот почему меня интересует временная, переходная архитектура, которая может быть дематериализована (как, например, в проекте Nomad's Pao), и архитектура, которая буквально дематериализована полупрозрачными экранами, стеклянными поверхностями и т. д. (например, здание ИТМ в Мацуяме, где интерьер вызывает ощущение практически невесомости).

Но сегодня меня все больше интересуют возможности поиска путей выражения нового потенциала архитектурной системы, чтобы отражать, реагировать на изменения в окружающей среде, адаптироваться к изменению условий жизни. Чтобы научить архитектуру реагиро-

в Медиатека в Сендай, Япония, 2002 / The Sendai Mediatheque, Japan, 2002

panels, etc. In the European tradition there is nothing like shōji, furniture is mostly static there... The ever-topical question is what the desirable balance between stability and volatility is... As for architecture, I think it should incline to something soft, transient and flexible, that is to be more shōji. I started a research in this direction in my project Silver Hut House, where the traditional shōji screen that has attracted your attention is turned into an aluminium membrane.

The Japanese have a special Shinto ceremony related to the starting point in the building process. They fence a certain area with fabric screens, and this temporary space becomes sacred. The frame that surrounds the space turns it into a sacred place and a scene only for the time needed for ceremonies. When abandoned, the place again becomes neutral and senseless. This is my concept of architecture. It is not related to limitation of the physical structure of the building. Architecture is a process of spatial ritualization. If you need a sacred space for a longer period, you just

cover it with a roof, the frame turns into walls, and shōji bearers turn into columns.

Dematerialization of architecture

This actually leads us to suggest that architecture has meaning only when we see it or use it. In fact, this brings us to the question shouldn't architecture disappear when you turn your head to the other side... Indeed, today, when the pace of life is drastically speeding up, architecture must learn to be a freely and fluidly changing thing – like circles on the water that I mentioned earlier. This ephemeral architecture supports and transmits the energy of changes, which initiate new centers of influence, and, consequently, a new architectural design. That is why I am interested in temporary and transitional architecture, which can be dematerialized, like, for example, in the project Nomad's Pao, and architecture which is literally dematerialized by semitransparent screens, glass surfaces and so on, like, for example, in the ITM Building in Matsuyama, where the interior creates an almost gravity-free effect.

в Жилой дом в Барселоне, Испания, 2009 / The residential house in Barcelona, Spain, 2009

вать на окружающую среду как организм, необходимо обеспечить ее системой датчиков, которая позволит ей отрегулировать свое собственное состояние и трансформировать сигналы в реакции.

Говорят, что выражение меняющейся реальности посредством метафорических образов структур, которые имеют потенциал для органического роста, гибкости и взаимозаменяемости элементов, было концепцией, которая доминировала в японской архитектуре в 1960-х и 1970-х годах... Но разница между 70-ми, 90-ми и текущими годами состоит в типе человека, для которого разработаны архитектура и вся окружающая среда, создаваемая архитекторами. Это отличие, из которого происходит и разница в системах выражений. В обществе, погруженном в море информации и пронизанном многообразными системами связи, как Япония сегодня, у каждого из нас есть два тела: «реальное тело», которое является нашим физическим присутствием, и «воображаемое тело», сформированное информацией, которую мы принимаем и излучаем. В повседневной жизни эти тела четко не дифференцированы. Но воображаемое, представляемое тело, образованное работой виртуальных образов, постепенно становится все более очевидным. Это подрывает компоненты, из которых строится общество. Фактически коллективные отношения, основанные на физическом присутствии, – общины, поселения, даже семьи – постепенно разрушаются за счет формирования групповых отношений мнимых тел.

Сегодня тело архитектуры также разделено аналогичным образом. Если вы видели Токио только вечером, вы не узнаете его днем: электронная атмосфера ночных городов создает совершенно иное визуальное присутствие.

Два тела

После моих экспериментов с компьютеризированной сенсорной системой для взаимодействия с окружающей средой в концептуальных инсталляциях, таких, как Tower of Winds, Egg of Winds и т. д., я пришел к выводу, что традиционные архитектурные языки очень ограничены в отношении типов реалий, которые они выражают. Видите ли, тут все зависит от того, о какой реальности речь... Современный город – это тонкое и неуловимое вещество, в котором потоки информации, потоки разной энергии

But today I am more attracted by the possibilities to search for the ways of expressing the new potential of the architectural system to reflect and respond to the changes in the environment and to adapt to changing living conditions. To teach architecture to respond to the environment as an organism, we should provide it with a system of sensors, which will give architecture the possibility to regulate its own condition and to transform signals into reactions.

It is believed that manifestation of the changing reality through metaphorical images of the structures that have a potential for organic growth, flexibility and interchangeability of their elements was a dominating concept of Japanese culture in the 1960s and the 1970s... But the difference between the 1970s, the 1990s and the present years is in the type of human being for which the architecture and the environment was created by architects. This difference also causes the change in the systems of expression. In a society flooded by the sea of

information and penetrated by various communication systems, like is present-day Japan, everyone has two bodies: a "real body" that is our physical presence, and an "imaginary body" formed by the information we accept and broadcast. These bodies are not strictly differentiated in everyday life. But the imaginary body formed by virtual images is gradually becoming more and more evident. This undermines the components that form the society. In fact, collective relations based on physical presence, such as communities, settlements and even families are being gradually ruined due to the establishment of group relations of imaginary bodies.

Today the body of architecture is divided in the same way. If you have seen Tokyo only in the evening, you will never recognize it in the daytime – the electronic ambiance of night cities creates rather different visual presence.

Two bodies

Having experimented with a computerized sensor system to interact with the environment in my conceptual

важнее материальной поверхности зданий. Эти невидимые потоки настолько сжаты в городском пространстве, что вы можете иногда ощущать их прямо вашим телом. Мы живем в атмосфере, мы дышим воздухом, наполненным информацией. Это конкретная реальность, состоящая из различных информационных энергий, которая сильно отличается от физической реальности города; это реальность, с которой все больше и больше придется работать архитектуре.

Я попытался представить все эти потоки на выставке, которая была показана несколько лет назад в Лондоне. Более пятидесяти проектировщиков отправляли фотографии на стены, пол и потолок выставочного зала, создавая впечатление постоянно меняющейся, текущей, трансформирующей реальности городской среды, вызывая ощущение виртуальной морской болезни.

Некоторое время назад мы начали эксперименты с проектами Egg of Winds и Tower of Winds как альтернативными способами выражения архитектурных реакций на изменения окружающей среды. Теперь мы экспериментируем со специальными типами устройств, которые могут использоваться, чтобы позволить архитектуре находиться в постоянном диалоге с окружающей средой.

Конечно, преобразование архитектуры в самонастраивающуюся адаптивную среду ставит вопрос о новых типах технологий, сооружений и оборудования. Чтобы содействовать технологическому развитию в этой области, я участвовал в Международной конференции по электронному оборудованию для архитектуры в Линце, Австрия, которая в основном организована для архитекторов. Существует несколько тем для обсуждения, включая CAD-системы и пространственное моделирование в рамках различных функций аппаратного и программного обеспечения. Для меня самая интригующая идея заключается в возможности создания особого вида пространства с высокотехнологичными системами, обеспечивающими интерактивную связь архитектурного объекта с окружающим миром, который я условно называю «авант-пространством».

На примитивном уровне это было достигнуто в проекте Tower of Winds в Иокогаме, где большая цилиндрическая бетонная башня (не что иное, как оболочка вентиляци-

v ОТЕЛЬ «ПОРТО ФИРА» (Torres Porta Fira), Барселона, Испания, 2010 / Torres Porta Fira, Barcelona, Spain, 2010

installations, such as the Tower of Winds, the Egg of Winds, etc., I came to the conclusion that traditional architectural languages are very limited in regard to types of realities they express. You see, it depends on the reality concerned... The contemporary city is a subtle and ephemeral fabric in which streams of information, the flows of different kinds of energies, are more important than the material surfaces of the buildings. These invisible streams are so condensed in the city space that sometimes you can perceive them directly with your body. We live in the ambiance, we breathe air saturated with information. It's a specific reality composed by different information energies which is very different from the physical reality of the city; it's a reality architecture has to deal with more and more.

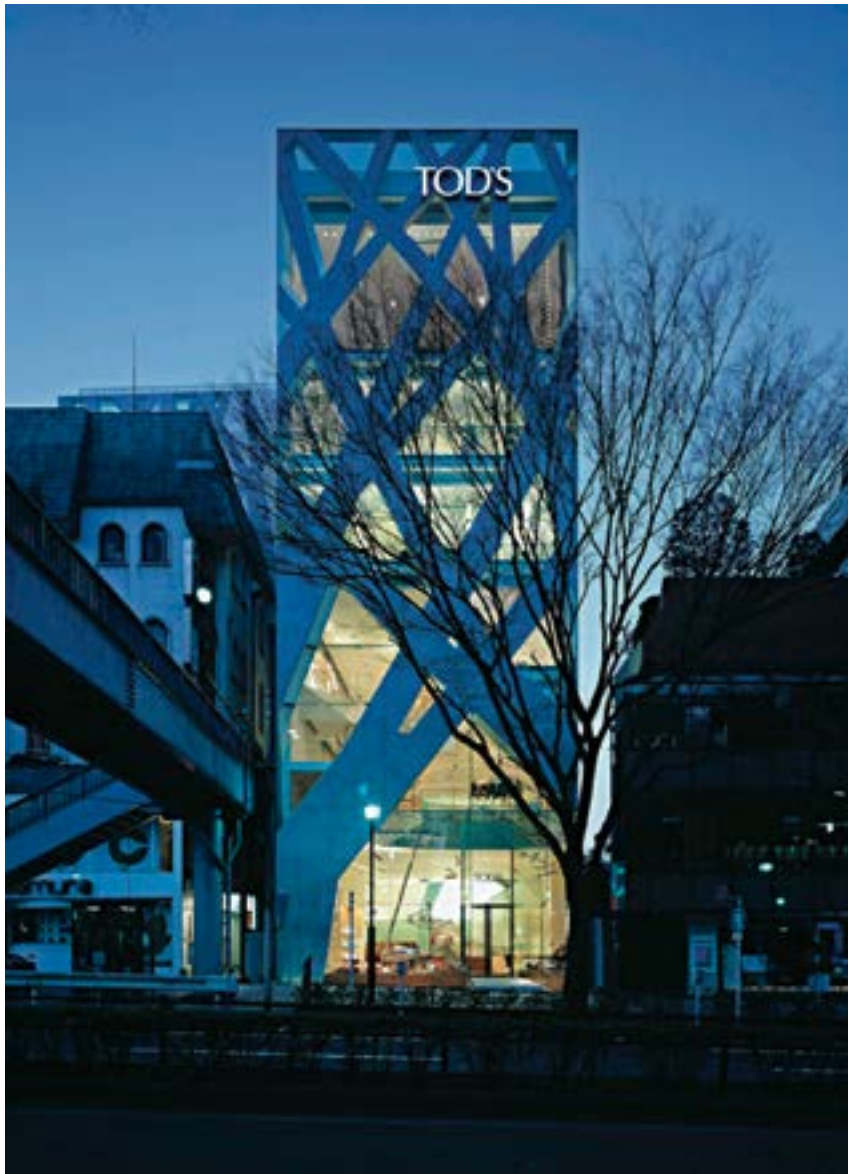
I tried to present all these streams at the exhibition that was held in London several years ago. More than fifty projection units spread photographs onto the walls, the floor and the ceiling of the exhibition room, giving the impression of a constantly changing, flowing and

transforming reality of urban environment and evoking sensation of a virtual vertigo.

Several years ago we started experimenting with the projects Egg of Winds and Tower of Winds as alternative ways of expressing architectural reactions to changes in the environment. Now we are experimenting with special types of devices that can be used to ensure a constant dialogue between architecture and the environment.

Certainly, transformation of architecture into a self-regulating adaptable environment raises a question of new types of technologies, structures and equipment. To support the technological development in this field I participated in the International Conference on Electronic Equipment for Architecture in Linz, Austria, which was generally meant to be organized for architects. There were several topics of discussion, including CAD systems and spatial modeling in terms of different hardware and software functions. For me, the most intriguing idea was the possibility to create a specific space with high

v Здание магазина «Тодс» (Tods) на бульваре Омотесандо, Токио, Япония, 2004 / TOD'S Omotesando Building, Tokyo, Japan, 2004

оборудования подземного торгового центра на площади напротив железнодорожного вокзала) была превращена в экспериментальную интерактивную скульптуру. Мы покрыли стены этого цилиндра полупрозрачными алюминиевыми листами и установили 20 неоновых колец и более 1100 фиксированных огней. Ночью они включаются и видны через алюминий. Все огни контролируются компьютерами, которые согласовывают их с сигналами, поступающими от двух основных датчиков в башне: один реагирует на мощность ветра, а другой – на интенсивность внешнего шума.

Позже мы экспериментировали с другими типами виртуального пространства в реальных архитектурных проектах, но это было давно. Например, в конкурсе на проект Национальной библиотеки в Париже я предложил новое архитектурное пространственное устройство, которое я назвал Electronic Plaza. Это пространство эллиптической формы, которое должно выступать в роли контейнера и распространителя информации. Существует нечто вроде магнитного поля вокруг квадрата из-за плотного сжатия информации и «информационных ветров», которые дуют в нем... Квадратное пространство полностью контролируется электронным способом с точки зрения света, звука, отопления и, конечно же, входа и выхода данных. Это место является сердцем библиотеки. Площадь квадрата выглядит как любое другое квадратное пространство и все же существует только как функция электронного, информационного и коммуникационного поля. В каком-то смысле вы можете включать и выключать такую электронную площадь, когда захотите... Это делает архитектуру функцией информационных полей и энергий. Вы можете представить себе выключенный Париж? На данный момент это вариант в любой из возможных концептуальных реальностей. Но мы могли бы представить себе такой воображаемый мир, в котором архитектура может быть включена и выключена по мере необходимости, или, как вы это выразили, «поворачивая голову в другую сторону».

Свобода выбора

Естественно, здесь встает вопрос о том, насколько мы можем виртуализировать архитектуру, превратить ее в конвертер, трансформатор информационных потоков...

technology systems that ensure interactive connection between an architectural object with the surrounding world, the “avant-space” as I call it.

On a primitive level, it was implemented in the project Tower of Winds in Yokohama where we turned a big cylindrical concrete tower, which was nothing more than an envelope for the ventilating equipment of the underground trade center located on the square in front of the railway station, into an experimental interactive sculpture. We covered the walls of that cylinder with perforated semitransparent aluminum sheets and installed 20 fluorescent rings and more than 1100 fixed lights. At night, they are lit up and seen through the aluminum meshwork. All lights are controlled by computers. They coordinate the lights with the signals coming from two primary detectors of the tower: one of them reacts to the strength of wind, and the other to the intensity of external noise.

Then we experimented with other types of virtual space in different architectural projects, but it was long

ago. For example, I proposed a new architectural spatial facility that I called Electronic Plaza for the competition of projects for the National Library in Paris. It is an elliptical space that functions as a container and a disseminator of information. There is a kind of magnetic field around the plaza because of the dense compression of information and “informational winds” blowing inside... The square space is fully electronically controlled – in terms of light, sound, heating, and, of course, data input and output. This place is the heart of the library. The area of the plaza looks like any other square space, but it exists only as a function of the electronic, informational and communicational fields. In a sense, you can switch this electronic square on and off as you like... This makes architecture a function of information fields and energies. Can you imagine a switched-off Paris? At this moment it is an option in any possible conceptual realities, but we could imagine a world where architecture could be switched on and off when necessary, or, as you put it, “turning one’s head to the other side”.

Но, с другой стороны, архитектура всегда была системой, которая трансформирует внешние «дикие», естественные и природные условия в некое приемлемое состояние пространства. Теперь информационная среда в значительной степени заменила природную среду. Информационные и компьютерные технологии умножают нашу способность одновременно находиться в нескольких точках, концентрируя время и повышая его эффективность. Эти специ-

фические сооружения делают архитектуру намного более эффективной. Они фактически превращают архитектуру в экранные меню вариантов и опций. Такой экспериментальный проект представляет собой, например, Медиа-тека Сэндай, где информационные потоки соотносены с физическими питающими потоками и выражаются как вертикальные связки, которые также являются физическими опорами здания.

< Здание библиотеки университета искусств Тама (Тама) в Токио, Япония, 2007 / Tama Art University Library in Tokyo, Japan, 2007

The freedom of choice

Naturally, the question then arises as to what extent we can virtualize architecture, turn it into a converter or a transformer of informational flows... But on the other side, architecture has always been a system that transforms external "wild" and natural context into an appropriate condition of the controlled space. At present, the informational environment has widely replaced the natural environment. Information and computer technologies multiply our ability to be at several different points simultaneously, while concentrating the time and raising its efficiency. These specific facilities make architecture more efficient. They practically turn architecture into on-screen menus of variants and options. The Sendai Mediatheque is an example of such an experimental project, where informational streams are correlated with physical supply streams and represent vertical bundles, which also serve as physical supports of the building.

Coming back to the beginning of our conversation,

I would say that architectural culture usually balances between the poles of fundamental traditional roots and the innovative stream of changes. This balance is very delicate... But keep in mind that I speak here about the polarities in architectural landscape not because I find it a desirable condition in itself and not because I find this direction interesting. The matter is that this polarity is a part of dynamics of natural forces that regulate evolution: the pole of conservative stability exists in culture without my interference or influence. But still I believe that my works reflect a sort of balance between two extremes. Look at Japan... We live in a very peculiar cultural environment, where traditional (for example, Buddhist) cosmology interfuses with the boldest scientific concepts and the most advanced technological solutions. The most paradoxical thing is that these two pictures never contradict each other.

In this respect, astronauts probably have the feelings similar to what Kukai, one of the most famous Japanese

^ Модель здания
Метрополитен-опера
в Тайджун (Taichung),
Тайвань, 2006 /
Model of the Taichung
Metropolitan Opera, Taiwan,
2006

Если мы вернемся к началу нашего разговора, можно сказать, что архитектурная культура обычно балансирует между полюсами фундаментальных традиционных корней и инновационным потоком перемен. Этот баланс – очень хрупкая вещь... Но имейте в виду, что я говорил здесь о полярностях в архитектурном ландшафте не потому, что это желательное состояние само по себе, и не потому, что это направление меня интересует. Просто эта полярность является частью динамики природных сил, регулирующих эволюцию: полюс консервативной стабильности существует в культуре без моего вмешательства и влияния. Все же я верю: то, что я разрабатываю, отражает некое равновесие и баланс между двумя крайностями. Посмотрите на Японию... Мы живем в очень специфической культурной среде, где традиционная – скажем, буддист-

ская, – космология смешивается с самыми смелыми научными концепциями и самыми передовыми технологическими разработками. И самым парадоксальным является то, что эти две картины не противоречат друг другу.

В этом смысле, вероятно, переживания astronauts в космосе аналогичны тому, что Кукай – один из самых известных буддийских священников девятого века в Японии – переживал в его медитациях. Это можно интерпретировать как доказательство того, что научная фантастика, создавая искусственную среду и ее новые технологии – с одной стороны, и развитие традиционного духовного понимания природы – с другой, на самом деле представляют две поверхности с общим краем, общей границей. Границей, где и происходят события.

Buddhist priests of the 9th century, felt in his meditations. It can be interpreted as a proof of the fact that science fiction that creates artificial environment and its new technologies on the one hand and development of traditional spiritual comprehension of nature on the other hand are actually two surfaces with a common edge, a common boundary. The boundary where things happen.

Toyo Ito is a prominent Japanese architect and designer, whose work is related to the post-metabolist and conceptual architecture.

He was born in 1941 in Seoul, Korea to Japanese parents. In 1943, his family moved back to Japan. He graduated from the University of Tokyo's department of architecture in 1965. He worked for Kiyonori Kikutake Architect and Associates from 1965 to 1969, and then in 1971 he started his own studio in Tokyo named Urban Robot and later renamed to Toyo Ito & Associates, Architects.

Initially, Toyo Ito designed mostly individual houses. Toyo Ito became known as a creative architect together

with the realization of Tower of Winds and Egg of Winds (1991). His works include the Yatsushiro Municipal Museum, the Kindergarten 117 in Frankfurt, the Sendai Mediatheque, the Serpentine Gallery in Hyde Park, London, the Bruges Pavilion, the Tod's store in Tokyo, VivoCity in Singapore, the Torre Realia BCN and the Hotel Porta Fira in Barcelona, the World Games Stadium in Taiwan, the Museum of Architecture in Imabari, Japan and many others.

Toyo Ito has received many prestigious architectural awards, including International Academy of Architecture "Interarch' 97" Gold Medal and Grand Prix in Sofia, Arnold W. Brunner Memorial Prize in architecture from the American Academy of Arts and Letters (1998), Gold prize of the Japanese Good Design Award (2001), Gold Medal from the Royal Institute of British Architects (2006), Pritzker Architecture Prize (2013). In 2017 the International Union of Architects awarded Toyo Ito the Gold Medal, the most prestigious award given to an architect by architects.

Тойо Ито является передовым японским архитектором и дизайнером, чья работа связана с метаболистической и концептуальной архитектурой.

Родился в 1941 году в Сеуле (Корея), в японской семье. В 1943 году семья вернулась в Японию, и он закончил архитектурный факультет в Токийском университете в 1965 г. С 1965 по 1969 год он работал в архитектурном офисе Кикутакэ, Киёнори, а в 1971 году основал в Токио собственное бюро Urban Robot, переименованный позже в Toyo Ito & Associates, Architects.

Первоначально Тойо Ито проектировал в основном индивидуальные дома. Его известность в качестве творческого архитектора приходит, когда были реализованы Tower of Winds и Egg of Winds (1991). Его проекты включают Городской музей в Yatsushiro, Детский сад 117 во Франкфурте, Медиатека в Сендай, архитектурный павильон Serpentine Gallery в Гайд-парке (Лондон), Павильон в Брюгге, строительный магазин «Tods» в Токио, VivoCity в Сингапуре, Torre Realia BCN и отель «Porta Fira» (Барселона), стадион для Всемирных игр в Тайване, музей архитектуры в Imabari, Японии и многие другие.

Тойо Ито является лауреатом многих престижных архитектурных наград, в том числе золотой медали и Гран-при Международной академии архитектуры - Интерарх'97 в Софии, премии в память Арнольда Бруннера Американской академии искусств (1998), золотой медалью Японской академии дизайна (2001), золотой медали Королевского института британских архитекторов (2006), Премии «Пritzker» за 2013 год.

В 2017 году Тойо Ито был удостоен Золотой медали Международного союза архитекторов – высшей награды, которую вручают практикующим архитекторам по признанию коллег.

> Лампа «Облако», 2001 / Cloud Lamp, 2001

Архитектурные фирмы Atelier de la Seine и Rethink и инженерная компания Pouget Consultants получили заказ от собственника социального жилья Paris Habitat на широкомасштабную реновацию социального жилого комплекса, расположенного в исторической части Парижа. Комплекс был построен в 1930 году. На его территории находится бывший колледж Ломбар, построенный в XVII веке. Комплекс принадлежит к типологии социального жилья «Бон Марше» периода с 1894 по 1949 гг., основные характеристики которой – интеграция жилья в городской контекст и кирпичные фасады домов. Проект реновации направлен на уменьшение энергопотребления, что является актуальным, учитывая, что из общего количества социального жилья Франции (4,6 млн. домов) более половины было построено до 1975 года (до первых терморегуляционных мероприятий), и многие дома все еще считаются энергоемкими.

Ключевые слова: Paris habitat; Париж; социальное жилье; жилье «Бон Марше»; HBM; реновация; уменьшение потребления энергии. /

The architecture offices Atelier de la Seine and Rethink have been commissioned with the engineers Pouget Consultants by the social landlord Paris Habitat for the extensive renovation of a social housing estate in the historic centre of Paris. The estate has been built in 1930 and integrates a part of the former college of the Lombard build in the 17th century. It belongs to the social housing typology 'Habitations à Bon Marché (HBM)' constructed between 1894 and 1949. This typology is generally characterized by its integration in its urban context and an apparent brick facade. The renovation project includes a focus on the reduction of the energy consumption. An important subject, as of the total number of 4.6 millions of social housing in France more than 50 % have been build before 1975 (before the first thermal regulation) and many are still considered energy-intensive.

Keywords: Paris Habitat; Paris; social housing; Habitations à Bon Marché; HBM; renovation; energy reduction

Жилой комплекс «Карм Политекник» в сердце Парижа Энергомодернизация социального жилья в Париже /

текст
Кристиан Хорн /
text
Christian Horn

авторский коллектив
Rethink – solutions for the built environment
Christian HORN – архитектор, градостроитель
Веб-сайт: www.rethink.fr
Блог: www.urbanplanet.info
Atelier de la Seine
Alexandre ANDREASSIAN – архитектор
Lionel PÉNISSON – архитектор
Веб-сайт: www.atelierdelaseine.com
Pouget Consultants
Веб-сайт: www.pouget-consultants.eu

Team of authors:
Rethink – solutions for the built environment
Christian HORN, architect urban-planner
web: www.rethink.fr
blog: www.urbanplanet.info
Atelier de la Seine
Alexandre ANDREASSIAN, architect
Lionel PÉNISSON, architect
web: www.atelierdelaseine.com
Pouget Consultants
web: www.pouget-consultants.eu

Необходимость снижения энергопотребления

Одной из главных задач системы энергообеспечения является снижение энергопотребления. Здания во Франции потребляют огромное количество энергии. По данным Министерства окружающей среды, энергетики и моря, этот сектор в 2015 году достиг 45% мирового энергопотребления. В связи с этим важную роль играет энергоэффективная модернизация существующих зданий. Большинство из них было построено до 1975 года, то есть до первых терморегуляционных мероприятий, которые проводились после первого нефтяного кризиса 1973 года применительно к новым жилым зданиям и заключались в изоляции стен и регулировании системы отопления.

На диаграмме видно, что 53% жилого фонда Парижа было построено до 1914 года, начиная со времен основания римского города Лютеции (в 50 г. до н. э.). Затем последовал период интенсивного строительства домов (с 1918 по

1975 гг.). За эти 57 лет в Париже было построено еще 33% жилья. 1975 год ознаменовал завершение периода сильного экономического роста во Франции, известного под названием «Славное тридцатилетие», после чего строительство жилья пошло на спад.

Что касается социального жилья во Франции, из его общего количества, равного 4,6 миллионов домов, до 1975 года было построено более 50%. Если говорить об энергоэффективности такого жилья, то среднее потребление первичных энергоресурсов равно 190 кВтч электроэнергии/кв. м/год. При этом в 2012 году энергемки считались около 980 000 домов (21% от общего числа): их среднее потребление было равно 330 кВтч электроэнергии/кв. м/год (Eclairage n°5 : Logement social et transition énergétique, 2014).

Для сравнения: современные системы терморегуляции жилья (RT2012) нацелены на показатель потребления первичных энергоресурсов, равный 50 кВтч элек-

троэнергии/кв.м/год. Но сегодня только один процент существующего фонда социального жилья достигает такого показателя.

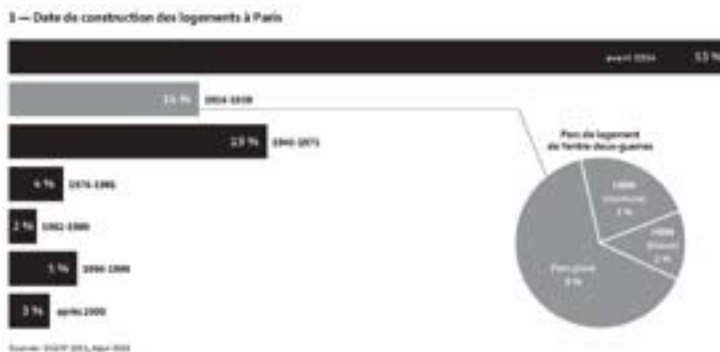
Поэтому снижение энергопотребления является одной из главных задач реновации жилья. Решение этой задачи напрямую связано с уменьшением выбросов парниковых газов и снижением затрат на электроэнергию.

Жилье «Бон Марше»

Реновация комплекса социального жилья, расположенного между улицами Карм и Эколь Политекник в 5-м округе Парижа, проводилась архитектурными бюро Atelier de la Seine и Rethink и было направлено на решение упомянутых задач.

Возведение этого комплекса, вмещающего в себя 63 квартиры, длилось с 1930 по 1934 год и пришлось на период строительства так называемого жилья «Бон Марше». Эта типология жилья для рабочего класса в основном применялась с 1894 по 1949 гг. Она положила начало строительству социального жилья, которое стало частью программы, инициированной государственным властями. До 1894 года вопрос обеспечения рабочих жильем должен был решать в основном работодатель, что зачастую приводило к неприемлемым условиям жизни.

Две главные черты отличают жилье «Бон Марше» от социального жилья, построенного после 1949 года. В масштабе города жилые дома «Бон Марше» интегрированы в городской контекст, в то время как после 1949 года социальное

> Периоды жилищного строительства в Париже. Автор: APUR 2016 / Periods of housing construction on Paris. Author: APUR 2016

The necessity of the reduction in energy consumption

Reducing energy consumption is one of the major challenges for the energy transition. The buildings in France represent the largest energy-consuming sector. Its part in the global energy consumption reaches nearly 45% in 2015 (Source: Ministry of the Environment, Energy and the Sea). In consequence the energy renovation of existing building plays a major role. Most of today's existing buildings have been built before 1975. That means before the first thermal regulation from 1975, that had been introduced following the first oil crises of 1973. It only applied to new residential

buildings, imposing a wall insulation and a regulation of heating systems.

In the case of Paris, as shown in the diagram, 53% of all housing have been built before 1914, since its foundation as the Roman city of Lutetia in 50bc. It followed a very intensive period of housing construction between 1918 and 1975. During just 57 years another 33% of all housing in Paris have been built. 1975 marked the end of a period with a strong economic growth in France, called the 'Trente Glorieuses', and a reduction of the housing construction in the following years.

Regarding social housing in France, of the total number of 4.6 millions of

social housing more than 50 % had been built before 1975. In terms of energy performance the average consumption of conventional primary energy of social housing is 190 kWh ep/m²/year. And about 980000 housings, 21% of the total stock, are considered energy-intensive in 2012 with an average consumption of 330 kWh ep/m²/year (Source: Eclairage n°5 : Logement social et transition énergétique, 2014).

In comparison the current thermal regulation (RT2012) aims a consumption of primary energy of 50 kWh ep/m²/year for new construction. But today only 1 % of the existing social housing stock reaches this goal. So the reduction

of the energy consumption is one of the main objectives for its renovation. An objective linked with the reduction of greenhouse gas emissions and the charges of energy costs for the tenants.

The "Habitations à Bon Marché (HBM)"

The renovation of the social housing estate situated in the Rue des Carmes and Rue de l'École Polytechnique in the 5th arrondissement of Paris, conducted by the architecture offices Atelier de la Seine and Rethink, includes these objectives.

This social housing estate with 63 flats has been built between 1930 and 1934 in the period of the construction of

Carmes Polytechnique, Housing in the Heart of Paris Energy renovation of a social housing estate in Paris

^ Внутренний двор жилых домов «Бон Марше» в Париже. Автор: Office Rethink 2017 / An HBM courtyard in Paris. Author: Office Rethink 2017

жилье часто строилось в пригороде, далеко от индустрии и частных домовладений. В архитектурном масштабе жилье «Бон Марше» легко узнать благодаря его кирпичным фасадам. Кирпич и ранее использовался в строительстве домов, но в качестве строительного материала для главных фасадов он использовался редко. «Османовские» дома XVIII века можно узнать по их каменным фасадам. А после

1949 года основным строительным материалом стали сборные железобетонные элементы.

Около 38 000 жилых домов Парижа входят в типологию «Бон Марше» и располагаются в основном на «бульварах маршалов», опоясывающих город. 81% такого жилья был построен в период с 1926 по 1939гг. (Les Habitations à Bon Marché de la ceinture de Paris : étude historique, 2017). Благодаря

усилиям государственных властей с 1918 по 1939 г. жилые дома «Бон Марше» составляли 36% от всего жилищного строительства.

«Карм Политекник»

Жилой комплекс «Карм Политекник» – один из редких примеров жилья «Бон Марше», построенного в историческом центре. Он расположен на северном склоне горы Св. Женевьевы, чуть ниже Пантеона,

внутри периметра древнеримского города Лютеция.

Часть жилого комплекса была построена в XVII веке и принадлежала колледжу Ломбар. Позднее колледж был частично снесен. Его центральная часовня стала церковью Св. Ефрема Сирина и действует по сей день. В 1930-х то, что осталось от колледжа Ломбар, было совершенно неуместно присоединено к новой застройке жилого комплекса «Карм Политекник».

Новая застройка данного жилого комплекса расположена вдоль трех улиц: улицы Карм, ведущей наверх

^ Расположение комплекса «Карм-Политекник». Автор: Office Atelier de la Seine / Rethink 2017 / Urban situation of the HBM Carmes-Polytechnique. Author: Office Atelier de la Seine / Rethink 2017

the so called "Habitations à Bon Marché (HBM)". This typology of housing for the working class has been generally employed from 1894 until 1949. It marked the beginning of the construction of social housing as an initiative and mission of the public authorities. Before 1894 it had mainly been the role of the industrial employers to provide workman's dwelling, leading in many cases to indecent and insalubrious housing conditions.

Two characteristics differentiate the HBM from the social housing build after 1949. On the urban scale the HBM are integrated in its urban context, while after 1949 social housing was often built

in the suburban areas, detached from its surrounding of industry, individual housing or fields. On the architectural scale the HBM are easily recognizable by their apparent brick façade. Brick had been used before in the housing construction, but rarely as an apparent building material on the main façades. The Haussmann buildings of the 18th century are recognizable by their stone façades. And after 1949 prefabricated concert elements became the main construction material.

In Paris about 38 000 dwellings are part of the HBM typology, mostly build on the Boulevards of the Marshals that encircle the city of Paris near its

outermost margins. 81 % of the HBM have been built between 1926 and 1939 (Source: Les Habitations à Bon Marché de la ceinture de Paris : étude historique, 2017). An important effort of the public authorities at this time and between 1918 and 1939 36% of all housing construction in Paris were of the HBM typology.

Carmes-Polytechnique

The housing estate Carmes-Polytechnique is one of the very rare HBM built in the historic centre. It is located in the historical district of the Sainte Geneviève mountain, on its North East slope just below the Pantheon, and in the perimeter of the ancient Roman city

of Lutetia.

A part of this housing estate was built in the 17th century and belonged to the college of the Lombard. Later the college was partly demolished, leaving the central chapel, that became the church Saint-Éphrem-le-Syriaque, as it is today. In the 1930th a leftover of this college of the Lombard was attached in an inept manner to the new construction of the housing estate Carmes-Polytechnique.

This new housing estate develops along three streets, the rue des Carmes leading uphill to the Pantheon, the rue de l'École Polytechnique and the impasse des Boeufs. Three entrances lead to four staircases, as the staircase of the 17th

^ Вид с башни Собора Парижской Богоматери на гору Св. Женевиёвы. Автор: ARR / View from the tower of Notre-Dame de Paris on the Sainte Geneviève mountain. Author: ARR

> Улучшение доступности лестничных клеток. Автор: Office Atelier de la Seine / Rethink 2017 / Simplifying the accessibility of the staircases. Author: Office Atelier de la Seine / Rethink 2017

к Пантеону, улицы Эколь Политекник и тупика Беф. Три входа ведут к четырем лестничным клеткам, поскольку лестница здания XVII века была присоединена к новому входу с улицы Карм. Здания 1930 года имели два разных фасада. В основном это кирпичный фасад, типичный для жилья «Бон Марше». А вид на историческую церковь Св. Ефрема Сирина обрамляют фасады с несущей (декоративной??) каменной облицовкой.

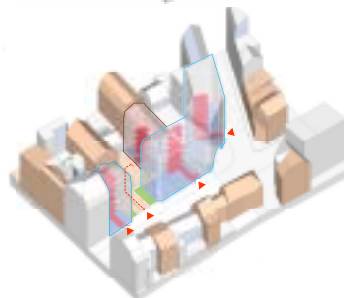
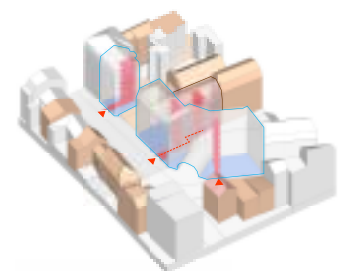
Реновация

В 2017 году собственник социального жилья Paris Habitat заключил договор с архитектурными фирмами Atelier de la Seine и Rethink на выполнение проектных работ и осуществление контроля обширной реновации зданий и квартир. При этом особое внимание предполагалось уделить вопросу энергоэффективности. Для решения этого вопроса мы пригласили к сотрудничеству инженеров фирмы Pouget

Consultants. Поскольку реновация должна была происходить на заселенной территории, собственник жилья воспользовался услугами социологической фирмы Le Frene, которая связалась с каждым жильцом и рассказала о предстоящих реновационных работах.

Сегодня жилой комплекс не имеет крупных дефектов, но совокупность различных признаков износа вызывает необходимость общей реновации. Мы разделили предстоящие работы на четыре категории: интеграция в городскую среду, оболочка зданий (фасад и крыша), зоны общего пользования и квартиры.

Участок имеет плотную застройку и окружен главным образом бе-

century building had been attached to a new entrance on the rue des Carmes. The 1930 buildings have been constructed with two different façades. Manly with the typical HBM brick façade, and with a non-bearing stone cladding on the façades that frame the view to the historic church Saint-Éphrem-le-Syriaque.

The renovation

The social landlord Paris Habitat commissioned our architecture offices Atelier de la Seine and Rethink in 2017 to plan and supervise an extensive renovation of the buildings and flats, with a focus on the energy efficacy. For this we asked the engineers office Pouget Consultants to join our team. As the

renovation will be conducted in an occupied site, the landlord commissioned the sociologists office Le Frene to contact all tenants individually and to explain and discuss on the coming renovation works.

Today the housing estate has no major defects, but a combination of different deterioration that make the overall renovation necessary. We divided the interventions in four categories: the urban integration, the envelope (facade and roof), the common areas and the flats.

The site is densely build and mostly surrounded by concrete and stone surfaces. While summer temperature generally rises in France through climate

change, this is even emphasized in larger cities through the effect of the urban heat island. The summer temperature in Paris is already about 3-4°C higher than in the rural areas surrounding the city. This leads to physical stress for children and older people during heat waves. To counter steer we identified exterior spaces that could be greened, including the roof terraces. By the redesign of these spaces we also improve and clarify the accessibility of the different buildings.

The work on the envelope concerns mainly the improvement of the insulation to reduce the thermal losses. Interventions on the insulation of the roof

and the interior surface of the façades, the replacement of all windows and landing doors of the flats and the installation of airlocks in the entrances areas. An exterior thermal insulation, even if more efficient, is impossible because of the historic value of the brick and stone façades, so we foresee a cleaning and reparation of these façades.

The common areas on the ground floor are not adapted to today's needs. There is not enough space for waste containers, nor baby strollers or bicycles and hardly any space for the encounter of the tenants. They are mainly functional and do not encourage social interaction of the tenants. In our proposal, we enlarge

< Строительство жилого комплекса «Карм Политекник» типологии «Бон Марше» (слева – церковь Св. Ефрема Сирина, в середине – здание XVII века, справа – новые здания 1930-х гг. Автор: ARR / Construction of the HBM Carmes Polytechnique (left the church Saint-Éphrem-le-Syriaque, middle the 17th century building, right the new 1930 buildings). Author: ARR.

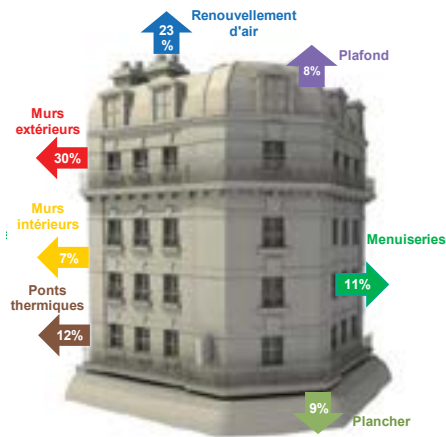

< Каменный фасад зданий 1930-х гг. Автор: Office Atelier de la Seine / Rethink 2017 / The stone façade of the 1930th buildings. Author: Office Atelier de la Seine / Rethink 2017

v Кирпичный фасад зданий 1930-х гг. Автор: Office Atelier de la Seine / Rethink 2017 / The brick façade of the 1930th buildings. Author: Office Atelier de la Seine / Rethink 2017

v Каменный фасад здания XVII века. Автор: Office Atelier de la Seine / Rethink 2017 / The stone façade of the 17th century building. Author: Office Atelier de la Seine / Rethink 2017

21 rue des Carmes 75005 Paris

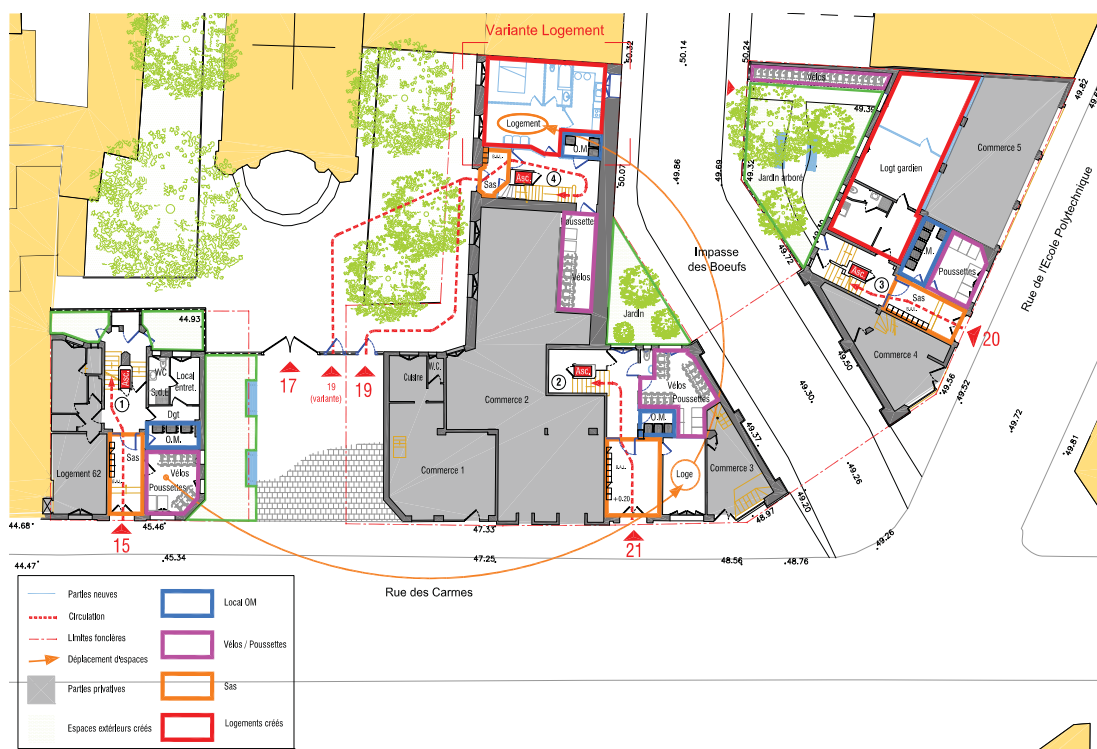
> Работы по энергетической реновации. Автор: Pouget Consultants 2017 / Interventions for the energy renovation. Author: Pouget Consultants 2017

the common areas to provide these necessary spaces for the comfort of the tenants and propose to create a leisure spaces, like a common green backyard and a rooftop terrace.

The renovation of the apartments focuses on the technical installations and the kitchen and bathrooms. The electrical installations have to be renewed according to norms and the older gas boiler replaced by condensing gas boilers. A mechanical ventilation system for the kitchen and bathrooms has to be provided, as its absence is leading to a higher degree of humidity in these rooms. Over the years and especially in winter, when the tenants reduce the

natural ventilation to avoid heat loss, mildew appears in some spaces. We propose to reuse the former chimney flues for the condensing gas boilers and mechanical ventilation to avoid the complex creation of new vertical ducts.

In the original layout of the flats the toilet is accessible from the corridor and ventilated by an opening in the wall towards the bathroom. The bathroom itself is accessible by the kitchen and provided with a small window. In previous renovations the creation of an independent entry to the bathroom from the corridor had been tested in several flats. But its layout reduces considerable the space in the already small kitchen.

тонными и каменными стенами. По причине изменения климата летняя температура во Франции обычно поднимается высоко, тем более в больших городах, где присутствует (наблюдается, существует?) эффект теплового острова. Летняя температура в Париже уже на 3–4 °C превышает летнюю температуру в сельской местности, окружающей столицу. Так называемые «тепловые волны» существенно сказываются на физическом состоянии населения, особенно детей и пожи-

лых людей. Чтобы избежать этого, мы определили, какие наружные пространства можно озеленить и на каких крышах можно установить террасы. Благодаря усовершенствованию этих пространств мы также улучшаем доступ к отдельным зданиям.

Работы, связанные с оболочкой зданий, в основном направлены на снижение теплопотерь и касаются улучшения изоляции кровли и внутренних поверхностей фасадов, замены всех окон, замены дверей

на лестничных площадках, а также устройства тамбуров во входных зонах. И, хотя большей эффективности можно было бы добиться, изменив внешнюю термоизоляцию, сделать это невозможно из-за исторической ценности кирпичных и каменных фасадов. Поэтому предполагается лишь мытье и реставрация фасадов.

Зоны общего пользования на первом этаже не адаптированы к сегодняшним нуждам. Недостаточно места для мусорных контейнеров, детских колясок и велосипедов, а жильцам практически нигде встречаться. Мы предлагаем расширить места общего пользования и обеспечить их пространством, необходимым для комфорта жильцов, а также создать зоны отдыха, такие, как общий зеленый дворик и терраса на крыше.

Реновация квартир касается в основном технического оборудования кухонь и ванных комнат. Необходимо обновить электрооборудование согласно нормам, а старые газовые водонагреватели заменить на конденсационные. Необходимо обеспечить систему механической вентиляции в кухнях и ванных комнатах, поскольку ее отсутствие приводит к повышенной влажности в этих помещениях. В течение всего года, особенно зимой, жильцы уменьшают естественную вентиляцию, чтобы избежать теплопотерь, и в некоторых местах появляется плесень. Мы предлагаем заново использовать бывшие дымоотводные каналы для конденсационных

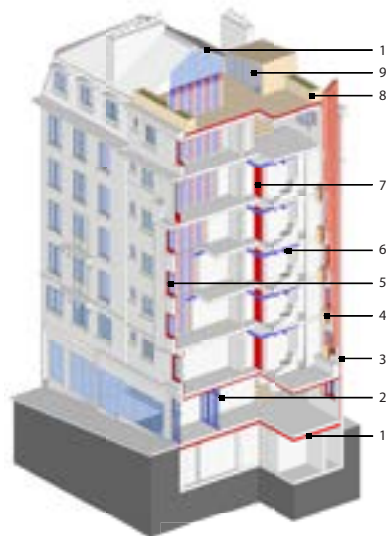
^ Работы на уровне первого этажа. Автор: Office Atelier de la Seine / Rethink 2017 / Interventions on the ground floor level. Author: Office Atelier de la Seine / Rethink 2017

Our discussions with the tenants showed that they generally prefer the original layout with the access of the bathroom through the kitchen, than losing space in the kitchen.

The renovation will take place in an occupied site to avoid the temporary relocation of the tenants. A relocation is cost-intensive (relocation, rent of extra space) and psychologically difficult for older tenants. In consequence all interventions around and in the apartments have to be carefully planned, coordinated and discussed with the tenants so that they are efficient, fast, clean and of good execution. Two empty flats are furnished to serve as an alternative in special

cases, like for tenants who do night work and need to rest during the day.

Generally our interventions have three objectives. A well planned general renovation improving the habitability of the flats and the comfort of the tenants. A sustainable renovation with the reduction of energy consumption and the use of natural materials instead of petrochemical materials. A renovation going beyond the technical aspects by including additional common spaces, improving general accessibility and contributing to a better urban climate by greening of open spaces.

< Работы по энергетической ре-новации. Автор: Office Atelier de la Seine / Rethink 2017 / Interventions for the energy renovation. Author: Office Atelier de la Seine / Rethink 2017

- 1 Thermal insulation of the floors
- 2 Airlocks in the entrances areas
- 3 Interior thermal insulation of the walls
- 4 Installation of condensing gas boiler
- 5 Modernization of the double-glazed windows
- 6 Mechanical ventilation system
- 7 Replacement of the landing door
- 8 Greening of the roof terrace
- 9 Creation of a roof access
- 10 Thermal insulation of the roof

водонагревателей и механической вентиляции вместо сложной установки новых вертикальных каналов.

В оригинальной планировке квартир вход в туалет осуществляется из коридора, а вентиляция проходит в ванную через отверстие в стене. Вход в ванную комнату предусмотрен из кухни, в ванной есть небольшое окно. Во время предыдущих реноваций в некоторых квартирах был сделан отдельный вход в ванную из коридора. Но такая планировка значительно уменьшает площадь и без того маленькой кухни. Переговоры с жильцами показали, что большинство из них предпочитают оставить первоначальную планировку, где вход в ванную осуществляется из кухни, нежели пожертвовать кухонным пространством.

Реновация будет происходить на заселенной территории без временного переселения жильцов. Подобное переселение (включая

переезд и аренду квартир) считается высокочрезмерным и создает психологический дискомфорт жителям пожилого возраста. Поэтому необходимо тщательно спланировать реновацию помещений и окружающего пространства, а также провести обсуждение предстоящих работ с жильцами, чтобы достичь высокой эффективности, скорости и хорошего качества выполнения этих работ. Две пустующие квартиры были меблированы в качестве альтернативы для особых случаев, например, если кто-то из жильцов работает в ночное время и нуждается в отдыхе в течение дня.

Предстоящие реновационные работы имеют три основных направления:

– Тщательно спланированная общая реновация, улучшающая бытовые условия квартир и комфорт для жителей.

– Устойчивая реновация, уменьшающая энергопотребление и использующая природные мате-

риалы вместо нефтехимической продукции.

– Реновация, выходящая за рамки технических аспектов и включающая создание дополнительных пространств общего пользования, обеспечение общей доступности, а также улучшение городского климата путем озеленения открытых пространств.

Литература / References

Eclairage n°5 : Logement social et transition énergétique. (2014). [ebook] Groupe Caisse de Dépôts. Available at: <http://www.caissesdesdepots.fr/eclairage-ndeg5-logement-social-et-transition-energetique-etude-sur-la-performance-energetique-du> [Accessed 23 Oct. 2017].

Les Habitations à Bon Marché de la ceinture de Paris : étude historique (2017). [ebook] Paris: APUR. Available at: <https://www.apur.org/fr/nos-travaux/habitations-marche-hbm-ceinture-paris-etude-historique> [Accessed 23 Oct. 2017].

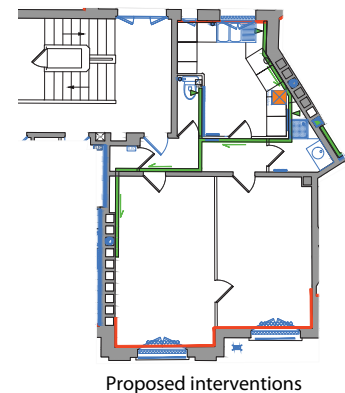
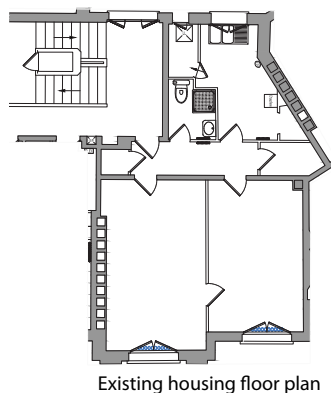

^ Вход в душевую через кухню в квартире типологии «Бон Марше». Источник: Paris Habitat / Access to the shower by the kitchen in an HBM0. Source: Paris Habitat

< Планировка квартиры типологии «Бон Марше». Источник: Paris Habitat / Floor plan of an HBM0. Source: Paris Habitat

> Предлагаемые изменения в квартире. Источник: Office Atelier de la Seine / Rethink 2017 / Proposed interventions in a flat Source: Office Atelier de la Seine / Rethink 2017

Анализируется архитектурная концепция историко-этнографического экспозиционного комплекса «Русское Притомье». Формулируются задачи проектирования. В концепции учитывается multifunctionality будущего использования территории музея-заповедника. Рассматривается проект создания этнографического поселения, исторической реконструкции и реставрации перенесенных исторических построек.

Ключевые слова: архитектурная концепция; «Русское Притомье»; историко-культурный и природный музей заповедник «Томская Писаница»; реконструкция; реставрация; рекреация; проектирование; историческое поселение. / The article analyses the architectural concept for the historical and ethnographical exposition complex Russian Pritomye. The project tasks are formulated.

The concept recognizes multifunctionality of the future use of the territory of the open-air museum. The article reviews the development plan of the ethnographical settlement, historical reconstruction and restoration of the re-located historic buildings.

Keywords: architectural concept; Russian Pritomye; historical and cultural open-air museum Tomskaya Pisanitsa; reconstruction; restoration; recreation; design; historic settlement.

Русское Притомье. Концепция историко-этнографического экспозиционного комплекса /

^ Эпсликация

1. Входной узел. Архитектурная стилизация «Крепостная стена Сибирского города XVII века» (в составе с музеем, административным помещением и кафе)
2. Историческая реконструкция «Верхотомский острог, XVII век»
3. Историческая реконструкция «Сибирские подворья конка XVII – начала XX веков»

адрес объекта

Кемеровская область, Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская писаница»

проектирование

Архитектурное бюро Зыков & Партнёры (ИП Зыков С. Н.)

архитекторы

Сергей Зыков (ГАП), Владимир Адаев

Сегодня «Томская Писаница» – это активно развивающийся ландшафтно-рекреационный и музейный комплекс, сочетающий в себе музейную специфику, научную и культурно-просветительскую деятельность. Это любимое место отдыха и туризма жителей Кузбасса и соседних областей находится на территории Кемеровской области, в 50 км на северо-запад от областного центра, на правом берегу реки Томь.

Свое название «Томская Писаница» получила от наскальных рисунков древних людей, выбитых на отвесном утесе над рекой на протяжении IV–I тысячелетий до н. э. В реликтовом сосновом

бору над утесом на территории более 140 га расположился музей-заповедник.

Здесь представлены экспозиции стоянок древних людей, исторические реконструкции святилищ, жилищ и других строений, возводимых разными народами, проживавшими на территории Западной Сибири на протяжении многих веков. Также здесь разместились объекты рекреационного и развлекательного характера. Стало традицией проводить на территории музея-заповедника театрализованные фольклорные праздники и народные гулянья, собирающие большое количество людей.

При разработке архитектур-

ной концепции экспозиционного комплекса «Русское Притомье» ставились следующие задачи:

- организовать третий входной узел на территорию музея-заповедника на свободной западной площадке;
- запроектировать ряд отапливаемых помещений (кассы, музей, офис, кафе, туалеты и др.) для обеспечения комфортного круглогодичного обслуживания посетителей и размещения сотрудников;
- сформировать музейную зону «Сибирские подворья» путем переноса сохранившихся в различных уголках Кемеровской области деревянных построек XIX – начала XX веков и их рестав-

Russian Pritomye. The Concept for the Historical and Ethnographical Exposition Complex

рации, а также путем исторической реконструкции характерных типов подворий переселенцев из различных уголков Российской империи в XVII–XIX веках;

- создать музейную зону «Верхотомский острог»; этот острог существовал в XVII – начале XVIII века в нескольких километрах отсюда вверх по реке Томь;

- обустроить Поляну Праздников – место массовых мероприятий;

- органично вписать проектируемые объекты в существующую пространственно-планировочную структуру музея-заповедника и природный ландшафт.

Работа выполнялась в тесном сотрудничестве с научными консультантами музея-заповедника.

По настоянию заказчика комплекс помещений входного узла выполнен в виде архитектурной стилизации крепостной стены сибирского города XVII–XVIII веков. Впрочем, все современные функции удобно вписались в деревянные объемы башен и стен.

В центральной проходной башне разместились вестибюль, охрана, касса, лестничная клетка и офисы. В северном крыле – кафе, туалеты. В южном – музей и сменные выставки. Во фланкирующих башнях разместились вспомогательные, технические помещения и лестничные клетки. В подвале – складские и технические помещения. Западный фасад (со стороны входа на территорию) с окнами имеет вид неприступной крепости, в то время как восточный фасад, обращенный на территорию музея-заповедника, обстроен крытыми террасами. Здесь размещаются кафе, смотровые площадки, места для проведения выставок-ярмарок предметов народных промыслов и декоративно-прикладного творчества.

На этот объект выполнена рабочая документация. Остальные объекты разработаны на стадии концепции.

Комплекс «Сибирские подворья» решен в виде застройки деревенской улицы усадебными домами

Экспликация

1. Усадьба с домом связью
2. Усадьба с домом пятистенком
3. Усадьба с избой одноклетью
4. Усадьба с крестовым домом
5. Усадьба переселенца с избой западно-норусского типа
6. Усадьба переселенца с избой (хатой) южнонорусского типа
7. Кузница
8. Овин
9. Хлебозапасный амбар
10. Мельница

характерных типов с надворными постройками. За околицей находятся кузница, овин, амбар, мельница.

Историческая реконструкция Верхотомского острога выполнена по описаниям современников и на основе сохранившихся сооружений подобного типа на территории Сибири.

Принятые архитектурно-композиционные и конструктивные решения основаны на изучении приемов русского деревянного зодчества, на исследовании исторических материалов фортификационных сооружений, жилых и хозяйственных построек переселенцев, осваиваю-

щих Сибирь в XVII–XIX веках.

Эти три зоны комплекса размещаются обособленно друг от друга. Между ними формируется Поляна Праздников – место проведения массовых мероприятий, фольклорных фестивалей и т. п.

Проектируемые пешеходные связи комплекса соединяют его со сложившейся структурой музея-заповедника.

Реализация проекта имеет большое значение в историко-этнографическом и социально-культурном аспектах.

Сергей Зыков / Sergey Zykov

Залесов В. Г., Куликова И. В. Архитектура деревянных доходных домов Томска (конец XIX – начало XX в.): монография. – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2016. – 420 с. / Zalesov, V. G., & Kulikova, I. V. (2016). Arkhitektura derevyannykh dokhodnykh domov Tomsk (konets XIX – nachalo XX v.): monografiya [Architecture of wooden tenement buildings of the late 19th – early 20th centuries in Tomsk: monography]. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. arkhitekt.-stroit. un-ta.

Дается критический анализ монографии преподавателей Томского государственного архитектурно-строительного университета В. Г. Залесова и И. В. Куликовой, посвященной архитектуре деревянных доходных домов Томска конца XIX – начала XX в. Оценивается вклад издания в исследование исчезающей дореволюционной городской гражданской деревянной архитектуры. Характеризуется научная значимость данной работы. Подчеркивается тот факт, что и в текстовом, и в графическом материале она сохраняет и передает для потомков тот слой национальной культуры, который невосполнимо утрачивается в городах России. Ключевые слова: Томск; деревянная архитектура; доходные дома; планировка; декор /

This is a critical analysis of the monography written by V. G. Zalesov and I. V. Kulikova, lecturers of Tomsk State University of Architecture and Construction. The monography is devoted to the architecture of wooden tenement buildings of the late 19th – early 20th centuries in Tomsk. The monographer made a significant contribution to the research of the vanishing wooden houses that had been built in cities before the revolution. The scientific importance of the work is pointed out. Its text and graphic materials preserve and hand down to the descendants the layer of national culture which is being irreparably lost in the cities of Russia. Keywords: Tomsk; wooden architecture; tenement buildings; planning; decoration

Деревянное наследие Томска / The Wooden Heritage of Tomsk

Одной из важнейших задач градостроительного развития исторических поселений России, особенно в отношении крупных, быстро развивающихся городов, является сохранение ее деревянной застройки. Этот с каждым годом все более истончающийся, исчезающий слой городской среды – единственный уникальный отпечаток своеобразия застройки прошлых веков.

Томск относится к тем историческим городам России, где на сегодняшний день сохранилось богатое историко-архитектурное наследие, в том числе и деревянная архитектура. Без преувеличения можно сказать, что Томск, пожалуй, единственный город России, где практически реализуется программа восстановления и реставрации деревянной исторической граждан-

ской архитектуры, благодаря чему в значительном количестве все еще сохраняются и функционируют деревянные здания конца XIX – начала XX в. Однако и в Томске, к сожалению, этот пласт городской культуры с каждым годом несет все больше и больше утрат.

В связи с этим изданная в 2016 году Томским государственным архитектурно-строительным университетом книга наших коллег Валерия Геннадьевича Залесова и Ирины Владимировны Куликовой «Архитектура деревянных доходных домов Томска (конец XIX – начало XX в.)» является значительным вкладом в исследование этого уходящего феномена – городской деревянной архитектуры России указанного периода. Авторы уже около двух десятилетий занима-

ются сбором, классификацией и анализом натуральных и исторических материалов по деревянной застройке Томска, и данная книга обобщает и несет читателю эти уникальные факты. В монографии представлено 328 таблиц графического материала, собранного в результате огромной архивной работы и натуральных фотофиксаций.

Монография состоит из трех крупных блоков повествования, логично объединенных в главы. В первой – «Жилая застройка в городах Сибири во второй половине XIX – начале XX в.» исследуются социально-экономические предпосылки жилого деревянного домостроения в Сибири вообще и в Томске в частности; выявляются основные этапы становления и развития деревянной жилой застройки губернского города со второй XIX до начала XX в. и значение периода интенсивного домостроения – жилой застройки рубежа XIX и XX в. Анализируется российское строительное законодательство, относящееся к деревянному домостроительству; рассматривается деятельность муниципальной архитектурно-градостроительной службы Томска, регулировавшей процесс застройки города.

Во второй главе «Типология деревянных доходных домов Томска в конце XIX – начале XX в.» определяется многообразие планировочных структур деревянных доходных (многоквартирных) домов. Авторы выделяют среди них основные, анализируя по типам и по принадлежности к историческим районам

города. Типология деревянного доходного многоквартирного дома Томска, проведенная авторами в работе, состоит из 4 принципиальных групп зданий, отличающихся по характеру внутреннего распределительного пространства. Отмечаются особенности типов деревянных доходных домов, различия и общие черты, что подтверждается многочисленными иллюстрациями.

Третья глава «Архитектурно-художественные особенности деревянных доходных домов Томска рубежа XIX – XX в.» логично завершает монографию. Она посвящена рассмотрению облика деревянных многоквартирных домов, традициям и новаторству в деревянном домостроении. Отмечается яркое своеобразие деревянных доходных жилых домов Томска, подтвержденное многочисленным иллюстративным материалом. Проводится анализ композиций фасадов многоквартирных домов. Приводимые данные подтверждаются таблицами, ссылками на печатные и архивные источники, на графический материал.

Научная значимость данной работы не вызывает сомнений. Книга уже вызвала и еще долгие годы будет вызывать бесспорный интерес как у специалистов, так и среди широкой общественности, поскольку она и в текстовом, и в графическом материале сохраняет и передает для потомков тот слой национальной культуры, который, к сожалению, необратимо утрачивается.

Марк Меерович / Mark Meerovich

В 1937 году в Москве прошел Первый Всесоюзный конгресс советских архитекторов. Конгресс собрал архитекторов со всего Советского Союза. При содействии Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) были приглашены архитекторы из Европы, Северной и Южной Америки. Организационный комитет Союза советских архитекторов пригласил Фрэнка Ллойда Райта из США. На конгрессе Фрэнк Ллойд Райт представил свою философию и продемонстрировал свои работы: проект загородной резиденции Э. Дж. Кауфмана «Дом над водопадом» и чертежи административного здания компании «С. С. Джонсон». Выступление Фрэнка Ллойда Райта касалось не столько архитектуры, сколько духовного видения Советской России.
Ключевые слова: Фрэнк Ллойд Райт; Конгресс советских архитекторов–1937; Дворец Советов; Ольгиванна Ллойд Райт; Суханово. /

In 1937 the First All-Union Congress of Soviet Architects was held in Moscow. The congress brought architects from all areas of the Soviet Union. Under the auspices of Vsesoiuivnoe Obshchestvo Kul'turnoi Sviazi s zagranitse (VOKS) it invited international architects from Europe and North and South America. The Organizing Committee of the Union of Soviet Architects invited Frank Lloyd Wright from the United States. Frank Lloyd Wright presented his philosophy and exhibited his work, specifically his designs for the weekend home for E. J. Kaufmann "Fallingwater" and the drawings for the S.C. Johnson Administration. Frank Lloyd Wright's presentation did not focus heavily on the architecture but, rather the spirit of the Russian and Soviet vision.
Keywords: Frank Lloyd Wright; Soviet Architects Congress 1937; Palace of the Soviets; Olgivanna Lloyd Wright; Sukhanovo.

Фрэнк Ллойд Райт в Советском Союзе / Frank Lloyd Wright in the Soviet Union

в Слева: портрет архитектора Каро Алабьяна. Фотограф неизвестен. Из личного архива Эрика М. О'Маллей, OA+D Archives / Left: Portrait of architect Karo Alabian. Photographer unknown. Courtesy Eric M. O'Malley Collection, OA+D Archives

В центре: портрет архитектора Алексея Шусева. Фотограф неизвестен. Источник: Wikipedia Commons / Middle: Portrait of architect Alexey Shchusev. Photographer unknown. Image via Wikipedia Commons

Справа: портрет архитектора Виктора Веснина. Фотограф неизвестен. С разрешения Канадского центра архитектуры, Монреаль, подарок Ховарда Шиклера и Дэвида Лафайя / Right: Portrait of architect Victor Vesnin. Photographer unknown. Image courtesy Collection Centre Canadien d'Architecture/ Canadian Centre for Architecture, Montréal; Don de Howard Schickler et David Lafaille/ Gift of Howard Schickler and David Lafaille

История советской архитектуры в XX веке претерпела смену множества направлений, представителями которых стали советские неоклассики, соцреалисты, авангардисты, конструктивисты и футуристы, и все они в свое время боролись за признание. Данная статья посвящена 80-й годовщине с момента участия Фрэнка Ллойда Райта в Первом Всесоюзном съезде советских архитекторов в Москве в июне 1937 года.

Благодаря связям Фрэнка Ллойда Райта с Россией, которые установились еще в 1915–1919 годах, архитектор со своей третьей женой Ольгой Ивановной (Ольгиванной) отправляются в 1937 году в путешествие по Советскому Союзу. В 1943 году Райт переиздает свою книгу «Автобиография», в которой рассказывает, что принимал у себя в номере отеля Old Imperial Hotel

бывших патриотов Союза и налаживал с ними теплые дружеские отношения. Райт всегда интересовался искусством, архитектурой, музыкой и фильмами других культур, в том числе и России. В театре его резиденции «Талиесин» регулярно показывали зарубежные фильмы, в том числе 72 русских фильма. А с Ольгиванной Лазович–Милановой (в то время она была женой Владимира Хинценберга) Фрэнк Ллойд Райт встретился в 1924 году во время выступления русской балерины Тамары Карсавиной в чикагском Театре оперы и балета.

Советские архитекторы также знали о знаменитом Фрэнке Ллоиде Райте, о его философии, и, главное, о его работах благодаря публикациям в европейских журналах: германском Wasmuth portfolio и голландском Wendingen. В 1932 году Давид Аркин, советский архи-

тектор, писатель и критик, включил работы Фрэнка Ллойда Райта в свою книгу «Архитектура современного Запада», показав влияние Райта на архитекторов Западной Европы. В книге представлены как экстерьеры, так и интерьеры здания Ларкин Билдинг в Нью-Йорке.

Райт откликнулся на публикацию Давида Аркина, и, как отмечено на странице 556 «Автобиографии» издания 1943 года, «он знал [имеется в виду – прочел] Толстого, Тургенева, Достоевского, Пушкина и Гоголя» [1].

Все это говорит о взаимной заинтересованности Фрэнка Ллойда Райта и Советского Союза, которая видна во всех его идеях и проектах. Это и стало предпосылкой к приглашению Райта выступить на съезде Союза советских архитекторов. Началом договоренности послужило письмо от 10 мая 1937 года на имя Фрэнка Ллойда Райта:

*Уважаемый господин,
 Извещаем Вас о том, что 15 июня [согласно оригиналу] этого года в Москве будет открыт Первый конгресс Союза Советских Социалистических Республик.*

От имени Организационного комитета Союза советских архитекторов мы рады пригласить Вас принять участие в съезде.

Цель нашего первого съезда архитекторов, программу которого мы прилагаем к настоящему письму, заключается в изучении и обсуждении широкого круга вопросов, имеющих большое значение и актуальность для архитектуры СССР.

Although the saga of Soviet architecture in the 20th century had many twists and turns as the Soviet neo-Classicists, the Social Realists, Avant Garde, Constructionists, and Futurists each vied for prominence, this particular story commemorates the 80th anniversary of Frank Lloyd Wright attending and addressing the First All-Union Congress of Soviet Architects in Moscow, Russia in June 1937.

Frank Lloyd Wright's connection to Russia, which would eventually lead to he and his third wife, Olgivanna, traveling to the Soviet Union in 1937, can be traced back to 1915–1919. In his 1943 rerelease of An Autobiography, Wright relates how he would entertain Russian ex-patriots in his Old Imperial Hotel

suite and form warm bonds of friendship. Wright had always been intrigued by the art, architecture, music, and film of other cultures – including Russia. The Taliesin Playhouse regularly showed foreign films, including seventy-two films from Russia. Additionally, Frank Lloyd Wright met Olgivanna, then known as Mrs. Vladimir Hinzenberg (Olga Ivanova Lazovich-Milanov), during a performance by Russian ballerina Tamara Karsavina at the Chicago Opera Ballet in 1924.

Soviet architects would have also been aware of the famous Frank Lloyd Wright, his philosophy, and most importantly his work by way of the European publications: the German Wasmuth portfolio and the Dutch Wendingen magazines. In 1932

David Arkin (Soviet architect, writer, and critic) included Frank Lloyd Wright's work in his publication Arkhitektura sovremenogo Zapada (Modern Western Architecture) focused on Wright's influence on Western European architects. The article featured both exterior and interior images of the Larkin building.

Wright responded to David Arkin, as noted in the 1943 An Autobiography, p. 556, that "he knew [assume read] Tolstoy, Turgenev, Dostoevsky, Pushkin and Gogol."¹

All of this establishes a mutual interest by Frank Lloyd Wright and the Soviets in each of their ideas and work and became a prelude to Wright's invitation to speak at the Union of Soviet Architects'

Congress. A letter dated 10 May, 1937, addressed to Frank Lloyd Wright sets in motion the events:

Dear Sir,

We beg to inform you that on the 15th of Juni [sic] of this year the first Congress of the Union of Socialist Republics will be opened in Moscow.

In the name of the Organizing Committee of the Union of Socialist Architects we have the pleasure of inviting you to take part in the Congress.

The aim of our first Congress of Architects, the program of which we herewith enclose, is to study and to discuss a wide range of questions of great importance and actuality for the architecture of the USSR.

Высоко оценивая Ваш опыт и мастерство, архитекторы СССР, сотрудничающие с Вами, выражают желание [согласно оригиналу] видеть Вас среди членов съезда. Союз готов обеспечить все необходимые условия для Вашего прибытия в Москву и пребывания в городе во время съезда.

Порядок проведения съезда включает посещение вновь возведенных зданий в Москве и в некоторых других местах СССР. Союз обязуется покрыть путевые расходы от границы СССР до Москвы и обратно, а также все расходы, связанные с пребыванием в Москве (гостиница первого класса, питание, проезд) в течение 15 дней.

Мы будем очень благодарны, если Вы сообщите нам о своей готовности принять участие в съезде, чтобы мы могли незамедлительно после Вашего ответа подготовить железнодорожные билеты от границы СССР до Москвы.

Надеемся на положительный ответ.

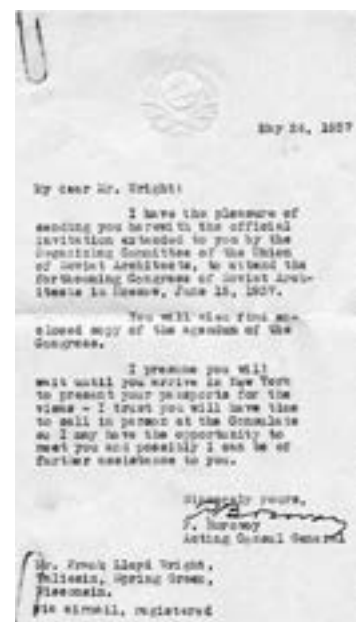
Искренне Ваш, организационный комитет Союза советских архитекторов
Генеральный секретарь Каро Алабян
Члены Комитета Алексей Щусев, Виктор Веснин [2]

За этим письмом 14 мая 1937 года последовала телеграмма от Организационного комитета Первого Всесоюзного съезда советских архитекторов, в которой Фрэнк Ллойда Райта приглашали посетить

съезд с 15 по 28 июня 1937 года в Москве в качестве гостя. Приглашение поступило повторно 21 мая 1937 года в телеграмме от Павла Юльевича Борового, исполняющего обязанности Генерального консула СССР в Нью-Йорке. В телеграмме Борового говорится, что Оргкомитет «обеспечит все расходы, связанные с его пребыванием в СССР с момента въезда в пограничный пункт СССР и до выезда из пограничного пункта СССР» [3]. Боровой отправил еще одно письмо 26 мая 1937 года, чтобы подтвердить официальное приглашение, и вложил копию повестки дня съезда архитекторов, правда, на французском языке.

1 июня 1937 года Райт ответил Боровому, заявив, что его пребывание в России должно быть очень коротким (не более недели), и его переезд туда и обратно должен занять как можно меньше времени. Он всегда был очень занят. Дела в мастерской, основанной в 1932 году, только начали налаживаться. Но молодые ученики не имели опыта в сельском хозяйстве, строительстве, архитектуре и нуждались в постоянном контроле. Близилась к завершению закладка фундамента административного здания Джонсон Билдинг, одного из самых сложных проектов Райта на тот момент. Еще одна важная

^ Слева: телеграмма от действующего генерального консула Павла Юльевича Борового. Справа: письмо от Павла Юльевича Борового, действующего генерального консула. Оба изображения – собственность Фонда Фрэнк Ллойда Райта, Скоттсдейл, штат Аризона © 2017. Все права защищены. Архив Фонда Фрэнк Ллойда Райта (Музей современного искусства, библиотека архитектуры и изящных искусств Эйвери, Колумбийский университет, Нью-Йорк) / Left: Telegram from Acting General Consul Paul Yulevich Borovoy. Right: Letter from Paul Yulevich Borovoy, Acting Consul General. Both images © 2017 Frank Lloyd Wright Foundation, Scottsdale, AZ. All rights reserved. The Frank Lloyd Wright Foundation Archives (The Museum of Modern Art | Avery Architectural & Fine Arts Library, Columbia University, New York)

^ Логотип Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). Источник: Wikipedia Commons / Logo of Vsesoiuznoe Obshchestvo Kul'turnoi Sviazi s zagranitsei (VOKS). Image via Wikipedia Commons

High appreciating your experience and mastership, the architects of the USSR cooperating in your work of our Union have expresses [sic] the wish to see you among the members of the Congress and the Union is going to arrange for all the necessary facilities for your journey to Moscow and your stay in the city during the Congress.

The order of the day of the congress includes visits to newly erected buildings in Moscow as well as in some other places of the USSR. The Union undertakes to bear the travelling expenses from the frontier of the USSR to Moscow and back and also all expenses in connection with your stay in Moscow (first class hotel, board, fares) for 15 days.

We should be much obliged if you would be kind enough to inform us by return of a post of your readiness to take part in the Congress, so as to enable us to arrange, immediately of receipt of your answer, for railway tickets from the frontier to Moscow to be posted to you.

*Hoping for a favourable answer, we remain yours very truly
THE ORGANIZING COMMITTEE OF THE UNION OF SOVIET ARCHITECTS
The General Secretary KARO ALABI-AN Members of the Committee ALEXIS SCHUSSEW, VICTOR VESNIN ²*

That letter was followed by a May 14, 1937 telegram from the Organization Committee of the First All-Union Congress

of Soviet Architects inviting Frank Lloyd Wright to attend, as their guest, the congress that was to open in Moscow on June 15, 1937 and run until June 28th. The invitation was reiterated in a May 21, 1937 telegram from Paul Yulevich Borovoy, Russian Acting General Consul in New York. Borovoy's telegram went on to say the Organization Committee "will provide all expenses from entering border point USSR, stay in USSR and up to exit border point USSR."³ Borovoy followed with another letter on May 26, 1937 to confirm the official invitation and included a copy of the agenda, albeit in French.

On June 1, 1937 Wright responded to Borovoy saying that his stay in Russia would have to be very short (not more

^ Общий паспорт супругов Райт. © 2017 Фонд Фрэнка Ллойда Райта, Скоттсдейл, штат Аризона. Все права защищены. Архив Фонда Фрэнка Ллойда Райта (Музей современного искусства, библиотека архитектуры и изящных искусств Эйвери, Колумбийский университет, Нью-Йорк) / The Wright's 1937 joint passport. © 2017 Frank Lloyd Wright Foundation, Scottsdale, AZ. All rights reserved. The Frank Lloyd Wright Foundation Archives (The Museum of Modern Art | Avery Architectural & Fine Arts Library, Columbia University, New York)

задача – строительство уникального «Дома над водопадом» для Эдгара Дж. Кауфмана. И наконец, строительство резиденций «Ханна Хаус» в Калифорнии и «Уилли Хаус» в Миннесоте.

1 июня Райт направил письмо критику архитектуры, Генри-Раселлу Хичкоку, заявив, что он, наконец, решил поехать в Россию и принять участие в Первом Всесоюзном съезде советских архитекторов. Райт написал:

«Вы знаете настоящее положение советской архитектуры лучше, чем кто-либо другой. На сегодняшний день именно в этой стране архитектура нуждается в помощи больше, чем где-либо в мире. Несмотря на то, что работа

и другие причины препятствуют моему появлению там в данное время – меня не покидает предчувствие, что мне следует поступить именно так, а не иначе» [4].

Эта поездка помогла бы Фрэнку Ллойду Райту вновь оказаться на международной арене. Кроме того, Ольгиванне представилась возможность встретиться со своей старшей сестрой Юлией, которую она не видела 20 лет.

Очевидно, Райту следовало задуматься над дополнительными расходами на проезд до советской границы и обратно и другими затратами как для него, так и для Ольгиванны. В семье Райта всегда остро стоял финансовый вопрос. Союз советских архитекторов согласился покрыть все путевые расходы до Москвы, начиная с советской границы и обратно, а также расходы на 15 дней пребывания в Москве. Райт определил, что его затраты составят около 3700 долларов сверх того, что было предоставлено Союзом. 2 июня 1937 года Райт написал своему клиенту Эдгару Дж. Кауфману:

*«Дорогой Э. Дж.,
Не знаю, сказал ли я Вам, что Российское [Советское] правительство пригласило меня (и госпожу Райт) в качестве гостя, представляющего США, на Международный съезд архитекторов, который состоится в Москве 15 июня. На меня было оказано большое давление, и, несмотря на множество веских причин отказаться от приглашения, я все-таки его принял, при условии, что все мое путешествие*

займет не больше 20 дней, и я смогу собрать для него необходимые деньги».

Райт продолжил:
«Это еще один призыв к Вашему доверию и щедрости (я, по-видимому, преуспел в таких просьбах). Учитывая нашу ситуацию, я не знаю, сколько денег Вы будете мне должны к моменту окончания контракта, но, как минимум, 1000 долларов».

Если бы эта сумма была в три раза больше, мне бы это очень помогло... Однако не имеет значения, сколько Вы будете должны мне, или я Вам, если вы сможете одолжить мне 1000 долларов сейчас, в конечном счете, вы от этого будете только в выигрыше, я в этом уверен. Я должен собрать около трех тысяч семисот долларов, чтобы отправиться в поездку и продолжать контролировать дела здесь. И мне не хватает чуть больше тысячи, если не будет никаких дополнительных затрат. Что Вы на это скажете, Э. Дж.?» [5].

Несмотря на то, что приглашение на съезд было от Союза советских архитекторов, оно, вероятно, осуществлялось под руководством Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). Это учреждение, созданное правительством Советского Союза в 1925 году, было призвано содействовать развитию международных культурных связей между писателями, композиторами, музыкантами, кинематографистами, актерами, учеными, педагогами и спортсменами СССР и других стран. Архитекто-

than a week) and he must take the fastest transportation there and return. He based the time on being terribly busy. The Fellowship, begun in 1932, had started to take shape. But the young apprentices were inexperienced in farming, building, and architecture and needed supervision. The foundations for the S.C. Johnson Administration Building, one of the most complex projects for Wright up to that point, were nearing completion. Edgar J. Kaufmann's "Fallingwater", another unique architectural challenge, was under construction. Finally, the Hanna House in California and the Wiley House in Minnesota were also under construction.

Wright also sent a letter on June 1st to architecture critic and author, Henry-Rus-

sell Hitchcock, saying he finally decided to go to Russia and attend the First All-Union Congress of Soviet Architects. Wright went on to say:

*"You know Russia's present plight in architecture better than anyone. There rather than anywhere in the world at present the cause of architecture needs help. While my work and nearly everything else is set against my going at this time – still with the same kind of emotion that I have felt whenever I have indulged an action that turned out right well – I feel I must do so."*⁴

The opportunity afforded Frank Lloyd Wright to be on the international stage again but, also, it was the opportunity for Olgivanna to reunite with her older sister,

Julia, who she had not seen for twenty years.

Obviously, Wright would have to ponder the additional expense for traveling to and from the Soviet border, and other expenses along the way for both he and Olgivanna. There was always the question of money in the Wright household. The Union of Soviet Architects had agreed to cover all travel expenses to Moscow from the point of the Soviet border and the return to it, along with fifteen days of expenses for the stay in Moscow. Wright had determined that the expense to him would be about three thousand and seven hundred dollars beyond what the Soviets were providing. On June 2, 1937 Wright wrote to his client Edgar J. Kaufmann:

"Dear E.J.

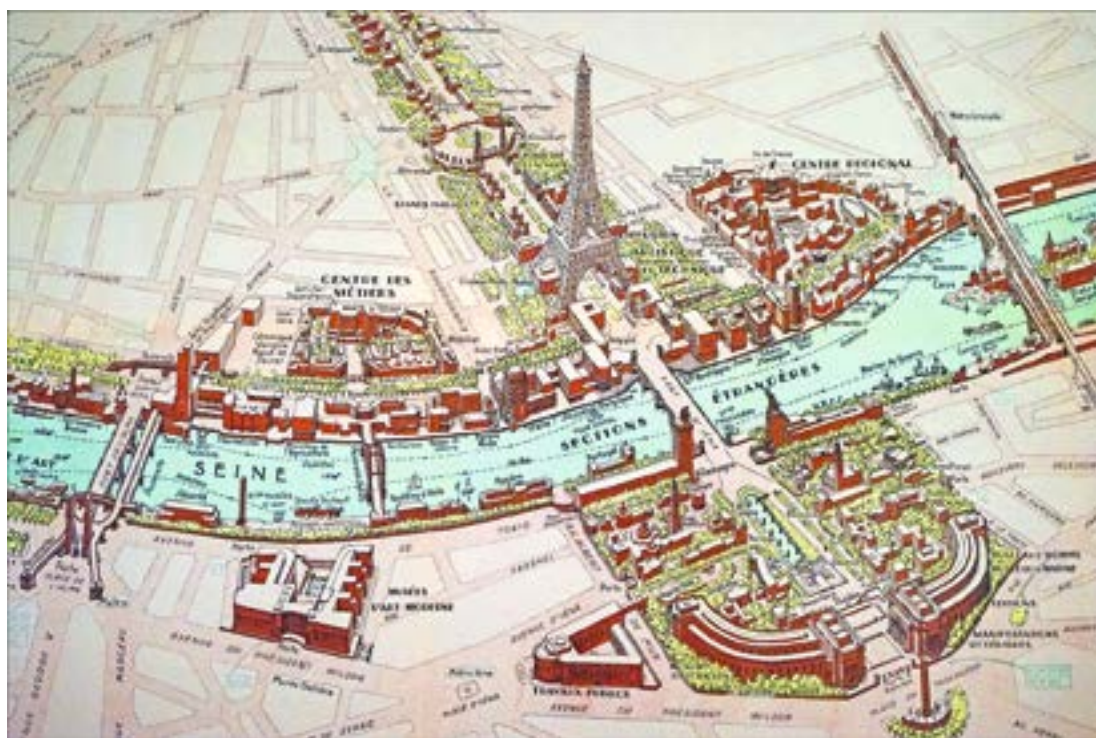
I don't know if I told you that the Russian [Soviet] government has invited me (and Mrs. Wright) to be its guest representing the U. S. of A. on the occasion of the International Conference of Architects convening in Moscow June 15th. So much pressure has been brought to bear on me from so many sources urging me to accept that in spite of the many more good reasons for not going I've decided to go if I can make a flying trip doing the thing in twenty days altogether – and raise the necessary money."

Wright went on to write:

"This is another appeal to your confidence and generosity – (I seem good at such appeals anyway). Now I don't know

ры были также включены в число участников культурного обмена. Несмотря на советское происхождение, в действительности ВОКС было международной организацией с национальными отделениями по всему миру, такими как Американское общество культурных связей с Россией. Официально задачами ВОКС являлись «распространение советских культурных достижений в зарубежных странах и популяризация культуры народов Советского Союза за рубежом, содействие развитию и укреплению дружбы и взаимопонимания между народами СССР и других стран».

Американское общество культурных связей с Россией было организовано в Нью-Йорке в 1927 году. Оно было создано для обмена книгами по культурным и техническим предметам с научными обществами, университетами и государственными ведомствами. На американскую организацию приходилось более 60% обменов, что составляло приблизительно 48 000 томов. В состав Консультативного Совета американской организации входили Джейн Адамс (1860–1935), общественная активистка, известная своей работой в Халл Хаус в Чикаго, и Зона Гейл (1874–1938), американская романистка из города Портедж, Висконсин, первая женщина, получившая Пулитцеровскую премию. Они обе были знакомы с Фрэнком Ллойдом Райтом, но нет никаких подтверждений, согласно которым их общественное положение в Американском Консультативном Совете ВОКС способствовало участию Рай-

^ < Вверху: иллюстрированный план Парижской выставки 1937 г. Внизу: почтовая открытка с видом Парижской выставки; слева – немецкий нацистский павильон Альберта Шпеера, в центре – Эйфелева башня, справа – советский павильон Бориса Иофана. Источник иллюстраций: Wikipedia Commons: /

Top: Illustrated plan of the 1937 Paris Exhibition. Bottom: Postcard view of the Paris Exposition showing the Nazi Germany pavilion on the left by Albert Speer, the Eiffel Tower in the center, and the Soviet pavilion by Boris Iofan on the right. Both images via Wikipedia Commons

*how much you will be owing me when we are all up on the carpet or settlement but we'll say at least one thousand dollars. I hope it will be nearly three time that much to help... But whatever you will owe me or I will if you can give me \$1,000 now you will come out right side up at the end. I'll see that you do. I have to raise about three thousand seven hundred dollars to go and keep things going here meantime and I am shy something over the thousand – no extras allowed. What do you say, E.J.?"*⁵

Although the invitation was issued under the heading of the Union of Soviet Architects, it was likely through the auspices of Vsesoiuznoe Obshchestvo Kul'turnoi Svязi s zagranitsej, referenced by its acronym VOKS. An entity created

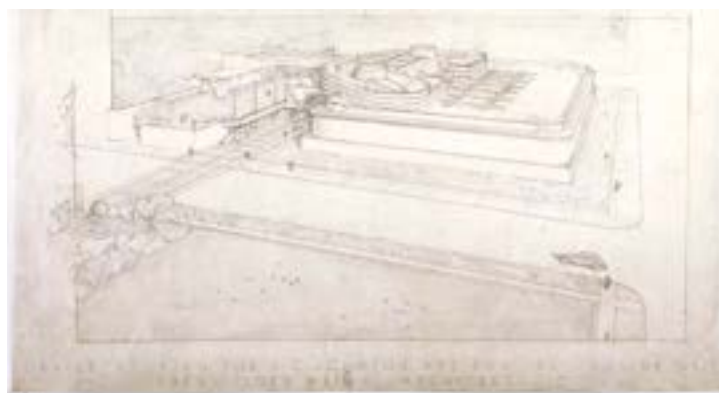
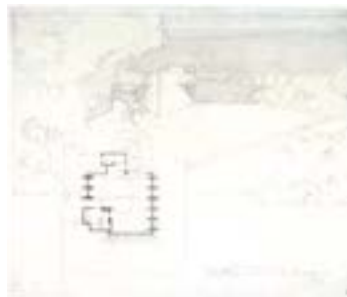
by the government of the Soviet Union in 1925, VOKS was meant to promote international cultural contact between writers, composers, musicians, cinematographers, artists, scientists, educators, and athletes of the USSR with those of other countries. Architects were also included as an element of the cultural exchanges. Although of Soviet origin, VOKS was in fact an international organization, with parallel national branches around the world, such as the "American Society for Cultural Relations with Russia" established 1926. Officially, the tasks of VOKS were "to disseminate Soviet cultural achievements to foreign countries and to popularize the culture of the peoples of the Soviet Union abroad, to promote the development and

strengthening of friendship and mutual understanding between the peoples of the USSR and other countries."

On the American side, The American Society for Cultural Relations with Russia was organized in New York City in 1927. It was established for the exchange of books on cultural and technical subjects with learned societies, universities, and government departments. The United States organization accounted for more than 60% of the exchanges, having provided roughly 48,000 volumes." The Advisory Board of the American organization included Jane Addams (1860-1935), the social activist known for her work at Hull House in Chicago and Zona Gale (1874-1938), American novelist from

Portage, Wisconsin and first woman to win a Pulitzer Prize. Both were acquaintances of Frank Lloyd Wright, but there is nothing that suggests their positions on the American VOKS Advisory Board would have directly led to Wright attending the Congress of Soviet Architects in Moscow.

Paul Yulevich Borovoy, the Acting General Consul of the U.S.S.R. in New York, made reservations for Mr. and Mrs. Wright on the R.M.S. Queen Mary. He forwarded information to the Wrights that he had reserved passage for them on the ocean liner, departing from New York at 11:00 AM on June 9th. Borovoy advised Wright that his passport required renewal and the inclusion of Mrs. Wright.

^ > Чертежи, которые Райт привез в Москву: резиденция Герберта Джонсона «Размах крыльев»; резиденция Эдгара Кауфмана «Дом над водопадом»; административное здание компании «С. С. Джонсон»; часовня «Памятник душе». © 2017 Фонд Фрэнка Ллойда Райта, Скоттсдейл, штат Аризона. Все права защищены. Архив Фонда Фрэнка Ллойда Райта (Музей современного искусства, библиотека архитектуры и изящных искусств Эйвери, Колумбийский университет, Нью-Йорк) /

Drawings Wright brought to Moscow included the Herbert Johnson Residence «Wingspread», Edgar Kaufmann Residence «Fallingwater», S.C. Johnson Administration Building, and «Memorial to the Soil» Chapel. All drawings © 2017 Frank Lloyd Wright Foundation, Scottsdale, AZ. All rights reserved. The Frank Lloyd Wright Foundation Archives (The Museum of Modern Art | Avery Architectural & Fine Arts Library, Columbia University, New York)

та в съезде советских архитекторов в Москве.

Павел Юльевич Боровой, исполняющий обязанности Генерального консула СССР в Нью-Йорке, забронировал места для четы Райт на трансатлантический лайнер Queen Mary. Он отправил им информацию, что лайнер отправляется 9 июня из Нью-Йорка в 11.00. Боровой сообщил Райту, что ему необходимо продлить паспорт и вписать в него госпожу Райт.

Вскоре от него пришла дополнительная телеграмма:

«В дополнение к предыдущей телеграмме: сегодня Паспортный отдел сообщает о необходимости вашего личного присутствия для включения в ваш паспорт данных о госпоже Райт. Вы должны предоставить две фотографии, где изображена только госпожа Райт. Ее прежний проездной документ не включается в ваш старый паспорт. Пожалуйста, предоставьте ее свидетельство о гражданстве и свидетельство о браке, Ваши предполагаемые даты возвращения в Нью-Йорк и данные об отеле, где будут находиться Ваши документы до прибытия.» [6].

Интересно отметить, что на странице 5 паспорта Райта под «ограничениями» стояла печать «Этот паспорт не действителен для поездок в Испанию» из-за гражданской войны в Испании.

В «Автобиографии» Райт сообщает, что он и Ольгиванна ехали через французский Шербург, затем через Париж и Берлин, чтобы провести несколько дней в этих

Borovoy followed shortly with an additional telegram saying:
*“Supplementing earlier wire today Passport Division advises [y]our personal appearance necessary [f]or inclusion Mrs. Wright. You must present two photographs Mrs. Wright only. Her former travel document is not included [in] your old passport. Her citizenship certificate and marriage certificate will you kindly wire you expected arrival New York and what hotel holding our documents pending your arrival.”*⁶

It is interesting to note that page 5 of Wright’s passport under “Limitations” was clearly stamped “This passport not valid for travel in SPAIN” due to the Spanish Civil War.

столицах, прежде чем отправиться в Москву на поезде. Французские визы были выданы чете Райт в Нью-Йорке 8 июня 1937 года. Проставленный в их визе еще один штамп был действителен во время открытия Международной выставки в Париже. Он также означал и то, что они не должны возвращаться во Францию для поиска работы. Согласно штампам в их паспортах, они прибыли в Шербург 14 июня 1937 года. Международная выставка в Париже была значимым событием мирового масштаба. Участие принимали 44 страны, две из которых особенно выделялись на фоне других своими весьма примечательными (в том числе политически) павильонами: Нацистский немецкий павильон Альберта Шпеера и Советский павильон Бориса Иофана. Адольф Гитлер не был сторонником участия в выставке, однако известно, что его архитектор Альберт Шпеер считал это участие важным для нацистской Германии. Шпеер позже признал в автобиографии, что заранее изучил чертежи Бориса Иофана и спроектировал павильон нацистской Германии, который специально установили прямо напротив павильона СССР таким образом, чтобы тот подавлял советский объект.

Во время пребывания в Париже чета Райт проживала в отеле Wagram на улице Понселе, 5 (17 округ). Отель был расположен в семи минутах ходьбы до улицы Колон-Ренард, 6, где находилась квартира Георгия Ивановича Гурджиева. Однако ни Райт, ни

In An Autobiography Wright confirms he and Olgivanna traveled to Cherbourg, France, then on to Paris and Berlin to spend a few of days in each capital before heading to Moscow via train. The Wrights’ French visas were issued in New York on June 8, 1937. Affixed to their visa was another stamp valid for the international exhibition in Paris which also said they were not to return to France to take a job. Their passport stamps indicate they arrived in Cherbourg, France, on June 14, 1937. The International Exhibition in Paris was an important world’s fair. Although Forty-four countries participated, two stand out for their very significant (and political) pavilions: The Nazi German pavilion by Albert Speer and the Soviet

Ольгиванна не упоминают в своих трудах, что были у него в гостях. Помимо посещения Международной выставки в Париже (и, возможно, Гурджиева) Ольгиванна в книге «Наш дом» рассказывает, что Огюст Перре пригласил господина Райта на ужин.

В Париже Райт особенно хотел посетить галерею искусств Азии Vignier Arts of Asia и приобрел 39 японских гравюр «кукие-э». Он купил работы Сюнко, Сюньэй и Хокусая на общую сумму 4900 французских франков (что с учетом коэффициента инфляции в 2017 году составляло бы 3214,21 долларов США). Райта привлекали образы воинов и всевозможные изображения горы Фудзи художником Хокусаем. Он также попросил галерею не выставлять на продажу небольшую японскую ширму, которую впоследствии приобрел за 7500 французских франков (что на 2017 год составляет 4879,50 долларов США) [7].

Чтобы попасть в Москву на Все-союзный съезд, Райт поехал через Германию и Польшу. Визы Райту и Ольгиванне были выданы еще во время их пребывания в Париже. 17 июня на поезде Париж–Берлин чета Райт проехала через город Ахен (Германия), находящийся на франко-германской границе, где их паспорта были проштампованы для въезда. Съезд в Москве уже начался 15 июня, поэтому на полную программу они опаздывали. Несмотря на то, что Райт не планировал задерживаться в Париже или Берлине, остановка в последнем

pavilion by Boris Iofan. Adolph Hitler wasn’t in favor of participating in the fair, but it is thought that his architect Albert Speer viewed participation as an important statement for Nazi Germany. Speer later conceded in his autobiography that he had obtained a set of drawings of the Soviet Pavilion by Boris Iofan and designed the Nazi Germany pavilion, juxtapositioned directly across from the Soviets, in a manner that intentionally over-powered the Soviet pavilion.

During the Wright’s stay in Paris they had accommodations at the Hotel Wagram at 5 rue Poncelet, 17th arr. The Hotel Wagram was a brief seven minute walk to 6 Rue des Colones-Renard, the apartment of Georgi Ivanovich Gurdjieff, although

столичном городе на пути в Москву была логичной, поскольку там находился один из его немецких издателей – Генрих де Фрис. Другой его немецкий издатель, Эрнест Васмут, находился в Тюбингене, что было в противоположном направлении от пути их следования.

Кратчайший путь (хотя занимал он, вероятно, еще целый день в поезде) из Берлина в Москву проходил через Польшу и Белоруссию. В 1937 году Белоруссия была одной из республик СССР. Ольгиванна в своей книге «Наш дом» рассказывает о пересечении советской границы на станции Негорелое. Она назвала эту главу «Случай на русской границе». В то время как Ольгиванна, говорящая на русском языке, разбиралась с пограничными таможенными службами, Райт бродил по железнодорожной платформе с рулоном рисунков под мышкой. Сотрудники таможи попросили Райта открыть рулон чертежей, чего он категорически не хотел делать. Это чуть не привело к большому скандалу. Среди рисунков Райта, привезенных им для выставки в рамках съезда, были чертежи Wiley House II (оригиналы), административного здания компании «С. С. Джонсон» (оригиналы и светокпии), Башни Святого Марка, зданий Hoult House и Lusk House, часовни «Памятник душе» (все оригиналы), «Дом над водопадом» Эдгара Кауфмана (оригинал) и дом «Размах крыльев» Герберта Джонсона (оригинал) [8].

Вполне вероятно, что чета Райт пересела на другой поезд на стан-

visiting him was not mentioned by Wright or Olgivanna in either of their writings. As well as seeing the International Exhibition in Paris (and possibly Gurdjieff), Olgivanna writes in Our House that August Perret hosted a dinner for Mr. Wright.

While in Paris, Wright made a point of visiting the gallery of Vignier Arts of Asia and purchased 39 groups of ukiyo-e prints. He obtained examples by Shunko, Shunyei, and Hokusai for a total of 4,900 French francs (which, with the rate of inflation calculated, would amount to \$3,214.21 in 2017 US dollars). Wright had a penchant for the warrior actors and various prints of Mount Fuji by Hokusai. He also asked the gallery to hold a small Japanese screen which he later purchased

ции Негорелое, так как большинство европейских поездов идут по стандартной железнодорожной колее 1435 мм (4 фута и 8,5 дюймов), тогда как ширина колеи российских железных дорог составляет 1524 мм (5 футов). Российская колея была создана по размерам базы колес стандартной римской колесницы. Ширина колеи измеряется от внутренних граней рельсов.

После инцидента с таможенными службами на границе Ольгиванна написала:

«Нам дали купе в спальном вагоне. Нам подали роскошные блюда в вагоне-ресторане, где не было других пассажиров, кроме нас.» [9].

Заметки Ольгиванны немного расходятся с тем, что отмечает в автобиографии [Сэр Бертрам] Кло Уильямс–Эллис, представитель Великобритании на съезде в Москве:

«Я занял свое место в вагоне-ресторане московского экспресса, официант посадил напротив меня супружескую пару. Я поклонился и сказал первое, что пришло в голову: «Добрый вечер», и получил тот же ответ с незначительным американским акцентом. Я сказал, что еду на Московскую архитектурно-градостроительную конференцию. Мужчина напротив спросил: «Значит, Вы архитектор? Я тоже». «Как Ваше имя?» – спросил я. «Фрэнк Ллойд Райт». «Ах, какой шанс увидеть легенду в действительности!» – сказал я что-то вроде этого, признавая его мастерство, что, в общем-то, было ожидаемо» [10].

Следует отметить, что ни один из четы Райт не упомянул о встрече с

for 7,500 French francs (or the equivalent of \$4,879.50 in 2017 US dollars).⁷

To continue on to the All-Union Congress in Moscow the Wrights would travel through Germany and Poland to reach the Soviet Union. Their visas for Germany and Poland were issued while they were in Paris. Train travel from Paris to Berlin took the Wrights through Aachen (Germany) on the French-German border on June 17th where their passports were stamped for entry. The Congress in Moscow had already begun on June 15th, so the Wrights were late for the full program. Although Wright didn't elaborate on traveling to Paris or Berlin, the latter capital city might have been a logical stop on his way to Moscow, since one of his German

publishers, Heinrich de Fries, was located there. His other German publisher, Ernest Wasmuth, was located in Tübingen, which would be in the opposite direction of their Russian destination.

The shortest route (though likely still a full day train trip) from Berlin to Moscow would be through Poland and Belarus. In 1937, Belarus was one of the states of the USSR. Olgivanna writes about crossing of the Soviet border at Njegorieloje [actually Negoreloe or spelled Nieharelaje] in her book *Our House*. She titled that chapter "A Russian Border incident". While Olgivanna, speaking Russian, dealt with the border customs people, Wright wandered around the train platform with a role of drawings under his arm. The customs

officers asked Wright to open the roll of drawings – which he was reluctant to do and nearly causing a larger incident. The drawings Wright carried with him were for exhibition during the congress and included Wiley House II (originals), S.C. Johnson Administration Building (originals and blueprints), St. Mark's Tower, Hoult House, Lusk House, the "Memorial to the Soil" Chapel (all originals), Edgar Kaufmann's "Fallingwater" (original) and the Herbert Johnson House "Wingspread" (original).⁸

It is likely that the Wrights changed trains at Negoreloe as the majority of European trains travel on standard gauge tracks of 1435 mm (4'-8 1/2") versus the Russian trains which typically travel on

the Russian gauge of 1524 mm (5'-0"). Russian gauge is based on the wheel base of the standard Roman chariot. Gauge is measured from the inside face to the inside face of the rails.

Following the incident with the customs officials at the border, Olgivanna wrote:

*"We were given a compartment in a sleeping car. We were served a sumptuous meal in the diner where no other passenger was present."*⁹ Olgivanna's notes are a bit surprising as [Sir Bertram] Clough Williams-Ellis, the British representative to the congress in Moscow, notes in his autobiography:

"I had taken my seat in the dining-car of the Moscow Express when the waiter

[^] Отель Националь в 1930-е / The Hotel National in the 1930s

Саймоном Брейнсом, молодым нью-йоркским архитектором, который выиграл дополнительный приз в конкурсе 1931 года на проект Дворца Советов. Райт так же, как и Ольгиванна, писал о пересечении советской границы в своей «Автобиографии». Он рассказывает о прибытии в конечный пункт путешествия так:

«Мы сошли на берег с лайнера Queen Mary в Шербурге, проехали через Париж и Берлин и после короткого пребывания в обеих столицах, наконец, прибыли на российскую [советскую] границу для прохождения таможенного досмотра. Досмотр (сравнимый с тем, как смотрят дареному коню в зубы) проходил в строгом порядке,

пока не пришла телеграмма из Москвы, отменяющая проверку, после чего нас повезли в Москву в старом европейском вагоне, включающем гостиную и ресторан. На границе – огромное пустое пространство, вырубленные деревья, гектары заброшенных земель и колючая проволока с обеих сторон. Посты тамошни возвышались над этим участком вырубленного леса. Русские часовые маршировали туда и обратно по платформе станции с одной стороны, польские часовые – с другой. Когда я направился в противоположную сторону, меня знаками заставили вернуться на российскую станцию.

Совсем недавно состоялась знаменитые судебные процессы. Прошла чистка в рядах Красной армии. В Париже говорили, что обе границы закрыты и мы не сможем попасть в Россию. Тем самым они пытались напугать нас, отговорить от поездки. Но мы бы все равно не испугались».

«Восторженные русские были чрезвычайно добры к нам. Теплый прием».

«Старые здания, среди которых есть хорошие, резко контрастируют с новыми, в большинстве своем плохими. Много прекрасных старых православных церквей. Конечно же, великолепен Кремль.

Но современные здания тяжелые и грубые, несимпатичные и непропорциональные. Это касается всех, за некоторым исключением» [11].

Союз советских архитекторов обеспечил проживание четы Райт в гостинице «Националь», располо-

brought along a couple to sit opposite me. I bowed and said "good Evening" at a venture, and got the same back in very slightly Americanised English. I said I was on my way to the Moscow architectural and planning conference. The man said 'You are an architect then? So am I.' 'Your name?' I asked. 'Frank Lloyd Wright.' 'Ah,' I said, 'how kind of a chance thus to turn a legend into present reality,' or some such civility, acknowledging his fame as I knew would be expected."¹⁰

It should be noted that neither of the Wrights mentioned meeting Simon Breines, a young New York architect who had won a supplementary prize in the 1931 design competition for the Palace of the Soviets. Wright also wrote about the

Soviet border crossing in An Autobiography. He leads up to their arrival and described it:

"We debarked from the 'Queen Mary' at Cherbourg, went by way of Paris and Berlin, and after a short stay in both capitals, finally landed at the Russian [Soviet] border for custom's examinations. The examination (something like looking a gift horse in the teeth) was getting acrimonious and more complex, when a telegram from Moscow called it all off and we took the old European leftover parlor-and-dining car to Moscow. There was a wide blank space at the frontier, trees all cut down, a kind of no-man's land, a barbed-wire entanglement both sides. Towers with sentries were overlooking this cleared space. Russian sentries

were marching up and down the station platform on one side, Polish sentries on the other. I ran into one and was waved back into the Russian station.

The famous trials were just over. The Army had been purged of an army. It was said in Paris that both the frontiers were closed and we could not get into Russia. In Paris they tried to scare us out of going there at all. We wouldn't be scared."

"The enthusiastic Russian people were wonderfully kind to us. Warm hospitality."

"The old buildings, some good, contrasting sharply with the new ones, mostly bad. Of their kind, many of the old Russian Greek Orthodox churches were fine. Of course the beautiful Kremlin.

But the modern buildings were hard and coarse, unsympathetic and badly proportioned. This would apply to all but a score of them with perfect justice."¹¹

The Union of Soviet Architects provided accommodations for the Wrights at the Hotel National, which is prominently located at the intersection of Tverskaya and Mokhovaya Streets directly across from the Kremlin entry to Red Square. The hosts had likely provided a suite for the Wrights' stay in Moscow, with Olgivanna describing breakfast served in their sitting room.

The evening of June 22nd the Wrights, along with architects and their spouses at the Congress, attended Pyotr Tchaikovsky's ballet Swan Lake starring

женной на пересечении Тверской и Моховой улиц прямо напротив Красной площади и Кремля. Вероятно, здесь им был предоставлен номер люкс, так как Ольгиванна в своих записях говорит о завтраке, накрытом в гостинной комнате.

Вечером 22 июня чета Райт вместе с другими архитекторами и их супругами посетила балет Петра Чайковского «Лебединое озеро» в Большом театре, где в главной роли выступала балерина Мария Константиновна Тимофеева.

25 июня 1937 года в Нью-Йорке в американской газете «Daily Worker» сообщалось, что на съезде Союза советских архитекторов Аркадий Григорьевич Мордвинов представил свой доклад об архитектуре жилых домов, а профес-

сор Моисей Яковлевич Гинзбург докладывал об индустриализации строительства жилых зданий. В этой статье также сообщалось, что Фрэнк Ллойд Райт прочитал свою лекцию 24 июня 1937 года.

Ольгиванна писала о подготовке Райта к своей речи:

«Мой муж ходит взад и вперед по комнате. Он очень обеспокоен этим событием. Он как будто готовит грандиозную поэму. Я никогда прежде не видела его таким. Он осознает, что этот новый мир, находясь в процессе становления, нуждается в мощном подъеме. От этого могут зависеть многие аспекты будущего развития всей страны. Он хочет, чтобы дорогая его сердцу архитектура расцвела на этой земле с новой силой [12].

Мы входим в потрясающее помещение, которое в свое время служило для Дворянского собрания [ныне Колонный зал Дома Союзов]. Это чрезвычайно продуманный и в то же время величественный зал, при проектировании которого полностью пренебрегали принципом экономии пространства» [13].

Фрэнк Ллойд Райт подготовил к съезду речь, посвященную архитектуре русского духа. Он начал со вступительных слов на английском языке:

«Прежде чем перейти к сути выступления, я хотел бы выразить искреннее восхищение и отметить, что на меня произвели впечатлительные достижения вашей страны. Архитектура – это очень сложный предмет, он представляет собой

своеобразную интерпретацию жизни. Поэтому следует подходить к решению архитектурных вопросов с особым вниманием и предсудительностью» [14].

Николай Джемсович Колли, председатель правления Московского отделения Союза советских архитекторов, прочитал перевод речи Райта (заранее выполненный сотрудниками советской газеты «Правда»):

Дорогие товарищи, я приехал к вам издалека и по пути сюда пересек границы пяти стран. Я приехал из США, страны, на которую возлагает величайшую надежду весь мир. Но, приехав сюда, обнаружил, что, благодаря советской авиации, СССР и США теперь очень близкие соседи, живущие почти бок о бок

^ Примерно в таких комнатах останавливалась чета Райт в отеле Националь. Фото предоставлено отелем Националь, Москва / An example of the rooms that the Wrights would have stayed in while at The Hotel National. Photographs courtesy of Hotel National, Moscow

ballerina Maria Konstantinovna Timofeeva at the Bolshoi Theatre.

On June 25, 1937 the Daily Worker reported in New York on the Congress for the Union of Soviet Architects that architect Arkady Grigoryevich Mordvinov presented his paper on the architecture of dwellings and Professor Moisei Yakovlevich Ginsburg reported on industrialization of the building of dwelling houses. The posting by the Daily Worker went on to say Frank Lloyd Wright presented his lecture on June 24, 1937.

Olgivanna wrote about Wright preparing for his speech:

"My husband walks up and down the room. He is much concerned about this event. It is like the making of an epic, I

have never seen him just like this before. He realizes that this new world, being in the process of formation, needs a powerful lift. That upon it may depend future aspects of the whole country. He wants a beloved architecture to blossom on this land with a new integrity."¹²

*We enter an imposing structure that at one time served as the Club of Nobles [now the Hall of Unions]. It is an extremely elaborate, yet dignified hall, completely oblivious of economy of space."*¹³

Frank Lloyd Wright had prepared his speech for the congress focusing on an architecture for the Russian spirit. He began with introductory words in English: *"Before embarking on the essence of my address, I should like to express*

*my sympathetic admiration and point out that I have seen your country's quite remarkable achievements. Architecture is a very complex matter; it represents a distinctive interpretation of life. Hence one has to approach the solving of architectural issues with very careful forethought and attention."*¹⁴

Nickoli Dzhemsovich Kolli, head of the Moscow chapter of the Union of Soviet Architects, read the translation of the body of Wright's speech (translated earlier by Pravda staff):

Dear Comrades, I came to you from afar having crossed on my way here the borders of five countries. I have arrived from the U.S.A., a country that is the greatest hope of the world. But since I arrived here it has

turned out that, thanks to Soviet aviation, the USSR and the USA are very close neighbors indeed, living almost side by side in the center of the northern hemisphere. I am happy to be among you – already I have had time to acquaint myself with the struggle you lead for the creation of an architecture worthy of your new Soviet life.

I understand you better since, in that struggle for new technique, my country was at one time in the same situation you presently find yourself. We too were faced with a choice – either crawl back into the shell of an old culture, or barely go forward and create our own social order. With this obvious direction before us, however, we made a mistake – we proceeded on the wrong path, that of imitation. The rapid

в центре северного полушария. Я рад быть среди вас – я уже успел ознакомиться с трудностями, с которыми вы сталкиваетесь в процессе создания архитектуры, достойной вашей новой советской жизни.

Я вас хорошо понимаю, ведь моя страна в свое время находилась в таком же нелегком поиске новых направлений и методов проектирования. Мы тоже столкнулись с выбором – либо возвращаться обратно в скорлупу старой культуры, либо пытаться развиваться и создавать наш собственный общественный строй. Однако с этим очевидным для нас выбором мы совершили ошибку: мы пошли по неверному пути – пути подражания. Стремительный рост

науки, промышленных технологий и механизмов, применяемых в исследовании огромных природных ресурсов нашей страны, неожиданно принесли нам огромное богатство. Эти достижения значительно превзошли наши знания об основных принципах искусства. Развивая широкомасштабную строительную деятельность, мы брали за основу архитектурные модели тех культур, которые уже ушли в прошлое или начинали постепенно угасать. В связи с этим наша официальная профессиональная архитектура стала позором для свободной страны. А наши административные здания в лучшем случае свидетельствуют лишь о наших значительных победах в области науки и промышленности.

Взглянув на мир с позиции современных потребностей, можно сказать, что только сейчас в России и США, а также в некоторых других странах начинает пробиваться подлинная архитектура, заменяющая искусственный декоративный стиль, которым мы ранее украшали наши города. Этот новый рост подлинной культуры исходит от народа и основывается на поистине национальной культуре.

То обстоятельство, что наши здания отличаются высочайшим качеством изготовления, является плохим утешением для нас, архитекторов. Нашим самым известным архитектурным достижением является небоскреб. Но что он представляет собой на самом деле? Небоскреб - это не больше и

не меньше, чем победа инженеров и поражение архитекторов.

Стальной каркас небоскреба, как правило, скрывается за тонкой облицовкой каменных блоков, имитирующих кладку феодальных башен.

Небоскребы впечатляют, но сами они фальшивы и искусственны, как и экономическая структура, которая привела к их возникновению в тусклых и перенаселенных городских районах.

В некоторых из ваших зданий я заметил архитектурные мотивы, созданные в прежние времена культурой аристократии. Оформление этого зала говорит об образе жизни и значительно более низком уровне проектирования, чем тот, который мы называем органической архитектурой.

^ Экстерьер и интерьер знаменитого Большого театра. Фотограф Дамир Юсупов. Фото предоставлено музеем Большого театра / The exterior and interior of the iconic Bolshoi Ballet Theatre. Photographer: Damir Yusupov. Courtesy of the Bolshoi Museum

growth of science, industrial technology and mechanical means, applied to the exploration of huge natural resources of our country, suddenly presented us with great wealth. These advances considerably surpassed our knowledge of the basic principles of art. Developing an extensive and great building activity, we were guided by architectural samples from the arsenal of dead or decayed cultures. Hence our official professional architecture is a disgrace to a free country. Our official buildings indicate, at best, merely the achievement of our very considerable triumphs in the field of science and industry.

Only now, in ours as well as in some other countries, from the standpoint of modern needs, there is beginning to break

through a genuine architecture to replace the artificial ornamental style with which we previously adorned our cities. This new growth of a genuine culture emanates from the people and is based on a truly national culture.

The fact that our buildings excel in top quality workmanship is a poor consolation for us architects. Our highly acclaimed architectural achievement is the skyscraper. But what does it really represent? The skyscraper is no more and no less than a victory for engineering and the defeat of architecture.

The rising, steel framework of a skyscraper is generally hidden behind a thin facing of stone block simulating the masonry of feudal towers.

Skyscrapers are stunning, but they are false and artificial like the economic structure, that gave rise to their emergence in dull congested urban areas.

In some of your buildings, constructed to serve the people, I have noticed architectural motifs created in the old days by the aristocracy's culture. The adornment of this very hall speaks of the lifestyle and of a considerably lower standard than the level of that which we call organic architecture.

It is difficult to overcome the palatial style. The tendency toward grandomania when prevailed upon in one place, sometimes becomes apparent in another – and where it is least expected. Aspirations for such magnificence at times becomes more popular because it becomes apparent there

is difficulty in finding another, more refined expression of life in architecture. Just at present, with the day of a new freedom dawning for mankind, we are imbued with new ideas, loftier than those ideals that occasionally inspired the old cultures. The old cultures were able to create only the outward signs of well-being, whereas a flourishing new culture springs from the basis of internal growth.

The USSR must now construct buildings on a scientific basis, guided by common sense and making the most efficient use of high-quality building materials. The left wing of the so-called 'new' architecture also advocated the principles of creating an organic architecture but, to all intent and purpose, did not proceed beyond plain

Трудно преодолеть дворцовый стиль. Когда стремление ко всему величественному превалирует в одном месте, иногда оно становится явным в другом, причем там, где его меньше всего ожидают. Тяга к подобному великолепию становится все более распространенной, когда оказывается, что гораздо труднее найти другое, более утонченное выражение жизни в архитектуре. Именно сейчас, во времена нового расцвета независимости для человечества мы проникнуты новыми идеями, более высокими, чем те идеалы, которые порой вдохновляли старые культуры. Старым культурам удалось создать лишь внешние признаки благополучия, тогда как новая процветающая культура берет за основу внутренний рост.

Сейчас СССР должен строить здания на научной основе, руководствуясь практичностью и максимально эффективно используя качественные строительные материалы. Левое крыло так называемой «новой» архитектуры также выступало за принципы создания органической архитектуры. Но, несмотря на все намерения и цели, оно не выходило за рамки простых стеновых панелей, плоских крыш и декоративных узловых окон. А правое крыло превратило здания в декор. Обе тенденции – продукт увядающих старых культур. Правильный путь к созданию органической архитектуры состоит в научной организации строительной деятельности, оживленной подлинным духом человечества.

в Прием в рамках Конгресса в здании Совета труда и обороны (ныне принадлежит Государственной Думе РФ). Слева направо: неизвестный, Николай Колли, неизвестный, Борис Иофан, Фрэнк Ллойд Райт, Ольга Сассо–Руффо Иофан, неизвестный. Фотограф неизвестен. Фото из частной коллекции / Reception during the Congress of Council of Labor & Defense [now the Russian state DUMA] from left to right: unknown, Nickoli Kolli, unknown, Boris Iofan, Frank Lloyd Wright, Olga Sasso–Ruffo Iofan and unknown. Photographer unknown. Photo courtesy of a private collection

В США мы начинаем медленно и тяжело осознавать, что тяготение ко всему величественному вовсе не является проявлением величия. Такое преувеличение чуждо органической архитектуре.

Архитекторы Советского Союза должны сейчас сосредоточить свои усилия на грамотном планировании и продуманном строительстве, воздерживаться от поверхностного украшения своих зданий и от попыток придать им неестественные и искусственные формы до тех пор, пока ваши молодые архитекторы не найдут новые техниче-

ские формы и образы, отражающие новое течение советской жизни, подобно тому, как архитектура Кремля отражает образ старой России. При этом условии СССР, несомненно, оправдает надежды всего мира и создаст новую подлинную архитектуру. Надеюсь, что когда-нибудь и США этому научатся.

Не растрачивайте свои таланты на мелочи, не увлекайтесь поверхностным «стилем». Архитектура все больше и больше входит в сферы науки и философии.

Америка пока еще не может достичь правильного городского планирования. Этому препятствует экономическая система страны, а именно право частной собственности. Советская Россия, однако, пришла к осознанию ценности идей правильного планирования. Органическая архитектура не только будет выражать эти идеи новой свободной жизни, но и поможет сделать в СССР жизнь лучше, чем где бы то ни было. Представления об органической архитектуре Советской России будут распространяться и на другие страны

wall panels, flat roofs and ornamental corner windows; and the rightwing of said 'new' architecture turned the buildings into ornament. Both tendencies are generated by decaying old cultures. The correct path to the creation of organic architecture consists of the scientific organization of building activity and animating it with a genuine spirit of humanity.

In the USA, slowly and painfully, we are beginning to realize that megalomania does not stand for greatness. That exaggeration is alien to organic architecture.

Architects of the Soviet Union must now concentrate their efforts on good planning and sound construction, refrain from superficial decoration on their buildings and from attempts to impart to them

forced and far-fetched shapes, until your young architects find new technical forms and the images expressive of the new ways of Soviet life, in the same manner as the architecture of the Kremlin similarly expressed old Russia. Under these conditions, the USSR will doubtless justify the hopes of the world, and create in it a new genuine architecture. I hope that someday the USA will learn this too.

Do not squander your talents on trivialities; do not be carried away by superficial 'taste.' Architecture is more and more coming into the spheres of science and philosophy.

America is far behind from correct town planning. Its economic system interferes with this. Private property ownership

makes correct planning impossible. Soviet Russia, however, came to the realization of the value of correct planning ideas. Organic architecture will not only express such ideas of a new free life but also ensure, in the USSR, the possibility of living one's life better than anywhere else. Ideas of Soviet Russia organic architecture will spread to those other countries on the continent if they continue their insular way of life in those continental countries.

Young architects of the Soviet Union, I call upon you to continuously improve so you may reach the very heights of architecture. Overcome all difficulties. Study your design meticulously, thoroughly master construction and structural principals that have their basis in technology and, inspired

by your Soviet vision, you will create a worthy architecture that was in harmony with the social environment that gave it birth."¹⁵

Wright concluded the lecture with the last paragraph in English:

"The Kremlin, when relieved of its later decorations, represents one of the greatest treasures of all times and nations, Soviet Russia must honor its great architectural monuments, but not imitate them. Genuine architecture retains its significance eternally. But new principles of freedom, embodied in the Soviet Union itself, will generate other great art treasures.

I take away with me from the USSR many impressions of brilliant achievements, and the greatest hope I have ever

в Слева направо: Н. А. Булганин (председатель Московского совета), возможно, Иван Владиславович Жолтовский, неизвестный, неизвестный, Фрэнк Ллойд Райт (в центре). Фотограф неизвестен. Фото из частной коллекции / Left to right: N. A. Bulganin (Chairman of Moscow Soviet), possibly Ivan Vladislavovich Zholtovskiy, unknown, unknown, Frank Lloyd Wright (center). Photographer unknown. Photo courtesy of a private collection

континента, нужно лишь, чтобы она служила внутренним потребностям этих стран.

Молодые архитекторы Советского Союза, я призываю вас постоянно совершенствоваться, чтобы достичь высот архитектуры. Преодолевайте все трудности. Тщательно изучайте ваши проекты, всесторонне осваивайте строительные и конструктивные особенности проектирования, ос-

нова которых заложена в современных технологиях. И, вдохновленные вашим советским видением, вы создадите достойную архитектуру, созвучную той социальной среде, которая ее породила» [15].

Райт завершил лекцию последним абзацем на английском языке: «Кремль, лишенный более позднего декора, представляет собой одно из величайших сокровищ всех времен и народов. Совет-

ская Россия должна чтить свои великие памятники архитектуры, но не подражать им. Подлинная архитектура никогда не потеряет своего значения. Но новые принципы свободы, воплощенные в самом Советском Союзе, породят другие великие шедевры искусства.

Я увезу с собой из СССР много впечатлений от блестящих достижений и величайшую надежду, которую я когда-либо питал – веру

в человечество и в будущее жизни на земле» [16].

Вечером 26 июня чета Райт получила от Президиума Моссовета и Первого Всесоюзного съезда советских архитекторов приглашение на торжественный ужин, который должен был состояться в порту Химкинского района Москвы в здании речного вокзала канала Москва–Волга. Приглашение № 414 было адресовано товарищу

nourished – the hope for mankind and the future of life on earth.”¹⁶

For the evening of June 26th, the Wrights received an invitation from the Presidium of the Moscow City Council and the First All-Union Congress of Soviet Architects to a formal dinner to be held at the Port of Khimki (a district of Moscow) in the building of the station of the Moscow-Volga Canal. Invitation number 414 was addressed to comrade Wright, L.F.; while invitation number 605 was addressed to comrade Wright Olga. They were assigned to table number 3.¹⁷ Olga described the occasion:

“My husband and I have an invitation to go to a banquet, given in honor of all the architects of the architects of the Congress

*and their foreign guest architects. The building in which the banquet celebrating the closing of the Congress is held is situated on the newly constructed Volga Canal. It is supposed to remind one of a ship, with its round windows, its deck like terraces, a mast carrying lights at the center, and lookouts. We go to the water’s edge. In the distance, a barge-like ship is bound in our direction. After the banquet is over the barge will take all five hundred and fifty guests to the end of the canal, where the Volga River starts.”*¹⁸

Olgivanna’s little-known booklet, *To Russia*, published after returning from their 1937 trip, offers the very human aspect of the Wrights’ travel to Moscow. It recounts her visit to the country she

had left roughly twenty years earlier while it was still under Czarist rule. Whereas Wright is focused on the aspects of architecture, Olgivanna provides a softer portrait of the Russian people:

“The sun pours down its deluge of heat, for it is the middle of June. I walk and blend among the people in the streets. I cannot get used to the fact that they all speak Russian. I cannot get used to the fact that they do not look at me inimically as bourgeois or “capitalist”. They are so polite. They give me the way. They apologize if we accidentally run into one another. There is the subway at last.

I am in a palatial building and do not believe my eyes. It is of white and colored marble, with vaulted ceiling about twenty

feet high. It is brilliantly lighted with cone-shaped columns that throw the light upwards. It is fantastic. It is the most glamorous subway in the world. I do not know what is happening within myself! I have a funny feeling of wanting to smile at something very touching in this yearning to make the subway for their people a gorgeous splendor. They say they spent millions and millions in building it. Some of them think it was an extravagance. (What I it was, since all of them are proud of it?) I look and look in wonder. I cannot cease just ‘looking’ ever since I put my foot on Russian soil. It is another world existence, which I never suspected.

I take the first train stopping at the station. In with the crowd we go fast. The

Ф. Л. Райту, приглашение № 605 было на имя Ольги Райт. Их места были за столом № 3 [17]. Ольга описывает происходящее:

«У нас с мужем есть приглашение на банкет, посетить который удостоены чести все архитекторы съезда, в том числе и приглашенные иностранные коллеги. Здание, в котором проводится банкет по случаю закрытия съезда, находится на новом канале Москва–Волга. По-видимому, это здание должно напоминать корабль с круглыми окнами, террасами, похожими на палубы, мачтой с огнями в центре и смотровыми площадками. Мы направляемся к набережной. Вдалеке виднеется корабль, похожий на баржу, который взял курс к берегу. После окончания банкета баржа перенесет всех гостей в количестве пятисот пятидесяти человек в ту часть канала, где берет начало река Волга» [18].

Малоизвестный буклет Ольги-ванны «В России», опубликованный после возвращения из поездки в 1937 году, раскрывает именно житейские стороны путешествия четы Райт в Москву. В публикации она рассказывает о своем визите в страну, которую покинула около двадцати лет назад во времена, когда у власти еще была царская семья. В то время как Райт был больше сосредоточен на проблемах архитектуры, Ольги-ванна с теплотой воспроизводит портрет русского народа:

«Середина июня, и повсюду разлит солнечный зной. Я гуляю и сливаюсь с потоком людей на ули-

цах. И не могу привыкнуть к тому, что все они говорят по-русски. Я не могу привыкнуть к тому, что они смотрят на меня дружелюбно, а не как на буржуа или «капиталистку». Они такие вежливые. Они уступают мне дорогу. Они извиняются, если мы случайно столкнемся. И, наконец, здесь есть метро.

Я нахожусь в роскошном сооружении и не верю своим глазам. Оно сделано из белого и цветного мрамора и имеет сводчатый потолок около двадцати футов в высоту. Потолок прекрасно освещен конусообразными колоннами, которые отбрасывают свет вверх. Это фантастика. Это самое эффектное метро в мире. Я не знаю, что происходит внутри меня! Мне непреодолимо хочется улыбаться. Есть что-то очень трогательное в этом стремлении сделать метро для своих людей с изумительной роскошью. Русские говорят, что потратили миллионы на его строительство. Некоторые из них думают, что это была расточительность (что в этом такого, если все так гордятся этим?). А я наблюдаю и вижу чудо. Я никак не могу перестать «наблюдать» с тех пор, как ступила на русскую землю. Это другое мироустройство, которое я никогда не ожидала здесь увидеть.

Я села на первый поезд метро, прибывший на станцию. Полный вагон едет быстро. Люди разглядывают меня. Они знают, что я иностранка, и смотрят на меня дружелюбно. Я прошу людей подсказать мне станцию, ближайшую

в Суханово. Фотограф неизвестен. Источник: Wikipedia Commons / A view of Sukhanovo. Photographer unknown. Image via Wikipedia Commons

к моему отелю, и получаю в ответ полное указание маршрута.

Поезд останавливается. Я схожу на станцию. В конце длинного перехода возвышается огромная каменная статуя Сталина. Я стою перед ней. Его фигура наклонена вперед, одна рука за пазухой «шинели» – длинного военного пальто. Его лицо сильно, благородное, решительное» [19].

Несмотря на то, что съезд подходил к концу, советские архитекторы и студенты пытались убедить семью Райт провести с ними больше времени. Ольги-ванна писала:

«Архитекторы постоянно умоляли нас побыть здесь «всего лишь на пару дней подольше». Они настойчиво просили моего мужа. Как я рада, что мы, наконец,

решили остаться еще на два дня.

И теперь мы едем погостить в знаменитую усадьбу «Суханово», дом отдыха Союза архитекторов [20]. Это комплекс недавно построенных зданий, окруженный лесным массивом площадью 400 акров, сквозь который протекает живописный ручей. Удивительно, как сильно эти места походят на наше собственное поместье в Висконсине. Холмы покрыты такой же породой деревьев. Те же сорняки приносят вред землевладельцам. Такие же цветы на лугах» [21].

В «Автобиографии» Фрэнк Ллойд Райт тоже описывает визит в Суханово перед отъездом из Москвы:

«До нашего отъезда в Суханово мы посетили Метрополь – знаменитую старую гостиницу, выполнен-

people look me over. They know I am a foreigner. They look at me with friendly eyes. I ask for the station that will be the nearest my hotel and receive full instructions.

The train stops. I walk down the station. At the end of a long passage rises the heroic stone statue of Stalin. I stand before it. His figure leans forward with one hand resting inside of his coat. He wears a 'shinel', a long military coat. His face is strong, noble, purposeful.¹⁹

Even though the Congress is nearing its end, Soviet architects and students were trying to persuade the Wrights to spend more time with them. Olgivanna wrote:

"Always the architects were pleading with us for 'just two days longer.' Insistent,

they pleaded with my husband. How glad I am when we finally decide again for the third time to stay two days longer. And now we go as guests to their great country estate 'Sukhanovo,' the architect's house of rest.²⁰ It is a group of newly built buildings, surrounded by four hundred acres of woods, and a beautiful stream winding through the wood. It is amazing how much the country looks like our own estate in Wisconsin. The hills are covered with the same kind of trees. The same weeds plague the farmer. The same flowers grow in the meadows."²¹

In An Autobiography Frank Lloyd Wright describes visiting Sukhanovo before leaving Moscow:

"We went to the Metropole – historic old Europeanized caravansary – until we went to Sukhanovo. Sukhanovo is the Russian Taliesin. The same rural loveliness – oaks, pine, white birches, and wild flowers. The same herds and the same birds and similar architects."²²

The Wrights, having departed Moscow, received a telegram from Karo and Victoria Halabyan [Alabian] at the Negoreloye customs station as they crossed back across the Soviet Union border on July 3rd via train No. 3. The telegram wished the Wrights "nice travel" and "cordial greetings."²³

Since Wright had earlier stated that traveling to Russia would have to be a short trip, one would expect that when de-

parting Moscow, the Wrights would head back to Cherbourg, France for return to the United States as quickly as possible. But surprisingly, their passport has stamps of the Austrian Police Inspection and the German border point of Salzburg, Austria, dated Jul 6, 1937. However, neither of the Wrights mentions visiting Salzburg or Austria to anyone back at Taliesin, in their later correspondence, or their published writings.

Eugene Masselink wrote Leo Bramson, a Wright client from Oak Park, Illinois, in New York that "Mr. Wright missed Normandie sailed on Bremen July Ten instead."²⁴ From a Norddeutscher Lloyd Bremen currency exchange receipt it appears the Wrights boarded the SS. Bremen

^ Фрэнк Ллойд Райт с Давидом Аркиным и его супругой в Суханово. Фотограф неизвестен. © 2017 Фонд Фрэнка Ллойда Райта, Скоттсдейл, штат Аризона. Все права защищены. Архив Фонда Фрэнка Ллойда Райта (Музей современного искусства, библиотека архитектуры и изящных искусств Эйвери, Колумбийский университет, Нью-Йорк) /

Frank Lloyd Wright with Mr. and Mrs. David Arkin at Sukhanovo. Photographer unknown. © 2017 Frank Lloyd Wright Foundation, Scottsdale, AZ. All rights reserved. The Frank Lloyd Wright Foundation Archives (The Museum of Modern Art | Avery Architectural & Fine Arts Library, Columbia University, New York)

ную на европейский лад. Суханово – это русский «Талиесин». Та же сельская красота – дубы, сосны, белые березы и полевые цветы. Те же стада, те же птицы и такие же архитекторы» [22].

3 июля чета Райт получила телеграмму от Каро и Виктории Алабян на таможенном посту станции Негорелое, когда они пересекали границу Советского Союза на поезде № 3. В телеграмме были «сердечные пожелания доброго пути» [23].

Поскольку Райт ранее заявлял, что поездка в Россию планировалась короткой, можно было бы ожидать, что при выезде из Москвы они направятся обратно во французский Шербург, чтобы вернуться в Соединенные Штаты как можно скорее. Но удивительно, что у них в паспортах есть штампы досмотра австрийской полиции и немецкого пограничного пункта Зальцбурга в Австрии, датированные 6 июля 1937

года. Тем не менее, ни один из них в своих последующих заметках или в опубликованных сочинениях не упоминает о посещении Зальцбурга или Австрии на пути возвращения в «Талиесин».

Юджин Масселинк писал в Нью-Йорк клиенту Райта из Ок-Парка, штат Иллинойс, Лео Брамсону, что «Господин Райт не успел на Normandie, отплыв вместо этого 10 июля на лайнере Bremen» [24]. Судя по квитанции об обмене валюты, выданной немецкой судходной компанией Norddeutscher Lloyd Bremen, можно утверждать, что чета Райт отправилась на борту корабля SS. Bremen из Шербурга в Нью-Йорк 10 июля [25]. Трансатлантический лайнер SS. Bremen был лучшим судном немецкой компании и отличался большой скоростью – почти 28 узлов (около 32 миль в час). Это позволяло добраться из Шербурга в Нью-Йорк всего за четыре дня и восемнадцать часов. Такая скорость передвижения позволила семье Райт вернуться в Нью-Йорк 14 июля 1937 года.

По возвращении в Соединенные Штаты Райт написал статью, где высказывает ту роль, которая отведена архитектуре в советской жизни, хотя он и не был очарован проектом Дворца Советов. Эта статья была опубликована в газете «Советская Россия сегодня» и в американском журнале «Architectural Record» в октябре 1937 года. Многие из того, что он написал для советской газеты, он повторил в переизданной в 1943 году книге «Автобиография».

«Удивляет ее энергия и сила, ее героический путь развития и многоликое проявление, и особенно восхищает ее яркая индивидуальность, однако секрет ее счастья непостижим... И в то же время Россия может поделиться с меркантильными, враждующими и выжившими из ума странами Западного мира той самой духовной силой, которую они не могут найти внутри себя. Таким образом, надеюсь, удастся вовремя предотвратить это самоубийство наций, тщательно подготавливаемое ими самими» [26].

Затем Райт вспоминает разговоры с несколькими его советскими коллегами:

«Архитекторы, по крайней мере, те, которых я назвал [Алабян, Иофан, братья Веснины] – это люди, которые видят и понимают это. Они говорят: "Не стоит беспокоиться – все равно лет через десять мы это снесем".

– "Но, чтобы закончить Дворец Советов, необходимо столько времени", – сказал я... и молодой Иофан [согласно оригиналу], еще не утративший веру в свой помпезный проект Дворца Советов, ответил: "Ничего страшного, мистер Райт. Со временем мы усовершенствуем этот проект. Мы постоянно прорабатываем его снова и снова".

"Не переживайте", – сказали они. "Мы и его снесем – еще до того, как завершим строительство"» [27].

Иофан был провидцем. История Дворца Советов началась с конкур-

in Cherbourg, France for the return trip to New York City on July 10th. ²⁵ The SS Bremen was the pride of the German Norddeutscher Lloyd Line for both luxury and speed capable of almost 28 knots (almost 32 miles per hour) and could sail from Cherbourg to New York City in just over four days and eighteen hours. This speed of travel allowed the Wrights to return to New York on July 14, 1937.

Upon his return to the United States, Wright wrote an article full of praise for the role afforded to architecture in Soviet life – even if he was far from enamored with the plans for the Palace of the Soviets. This article was published in Soviet Russia Today and in Architectural Record, both in October 1937. Much of what he

wrote for Soviet Russia Today he repeated in the revised 1943 An Autobiography.

“Marvel at her vitality and strength, her heroic growth and richness of expression, and admire especially her colorful individuality, never knowing the secret of such happiness...Russia may yet give to this money-minded, war-minded, quarreling pack of senile races that make up the Western world the soul they fail to find within themselves – and, I hope, in time to prevent the suicide the nations are so elaborately preparing to commit.” ²⁶

Wright continued with recalling conversations with several of his Soviet hosts:

“The architect, however – at least those that I have named [Alabyan, Iofan, the

Vesnins to name a few] are men who do see and realize this. They are men who say, ‘Never mind – we will tear it down in ten years.’” *“But it will take that long to finish the Palace of Soviets’, I said...young Yofan [sic], not yet quite disillusioned concerning his highly decorated Palace of Soviets; ‘Never mind, Mr. Wright. It will improve as we go along. We are studying it continually.’ ‘Never mind’, said they; ‘We will tear it down too – even before we complete it.’”* ²⁷

Yofan was prophetic. The saga of the Palace of Soviets began with the 1931 competition. Architects entering the competition included Le Corbusier, Walter Gropius, and Albert Kahn. The jury, including Joseph Stalin, finally made the selection of Boris Iofan in 1935. The cho-

sen site along the Moscow River required the demolition of the magnificently large gold-domed Cathedral of Christ the Redeemer. The final design would have reached a height of 1,362 feet, which would have been taller than the Empire State Building.

Frank Lloyd Wright’s response to the design was:

“This structure – only proposed I hope – is good if we take it for a modern version of Saint George destroying the dragon.” ²⁸

The foundations were poured in place and the first of the steel frame was erected. But, with the outbreak of World War II, all the steel framing was dismantled to meet wartime manufacturing requirements. In 1957 the Soviet government

са 1931 года. В нем участвовали архитекторы Ле Корбюзье, Вальтер Гропиус и Альберт Кан. Члены жюри, в том числе Иосиф Сталин, в 1935 году, наконец, сделали выбор в пользу Бориса Иофана. Но на выбранном участке вдоль Москвы-реки требовался снос величественного златоглавого Храма Христа Спасителя. Конструкция, венчающая здание Дворца, достигала бы высоты 1362 футов и была бы выше, чем Эмпайр Стейт Билдинг.

Отзыв Фрэнка Ллойда Райта на этот проект был следующим:

«Эта конструкция, которая, я надеюсь, останется только проектом, подошла бы нам в качестве современного варианта Святого Георгия, убивающего дракона» [28].

На участке залили фундамент и возвели первый стальной каркас. Но с началом Второй мировой войны все металлоконструкции были демонтированы для их использования в военном производстве. В 1957 году советское правительство объявило, что откажется от идеи Дворца Советов и отдало этот участок под открытый бассейн с подогревом. В 1995 году началось восстановление Храма Христа Спасителя, которое завершилось в августе 2000 года. Храм вновь вернул себе звание самой высокой православной христианской церкви в мире.

«Алабян сказал: “Я хотел заложить в проект этого нового здания [новый Театр] столько колонн, сколько бы использовал в проектах до конца моей жизни, и покончить с этим”» [29].

Веснин о своем Дворце культуры и отдыха (превосходящим архитектуру Ле Корбюзье и др.) сказал: «Не хватает цвета. Это лишь предварительные наработки. Он еще не совсем русский» [30].

Фрэнк Ллойд Райт выпустил свое повторное издание «Автобиографии» в 1943 году, чтобы завершить книгу главой о своем путешествии в Советский Союз:

«Теперь, когда я снова в «Талиесин», а мои московские коллеги находятся достаточно далеко, можно объективно все оценить. Я настолько наслаждался общением с ними и испытывал к ним личную симпатию, пребывая там, что моя оценка их деятельности на тот момент с легкостью могла быть завышена. Но этого не произошло.

Сейчас, вспоминая то, что я увидел на той стороне земного шара, я все больше изумляюсь моими московскими друзьями и их работами. Я приехал к ним в надежде сделать то немного, что было в моих силах, чтобы помочь положить конец путанице в реакционных подходах, которую я увидел в их архитектуре. Мне особенно не понравился проект Дворца Советов. Я надеялся изменить умы тех, кто был причастен к его возведению. Но уже были заложены фундаменты.

И я увидел в России, как и много лет назад в Соединенных Штатах, массы людей, которые ничего не имели, и которым казалось, что аристократия, владеющая землей, владеет абсолютно всем. А теперь настал черед простого народа радоваться жизни. И ничто не

v Супруги Райт за обедом; ресторан первого класса лайнера SS. Bremen. Фотограф неизвестен. © 2017 Фонд Фрэнка Ллойда Райта, Скоттсдейл, штат Аризона. Все права защищены. Архив Фонда Фрэнка Ллойда Райта (Музей современного искусства, библиотека архитектуры и изящных искусств Эйвери, Колумбийский университет, Нью-Йорк) / Wrights at dinner, first class dining room, on the SS. Bremen. Photographer unknown. © 2017 Frank Lloyd Wright Foundation, Scottsdale, AZ. All rights reserved. The Frank Lloyd Wright Foundation Archives (The Museum of Modern Art | Avery Architectural & Fine Arts Library, Columbia University, New York)

v Лайнер SS. Bremen, заходящий в порт Нью-Йорка. Фотограф неизвестен. Источник: Wikipedia Commons / A view of the SS. Bremen coming into New York dock. Photographer unknown. Image via Wikipedia Commons

announced that it would be abandoning the idea of the Palace of the Soviets and turned the site into an open air heated swimming pool. In 1995, the rebuilding of the Cathedral of Christ the Redeemer began, completed in August 2000. The Cathedral once again regained its title of the tallest Orthodox Christian Church in the world.

“Said Alabyan: ‘I thought I would put all the columns I would need for the rest of my life into this new building [the new Theater] and have done with it.’”²⁹

Said Vesnin concerning his Palace of Culture and Rest (a very desirable improvement on LeCorbusier et al). ‘It lacks color. It is only a preliminary study. It is not yet Russian.’”³⁰

Frank Lloyd Wright, in an interesting and revealing move, revised his 1943 re-release of An Autobiography to close the book with a chapter on his travel to the Soviet Union:

“Now that I am back at Taliesin again, my Moscow colleagues are far enough away for perspective to assert itself. I enjoyed them so much, was personally so much in sympathy with them while there, that appraisals made on the spot might easily have been overdrawn. They were not.

As I look back now across the Pole - my friends in Moscow and their work appear more extraordinary. I went to them intending to do what little I could to end the confusion in the reactionary practices in architecture I saw among them. I

particularly disliked the Work Palace of the Soviets. I had hoped to alter the minds entangled with its erection. But the foundations were in.

And I found in Russia, as in the United States long ago, the masses who had nothing and to whom the landed aristocracy appeared to have everything, now had their turn to be pleased. Nothing pleases them so much as the gleam of marble columns under high ceilings, glittering chandeliers, the unmistakable signs of luxury as they looked up to it when it decided their fate, and they ate out of luxury's hand if they ate at all.

But reassurance for me lay in the attitude of the Soviet architects themselves. I may mention Alabyan [Alabian],

Collé [Kolli], Yofan [Iofan], the Vesnins, Nikolsky, and the editor, Arkin, as personal acquaintances in this connection. All of them took the present situation with a humor and a touch of fatalism characteristic Russia.”³¹

In 2017, people in the United States celebrate the sesquicentennial of Frank Lloyd Wright's birthday. Concurrently, Russian architects celebrate the eightieth anniversary of Frank Lloyd Wright attending the First All-Union Congress of Soviet Architects in Moscow. Almost sixty years after Frank Lloyd Wright's death, architects in Russia and around the world still study his philosophy and the work he produced. The idea of organic architec-

v Слева направо: Борис Иофан, Ольга Сассо-Руффо Иофан и Фрэнк Ллойд Райт. Фотограф неизвестен. Фото из частной коллекции / Left to right: Boris Iofan, Olga Sasso-Ruffo Iofan and Frank Lloyd Wright. Photographer unknown. Photo courtesy of a private collection

радует их так сильно, как блеск мраморных колонн под высокими потолками, сверкающие люстры и другие очевидные признаки роскоши. Той роскоши, которую они боготворили, когда она решала их судьбы, которой подчинялись, изредка получая кусок из ее рук.

Но меня утешала позиция самих советских архитекторов. В этой связи стоит упомянуть Алабяна, Колли, Иофана, братьев Весниных, Никольского и автора передовых статей редактора Аркина, с которыми я был лично знаком. Все они воспринимали существующую

ситуацию с юмором и оттенком фатализма, характерного для России» [31].

В 2017 году жители Соединенных Штатов отмечают 150-летнюю годовщину со дня рождения Фрэнка Ллойда Райта. Параллельно с этим российские архитекторы отмечают 80-летнюю годовщину с момента участия Райта в Первом Всесоюзном съезде советских архитекторов в Москве. Спустя почти шестьдесят лет после смерти Райта архитекторы в России и во всем мире продолжают изучать философию и творчество, которое он оставил

после себя. Идея органической архитектуры находит своих последователей. Как заметил Фрэнк Ллойд Райт во время посещения Москвы в 1937 году:

«Советский союз не должен копировать Кремль. Однако Кремль восславляет Советский Союз. Я возлагаю великие надежды на страну Советов, верю в ее завтрашний день, когда она добьется славы, став подлинно культурной общностью. Когда архитектура подлинна, она вечна. Из зарождающейся свободы, которую сейчас символизирует СССР, должны прийти и другие великие ценности. Но наберитесь терпения. Их нельзя торопить. Они тоже должны незаметно зародиться в начале и затем медленно развиваться» [32].

Благодарность автора

Статья основана на переписке Фрэнка Ллойда Райта с советскими архитекторами, принимавшими его у себя; небольшой книге Ольгиванны Ллойд Райт под названием «В Россию», выпущенной в 1937 году, вероятно, после их возвращения в «Талиесин»; воспоминаниях Фрэнка Ллойда Райта о поездке в Россию на конгресс, опубликованных в «Автобиографии» в 1943 году (С. 541–559); статье Дональда Лесли Джонсона «Фрэнк Ллойд Райт в Москве: июнь 1937», напечатанной в мартовском издании «Журнала общества историков архитектуры» за 1987 год, и «Фрэнк Ллойд Райт против Америки. 1930-е»; «В “Талиесине”»: газетные колонки Фрэнка Ллойда Райта и братства “Талие-

ture continues. As Frank Lloyd Wright observed while visiting Moscow in 1937:

*"The Soviet must not imitate the Kremlin. But the Kremlin honors the Soviet. And it is my great hope that the Soviet will honor itself by growing up to be a true cultural entity in terms of today's tomorrow. When architecture is really architecture it is timeless. Out of the young freedom that is now the U.S.S.R., other great treasures for the future should come. But, patience. They cannot be forced. They also must humbly begin at the beginning and slowly grow."*³²

Author's acknowledgements

The essay is based on correspondence between Frank Lloyd Wright and his Soviet architect hosts; the small book by

Olgivanna Lloyd Wright in 1937 titled *To Russia*, likely written after their return to Taliesin; Frank Lloyd Wright's recollection of the travel to the congress and Russia as written in the 1943 release of *An Autobiography*, pages 541 through 559; Donald Leslie Johnson's paper "Frank Lloyd Wright in Moscow: June 1937" in the March 1987 issue of the *Journal of the Society of Architectural Historians* and Frank Lloyd Wright versus America The 1930s and At Taliesin: Newspaper Columns by Frank Lloyd Wright and the Taliesin Fellowship 1934–1937 edited by Randolph C. Henning.

Of particular importance is the work of several scholars: Dr. Danilo Udovički-Selb for publishing *Facing Hitler's Pavilion*:

> Рисунок Дворца Советов Бориса Иофана (1931). © 1931 Фонд Чобана / Drawing of the proposed Palace of the Soviets by Boris Iofan (1931). Drawing © 1931 Tchoban Foundation

↪ Иллюстрация выпуска «Mechanix Illustrated» за сентябрь 1939 года, где сравнивается высота Эйфелевой башни, Дворца Советов и Эмпайр Стейт Билдинг. Источник: Wikipedia Commons. / An illustration comparing the heights of the Eiffel Tower, Palace of the Soviets, and the Empire State Building as printed in the September 1939 issue of *Mechanix Illustrated*. Image via Wikipedia Commons

сина". 1934–1937» под редакцией Рандольфа С. Хеннинга.

Важное значение имела публикация доктора Данило Удовицкого–Зельба «Лицом к павильону Гитлера: элементы модернизма в Советском павильоне на Парижской международной выставке 1937 г.» и публикация Владимира Паперного «Архитектура эпохи Сталина и Москва в 1937 году: вера, правда и реальность». Студентам, желающим глубже изучить архитектуру советского модернизма, рекомендовано обратиться к работам Данило Удовицкого–Зельба, Владимира Паперного и Дональда Джонсона. Часть их работ доступна в сети Интернет.

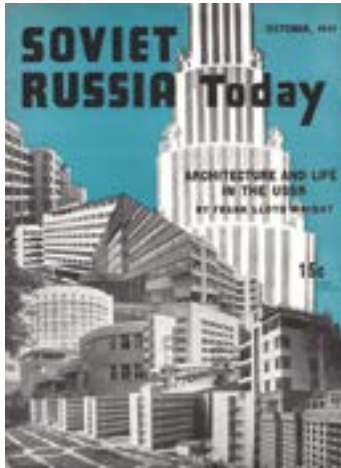
Отдельная благодарность президенту Союза архитекторов России Андрею Бокову за помощь в написании статьи. Особая благодарность Марине Вегере за помощь в работе с российскими архивными ресурсами и в переводе документов с русского языка, а также Лидии Хариной и Ольге Нивинской из Музея Большого театра и Татьяне Викторовне Петровой из Российского государственного архива литературы и искусства в Москве за их помощь в исследовательской работе. Кроме того, автор благодарит Марго Стайн, Индиру Берндтсон и Оскара Муноза из Архива Фонда Фрэнк Ллойда Райта и Элизабет Досари из библиотеки Вильяма Весли Петерса за критическую оценку статьи, а также Шелли Хайре из библиотеки архитектуры и изящных искусств Эйвери.

Брайан А. Спенсер

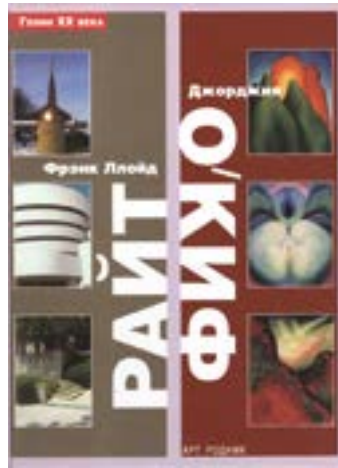
Литература / References

1. Wright, Frank Lloyd. *An Autobiography*. Duell Sloane & Pearce, New York. 1943, p. 556.
2. May 10, 1937 letter. Union of Soviet Architects to Frank Lloyd Wright. Frank Lloyd Wright Foundation Archives.
3. May 14, 1937 telegram. Acting Soviet Counsel General Paul Borovoy to Frank Lloyd Wright. Frank Lloyd Wright Foundation Archives.
4. June 1, 1937 letter. Frank Lloyd Wright to Henry Russell Hitchcock. Frank Lloyd Wright Foundation Archives.
5. June 2, 1937 letter. Frank Lloyd Wright to Edgar J. Kaufmann. Frank Lloyd Wright Foundation Archives.
6. Telegram sent to Acting General Counsel Paul Borovoy to Frank Lloyd Wright in response of letter dated 06/01/1937. Frank Lloyd Wright Foundation Archives.
7. Marion Densmore, Vignier Arts of Asia invoice to Frank Lloyd Wright dated 10 July, 1937. Frank Lloyd Wright Foundation Archives.
8. Pfeiffer, Bruce Brooks and Maxine Fawcett-Yeske, *The Life of Olgivanna Lloyd Wright* (ORO Editions, San Francisco, 2017) p. 126. See footnote.
9. Wright, Olgivanna Lloyd. *Our House*. p. 40.
10. Williams-Ellis, Clough. *Architect Errant: The Autobiography of Clough Williams-Ellis*. (1991) p.187.
11. Wright, Frank Lloyd. *An Autobiography* (1943) p. 541.
12. Wright, Olgivanna Lloyd. *To Russia*. (1937) p. 10.
13. Wright, Olgivanna Lloyd. *To Russia*. (1937) p. 10.

^ Обложка номера журнала «Советская Россия сегодня» за октябрь 1937 года. Предоставлено Дугласом Штейнером / Cover of October 1937 Soviet Russia Today. Courtesy Douglas Steiner

^ Недавно опубликованный перевод на русский язык материалов о Фрэнке Ллойде Райте. Из личного архива Брайана Спенсера / Recent Russian translation publication about Frank Lloyd Wright. Image courtesy Brian Spencer collection

The Uses of Modernity in the Soviet Pavilion at the 1937 Paris International Exhibition; and Vladimir Paperny for his publication of *Architecture in the Age of Stalin and Moscow in 1937: Faith, Truth and Reality*. For students interested in a deeper understanding of Soviet modern architecture the writing of Danilo Udovički-Selj, Vladimir Paperny, and Donald Leslie Johnson is required reading. Several of their papers are available via the internet.

Thanks to Andrey Bokov, President of the Union of the Architects of Russia, for initial help with this article. A special thank you to Marina Vegera for her identifying Russian archival sources to

contact and assisting with translations of Russian documents; to Lidia Kharina and Olga Nivinskaya of the Bolshoi Theatre Museum; to Tatyana Viktorovna Petrova of the Russian State Archive of Literature and Arts in Moscow, Russia, for their guidance and support in researching this story. Further, the review of this article by Margo Stipe, Indira Berndtson, and Oskar Munoz of the Frank Lloyd Wright Foundation Archives, Elizabeth Dawsari of the William Wesley Peters Library, and the assistance of Shelley Hayreh of the Avery Architectural and Fine Arts Library was most helpful.

Brian A. Spencer

> Виктор Веснин, его супруга и Фрэнк Ллойд Райт. Фотограф неизвестен. Предоставлено Российским государственным архивом литературы и искусства, Москва, Россия / Victor Vesnin, Mrs. Viktor Vesnin, and Frank Lloyd Wright. Photographer unknown. Courtesy of the Russian State Archive for Literature & Art, Moscow, Russia

14. Johnson, Donald Leslie. *Frank Lloyd Wright versus America The 1930s*. p. 224.
 15. Johnson, Donald Leslie. *Frank Lloyd Wright versus America The 1930s*. p. 228.
 16. Johnson, Donald Leslie. *Frank Lloyd Wright versus America The 1930s*. p. 224-228.
 17. Invitation Presidium of the Moscow City Council to Frank Lloyd Wright and Olga Wright. Frank Lloyd Wright Foundation Archives.
 18. Wright, Olgivanna Lloyd. To Russia. (1937) p. 32.

19. Wright, Olgivanna Lloyd. To Russia. (1937) p. 9.
 20. Wright, Olgivanna Lloyd. To Russia (1937). p. 36.
 21. Wright, Olgivanna Lloyd. To Russia (1937). p. 36.
 22. Wright, Frank Lloyd. *An Autobiography* (1943). p. 543.
 23. Halabyan, Karo and Victoria. Telegram to Frank Lloyd Wright 07/03/37.
 24. Eugene Masselink telegram to Leo Bramson. Frank Lloyd Wright Foundation Archives.

25. Norddeutscher Lloyd Bremen currency exchange receipt no. 8954, dated July 10, 1937. Frank Lloyd Wright Foundation Archives.
 26. Wright, Frank Lloyd. *An Autobiography*. Duell, Sloan and Pearce, New York, 1943. p. 556.
 27. Wright, Frank Lloyd. *An Autobiography*. Duell, Sloan and Pearce, New York, 1943. p. 550.
 28. Wright, Frank Lloyd. *An Autobiography*. Duell, Sloan and Pearce, New York, 1943. p. 546.

29. Wright, Frank Lloyd. *An Autobiography*. Duell, Sloan and Pearce, New York, 1943. p. 550.
 30. Wright, Frank Lloyd. *An Autobiography*. Duell, Sloan and Pearce, New York, 1943. p. 550.
 31. Wright, Frank Lloyd. *An Autobiography*. Duell, Sloan and Pearce, New York, 1943. p. 549.
 32. Wright, Frank Lloyd. *An Autobiography*. Duell, Sloan and Pearce, New York, 1943. p. 548.

Антипина-Тернер Катерина – дизайнер (Лондон)

Багина Елена Юрьевна – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Боков Андрей Владимирович – доктор архитектуры, действительный член Российской академии архитектуры и строительных наук, президент МААМ, Народный архитектор России (Москва)

Булгакова Елена Александровна – кандидат архитектуры, советник РААСН, зав. кафедрой архитектуры Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института, профессор Российской академии естествознания, член Союза архитекторов России

Головицкая Ирина – директор мастерской урбанистики свободного образовательного проекта «Летняя школа» (Москва)

Григорьева Анна Сергеевна – переводчик АНО «Востоксибакадемцентр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – член-корреспондент РААСН, вице-президент СА России, лауреат Государственной премии РФ, Заслуженный архитектор РФ

Домрачева Анна – филолог, ведущий специалист по связям с общественностью туристической ассоциации «Мир без границ» (Москва)

Дятлова Елена Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры сервиса и сервисных технологий факультета сервиса и рекламы Иркутского государственного университета

Железняк Ольга Евгеньевна – кандидат искусствоведения, зав. кафедрой дизайна Института изобразительных искусств и социально-гуманитарных наук ИРНИТУ, профессор, действительный член Международной академии наук о природе и обществе

Зыков Сергей Николаевич – председатель правления СРО «Ассоциация проектировщиков Кузбасса», председатель правления Кемеровской региональной организации СА России

Капустин Петр Владимирович – зав. кафедрой архитектурного проектирования и градостроительства Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, профессор

Коваль Наталья Александровна – совладелец, главный архитектор проектов ООО «Мастерская архитектуры и дизайна ФОКС» (Иркутск)

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента Иркутского государственного университета путей сообщения

Меерович Марк Григорьевич – доктор архитектуры, доктор исторических наук, член-корреспондент РААСН, член-корреспондент МААМ, профессор ИРНИТУ, Заслуженный архитектор России

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член СМА, член Союза дизайнеров России (Латвия)

Руденко Артём Николаевич – директор по связям с общественностью ООО «Термит» (Красноярск)

Смирнова Ольга Федоровна – главный архитектор ландшафтной фирмы «Сады Семирамиды», член правления Красноярской организации СА России

Спенсер, Брайан А. – архитектор, член Американского института архитекторов, иностранный член РААСН, профессор и академик Международной Академии Архитектуры (США)

Станишев Георги – архитектор, теоретик и критик архитектуры (София, Болгария)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Байкальского государственного университета, сотрудник Центра независимых социальных исследований (Иркутск), член Союза журналистов России

Товмасьян Эдуард Ованесович – Заслуженный архитектор РФ, советник Российской академии архитектуры и строительных наук (Москва)

Урванцев Владислав – редактор журнала «Городское хозяйство» (Москва)

Хорн, Кристиан – архитектор, градостроитель, архитектурное бюро Rethink (Франция)

Чуфарина Марина – юрист, специалист в области законодательства об охране объектов культурного наследия (Нижегород)

Ekaterina Antipina-Turner – designer (London)

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Andrei Bokov – Doctor of Architecture, academician of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), president of IAAM, national architect of the RF (Moscow)

Elena Bulgakova – Ph.D. in Architecture, advisor of RAACS, head of the Architecture Department at Moscow Information and Technological University – Moscow Architecture and Construction Institute, professor of Russian Academy of Natural History, member of the Union of Architects of Russia (UAR)

Irina Golovitskaya – director of the urban studies department in non-commercial educational project "Summer School" (Moscow)

Anna Grigorieva – translator, ANO Vostoksibacademcenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – corresponding member of the RAACS, vice president of the UAR, member of IAAM, laureate of the RF State Prize, honored architect of the RF

Anna Domracheva – philologist, leading PR specialist of the Travel Association "The World Without Borders" (Moscow)

Elena Dyatlova – Ph.D. in History, Ass. Professor of the Department of Service and Service Technology of the Faculty of Service and Advertising at Irkutsk National Research Technical University (INRTU)

Olga Zheleznyak – Ph.D. in Art History, head of the Department of Design at Institute of Fine Arts, Humanities and Social Sciences of INRTU, Professor, full member of the International Academy of Nature and Society Sciences

Sergey Zykov – chairman of the Board of SRO "Association of Project Designers of Kuzbass", chairman of the Board of the Kemerovo regional organization of the UAR

Petr Kapustin – head of the Department of Architectural Design and Town Planning at Voronezh State University of Architecture and Construction, professor

Natalia Koval – co-owner, architect as project manager of the FOX Architecture&Design (Irkutsk)

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, Ass. Professor of the Department of Management at Irkutsk State University of Railway Engineering

Mark Meerovich – Doctor of Architecture, Doctor of Historical Sciences, corresponding member of the RAACS, corresponding member of IAAM, Professor of INRTU, honored architect of the RF

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, member of the Union of Moscow Architects, member of the Union of Designers of Russia (Latvia)

Artem Rudenko – PR director of ООО Termit (Krasnoyarsk)

Olga Smirnova – chief architect of "Semiramida Gardens" Landscape Company, member of the UAR (Krasnoyarsk)

Brian A. Spencer – architect, member of American Institute of Architects, foreign member of RAACS, Academician and Professor of IAA (USA)

Georgi Stanishev – architect, architecture critic (Sofia, Bulgaria)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor of the Department of Philosophy at BSUEL, member of the Center for Independent Social Research (Irkutsk), member of the Union of Journalists of Russia

Eduard Tovmasyan – honored architect of the RF, advisor of the RAACS (Moscow)

Vladislav Urvantsev – editor of the magazine "Gorodskoe Khozyaistvo" (Moscow)

Christian Horn – architect, urban planner, office Rethink (France)

Marina Chufarina – lawyer; specialist in legislation on cultural heritage preservation (Nizhny Novgorod)

КОМПАНИЯ «ВЫБОР» — ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬ ТРОТУАРНОЙ ПЛИТКИ
И ЭЛЕМЕНТОВ БЛАГОУСТРОЙСТВА

СОВРЕМЕННЫЙ ЗАВОД В КРАСНОЯРСКЕ — ПРЕМИАЛЬНОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО ДОСТУПНО СИБИРИ!

17 ЛЕТ УСПЕШНОЙ РАБОТЫ ПОЗВОЛИЛИ СТАТЬ ЛИДЕРАМИ В ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА ТРОТУАРНОЙ ПЛИТКИ

- **27 млн.м2**
благоустроенной территории,
в том числе на Олимпийских
объектах в Сочи
- Наша продукция ежегодно становится
победителем конкурса
**«100 ЛУЧШИХ
ТОВАРОВ РОССИИ»**
- Постоянный строгий
КОНТРОЛЬ КАЧЕСТВА
на всех этапах производства
осуществляется аттестованными
лабораториями

- Эксклюзивные цветовые решения
«ЛИСТОПАД» являются
запатентованным товарным знаком

- **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ
КАЧЕСТВО** всей продукции
подтверждено экспертами целевой
«Программы качество»

- Вся линейка торговой марки
«ВЫБОР» производится на самом
современном **ЕВРОПЕЙСКОМ
ОБОРУДОВАНИИ**

- **10 ЛЕТ ГАРАНТИИ**

- Продукция «ВЫБОР» популярна
в **64 РЕГИОНАХ** страны
от Чёрного моря до Архангельска
и Владивостока

ВЫБОР.РФ

8-800-77-00-110